

Черных Иван

Школа террористов

Часть первая

НОЧНЫЕ ТЕНИ

1

День был суматошный и невезучий, будто меня преследовала злая фея: полдня я мотался за известным летчиком-испытателем Мухиным, установившим новый мировой рекорд, чтобы взять интервью, которое надо было сдать в номер, потом писал и переписывал - главному не нравилось то одно, то другое, - потом отстаивал материал в секретариате - дежурному он показался большим. В итоге на свидание с Диной не успел, приехал домой усталый и злой уже в одиннадцатом часу, поужинал и лег спать. Едва задремал, как зазвонил телефон. Вставать и разговаривать с кем бы то ни было не хотелось, и я с полминуты лежал, не снимая трубку и проклиная того изобретателя, кто придумал эту беспокойную штуку.

Телефон продолжал трещать, и я не выдержал.

- Слушаю! - ответил, не скрывая раздражения.

- Игорь Васильевич, беда! - захлебываясь от волнения, сообщил сторож нашей автостоянки Сурен Самсонович, преклонных лет мужчина, которого мы взяли на работу с месяц назад. - Максим Петрович в своем гараже, кажись, скончался. Скорее приходите.

Я онемел от такого известия: Максим Петрович Сарафанкин, наш начальник автостоянки, крепкий, здоровый отставной полковник, с которым мы только вчера отмечали его шестьдесят первый год. У меня не укладывалось в голове... Я переспросил:

- Кажись или... на самом деле?

- Кажись, на самом деле. Не дышит.

- "Скорую" вызывали?

- Нет еще. Да вы скорее сюда, тут такое... Сурен что-то не договаривал. И я, одевшись в одну минуту, помчался на автостоянку.

То, что увидел, ошарашило меня ещё сильнее: в машине на откинутых сиденьях в неприличных позах лежали двое - Максим Петрович и Светлана Борисовна. Пальто и кофта у неё расстегнуты, юбка задрана... На полке заднего сиденья - бутылка из-под коньяка, почти пустая, яблоки, конфеты...

Мотор машины работал, и в гараже стоял густой запах отработанных газов.

Драма происшедшего мне показалась ясной. Сурен Самсонович подтвердил мое предположение:

- Я смотрел телевизор. Все разошлись. Максим Петрович часа три назад проехал в гараж и, я думал, тоже давно ушел. Потом выключил телевизор, пошел обход делать. Слышу, мотор работает. А света нет, все тихо. Двери прикрыты.. Я видел его с женщиной, думаю, мало ли что. Позвал. Молчит. Думаю, может, забыл заглушить, заговорился с кем-то и бросил так. Позвал еще. Молчит. Открыл, включил свет. А они.. Что теперь делать?

Голос Сурена Самсоновича дрожал и срывался, руки тряслись. Не в лучшем состоянии был и я Может, в худшем: к случившемуся я имел непосредственное отношение. Светлана Борисовна, молодая симпатичная женщина, жена знакомого летчика, погибшего года полтора назад, не давала мне проходу: "Помоги поставить машину на автостоянку". Я хотя и являлся председателем стоянки, выполнить её просьбу не мог: все места были заняты, а кто продавал машину или уходил, его гараж занимал очередник. Так, во всяком случае, требовал разработанный нами и принятый на общем собрании автолюбителей устав Максим Петрович, правда, не всегда придерживался его параграфов, но я и члены правления всецело полагались на Петровича - он лучше знал, кто вносил больший вклад в автостоянку или мог

вложить в перспективе, да и все мы были слишком заняты по службе, по работе, чтобы вести строгий учет и контроль очередников, потому не вмешивались в функции начальника стоянки. Так я и объяснил три дня назад Светлане Борисовне.

- В таком случае, сведи меня с Максимом Петровичем, - попросила она.

Я свел. И вот что из этого получилось... Наконец я пришел в себя и выключил двигатель.

Щупаю руку Максима Петровича в надежде уловить пульс - рука уже холодная. У Светланы Борисовны тоже.

- Звони в милицию, - сказал я Сурену Самсоновичу

- А не в "Скорую"? - неуверенно переспросил он.

- "Скорая" уже не поможет.

Милиция приехала минут через двадцать, пять человек: трое в форме и двое в штатском. Один сразу же стал щелкать фотоаппаратом. Я объяснил капитану - он был старшим по званию, - что произошло: сторож все ещё заикался от страха и мямлил.

- Надо было сразу вызывать, - набросился на нас капитан. Понаследили... Понатоптали, теперь сам черт не разберет...

- Здесь дышать нечем было, - попытался я оправдаться.

- Дышать, - сердито повторил капитан. - Давно он имеет машину? кивнул на Максима Петровича.

- Сколько я его знаю, всегда была.

- А гараж?

- Гаражи мы только осенью построили.

- Все ясно, погрелись! - захохотал молодой, хорошо упитанный лейтенант. - Не от болезней, не от старости, а от любви. И жена есть?

Я кивнул. И подумал: как теперь сообщить ей? У меня по спине пробежал холодок. Жену Максима Петровича я видел раза два, не знаю, сколько ей лет, но выглядела она намного старше его: заплывшая жиром, сварливая и злая. Иногда Максим Петрович целыми днями пропадал на стоянке, чтобы не видеть её, и его любовные приключения меня не удивили; удивило другое - невероятно быстрая податливость Светланы Борисовны, жившей в нашем доме и в нашем подъезде, которую все считали женщиной строгой и высоконравственной. Хотя ради гаража... И Максим Петрович был крепким симпатичным мужчиной, умел говорить и уговаривать...

Потом были приглашены понятые, состоялся первый нелюбезный разговор со следователем, а точнее, допрос, который он вел бестактно и предвзято.

- ...Гражданка Бакурская (Светлана Борисовна) не является членом стоянки, что ей нужно было в гараже?

Почему сторож в самый ответственный момент телевизор смотрел, а не за порядком?... Бардак вы устроили здесь, гражданин председатель, а не автостоянку...

Такие обвинения сыпались, как из рога изобилия. Хотелось послать гражданина следователя как можно подальше, но я сдерживался чувствовалось, он тоже не в своей тарелке; кому приятно в сыкотную весеннюю ночь заниматься происшествием - обострять отношения было не в моих интересах

Домой я вернулся в четвертом часу, накаленный до предела. Сон как рукой сняло, внутри все клокотало; ни работать, ни спать я не мог. А завтра, нет, уже сегодня, предстояло ехать в командировку в отдаленный гарнизон, расследовать по письму жалобу. Там жалоба, а тут.. целое следствие. Из вопросов следователя я понял, что с заключением капитана: "Тут все ясно" - смерть-де наступила из-за отравления выхлопными газами, он не согласен. Расспрашивал, кто вечером был на стоянке, переписал всех, снова упрекнул меня, что не ведем запись, в какое время кто приехал и уехал (словно у нас на стоянке такой штат, как у них в милиции), допытывался, был ли начальник стоянки с кем-нибудь в конфликтных отношениях, на что я в горячке ляпнул: "Хотел бы я увидеть человека, который живет без конфликтов", - и тут же пожалел о сказанном: необдуманная фраза вызвала новую кучу

вопросов: "С кем именно?.. На какой почве?.. Когда это было?.. Что за люди, с кем конфликтовал начальник стоянки?.."

Я ходил по комнате не раздеваясь, думая о случившемся, негодуя на следователя: что он ко мне прицепился? Мало ли что могло произойти на стоянке в мое отсутствие; в Уставе автолюбителей не записано, что за все несет ответственность председатель. Да и что это за должность? Мне за неё даже не платят. Еще в бытность формирования нашей первичной организации автолюбителей, желающих ходить по инстанциям, выпрашивать землю, разрешение на строительство гаражей не нашлось, и Максим Петрович уговорил меня: "Ты журналист, любую бумагу составить можешь, и с тобой считаться будут. А все остальное я беру на себя.."

И я согласился. О чем потом пожалел не раз.

Я был сугубо военным человеком: вначале летчиком, потом, по иронии судьбы, корреспондентом центральной газеты Министерства обороны - армия, оказалось, много проедает средств, а поскольку наши враги стали нашими друзьями и военная опасность миновала, незачем держать такую ораву; я же, к счастью или несчастью, учился заочно в Литературном институте, писал стихи, статьи, рассказы, и когда попал, как летчик, под сокращение, мне предложили работать в "Красной звезде". Так вот, как бы армию ни ругали, какие бы ярлыки ей ни навешивали, там все-таки был порядок. А когда я пошел по исполкомам, в Моссовет, в ГлавАПУ и по другим гражданским организациям, у меня волосы дыбом встали: удивительно непробиваемая стена, закостенелая бюрократия, высокомерие, помноженное на уверенность в свою безнаказанность.

Два года мы ходили по инстанциям, вымаливая место для автостоянки - у домов держать автомашины стало просто невозможно - то колеса поснимают, то стекло разобьют, то вообще угонят. Наконец районное начальство сжалилось над нами, выделило участок под временную открытую автостоянку на сто мест. Взяло подписку: при первом требовании без всяких претензий место освободить. Но лучше временную, чем никакую.

Закипела работа: сбросились по сотне, купили сетку, столбы, будку для охраны. Даже двух собак завели. И вот машины под охраной. Но не прошло и года, как последовало предписание: "Ввиду намеченного строительства магазина просим площадку освободить.."

Мчусь в исполком, к районному архитектору. Солидные дяди пожимают плечами: "Ничего поделывать не можем. Вас предупреждали, вы дали подписку.. ""В таком случае найдите нам другое место". - "Подумаем, поищем. Но вы освободите.."

Сколько я потом сбил каблучков о пороги их кабинетов, пока они думали, искали!

Нашли. А вскоре все повторилось сначала.

В других микрорайонах выросли уже целые гаражные крепости, а нас как футбольный мячик гоняли с места на место. Вот тогда-то и сказал мне Максим Петрович:

- Знаешь, почему нас за нос водят?

Я догадывался, но вслух не решился высказаться: нам начальники в чем-то помогали.

- Не с той стороны мы подходим и не с теми словами, - пояснил Петрович. - Помнишь, как Ходжа Насреддин говорил Джафару, когда из пруда его вытаскивал: "На, на..." А мы: "Дай, дай".

Посмеялись.

- Такой вариант мне не подходит, - возразил я.

- Понятно, - кивнул Максим Петрович. - Тебе ещё служить. А мне терять нечего. Придется пострадать за общее дело. Созывай, председатель, собрание. Скинемся ещё сотни по две, по три. Если посадят, надеюсь, принесешь передачу...

Не посадили...

Да, Максим Петрович был третий мужик, ловкий, предусмотрительный. Но как он не предусмотрел, что в закрытом гараже в два счета угореть можно? Сильно был пьян?.. Он никогда не напивался. Потерял голову от любви? Такого тоже не могло случиться: человек он осторожный, расчетливый, умел, хвастался сам, даже из любви извлекать пользу - ещё курсантом женился на дочке начальника училища; теперь и вообще "помудрел", не отважился

бы в машине заниматься любовью, когда у Светланы Борисовны имелась отдельная квартира.

Так что же произошло?

"Был ли у начальника стоянки за последнее время с кем-нибудь конфликт?" - вспомнился вопрос следователя.

Еще какой! И не один.

Незадолго до начала строительства гаражей (о разрешении мы с Максимом Петровичем пока не распространялись, чтобы избавиться от лишних просителей) Сарафанкин шестерых автолюбителей выгнал со стоянки: двоих за пьянку, четверых за то, что более года держали машины в другом месте. Последние повозмущались, посетовали и махнули рукой - не пропадем. А вот пьяницы... Они угрожали Максиму Петровичу принародно и по телефону. Он даже участковому жаловался.

Говорят, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Вероятно. Обоих выпивох я хорошо знал, и оба, попадись им Максим Петрович в темном переулке, не упустили бы случая покуражиться над ним. Но никаких телесных повреждений на трупах следователь не обнаружил. И пьяницы не тронули бы женщину. Да и проникни они на автостоянку, кто-то бы их увидел...

Обогрев в кабине был включен на всю мощность, двери и форточки машины герметично закрыты, но газ все равно бы проник в салон, и не учуять его мог только человек, лишенный обоняния. А их-то было двое...

Что скажет экспертиза?

Что бы ни сказала, а меня ещё потаскают по следствиям. И кто знает, как отразится это на службе. Совесть мучила меня - зачем только я свел Светлану Борисовну с Сарафанкиным и почему не признался в этом сразу. Рано или поздно это может вскрыться, и тогда мне несдобровать.

2

Утром я приехал на службу с тяжелой от дум и бессонницы головой. Решил сразу доложить главному о ситуации и отпроситься от командировки, а он ещё не появился. Зашел в кабинет, телефонный звонок. Как и прошедшей ночью, мне очень не хотелось снимать трубку, но телефон не переставал трезвонить. Прибежал из соседнего кабинета старший консультант, удивленно уставился на меня. Пришлось взять трубку.

- Капитан Семиречин слушает.

- Следователь Анчуткин. Срочно приезжайте в отделение.

- Я ещё главному не доложил.

- Потом доложите. Или я сам позвоню. Меня бесил его безапелляционный тон, словно я преступник или он мой непосредственный начальник.

Снова захотелось послать его подальше.

- Не кажется вам, что вы слишком много на себя берете? - решил я охладить его пыл. - Во-первых, я вам не подчинен. Во-вторых, что касалось смерти Сарафанкина, все вам сообщил. И в-третьих, я убываю в командировку.

- Послушай, капитан, - перешел следователь на "ты", и в его голосе зазвучали железные нотки. - Не строй из себя генерала Во-первых, речь идет не о смерти Сарафанкина Во-вторых, ты был на стоянке, когда свершилось преступление, и у меня есть все основания считать тебя причастным к нему. В-третьих, если будешь артачиться, я поставлю вопрос перед прокурором о взятии тебя под стражу

У меня голова закружилась, словно Анчуткин трахнул по ней увесистым кулаком. Неужели ему стало известно, что я свел Сарафанкина с Бакурской? Ну и что из того? Я не видел его на стоянке и даже не знал, что он в гараже. Товарищ следователь берет на понт. Да какое он имеет право?

- Послушайте теперь вы меня, неудавшийся Пинкертон, - пришел я наконец в себя - Может быть, вы года на два и старше меня, но чай с вами за одним столом мы не распивали и в друзьях никогда не значились, так что извольте разговаривать как положено, на "вы",

даже если считаете меня преступником В противном случае вам действительно придется обращаться к прокурору - И повесил трубку Пусть поразмыслит на досуге, всегда ли хорош метод ошарашивания, грубости и вседозволенности, призадумается, можно ли поддаваться эмоциям, первому умозаключению о виновности человека

Я спустился в приемную главного редактора и стал ждать От нечего делать попытался почитать газету, но даже смысл вчерашнего моего интервью не доходил до сознания Хорошо еще, что ждать пришлось недолго

Генерал внимательно выслушал меня, даже не снял трубку, когда звонили - не иначе, Анчуткин, - покрутил с улыбкой головой.

- Сколько, говоришь, этому Сарафанкину?

- Шестьдесят один.

- А женщине?

- Лет сорок.

- Силен отставник, - откровенно рассмеялся главный - Ну что ж, весело жил, красиво умер. Кстати, это не первый случай отравления угарным газом А тебе что переживать? Отношения у вас были нормальные?

- Хорошие. Доверяли друг другу.

- Вот и отлично. А если вместе с Сарафанкиным шуры-муры крутили, придется ответ держать.

Главный шутил А мне было не до шуток.

- Следователь требует, чтобы я в командировку не уезжал.

Главный подумал.

- Ну что же, не к спеху А лучше я велю послать другого.

Снова раздался телефонный звонок. Беседа наша была закончена, и генерал снял трубку.

Я не ошибся - Анчуткин, - понял по ответам. По мере того как следователь что-то говорил, лицо главного мрачнело Наконец он сказал: "Хорошо, сейчас я его пришлю" - и положил трубку Потом посмотрел на меня то ли осуждающе, то ли сочувствующе.

- Что ж, поезжай И грубить власти не советую. Это его долг допрашивать подозреваемых и совсем невиноватых, чтобы выявить преступника.

Следователю было года тридцать два, видимо, ему впервые доверили такое дело, потому он сразу решил, что в гибели двух умудренных жизненным опытом людей виновата не глупость, а зло - кто-то приложил к этому руку Но мой отпор возымел на него действие он пригласил сесть, достал из стола несколько листов бумаги и сказал примирительно:

- Извините, я со вчерашнего утра не был дома и спал часа два: не закончил одно дело, тут другое. Даже из нашей организации бегут в кооператив - платят-то гроши. Кому хочется жить на хлебе и воде?

И я искренне посочувствовал ему - действительно, органам правопорядка нынче живется несладко - преступность растет, цены на рынке бешеные, а оклады сотрудников мизерные. Один мой сосед, работавший в милиции, ушел в сторожа на дачные участки. Теперь посмеивается, получает в три раза больше, сутки отдежурил, трое дома, курорт, а не житуха. А в милиции ни днем ни ночью покоя не было, и в любой момент мог пулю схлопотать...

Но я промолчал - мало ли какие бывают неурядицы, а свой норов надо уметь сдерживать.

- Напишите все, что вы знаете о Сарафанкине и что имеет отношение к случившемуся - как строили гаражи, с кем имели дело, какие конфликтные ситуации возникали - это очень важно.

"Ага, значит, все основания считать меня причастным к гибели начальника стоянки отпали" И воспользовавшись его сменой настроения и доверительным ко мне отношением, я спросил:

- Коньяк?

Анчуткин помотал головой.

- С коньяком все в порядке. Да и надо быть идиотом, чтобы подсунуть яд в коньяк.

- Бутылку могли заменить, - начал я рассуждать логически, неожиданно обнаружив, что во мне тоже пробуждается следовательский синдром.

- Верно, могли. Но с коньяком все в порядке. - Спихватился, посерьезнел. - В общем, следствие разберется. А то, что был с вами не очень-то тактичен, извините: порядки у вас на стоянке, прямо скажу, далеко не идеальные. - Подсунул мне пачку листов. - Опишите поподробнее все ваши совместные с начальником стоянки дела по гаражам, как отбирали кандидатов на автостоянку, кто остался неудовлетворенным...

- Ого! - не удержался я. - Таких сто пятьдесят человек: гаражи мы просили на двести пятьдесят человек, а дали нам только на сто.

- Ну, наиболее недовольных, что ли, - пояснил следователь, - с кем, какие отношения имели, какие возникали трудности, трения. Кто распорядился деньгами, как шла оплата. В общем, все то, что имеет отношение к вашей автостоянчной деятельности

- Этак мне и суток не хватит.

- Ну, повесть писать не надо, - сострил следователь. - А то знаю я вас, журналистов.

- Все-таки вы, надеюсь, разрешите мне заняться этим дома? Я тоже ночь не спал.

- Можно и дома. Только чтоб завтра утром объяснительная была у меня на столе...

Я ломал голову, с чего начать. Объяснительную оказалось написать труднее, чем статью, очерк, стих. Кто и как нам выделил землю под автостоянку - это само по себе целое уголовное дело, в котором окажутся замешанными ответственные работники райисполкома, Моссовета и ГлавАПУ. Когда мы к ним обращались, они тянули не только время. Даже когда выделили землю, строить крытую стоянку не разрешили. Тут же нашелся посредник, председатель районного общества автолюбителей:

- Есть человек, который возьмет на себя обязательство добиться разрешения на строительство металлических боксов. Разумеется, не бесплатно...

Как мы отбирали претендентов? Поговорили на совете, единодушно одобрили, что в первую очередь нужно включить в список ветеранов войны, активных автолюбителей, кто помогал пробивать административную бюрократическую стену и кто в перспективе чем-то мог помочь в строительстве гаража. Список составлял Максим Петрович.

Не обошлось без скандалов. Сарафанкин успокаивал "невключенцев": "Лед тронулся, товарищи. Сегодня дали сто, завтра обещают ещё на двести. А кто будет скандалить, останется вообще за бортом, вы меня знаете, слов я на ветер не бросаю".

И очередники затихли, если не считать пьяных наскоков Закурдаева и Опыляева, исключенных из списка ранее и время от времени появлявшихся на стоянке с угрозами расправиться с "гражданином начальником"...

Председатель районного добровольного общества автолюбителей свел нас с "нужным человеком", снабженцем одной из ведомственных поликлиник Лазарем Абрамовичем Гарфинкелем, возглавляющим по совместительству строительный гаражный кооператив. Гарфинкель затребовал с каждого претендента по сто пятьдесят рублей. Мы согласились: лучше переплатить, чем держать машину под открытым небом, где никакие мовили и консерванты не спасают от ржавчины.

Гаражи, несмотря на трудности с железом, шифером, Гарфинкель построил нам за месяц, и осенью мы справили новоселье. А в начале весны Максим Петрович сообщил мне по секрету, что договорился с Лазарем Абрамовичем на пристройку к нашим боксам ещё пятидесяти. Только теперь председатель кооператива цену за услуги поднял до двухсот рублей. Автомобилисты посетовали между собой: "Мало того что за каждую коробку, которая в базарный день стоит не дороже пятисот, сдирает двойную цену, и тут ещё умудряется сорвать". Но другого выхода не было.

Очередников Максим Петрович отбирал ещё тщательнее, и несмотря на то что делал это в строжайшей тайне, фамилии счастливицков вскоре стали известны, и снова разгорелся скандал: почему его, а не меня.

В один из вечеров у автостоянки состоялся целый митинг. Число недовольных росло. Некоторые все зло видели в начальнике стоянки, который предпочтение отдает непонятно откуда появившимся "пронырам", требовали отстранения его от должности.

Попросил слова Максим Петрович.

- Мавр сделал свое дело, мавр может уходить, - начал он звенящим от негодования голосом. - Да, я могу уйти, не очень-то держусь за эту должность. Сто рэ - эко капитал, уборщицы сейчас больше получают. Но где ваша совесть, товарищи автомобилисты, где ваша благодарность? Что, я для себя эти все гаражи строю, только о себе забочусь? Где вы были, когда я высунув язык мотался от одного начальника к другому? Много помогали? А требуете: вынь да положь сразу всем гаражи. Да, сто человек мы обеспечили, сейчас еще, можно сказать, пятьдесят выбили. Да, в список претендентов включено десять новых членов, двух рекомендовал исполком, двух ВДОАМ, трех - милиция, трех - общественная инспекция. Может, откажем им? Тогда и вы ни хрена не получите. Устраивает вас такая перспектива?

- Да чего ты их слушаешь, Максим Петрович! - заорал из толпы могучий детина с красной физиономией - не иначе, был под хмельком - Кому не нравится, пусть в другую организацию топает. А мы тебе доверяем...

И пошло-поехало. Максима Петровича чуть не умолять стали, чтобы остался начальником стоянки

И только теперь я полностью осознал, как люди были правы: кто сможет его заменить? А пристройка только началась. Строители завезли трубы, металл, но варить ещё не начали. Разумеется, недовольных Максимом Петровичем осталось немало, но таких, которые могли бы пойти на преступление, назвать я не решился бы.

Что же касается деловых отношений Максима Петровича с подрядчиками, то там все шло как по маслу он знал, как вести себя с ними, заранее все обговаривал и скреплял обязательства подписями в договоре.

Следователь просил назвать всех пофамильно, и вот тут-то я, к своему стыду, обнаружил, что знаю только троих - Гарфинкеля, председателя кооператива, Гусарова, бригадира строителей, да Горалина, нового подрядчика. Еще троих видел мельком, когда строили гаражи, но как их фамилии, имена - понятия не имел. А возможно, кто-то из них приложил руку к убийству Максима Петровича. Светлана Борисовна, несомненно, попала в эту ситуацию случайно.

Кому так насолил Максим Петрович или кому здорово мешал, что он пошел на убийство? Из-за обиды и даже из-за того, что лишился гаража, умный человек на преступление не отважится. А пьяница... Мне однажды довелось видеть, как в горячке сосед соседа - недавние закадычные друзья - ножом пырнул... Но то в горячке, а тут тщательно продуманное убийство.

И хотя мое дело было описать лишь увиденное и услышанное, голова шла кругом: кто, почему?

3

На похороны Максима Петровича собралась уйма народу: пришли не только соседи, друзья по автостоянке, но и просто знакомые. Об истинной причине смерти ни я, ни сторож, ни понятые не распространялись (следователь настрого предупредил), говорили, что скончался от сердечного приступа, и никто ни на минуту не усомнился в этом - Сарафанкин частенько жаловался на боль в сердце.

Похороны родные устроили пышные. Из морга привезли гроб, обитый красным бархатом, в квартиру, чтобы смогли проститься стар и мал, все, кто знал Максима Петровича, и "чтобы он в последний раз побыл в своем родном гнездышке, которому отдал немало сил и здоровья".

Я впервые попал в это "гнездышко" и ещё раз убедился, что Максим Петрович был человек деловой и хозяйственный: трехкомнатная квартира сверкала дорогой полированной мебелью, хрустальными люстрами; на полу и стенах - красивые ковры; на кухне - все заграничное - электроплита, шкафы, краны... И жена, видно, под стать мужу, любила

порядок в доме. И поминки она устроила царские: несмотря на только что наступившую весну, на столе были огурцы, помидоры, всяческая зелень, не говоря о таких деликатесах, как севрюжий бок, чавыча, сервелаты и паштеты. В водке тоже ограничения не было.

- Петрович любил выпить и вкусно поесть, - промокая глаза, пояснила такое изобилие вдова.

Народу на поминках, правда, было немного, человек двадцать, родственники и друзья. Меня Сарафанкина пригласила, видимо, потому, что пришлось вместе с её сыном, тоже офицером, мотаться по похоронным конторам, доставая гроб, венки, выбивая место на кладбище. И чувствовал я себя за столом довольно неуютно - все незнакомые, чужие лица.

Со мной рядом оказался мужчина лет шестидесяти, назвавшийся Василием Васильевичем, - коренастый, приземистый крепыш с хитровато-озорными глазками, так не вязавшимися с траурной обстановкой, он почти не выпускал из рук бутылку "Золотое кольцо", подмигивал мне и наливал в рюмку водки, опорожня её одним глотком, укорял меня:

- Что ты, в самом деле, как девица красная. Или ты не уважал Максима Петровича, не хочешь помянуть его по русскому обычаю, чтоб ему и там не скучно было?

Я объяснял, что и так уже захмелел, он не отставал до самого ухода. Два раза выступал с поминальной речью, воздавая должное покойному за "широкую натуру, русскую смекалку, умение строить жизнь".

Он, можно сказать, один опустошил "Золотое кольцо" и взялся за "Столичную". Язык у него заплетался, но глаза, обратил я внимание, были трезвые, и мне показалось, что он временами буравит ими шкафы, сервант и антресоли, словно хочет разглядеть, что за их стенами. И я испугался: у меня словно начиналась мания подозрительности - в каждом ищущем убийцу Сарафанкина.

Выбрав удобный момент, я вылез из-за стола и покинул трапезную на английский манер - не попрощавшись ни с кем.

Видимо, поминки не оставили бы следа в моей памяти, если бы на следующий день Максим Максимыч, сын Сарафанкина, осматривая машину отца, не спросил:

- А кто этот ваш приятель, что сидел рядом, и какие у него были отношения с отцом? Я удивился.

- Я видел его впервые. И какие у него были отношения с отцом - понятия не имею.

- Надрался до чертиков, пришлось оставить его ночевать, - в задумчивости высказал свое неудовольствие Максим Максимыч. - А на рассвете я проснулся, смотрю, шарит в книжном шкафу. Спрашиваю, вам чего? Опохмелиться, говорит, не найдется? Башка трещит. Пришлось опохмелять. С трудом выпроводил его.

Все-таки в меня прочно уже вселился следовательский синдром.

- А мать не знает этого человека? - спросил я.

- В жизни никогда не видела и ничего о нем от отца не слышала.

- Кто же его пригласил на поминки?

- Я думал, он с вами, со стоянки...

Картины, как приземистый крепыш шарит в книжном шкафу, как стреляет из газового пистолета в лицо Максиму Петровичу, а затем Светлане Борисовне, как включает зажигание мотора, прикрывает ворота гаража, замелькали в воображении.

Кто же он, этот человек? Что искал в квартире Сарафанкина?

4

Прошла неделя после гибели Максима Петровича и Светланы Борисовны. Следователь каждый день появлялся на нашей стоянке, беседовал то с одним, то с другим, но ничего вразумительного, похоже, не нашел. На мою очередную гипотезу: а не в любовном ли треугольнике дело - мог же у Максима Петровича ревнивый соперник объявиться, - с усмешкой хмыкнул:

- Может, никто и не убивал их, отравились выхлопными газами.

- А медицинская экспертиза?

- Нашим медикам только поросят кастрировать. "Можно предположить... Вполне вероятно..." Предположить, откуда вынуть, куда положить, мы и сами мастаки. А сказать точно - у них, видите ли, аппаратура не позволяет.

Да, пыл Анчуткина заметно поубавился, а во мне, наоборот, росла уверенность в злодеянии и в том, что убийца вольно или невольно дал нам козырь в руки.

- А мужчина на поминках? Что ему надо было в квартире Сарафанкина?

Анчуткин криво усмехнулся.

- Что надо алкоголику? Напиться, нажраться на дармовщину.

- Но на алкоголика он не был похож.

- А сам рассказывал и написал, что водку лакал, как воду.

- Лакал, но не пьянел.

- Пока чуть за столом не уснул. Знаю я эту братию. "Знает он, хвастун несчастный. Первый раз настоящее дело доверили, и загубит его", - шился я.

- А если он специально, чтобы остаться?

- Зачем? Какие могли быть у Сарафанкина компрометирующие документы? Все автомобильные и гаражные дела, которые он в своем сейфе держал, я уже забрал.

Будто бы и убедительно, но внутренний голос говорил мне совсем другое, и я сказал, не сдерживая раздражения:

- Тогда завершайте быстрее. У нас из-за вас строительство приостановилось.

- Почему это из-за нас? - не согласился Анчуткин. - Кстати, вчера здесь был представитель районной общественной инспекции, интересовался дополнительным разрешением на пристройку пятидесяти гаражей. В тех бумагах, которые лежали в сейфе, разрешения нет. Вот, видимо, потому и прекратили строительство.

- Может, дома? - неуверенно спросил я скорее себя, зная, что автостояночные дела Максим Петрович никогда домой не брал.

- Нет, я звонил.

Вот так незадача! А без разрешения при сегодняшней ситуации нам быстро все каналы перекроют.

Где же документ? Документ, за который каждый претендент на гараж заплатил двести рублей, не считая стоимости самого гаража и строительства только за разрешение на пристройку. Максим Петрович накануне был у Гарфинкеля и сказал мне, что все в порядке. Мы заключили договор с подрядчиком... Как же его фамилия?.. Это был уже не Гусаров. Вспомнил Рогалин. К сожалению, ни телефона, ни других его данных у меня не имелось. Должны быть у казначея, собиравшего деньги и расплачивавшегося с ним. Звоню ему. Он уже в курсе дела, даже больше, чем я.

- Рогалин предупредил меня - вас он не нашел, - что районная инспекция запретила производить работы, пока не будет подписано разрешение, - сказал казначей Скормилец.

- Разве разрешения не было? - удивился я.

- Устное было. И Максим Петрович говорил, что Гарфинкель на днях подпишет и пришлет.

С Гарфинкелем мне связаться не удалось: ни на работе, ни дома его не нашли. Знаю, что Сарафанкин ловил его по утрам в поликлинике. Решил и я завтра же отпроситься со службы и навестить нашего "спонсора".

Утром только я появился в редакции, позвонила Дина - сама разыскала, мне с этим следствием было не до нее.

- Ты где пропал? - спросила она своим милым веселым голосом. - Я уж думала, не в Афганистан ли улетел.

- У меня тут свое внутреннее положение не лучше, - ответил я на её шутку. - Столько всяких проблем...

- Так я тебе помешала?

- Ну что ты. Я очень рад и благодарен тебе. А где ты телефон мой раздобыла?

- О-о! Штирлиц такой вопрос не задал бы, - уколола она меня за несообразительность.

Действительно, зная мою профессию - я проговорился в Доме журналистов, где познакомился с ней накануне происшествия, - не трудно было узнать и телефон, и адрес.

- У Штирлица кругом были враги, а тебя же я к ним не могу причислить? - парировал я.

- А к друзьям?

- Посмотрим на твоё поведение.

- Так в чём же дело? У меня сегодня выходной, и я хочу, чтобы ты убедился в моей благосклонности. Хочешь встретиться?

- Я-то хочу...

- Но мамка не велит, - продолжала хохмить Дина. - Точнее, главный редактор, не так ли?

- Нет. Но сейчас я собираюсь поехать к одному человеку по очень важному делу.

- Так возьми меня с собой. Я, знаешь, удачливая и могу помочь.

"А почему бы не взять? - мелькнула шальная мысль. - Гарфинкель не велика шишка, и Дину я могу представить ему как члена нашей автостоянки, а то и члена правления".

- Ну, если тебя не затруднит и ты через час подскочишь к "Беговой"...

- Договорились. Я принимаюсь за марафет. Сейчас девять десять, значит, в десять буду на "Беговой".

Радость предстоящей встречи отодвинула на задний план все проблемы и огорчения Дина понравилась мне с первого взгляда: она сидела за соседним столиком в обществе двух подружек и знакомого мне майора из журнала "Советская милиция", белолицая и голубоглазая, с пышными локонами рыжих волос с золотистым отливом - такие роскошные волосы я видел впервые. И черты лица утонченные, выразительные - только портреты писать. Одетая неброско, но со вкусом: серая юбка и песочного цвета свитер, плотно облегающий её стройный стан и небольшие, по-девичьи острые груди.

В ресторан я заскочил с приятелем на часок лишь поужинать и обговорить то самое злосчастное интервью с известным летчиком, которое он предложил редколлегии. Мы оба были просто очарованы новоявленной Афродитой и почти не говорили о деле, тарасили на неё глаза и мололи чепуху.

Она, разумеется, заметила наши восхищенные взгляды и тоже изредка посматривала на нас, как мне показалось, не без интереса. А когда она что-то спросила у коллеги и тот, посмотрев на меня, стал объяснять ей, в груди у меня сладко защемило.

По натуре я влюбчивый и непостоянный балбес, о чём не раз с сожалением говорила мать, пока я жил с ней до недавнего времени и не переселился в однокомнатную квартиру её любовника. Девиц у меня перебывало немало интересных, симпатичных, умных и образованных. Все они мне нравились, но не настолько, чтобы взволновать, взбудоражить, закружить в любовном водовороте, от которого, как поется в песне, и зима кажется маем - такой мне хотелось любви. А девицы попадались все обычные, я быстро охладевал к ним: одна наскучила стремлением казаться умнее, чем на самом деле, другая - чопорностью, третья - чрезмерным увлечением косметикой - терпеть не могу девиц, которые чуть ли не каждую минуту прихорашиваются, как глупые вороны, чистят перышки. В общем, жених привередливый - и чересчур разборчивый. А жениться было пора: тридцатый год шел, и не привык я к одиночеству, к домохозяйничанию, до военного училища жил с отцом и матерью, они любили меня и лелеяли, не отказывая ни в чём - отец был летчиком гражданской авиации, летал по международным трассам, хорошо зарабатывал и снабжал нас всяким заграничным тряпьем; мать окончила пединститут, но работать не пришлось: родился я, и она посвятила себя моему воспитанию. Но в 1987 году отец погиб в Афганистане: вез туда продовольствие, и его сбили "Стингером" недалеко от Кабула. Я уже был военным журналистом, слетал на место катастрофы. Лучше бы не летал: на месте падения осталась воронка от двигателей с разбросанными по краям кусками покорёженного металла. Что в гробы собрала похоронная команда, одному Богу известно - их не открывали; во всяком случае, наш я не разрешил, не вняв мольбам матери. А два года назад заболела мама. Просто простудилась, стала сильно кашлять. Я уговорил её лечь в военный госпиталь имени

Бурденко, где лучшие врачи. Она полежала месяц и вышла оттуда здоровая и будто помолодевшая. Вскоре я узнал, что за эликсир поднял её на ноги и омолодил: несмотря на свои сорок восемь лет, она влюбилась. Влюбилась в лечащего врача, человека очень молодого, всего на два года старше меня. Только теперь я понял, что с отцом она не была счастливой, вышла замуж, то ли поддавшись временному увлечению, то ли по расчету, но не любила его, хотя и жили они довольно дружно, и я не знал случая, чтобы она нарушала верность. Мама была сдержанная и степенная женщина, а вернулась из госпиталя будто зельем напоенная - беспричинно веселилась, хохотала по всякому малейшему поводу, когда и смешно-то не было, и не ходила по земле, а будто парила, обретя невидимые крылья.

До гибели отца я любил мать, и её перемена поначалу не очень-то обеспокоила меня: пусть хоть в зрелые годы почувствует себя счастливой. Избранника её не видел, а сообщению, что он моложе, не придал значения. Но когда она привела его в нашу квартиру, я не только удивился, но и разозлился на обоих: разве не видит он, что в сыновья ей годится, на что рассчитывает? Он высок, красив, элегантен, любая девица не устоит. А она, несмотря на былую красоту и умение косметикой поддерживать свежесть лица, ежедневными физическими упражнениями сохранять стройность фигуры, старуха перед ним - никакая косметика и физические упражнения не могли разгладить морщин под глазами и на шее, которые все глубже впивались в тело и делали свое страшное дело.

Привела и представила:

- Вот, Игорек, мой спаситель и друг Вадим Семенович, я тебе о нем рассказывала. Ты мужчина взрослый и, надеюсь, не осудишь меня. Вадим Семенович достал путевки в санаторий, в Алушту, и через три дня мы с ним поедем лечиться и отдыхать. Если хочешь и можешь, поедем с нами, квартиру тебе снимем, и с питанием, надеюсь, проблем не будет.

- Спасибо. Не могу, и желания нет, - не стал я кривить душой, выражая несогласием неодобрение её партии.

Мать, чтобы как-то сгладить мою холодность, согласно кивнула и пошутила с улыбкой:

- Я тебя понимаю. Надеюсь, ты не умрешь тут без меня с голоду. Кое-что я запасаю впрок, только не забывай в холодильник заглядывать. - Она суетливо стала накрывать на стол, зная мою прямооту и боясь, как бы я не высказался более определенно по поводу её увлечения в присутствии обожателя.

На столе появился коньяк, дорогие закуски, что взвинтило меня ещё больше, и я спросил, не скрывая иронии:

- Это что же, помолвка или ещё что?

Они смутились оба. Вадим Семенович виновато улыбнулся, неопределенно пожал плечами, и мать поспешила ему на помощь.

- Ну что ты, Игорек. Это Вадим Семенович в честь своего отпуска... Хотя предложение он сделал. Но зачем нам это? И куда спешить?

"Ему-то есть зачем, - подумал я. - Позарился на богатство, на шикарную квартиру, на обстановку. И дача есть немаленькая на берегу пруда, с летней кухней, беседками, мансардой". В искренние чувства этого лощеного ловеласа я не верил. Да и кто поверит: почти вдвое моложе. И когда подвыпили - я старался быстрее напиться, чтобы заглушить боль и обиду, - а мать вышла на кухню, чтобы приготовить кофе, я прямо спросил у него:

- Зачем это вам?

Он потеревил салфетку и посмотрел мне в глаза открыто, без смущения.

- Вы не верите, что можно полюбить женщину намного старше себя?

- Не верю.

- А вспомните Жорж Санд и Мюссе. Знаете, на сколько она была старше?

- Моя мать обыкновенная женщина, и вы не писатель с повышенной психологической восприимчивостью.

- По-вашему, на сильную любовь способны только необыкновенные люди с возвышенной натурой? А хорошо вы знаете свою мать, не говоря уже обо мне?

Ответить я не успел: вошла мама с кофе, и продолжать спор в её присутствии мне не

хотелось.

- Вашей матери нужен чистый крымский воздух, здоровье её, не буду скрывать, в серьезной опасности, и я постараюсь сделать все от меня зависящее.

Мать с благодарностью положила свою руку на его.

Через три дня они уехали...

Крымский воздух не помог маме. Вернулась она похудевшая и заметно увядшая: в уголках губ и на шее появились новые нити морщин, глаза не вспыхивали прежней радостью, когда приходил Вадим Семенович. Но мама не жаловалась, делала вид, что чувствует себя хорошо. А однажды ночью меня разбудил надрывный кашель, хрип и стоны. Я вбежал в её комнату, мама бледная и с пеной на губах металась по кровати. На тумбочке стоял термос с водой, у бокала валялись рассыпанные таблетки.

Я налил ей воды и дал одну таблетку.

- Позвони Вадиму, - сквозь спазмы удушья еле проговорила она.

Вадим Семенович жил в Ясенева, на окраине Москвы, пока соберется, поймают такси, пройдет часа два.

- Может, "скорую"?

Мать отрицательно помотала головой.

К моему удивлению, Вадим Семенович появился через час. Сделал укол, и матери стало легче.

Потом такие вызовы участились, и Вадим Семенович вынужден был иногда оставаться ночевать у нас.

Мне было жаль мать, но Вадим Семенович своим присутствием выбивал меня из колеи, я не мог сосредоточиться и работать, а корреспонденцию или статью надо было положить утром на стол редактору. И однажды, когда мне позарез нужно было несколько спокойных вечеров для написания проблемного очерка, я предложил Вадиму Семеновичу:

- А что, если нам махнуть комнатами? Вы поживете здесь, я у вас. Хотя бы временно.

Вадим Семенович посмотрел на мать. Она даже прослезилась. То ли от моей чуткости, то ли от жалости к себе.

Он согласно кивнул.

Так я стал жить в Ясенева, а Вадим Семенович на Чистых прудах.

Здоровье матери улучшилось, но отношения наши все более наэлектризовывались, и, чтобы не произошла вспышка, я встречался с ней все реже.

Мне её очень не хватало: приходилось самому заботиться о завтраках и ужинах, о стирке и уборке, чего я не любил и никак не мог к этому привыкнуть, потому злился на мать, хотя понимал её положение.

А недавно она вдруг посоветовала мне:

- Тебе, Игорек, пора жениться. Хочешь, я подберу хорошую партию?

- Партий у меня пруд пруди, - пошутил я. - Только гарантий ныне даже святые отцы не дают...

И все-таки совет матери запал в память. Действительно, пора. Избавлюсь от забот о хлебе насущном, о прачечных и от других домашних проблем.

И вот встретила Дина...

Мы с приятелем дождались, когда компания за соседним столиком закончит ужинать, и вместе с ними направились к выходу.

Коллега из журнала понял наше желание и в холле представил своих спутниц:

- Познакомьтесь: Тамара Дьякова, талантливая поэтесса, стихи которой вы, наверное, читали и слышали и которая очень нуждается в поддержке прессы. Кстати, дочь военного, и тема её стихов - о мужестве и героизме; Дина, хотя и не Дурбин, но тоже служительница Мельпомены, а по красоте своей намного превосшедшая предшественницу.

Мы с улыбкой пожали друг другу руки.

- А ваши статьи я, по-моему, читала, - сказала Дина. - Что-то о летчиках.

Я был приятно польщен: актриса и запомнила статью, точнее интервью с летчиком,

значит, не так-то уж плохо написано.

На улице погода была мерзопакостная: дул сильный ветер и сыпал мокрый снег, в один миг залепивший лицо. Пришлось развозить по домам приятелей. Дина, правда, протестовала: "Да вы что, в такую погоду, мы быстрее и спокойнее доберемся на метро". Но Александр не согласился.

- Зачем метро, когда шофер экстра-класса. Да и живем мы почти в одном месте.

Правда, "одно место" оказалось Орехово-Борисово и Чертаново, но чего не сделаешь ради симпатичной девушки и друзей.

В награду за мою самоотверженность Дину посадили со мной рядом, а сами с шутками и подначками еле втиснулись на заднее сиденье.

Они хохмили всю дорогу, мне же и словом некогда было перекинуться: снег заляпал лобовое стекло, "дворники" работали на полную мощность, едва успевая расчищать узкую полосу. Временами приходилось останавливаться и сгребать налипшие комья руками. И дорога, несмотря на поздний час, была не очень-то свободная. Дина глубоко вздохнула и все сокрушалась:

- Ну зачем вы. Высадите нас у ближайшего метро. Первыми я посадил Тамару и её приятеля. Александр, обрадованный тем, что Дина живет в Чертанове, собрался было выйти вместе с ней, но я привез его к самому подъезду и пожелал спокойной ночи.

- Ладно, - незлобиво проворчал он. - Пользуйся преимуществом водителя, пока я не приобрел машину...

О Дине в тот вечер я узнал мало. О своей работе она и говорить не захотела, ничего, мол, интересного в ней нет; живет с матерью и бабушкой. Отец, в общем-то, хороший человек, но старше матери на десять лет и очень ревновал ее; потому не могли найти общий язык.

Мы полчаса просидели в машине у её дома, говоря о всяких пустяках, стараясь в мимолетных фразах уловить то настроение души, которое определяет отношение друг к другу. Дина понравилась мне не только внешностью; из её рассказа я успел понять, что она не очень-то счастлива. Правда, то, что профессия актрисы ей не нравится, меня удивило: в моем понятии актеры самый одержимый, самый влюбленный в свое дело народ. И о своей персоне она была невысокого мнения: посредственность, неудачница, ищущая в двадцать три года, не зная что; может быть, неудовлетворенность собой, откровенность и взаимная симпатия, а возможно, все, вместе взятое, вызвали у меня жалость и желание помочь ей. Такая необыкновенная девушка больше, чем другие, имеет право на счастье...

- Поезжайте, - спохватилась она, взглянув на часы. - Поздно уже. И простите меня, пожалуйста, что испортила такой чудесный вечер своим нытьем. Так, что-то накатило. Бывает иногда. - Она улыбнулась. Но эта улыбка вызвала у меня большую грусть. Мне и себя стало жаль, свою неустроенность: приду домой, в чужую немилую квартиру, буду до утра маяться думами. А ведь мать любила меня. Бывало, как бы поздно ни возвращался, она вставала, кормила, поила чаем...

Дина открыла дверцу и протянула руку.

- Когда встретимся? - спросил я. Она пожала плечами.

- Когда будет время и желание.

- У меня есть и то и другое.

- Значит, встретимся. Звоните. - Она сказала номер телефона. - Это домашний. А лучше я позвоню вам сама.

Я тоже дал ей домашний телефон...

И вот наконец встреча.

Дина поджидала меня у метро, приподняв воротник голубого демисезонного пальто - погода снова была скверная, снега, правда, не было, но промозглый ветер пронизывал насквозь.

Я притормозил и открыл дверцу. Она юркнула на сиденье.

- Замерзла?

Дина вздрогнула, помотала головой.

- Терпеть не могу раннюю весну и позднюю осень. Не зря говорят, что только в такую погоду тянет на подвиг и на преступление.

- Так в чем же дело, давайте совершим, - пошутил я.

- Что, подвиг или преступление?

- А чего вам хочется больше?

- Мало ли чего хочется мне. Но я вам говорила, что неудачница и довольствуюсь пока только вторыми ролями. А вы командир, вам и принимать решение. Мы посмотрели друг другу в глаза и рассмеялись. Через пятнадцать минут мы поднимались по широкой лестнице на второй этаж научно-исследовательской поликлиники. Кабинет заместителя по снабжению находился напротив директорского, и, как всегда в это время, здесь дожидались приема несколько человек. К счастью, к Гарфинкелю было только двое, я занял очередь и вышел с Диной в фойе.

- Простите, но мне очень нужно. И если вы...

- Я подожду, - прервала меня Дина. - Все равно мне делать нечего.

Гарфинкель принял нас минут через пятнадцать. Полнеющий вальяжный мужчина лет пятидесяти; симпатичен, одет с иголочки - в темно-сером в клеточку костюме, белоснежной сорочке с полосатым галстуком; волнистые волосы с сединой на висках. Такие мужчины, несомненно, нравятся женщинам; и я машинально глянул на Дину; она, по-моему, тоже с интересом рассматривала Лазаря Абрамовича. И он беглым, наметанным взглядом окинул её с ног до головы, потом весело посмотрел на меня, как бы говоря:

"А ничего птичка, губа у тебя, Семиречин, не дура".

- Слушаю вас, - сказал Гарфинкель, усадив нас рядом в кресла.

- Я от Сарафанкина, - хотел было напомнить я о себе, но он остановил.

- Как же, помню. Мы же знакомились. Что с ним стряслось? Я слышал краем уха.

- Любовь, - коротко объяснил я с невольным вырвавшимся вздохом. Угорел со своей пассивой в собственном гараже, который с таким трудом построил.

- Да, - с грустью на лице выразил сочувствие Гарфинкель. - Жаль мужика. Деловой был, напористый. Такого и я не против был заполучить в наш кооператив. Не согласился.

- Ему и на стоянке было неплохо.

- Это точно. Любовь, говоришь, - Гарфинкель с улыбкой покрутил головой. - Сколько ему было?

- Шестьдесят один.

- Силен мужик. - И вздохнул с усмешкой: - Еще в детстве предупреждал меня дедушка: "Берегись, Ланя, трех вещей: водки, карт и женщин". И с детства такое любопытство во мне разжег, что до сих пор три этих запретных плода магнитом к себе манят. Так кто же у вас теперь вместо Максима Петровича?

- А кого поставишь, когда, кроме нас двоих, никто спонсоров и партнеров не знал. Вот и пришлось самому ехать к вам.

- Ну, если чем-то могу помочь, - многообещающе развел руки в стороны Лазарь Абрамович. - Я никогда вам не отказывал.

"За приличную плату", - чуть не сорвалось у меня с губ. Но я сказал другое:

- Это верно. Но вот какая неувязочка вышла: как выяснилось, вы ещё не подписали нам разрешение на пристройку пятидесяти гаражей.

Густые брови Лазаря Абрамовича полезли на лоб.

- А я-то здесь при чем? Месяца три назад с Максимом Петровичем был такой разговор. А потом он сказал, что это компетенция района, и зампред исполкома пообещал сам решить вопрос.

"Вот так штука, - мелькнуло в голове. - Неужели и зампреду потребовалась взятка?"

Вспомнился последний визит к Лопаревичу. Было это с полгода назад. Он приглашал нас тогда со списками членов автостоянки и дотошно расспрашивал о каждом. Нашел две неточности: один три года не платил членские взносы и, по существу, был уже исключен из

членов Московского городского общества автолюбителей, второй ездил на машине брата по доверенности. Чепуховские неточности, но Лопаревич стоянку утверждать не стал. Потребовал "привести все в соответствие".

Максим Петрович негодовал и посылал ему тысячу проклятий, обзывая бюрократом и буквоедом. Но я воспринял претензии справедливыми: документ есть документ, и зампред будет отвечать, если у Сидорова или Петрова окажется два гаража и он решил спекулировать. Да и Лопаревич произвел на меня приятное впечатление: интеллигентного вида, корректный, знающий свое дело; он вежливо напомнил, сколько в районе инвалидов и участников войны, сколько уже построено и планируется в ближайшее время построить гаражей; поинтересовался, как мы учитывали заслуженных людей при составлении списков, как часто проводим собрания, все ли ознакомлены и согласны с уставом. Ответы, как мне показалось, не очень его удовлетворили (или зародили сомнение), и он пообещал в ближайшее время навестить нас на стоянке. Не знаю, был ли он - Максим Петрович, во всяком случае, мне ничего об этом не сообщал, - но вскоре пристройка пятидесяти боксов была разрешена. На мой вопрос, долго ли он мурьжил еще, Сарафанкин улыбнулся, подмигнул многозначно:

- Надо уметь находить с начальством общий язык... Но ни о каких деньгах тогда речи не было. И Гарфинкелю не верить основания не было. Почему Максим Петрович ничего мне об этом не рассказал? Лазарь Абрамович словно прочитал мои мысли.

- Вы с Максимом Петровичем дружно жили?

- Само собой.

- И во всем доверяли друг другу?

- А как же иначе? - удивился я столь странному вопросу и тут же зародившему подозрению: не мудрит ли уважаемый Лазарь Абрамович, воспользовавшись смертью Максима Петровича? За разрешение на пристройку тоже надо платить, да и хлопот немало. А тут умер Максим... Ну конечно же! Я вспомнил, что буквально дня за три до гибели Сарафанкин говорил мне, что поехал к Гарфинкелю, чтобы договориться о шифере - строители из-за каких-то затруднений хотели накрывать гаражи железом. - Накануне он звал меня к вам, но, к сожалению, я не мог, и он поехал один.

- Верно, - кивнул Гарфинкель. - Приезжал. Но совсем по другому вопросу.

На моем лице, видно, явно прочитывалось недоверие. Гарфинкель нервно дернулся в кресле и холодно посмотрел мне в глаза.

- Если он доверял вам, тогда вы знаете, зачем он приезжал. И ни о какой пристройке речи не велось.

Он посмотрел на часы, давая понять, чтобы я убирался. Мне ничего больше не оставалось. Лишь чтобы не выглядеть в глазах Дины мальчиком, высеченным этим вальяжным кооператором, я сказал как можно тверже:

- Хорошо, я разберусь во всем. В конце концов, у нас с вами есть договор.

Гарфинкель со скептической улыбкой помотал головой.

- Только не с моей бригадой. Когда строили гаражи - да, там мои хлопцы были. А пристройка - извините...

Действительно, на пристройку я подписывал договор не с Гусаровым, а... как же его фамилия?.. с Рогалиным. Точно, фамилия бригадира Рогалин... Но у этого экстра-кооператора разве одна строительная бригада?..

На улице я спросил у Дины:

- Ну и что скажет служительница Мельпомены об этом советском бизнесмене?

- Как его фамилия? - почему-то заинтересовалась Дина.

- Гарфинкель.

- Граф Инкель, - засмеялась Дина. - Типичный еврей. Не считай меня антисемиткой, но не люблю я их.

- Почему? - Мне, наоборот, показалось, что Лазарь Абрамович понравился ей.

- Самоуверенные они, самодовольные и... жадные до противности.

Не знаю о других евреях, а о Графе Инкеле (мне очень понравилось её остроумие) она

попала в точку. Когда мы познакомились с ним и вели переговоры о строительстве металлических гаражей, он заломил такую цену, которую хватило бы на железобетонные. И торговался за каждый лист железа, за каждую машину песка и гравия. Утверждение Дины о его жадности ещё больше убедило меня, что Лазарь Абрамович либо решил отделаться от нас, либо выжать ещё по две сотни с каждого.

5

Анчуткин продолжал расследование, опросил чуть ли не всех членов стоянки, но, похоже, не продвинулся с места, и прежний энтузиазм, с которым он допрашивал меня, пошел на убыль, и он, как мне показалось, все больше стал склоняться к версии о несчастном случае. Возможно, так было и выгоднее - чтобы не подорвать свою репутацию: оставить дело нераскрытым - значило расписаться в своем непрофессионализме. Такая мысль ещё больше укрепилась у меня, когда на другой день я через мощный барьер секретарш пробился к зампреду исполкома Лопаревичу, а потом и к самому председателю Кузьмину.

Если бы я впервые видел Лопаревича, впору было бы повосторгаться его вниманием, чуткостью, заботой.

Он вышел ко мне из-за стола навстречу, поздоровался за руку, усадил рядом.

- Слышал, слышал, какое несчастье у вас произошло. Кто бы мог подумать! Максим Петрович! Давно ли вы вместе были у меня, - сокрушался он, словно потерял близкого друга. И его молодое симпатичное лицо с черными усиками было неподдельно скорбным, темно-карие глаза наполнены грустью. Месяца два назад, не более?

- Четырнадцатого января, как раз на старый Новый год, - напомнил я, обнаружив эту дату на письме, которое мы приносили на подпись. - А Максим Петрович приходил совсем недавно.

Лопаревич посмотрел на меня вопросительно, то ли желая возразить, то ли копаясь в памяти, было ли такое, потом согласно закивал.

- Да, да, приходил и после.

- Мы же с вашего разрешения начали пристройку пятидесяти гаражей, забросил я пробный камень, желая посмотреть, какую волну он поднимет бурную или спокойную.

- Да, да, - кивком подтвердил Лопаревич и тут же скривился, как от зубной боли - Но я же просил его не торопиться, разрешение пока ещё не утверждено на исполкоме.

"Значит, Лазарь Абрамович не врал, а я-то чуть в открытую не обвинил его черте в чем", - упрекнул я себя и обрадовался: коль все в руках Лопаревича, с ним легче будет решить вопрос.

- Ну, это не велика беда, - решил я смягчить огорчение, - Главное, все согласовано, а утвердите неделей раньше, неделей позже...

- Так-то оно так, - покрутил головой Лопаревич. - Да ныне не один исполком все решает Посыпались письма от жильцов, протестуют они против такого строительства. Предисполкома в гневе: почему не согласовали с общественным самоуправлением?

Ох уж эти мне общественники. Они немало попортили нам крови, когда мы только начали строить гаражи. У подъездов стояли машины, тоже мешали им то шумом, то гарью, то снег убирать, то цветы сажать У кольцевой дороги место отвели, вдали от домов, и там глаза им стали мозолить. Чего они только не предпринимали, чтобы не дать нам строить. Кое-как отстояли. Теперь вот снова.

- Но кому мы так мешаем? Если идти у завистников и горлопанов на поводу, никогда ничего не построим, - возразил я.

- Понятное дело. А как нам прикажете быть? С одной стороны вы наседаете, с другой они жмут, да ещё депутатов подключили. И Моссовет, и ГлавАПУ претензии нам предъявляют, что-де разбазариваем землю.

- Но они сами же давали "добро" на сто гаражей.

- Давали. Но там тоже разные начальники одни "за", а другие "против".

- Где же выход?

- Надо подождать, - сочувственно вздохнул Лопаревич

- Да меня ж автолюбители... Кстати, тоже общественность. Столько денег затратили, - намекнул я. - Уж разрешите нам достроить, а за это время подготовите решение.

Лопаревич заколебался.

- Надо к Кузьмину. Он, кажется, уже запрет на вашу пристройку подготовил...

Председатель исполкома, едва я заикнулся, по какому вопросу пришел, несмотря на свою худобу и бледность лица, сразу побагровел и заорал:

- Вы почему самоуправством занимаетесь? Вы же военный человек и понимаете, что у нас не Клондайк здесь - где палки воткнул, все мое, каждый клочок до вашего рождения размечен и расписан.

- Мы заплатили за землю, - вставил я, пользуясь тем, что он набирал в легкие новую порцию воздуха для очередной словесной очереди.

- Не перебивайте старших! - взвизгнул председатель. - Ваша плата слезы государству. И я ещё доберусь до этого умника и разберусь, почему он подписал договор на аренду.

- А мы-то здесь при чем? Люди вложили деньги, и не копейки, как вы знаете.

- При чем? Вы не знаете "при чем"? Зато я знаю, - он пронзаяще уставился на меня, желая, видимо, окончательно сломить мою настойчивость. Передохнул и спросил требовательно, как Анчуткин на первом допросе: - У вас есть гараж?

- Есть.

- Зачем вам еще?

- Не мне. У нас очередников полторы сотни.

- Скажите, какой благодетель, борец за общественные интересы. Вместе с Сарафанкиным работали?

Я уловил подвох в вопросе и ответил не так, как ему хотелось.

- Да Сарафанкин был у нас начальником стоянки

- И вы вместе с ним подбирали очередников? - он ехидно усмехнулся. Помоложе, покрасивее да покладистее. Вот ваше благодеяние, отстаивание общественных интересов... Развели малину... Судить вас надо, товарищ председатель стоянки, хотя вы и в военной форме.

Вот так, нашел, что называется, поддержку, защиту. Но то ли его проломная напористость, беспардонные обвинения, то ли уверенность в своей правоте не вызвали у меня сколь-нибудь серьезного опасения к угрозам; я не верил ни одному его слову. И на ум пришла давно оправдавшая себя истина: самая лучшая защита - нападение. Да, в данной ситуации это был лучший выход. И я, смерив Кузьмина презрительным взглядом, сказал как можно тверже:

- Ну это прокуратура решит, кого надо судить. - И пошел к выходу.

Кузьмин не проронил ни слова.

Я ещё не знал, какие последствия вызовет моя контратака.

Минут десять сидел в машине, приходя в себя. Голова шла кругом: как бы смело я себя ни вел у предисполкома, позиция моя была не столь прочная. Да, я не присутствовал при даче взяток Графу Инкелю (прозвище, данное Диной, прочно засело у меня в голове) и другим должностным лицам, но я знал и знали все, для какой цели собирали вначале по сто пятьдесят рублей, а потом по двести. Значит, и я причастен к взяточникам и по закону ответственен, как и взяточники. Достаточно Кузьмину направить письмо в редакцию о моих "неблаговидных поступках", вопрос о пребывании в военной газете будет поставлен ребром.

И следственным органам, конечно же, легче и проще списать дело как несчастный случай, чем найти убийцу, а для своего престижа и значимости направить в соответствующие инстанции оргвыводы - пристройку гаражей запретить, виновных наказать в административном порядке. Да, за такое решение автолюбители спасибо мне не скажут. И попробуй докажи, что я не заодно со взяточниками, не положил деньги в собственный карман.

Кузьмин так взбудоражил меня, что я никак не мог успокоиться и собраться с мыслями. А надо было все здраво взвесить, найти контраргументы и контрмеры, чтобы и себя

защитить, и пристройку отстоять.

Говорят, что стрессы, шоковые состояния хорошо снимает водка. Во всяком случае, мне так захотелось выпить, что я чуть было не поехал в Дом журналиста.

Погода по-прежнему не радовала - сыпала морось вперемежку со снежной крупой, и я отправился домой, не позвонив, как обещал. Дине - на душе было так скверно, что показывать ей свою кислую физиономию не хотелось.

Шестнадцатиметровая холостяцкая комната, несмотря на то что прожил я в ней не один день и имел временную прописку, показалась мне тесной и неудобной с каким-то застоялым чужим запахом. Настроение продолжало оставаться прескверным. Я чувствовал голод - обедать снова не пришлось, но готовить не хотелось. Да и в магазин надо было зайти, купить свежего хлеба, молока, сыра. Налил в чайник воды, поставил на электроплиту. Открыл холодильник. В верхних ячейках лежало три яйца - это же целое состояние! - а в морозильнике нашел и кусок колбасы. Аппетит разыгрался не на шутку, и я, нарезав колбасы, положил на сковородку масла, стал готовить "жаркое" с яичницей. За делом и мысли стали выстраиваться более логично, яснее и четче.

Итак, что же произошло?

Погиб, а точнее, убили Сарафанкина. Как учил Шерлок Холмс, надо посмотреть, кому это выгодно, кто был заинтересован в его смерти. Всех недовольных Анчуткин, что называется, перетряхнул и вывернул наизнанку. У всех алиби. Мог не поладить Сарафанкин и с кооператорами. Но судя по тому, как держится Граф Инкель, надо искать в другом месте. Хотя накануне Сарафанкин все-таки приезжал к нему. Зачем?

Это первый вопрос, который надо было выяснить

С Лопаревичем все более-менее ясно: он был за строительство пристройки, и с Максимом Петровичем у него, похоже, конфликтов не возникало. А вот с Кузьминым... Почему он так орал на меня? Аргументы его вполне убедительные - жители близлежащего дома написали жалобу и временно пришлось приостановить строительство - общественность ныне имеет большую силу. И если бы он объяснил спокойно, без разноса и обвинений, без угроз, во всяком случае, я ушел бы убежденный, что так и должно быть. Но теперь. "Судить вас надо, товарищ председатель.."

Нет, не зря орал на меня товарищ Кузьмин. Ему надо было запугать меня, чтобы я не совал куда не следует носа.

Да, несомненно, у председателя исполкома были основания нервничать.

Телефонный звонок прервал мои мысли. "Дина", - обрадовался я и схватил телефонную трубку.

- Слушаю

- Ну что, председатель, себе гаражи построили, с нас денежки содрали и почиваем преспокойно? - загремел пьяный мужской голос.

- Кто говорит?

- Все говорят, - сострил неизвестный абонент. - Почему прекратили строительство?

Накаленный разговором с predisполкома и новым грубым выпадом, я сорвался:

- А твое какое собачье дело и кто ты такой, чтобы учинять мне допрос?

- Я деньги платил и имею право потребовать за них отчет.

- Приходи на стоянку, там и получишь отчет, а с хамом, который назвать себя боится, мне нечего разговаривать.

- Ну, ладно, сука, мы поговорим с тобой в другом месте.

Я положил трубку.

Гнев клокотал во мне, как магма в вулкане. Очень хотелось встретиться сейчас с этим смельчаком, посмотрел бы я, чьи кулаки крепче.

Яичница уже дымила на сковородке, я выключил плиту, переложил "жаркое" на тарелку, но аппетита уже не было. Поковырялся вилкой и вывалил все в мусорное ведро. Даже чай не лез в горло. Разгневанный, взбешенный и беспомощный, я ходил из угла в угол, не зная, что предпринять.

Снова зазвонил телефон. Видимо, пьяница не наговорился - пьяные всегда любят поспорить, поскандалить, пофилософствовать, сорвать на ком-то зло, кто под руку подвернется. "А может. Дина? - шевельнулась в глубине души надежда - Не дождалась моего звонка, решила позвонить сама?" Но надежда настолько призрачная, малореальная, что я не снял трубку. Дождался, когда телефон замолкнет, и набрал номер, который дала Дина. Ответил не совсем учтивый женский голос - видимо, тоже из-за испорченного кем-то настроения:

- Нету её дома, и не знаю, когда будет... Надо бы продолжить анализ сегодняшних перипетий, к которым добавился звонок пьяницы (а пьяницы ли?), но в голове все перемешалось, бурлило, как в кипящем котле. Надо было успокоиться, сосредоточиться, я хорошо понимал это, но рассудок не мог побороть эмоций. А ещё я ждал - мучитель мой не успокоится, пока не утолит жажду мести или, на худой конец, уязвленное самолюбие. И когда снова зазвонил телефон, я снял трубку, собираясь сказать такие словечки, которые он не слышал и от своих собутыльников.

- Добрый вечер, Игорь Васильевич. - Голос был совсем другой, учтивый, мягкий и, показалось мне, знакомый. Но чей, вспомнить не мог. - Простите, что беспокою дома, но на стоянке вас не дождался.

- Я слушаю.

- Вы, дошли слухи, сегодня у районного начальства были?

- Был, - не стал я лукавить.

- И что выходили?

- А с кем я разговариваю? - решил все-таки уточнить.

- Алексеев, - ответил голос. Фамилия претендента на гараж в списке значилась, но я, к сожалению, не помнил этого человека.

- Похвалиться пока нечем, - ответил на вопрос. - Но, как утверждал Максим Петрович, капля камни долбит.

- Максим Петрович был ушлый мужик, но не кажется ли вам, что он перегнул палку?

"В чем?" - чуть не сорвалось у меня. Остановило мелькнувшее подозрение: "А Алексеев ли разговаривает со мной? С чего он взял, что Максим Петрович "перегнул палку"? Что ему известно еще?"

- Видите ли, с какой стороны посмотреть, - дипломатично продолжил я, чтобы выведать ещё кое-что. - Максима Петровича нет, но дело его осталось.

- Вот и я о том же и хотел дать вам по этому поводу совет.

- Добрый совет от доброго человека - великая помощь, говорят в народе.

- Ну это не телефонный разговор.

- Давайте встретимся на стоянке. Хоть сейчас.

- Сейчас не получится, я звоню не из дома... "Когда же он ждал меня на стоянке?"

Подозрение, что это не Алексеев, крепло ещё сильнее.

- Давайте завтра утром.

- Утром тоже не получится, мне рано надо быть на работе. А вот вечером, часов в семь - пожалуйста. Только давайте не на стоянке, а посидим где-нибудь по-человечески за рюмкой чая, - весело закончил он.

- Можно и за рюмкой чая, - согласился я. - В Доме журналиста.

- Так там, говорят, каждый столик прослушивается. Давайте лучше в "Беггах". Тет-а-тет - разговор сугубо конфиденциальный.

- Хорошо.

Пожелали друг другу спокойной ночи.

Теперь я был убежден, что звонил не Алексеев. Неужели настолько он наивен, что не предполагает о моей догадке, о том, что я могу перепроверить или просто случайно встретиться с Алексеевым?

Нет, он не наивен, знает, что в любом случае я пойду на встречу - он мне очень нужен. Но я ему, видимо, ещё больше. И наверняка на встречу он не придет, будет со стороны

наблюдать за мной, высматривать, кто меня прикрывает... Если строит расчеты не по другим соображениям...

Я выждал немного и позвонил Алексееву. Телефон был занят. А может, у него были какие-нибудь дела с Максимом Петровичем? Хуже того - конфликт? Но настолько это была неприметная личность, что ничего вспомнить о нем я не мог. И Максим Петрович никаких разговоров о нем не заводил. Хотя неприметные личности, по утверждению криминалистов, самые хитрые и самые загадочные преступники. "Максим Петрович был ушлый мужик, но не кажется ли вам, что он перегнул палку?" Что он имел в виду? Уж не решил ли припугнуть Максим Петрович работников исполкома разоблачением за взятки, когда они потребовали (или попросили) приостановить работы по пристройке? Мужик он действительно ушлый и горячий, в пылу мог и не такое сказать... Но строительство было приостановлено лишь на третий день после его смерти, и, главное, он даже опасений, что могут приостановить работу, не высказывал.

Телефон Алексеева освободился минут через пятнадцать. Ответил совсем другой мужской голос.

- Василий Сергеевич?

- Он самый.

- Это Семиречин. Вы только что звонили мне?

- Я? - удивился Алексеев. - Это вы звонили. Только голос вроде я ваш не узнал.

- И что я вам говорил?

- Так вы расспрашивали, о чем беседовал со мной следователь, просили не очень-то откровенничать, не проболтаться, сколько кому на лапу давали. А я, откровенно говоря, и не знаю... Так, похоже, не вы звонили?

- Не я. А мне звонили от вашего имени. Кто-то решил разыграть нас.

- Ничего себе - розыгрыш. За такие шутки морду бьют.

Если бы, вздохнул я, кладя трубку. За такие "шутки" Максим Петрович жизнью поплатился... Что же он сделал и что хотят теперь от меня? Видимо, считают, что и мне кое-что известно. А если так, то... Сообщить завтра же следователю? А если он с ними заодно?.. Темные дела в одиночку не делают. Пока мы пробивали место под автостоянку, я имел возможность лично убедиться, как тесно переплелись служебные и личные интересы многих начальников; на каждом шагу нам ставили барьеры, и, пока Максим Петрович не клал в конверт определенную сумму, преодолеть их было невозможно. И все-таки не верилось, что должностные, ответственные работники пошли на последнее средство. Одно дело взятка и совсем другое - убийство.

Обратиться в милицию?

Да, надо там искать помощь. Правда, в МВД у меня знакомых никого нет, разве что Александр Горелый, но он не профессионал, всего-навсего сотрудник журнала "Советская милиция", хотя знакомые оперативники у него наверняка есть. Как вот только все это подать, чтобы они поняли, что дело серьезное, и взялись за него?..

Раздумья мои прервал новый звонок. "Лжеалексеев", - была первая же мысль, потому я не спешил снимать трубку. Надо было сосредоточиться, собраться с мыслями, чтобы ещё больше заинтриговать убийц. теперь я был уверен, что ищут они со мной контакт из-за какой-то важной информации, надеясь, видимо, договориться или...

В воображении всплыло лицо Максима Петровича, серовато-безжизненное с приоткрытым ртом - в предсмертных судорогах он хватал воздух, насыщенный смертоносным газом.

Нет, умирать мне не хотелось. А если они решили бы и меня убрать, давно бы сделали это. Значит, я им нужен..

- Слушаю. - Я не узнал своего голоса, он осип и срывался, как у тонущего.

- Ну, к тебе, как к министру иностранных дел, не дозвониться, - узнал я насмешливо-ироничный голос Дины - И сам не позвонил. Что, снова интервью брал? Только теперь у какой-нибудь стюардессы?

Ах, её бы проблемы да веселое настроение мне!

- Хуже, - ответил я - Теперь интервью брали у меня, да чуть ли не с клятвой.

- Это интересно Надеюсь, при встрече ты мне расскажешь поподробнее А встретиться я хочу сейчас.

Я взглянул на часы. Ничего себе заявочка, без пяти десять.

- И что мы будем делать? Время позднее, нас никуда не пустят.

- Придумай что-нибудь. Я очень хочу тебя видеть. Ее настойчивость придала мне смелости, и я ляпнул:

- Приезжай ко мне.

Дина помолчала. Раздумывает, или ошарашил я её своей наглостью?

- А ты один?

- К сожалению.

- Ехать к тебе неудобно и долго.

- Поймай такси, я встречу у подъезда...

- Хорошо

Она приехала раньше, чем я ожидал, минут через двадцать. Я за это время сходил к знакомому майору - он жил на одной площадке - и взял у него кусок колбасы, пяток яиц, лимон; бутылка коньяка всегда стояла в серванте на случай неожиданных гостей

Дина сбросила легкое демисезонное пальто и прижала холодные ладони к моему лицу.

- Видишь, как я замерзла, пока ловила такси Я подул на них и потер своими руками, как делала это мама, когда я пацаном прибежал с улицы, вывалянный в снегу и в сосульках - мы сооружали снежные крепости и играли в войну, улица на улицу.

- Разувайся.

Дал ей свои тапочки и помог снять меховые сапожки. От прикосновения к стройным красивым ногам сразу забылись недавние невзгоды, подстерегающая опасность.

Дина осмотрела комнату, заглянула в кухню.

- Ничего гнездышко А не скучно одному? Я, к примеру, вот так одна не выдержала бы просидеть целый вечер.

- Меня дела загнали в квартиру. Да и настроение было такое, не для свидания.

- Представь себе, и у меня. Вот шучу с тобой, а у самой кошки скребут на душе.

- В театре проблемы?

Она махнула рукой.

- А где их нынче нет? А может, просто весна действует.

- Если весна, то это к счастью. И мы сейчас попытаемся с помощью потусторонних сил разогнать тоску-печаль Ты готовить умеешь?

- Готовить? Все, кроме варить и жарить. Даже яичница у меня не получается - то подгорит, то развалится Потому и замуж никто не берет ничего не умею. А мужей надо кормить и обстирывать, - она брезгливо передернула плечами.

Я не знал, шутит она или говорит правду - нынче и таких девушек немало.

- Ты одна у матери дочка?

- В том-то и дело. Избаловали они меня с бабушкой с детства, а потом... в руки некому было взять.

- А отец?

- Отец! - иронично повторила Дина и глубоко вздохнула - Отец у меня мужик был серьезный. Настоящий Отелло. К каждому столбу мать ревновал. Вот и посчитали, что лучше разойтись, чем любовь до трагического конца доводить.

- У тебя мать красивая?

- Ничего. И теперь ещё пользуется у мужчин успехом.

Ее откровенная вольность зародила у меня подозрение, что она под хмельком, и, приблизившись к ней, я уловил запах вина - вот почему она такая разговорчивая.

- Ты сегодня не играла? Она усмехнулась.

- Смотря в каком смысле. По Грину, мы все комедианты, и каждый выбирает себе роль

по таланту и обстоятельствам.

- Какую же роль ты играешь сейчас? - Откровенность её переходила в цинизм, и мне это начинало не нравиться.

- Ты же сам определил мне роль домохозяйки, - усмехнулась она, глядя на меня чуть прищуренными серовато-синими глазами. - Только напоминаю варить и жарить я не умею.

- Тогда доставай из серванта посуду, а я пойду на кухню. Правда, тоже не мастак по поварской части, но яичницу приготовлю.

Минут через десять на столе стояла шипящая сковородка с поджаренной колбасой и яичницей, сыр, яблоки, посыпанные сахаром лимонные дольки. Дина, как заправская стюардесса, с отработанными волнующими движениями, ходила вокруг стола, раскладывая ножи и вилки, протирая тарелки и рюмки.

- А правда, неплохо получается? Прямо как в ресторане высшего разряда.

- Тебе часто приходится в них бывать? Она пожала плечами.

- Не часто, но приходится. А куда ещё пойдешь вечером? Дискотека возраст не тот, и терпеть не могу сексуально озабоченных сосунков с пятеркой в кармане, корчащих из себя неотразимых донжуанов.

- Так ты же вечерами в театре? - все больше удивлялся я тому, что узнавал.

- Не каждый же день, - возразила Дина, несколько смутившись. - Да и что театр. - Она приподняла рюмку с только что налитым коньяком, посмотрела на свет и грустно вздохнула,

- Так за что мы выпьем?

Ее вздох грустью отозвался в моем сердце, почему-то стадо жаль эту необыкновенно красивую, но несчастную девушку (я был уверен в этом, судя по её рассказу, по настроению). А мне очень хотелось ей счастья - она заслуживала не только внешностью, но и добрым открытым характером: приехала ко мне, не строит из себя Царевну Несмеяну, хотя вряд ли уступила бы ей в чем-то.

- За тебя, - сказал я как можно проникновеннее. - За то, что ты на расстоянии почувствовала, что мне плохо, и приехала.

Она благодарно кивнула.

- А я - за тебя. За то, что пригласил. Мы выпили.

- А тебе действительно было плохо? - спросила Дина, участливо посмотрев мне в глаза.

- Действительно.

- Расскажи мне отчего. О себе я все рассказала и хочу все знать о тебе: что у тебя за работа, что за друзья, где родители, какие волнуют радости и тревожат печали?

Ее искреннее сочувствие разлилось в душе бальзамом. Мне захотелось обнять её, погладить по отливающим золотым волосам.

Я взял её за руку. Пальцы все ещё были холодные, но такие нежные, изящные, доверчиво прижавшиеся к моей ладони, - так птенец устраивается в гнездышке, чтобы согреться. Грудь мою переполняло счастье, и слова благодарности и восторга рвались наружу, но они застряли в горле.

- Как-нибудь ты узнаешь все, хотя в моей биографии нет пока ничего примечательного, достойного сценического воплощения, - пошутил я и налил еще.

- И все-таки, - сделав глоток, продолжила Дина, - журналистика, мне кажется, довольно интересное занятие. Расскажи, о чем ты пишешь?

- В следующий раз я принесу тебе из библиотеки учебник по журналистике, - пообещал я. - А сегодня давай уйдем от повседневных мирских дел и, как говорит мой друг-поэт, вознесемся на Парнас, где царит благоденствие, блаженство, любовь.

Мне и в самом деле не хотелось говорить о работе, невольно возвращавшей мысли к сегодняшним телефонным загадкам, не сулившим ничего хорошего И мы пили, болтая о всякой чепухе. Дина не жеманничала, не заставляла себя уговаривать, а, хмелея, становилась веселее и интереснее так, во всяком случае, мне казалось. Несмотря на мое нежелание говорить о делах профессиональных, мы, как заплутавшие в бурю путники, снова и снова

возвращались на заезженную колею. Не знаю, какие выводы сделала Дина из моего "послужного списка" - рассказал я ей многое, за исключением причастности к чрезвычайному происшествию с убийством, чтобы не омрачать чудесный вечер, - биография же Дины открыла мне такое, что само собой разрушило между нами барьер осторожности и недоступности. Дина без стеснения рассказала о своей "беспутной" молодости.

Первый раз она влюбилась, когда ей было пятнадцать лет. В материного сожителя, преподавателя русского языка и литературы пединститута, доцента, обаятельного мужчину, которому было под сорок. Сблизила их литература: Дина любила стихи и мечтала стать актрисой, пробовала себя в поэзии, прозе. Вечерами читала свои "творения" матери и Валериану Михайловичу. Мать пожимала плечами, а Валериан либо хвалил, либо с пафосом поучал, как надо "выдерживать" размер, строить рифму.

Однажды, когда матери не было дома. Дина стала его наложницей.

Потом Валериан Михайлович забрал её к себе на квартиру, любил и лелеял, не давая "замарать руки": сам готовил завтраки, обеды, ужины, сам убирал в комнате, мыл посуду, а иногда и стирал.

Мать даже не рассердилась за отбитого любовника, только сказала с сожалением: "Зря ты. Человек он хороший, а как мужчина... Когда поймешь, сама сбежишь".

Так через два года и случилось.

Несмотря на педагогический талант Валериана Михайловича и на хорошее знание литературы, уроки его не помогли Дине стать поэтессой или актрисой. После ухода от него она поступила в торговый техникум, окончила его, год работала товароведом и два года .. сидела, точнее, отработывала принудилровку. За то, что машину дефицитного товара пустила налево, а деньги поделили не поровну: директриса за идею и за большую ответственность взяла себе вдвое больше, что и послужило причиной раздора и доноса.

Вот такую потрясающую биографию этой потрясающе красивой девушки узнал я

Будь я трезв, наверное, растерялся бы. А тут... мне даже импонировала её откровенность. С кем не бывает! "От сумы и от тюрьмы не зарекайся" гласит русская пословица.

И мне стало с ней легче, свободнее. Я предложил ей остаться ночевать. Она согласилась.

6

Утром я напоил Дину кофе и проводил на работу, а сам погрузился в размышления. Зачем она выкладывала все о себе, обнажала то, что не вызывало восторга, выставляла напоказ свое нечистое белье? Она не так глупа, чтобы не понять - уличную девку и дурак не возьмет в жены, даже если он обалдел от красоты. Почему не воспользовалась моей доверчивостью и влюбленностью? Боялась, что журналисты - дотошный народ, все равно разузнаю о её прошлом? Забыла, что любовь слепа и прощает более тяжкие грехи?.. Простил бы я? Наверное. Если бы она не повела себя так сразу, не легла, можно сказать, с первого знакомства со мной в постель. А возможно, ничего другого ей и не хотелось? Да и все ли, что она плела мне спьяна, правда? Не проверяла ли, не испытывала ли меня?.. Такое наговаривать на себя умный человек не станет.. Так что же? А может, накатило раскаяние в минуты просветления бывает такое, - потому и разоткровенничалась? Не будь я в шоковом состоянии от телефонных звонков, вряд ли бы рискнул пригласить её к себе И вел бы себя более разумно.

Я искал повод, чтобы оправдать её. И не находил. На душе было гадко впервые встретил человека, с которым готов был делить радости и печали, шагать по нелегкому жизненному пути сквозь цветы и тернии, а человек этот оказался с серьезной червоточиной.

Или она, как и многие современные девицы, считает, что семья нынче ни к чему, находят счастье в мимолетной любви, в независимости друг от друга? Уходя, Дина спросила:

- Вечером встречаемся?
- У меня сегодня деловое свидание.
- Возьми меня с собой. Значит, я для неё не безразличен.

- Не могу, разговор серьезный.

Она пожала плечами: как, мол, угодно.

- И где вы встречаетесь?

- В "Беггах".

Она усмехнулась чему-то и ушла.

Теперь надо было подумать о встрече.

Итак, Максим Петрович "перегнул палку". Перегнуть он мог только в одном: пригрозил работникам исполкома разоблачением за взятки. А поскольку и я в курсе дела, надо отрегулировать вопрос и со мной.

Но ведь я мог уже все выложить следователю...

Значит, либо они знают, что не выложил, либо у них более прочный тыл, на который они могут рассчитывать в любом случае.

Да, положение не из завидных.

А что я, собственно, знаю? Что Максим Петрович давал взятки Лопаревичу, Кузьмину, Графу Инкелю, каким-то секретаршам, через чьи первые руки шли на утверждение списки претендентов на гаражи? Но я при этом не присутствовал, это со слов Максима Петровича, а слова к делу не подошьешь. Так что опасаться им меня нечего.

И все-таки они хотят со мной встретиться. Зачем? Подействовала ответная угроза: "Ну, это прокуратура решит, кого из нас надо судить".

На встречу надо пойти. В ресторане они меня трогать не станут, а если решили убрать, найдут другое, более подходящее место и время. Не пойти значит показать, что я их боюсь, что действительно располагаю компрометирующими данными, и значит подписать себе приговор. А встреча может дать новые козыри, прояснить подробности убийства Сарафанкина; только надо держаться поувереннее, понахальнее, больше спрашивать, чем отвечать. И если удастся все разузнать... Ох, какой можно закатить разоблачительный, проблемный очерк! Да что там очерк, можно целую повесть!

Вдохновленный такой идеей, я отправился в редакцию И все-таки временами страх сжимал сердце. Хоть какой-нибудь пистолетик иметь, но где его возьмешь. Пригласить бы кого-нибудь из друзей, лучше Федю Костолома, детину почти двухметрового роста, гнущего пальцами пятикопеечные монеты. Он произвел бы впечатление. Но тот телефонный хмырь, конечно же, не подойдет. Придется выполнять условие:

"Тет-а-тет - разговор сугубо конфиденциальный". Вот если попросить кого-то подстраховать меня...

Без пятнадцати семь я был в "Беггах". Ресторан ещё пустовал, я выбрал столик в углу, попросил официанта никого не подсаживать и заказал ужин да двоих.

В семь мой инкогнито не пришел. Не явился он и в половине восьмого, и в восемь. Зал наполнялся. Я встречал взглядом каждого входящего, обшаривал столики - он мог прийти и с черного хода. Тщетно. А в начале девятого в зал вошли... Дина с Тamarой. Они, весело разговаривая, профланировали в другой конец за свободный столик. Дина увидела меня и отвела взгляд - сделала вид, что не заметила. Я понял, что деловое свидание не состоится, пошел за ними...

Дина снова ночевала у меня. Правда, долго пришлось налаживать с ней дипломатические отношения - она никак не хотела верить, что я пришел на свидание с женщиной, - и мне с трудом удалось её убедить.

А утром следующего дня, подъезжая к редакции, я увидел Василия Васильевича, соседа по столу на поминках Максима Петровича Он, видимо, кого-то поджидал и очень обрадовался, что я затормозил возле него.

- Здорово, здорово, Игорь Васильевич, - протянул он руку в приоткрытую дверцу - Вот не ожидал здесь встретить. - И протиснулся на сиденье. Выручи, друг Подбрось до магазина мебели, что на Жукова. Договорился в девять там быть, да вот ни одного такси поймать не смог.

Я развернул машину и выехал на Хорошевку. Минуты через три Василий Васильевич

попросил притормозить у бордюра С хитрой улыбкой посмотрел он на меня и сказал с такой многозначительностью, что у меня холодок пробежал между лопаток:

- Не узнал, Игорь Васильевич? Это я, Алексеев, вчера вечером звонил тебе.

Мои глаза, наверное, стали квадратными, что развеселило Василия Васильевича ещё больше. Он раскатисто захохотал.

- Не удивляйся Мне давно хотелось с тобой поговорить да получше узнать, что ты за парень.

- Почему же вы вчера не пришли? Он склонил на плечо голову и пронзающе посмотрел на меня исподлобья.

- За кого ты меня принимаешь? Думаешь, мы не вычислили твоих ментов?

- Ерунду вы говорите. Никаких ментов не было! - горячо запротестовал я.

- Заткнись. Не в них суть дела, - оборвал он меня. - Ты уяснил, что я сказал тебе вчера насчет Максима Петровича?

- Что он палку перегнул?

- Вот именно. А чего ты хочешь?

Ничего себе вопросик. Он "пасет" меня, искал встречи, а спрашивает, чего я хочу. Но вопросик не иначе имеет большое значение Как бы повернуть его в обратную сторону?..

- По-моему, мы не настолько знакомы, чтобы задавать друг другу такие вопросы. И вы нуждались во мне, а не я в вас Поэтому я вправе спросить, чего вы хотите?

- Вот и Максим Петрович так думал, что у него больше прав, - снова усмехнулся Василий Васильевич. - И ты нужен нам постольку поскольку... предупредить тебя, чтобы не повторил ошибку своего друга А мы предупреждали его Нет, жадность фрайера сгубила: "Дайте еще". А документики не все отдал, про запас оставил Теперь ты хочешь ими воспользоваться. Напрасно мыслишь. Больше за них ни копейки не получишь. И если через два дня не вернешь, пеняй на себя А теперь поехали к мебельному магазину, - приказал он таким тоном, в котором нетрудно было уловить угрозу.

Я включил скорость.

Вот, оказывается, что им нужно. Какие-то документы. Откуда их раздобыл Максим Петрович, что за документы? Сказать, что я о них не ведаю, не поверит. Ай да Максим Петрович. Во многом со мной откровенничал - и в семейных неурядицах, и в любовных похождениях, и в хозяйственных проблемах, - а вот деловые отношения, наверное, и от родного сына держал в секрете. И документики не в сейфе прятал, а так глубоко, что ни следователь, ни Василий Васильевич, специально прокрававшийся в квартиру, воспользовавшись поминками, не докопались.

- А вы уверены, что документы не в руках следователя? - спросил я.

- Уверен, - кивнул Василий Васильевич - И уверен, что они у тебя.

Я не стал возражать: пусть охотятся за мной, так легче разобраться, что к чему, и найти убийцу. Хотя мнимый Василий Васильевич кое-что прояснил: "...жадность фрайера сгубила", "...дайте еще", "...а документики не все отдал". Но сразу же закралось сомнение: мог ли Максим Петрович отважиться на шантаж, на вымогательство? Припугнуть он мог - столько дельцы водили нас за нос и столько выкачали денег и подарков, и снова стали тянуть с пристройкой, вот он и отважился. Но откуда у него "документики" и какие? Если имелись, то наверняка очень ценные, коль вынудили преступников пойти на убийство...

Вот и мебельный магазин. Я припарковал машину невдалеке от автобусной стоянки: если Василий Васильевич понял. Что у меня нет документов, он может решиться на всякое; надо было лишиться его этой возможности - на виду у людей он не рискнет на "мокрое" дело.

Василий Васильевич не торопился выходить Окинул меня ещё раз насмешливым взглядом, спросил:

- Ну ты все понял? Два дня, и носи документики с собой. Не вздумай шутковать, я не один, и руки у нас длинные. В случае чего, у тебя земля будет гореть под ногами.

Он запугивал - верный признак боязни, неуверенности, - и это придало мне решительности.

- Выметайся! - сказал я как можно грубее. - И запомни, я тоже не один.

Василий Васильевич кисло осклабился, открыл дверцу.

- Грозился теляти волка споймать. Посмотрим, чей козырь старше, - и вылез из машины...

Нет, он не запугивал. Убийство Максима Петровича, безрезультатное следствие подтверждали, что банда, которую я хотел разоблачить, хорошо организована, действует продуманно и дерзко, имеет надежное прикрытие; возможно, целая мафиозная группа. Сумеют ли быстро обезвредить её те, к кому я намеревался обратиться за помощью?

Вернувшись в редакцию, я пошел в другой кабинет, где никого не было дружки Василия Васильевича могли пристроить к моему телефону подслушивающее устройство, - и набрал номер майора Горелого, которого ещё вчера посвятил в свои перипетии и который заверил, что подключает к этому делу сотрудников милиции.

- Слушаю, Горелый, - отозвался он сразу.

- Привет, Саша. Как дела?

- А, это ты .. Дела как сажа бела А у тебя голова не болит?

- Пока нет, но идет кругом

- Может, тебе к врачу сходить? Начитался детективов... Кому интересно на твоих красоток смотреть?.. Надо мной, как над дураком, смеются.

- Смеяться, конечно, легче, чем дело делать, - разозлился я. - А я только что со встречи с Василием Васильевичем. Помнишь, рассказывал о хмыре, подсевшем ко мне на поминках? Так вот, это один из них. - И я подробно изложил ему все, о чем мы говорили.

- Понятно. Все намного серьезнее, чем мы предполагали, - после небольшой паузы сказал Горелый - Вот что, никуда пока не отлучайся, к концу работы я к тебе подскочу и обсудим дальнейшие действия.

Я-то на оперативников, как на каменную стену, надеялся, а они, оказывается, меня чуть ли не за шизофреника посчитали. Потому-то и разгуливают молодчики на свободе, творят, что хотят. "Кому интересно на твоих красоток смотреть..." А сами глаза, видно, на Дину пялили, а Василия Васильевича проворонили - что он был в "Бегах", я не сомневался.

"Пока никуда не отлучайся .." Сиди, мол, и дрожи за свою шкуру.

Надо что-то предпринять, хотя бы на первый случай обзавестись пистолетом. Выдают нам оружие, лишь когда посылают в командировку, в "горячие точки" Дважды я брал свой "Макаров", отправляясь в Афганистан, и один раз в Нагорный Карабах. Теперь "горячая точка" в Армении: там создаются целые армейские формирования националистов, требующих самостоятельности Армении, будто их кто-то в чем-то притесняет. Может, попроситься туда недельки на две? А дальше что? Надеяться на то, что наши органы правопорядка поймут Василия Васильевича и наведут в стране порядок, не приходится. Преступников с каждым днем становится все больше, а милиционеров все меньше - они не хотят рисковать жизнью за мизерную зарплату, на которую при современной дороговизне можно только одному с трудом прокормиться, и уходят кто в кооператоры, кто в охранники по договору, где платят втрое больше А те, кто остаются, за скудные гроши не очень-то надрываются. Помнится недавний случай - девушка подбежала к лейтенанту милиции, указала взглядом на парня в новенькой серо-голубой дубленке с шалевым воротником, пояснила: три дня назад эту канадскую дубленку сняли с отца четверо грабителей. Я стоял рядом и вызвался помочь лейтенанту. Парень заметил наши взгляды, понял, в чем дело, и стал уходить; мы - преследовать. Рядом был девятиэтажный трехподъездный дом, и парень юркнул в первый подъезд. Лейтенант остановился и беспомощно развел руками:

"В квартиры мы не имеем права вторгаться". - "Да он где-нибудь на лестничной площадке! - возразил я - Вызовите подмогу, а я пока покараулю". - "Это не мой участок, и мне некогда", - отрезал лейтенант и пошагал в другую сторону.

Там был мелкий хулиганишко, один, а тут, возможно, мафиозная группа, кому захочется за меня жизнью рисковать Прямо как в том сатирическом романе: "Спасение утопающих - дело самих утопающих".

Пошел к главному редактору, объяснил ситуацию.

- Так, говоришь, работники милиции подключились к этому делу? переспросил генерал.

- Подключились, но у них, видно, более важных дел хватает. За каждым Василь Васильевичем они не станут гоняться. Потому прошу разрешить мне выдать пистолет.

Лицо генерала озаботилось.

- Ты же знаешь, оружие по приказу министра обороны выдастся только при выполнении боевых задач, связанных с опасностью. Может, тебе действительно в командировку укатить? - пришел и он к такому выводу, за который уцепился было я. - Хоть на целый месяц.

- А потом?

- Ну твое дело не такое уж сложное, я думаю, наши сыщики за неделю его раскрутят.

- Тем более я здесь нужен буду. Генерал снова подумал.

- Вот что, - наконец озарился он идеей. - Я сейчас позвоню знакомому генералу из МВД, попрошу лично взять твое дело под контроль, и живи, не бойся, волос с твоей головы не упадет...

С тем я и ушел.

Днем мне раза четыре звонила Дина, спрашивала, встретимся ли вечером. А мне было не до любви. Не скажу, что я из трусливого десятка, в Афганистане не раз попадал в такие перипетии, что, казалось, живым не выбраться. Но я оставался спокойным, воспринимал все как должное - рано или поздно все равно умру, - а тут испытывал какое-то идиотское состояние: меня преследуют, угрожают, а я ничего предпринять не могу.

Трижды звонки были безответными - абонент сразу клал трубку; не иначе, проверял, на месте ли я.

В половине шестого приехал Горелый, возбужденный, довольный. Пожал мне руку.

- Молодец. Поздравляю. Кажется, интересное дельце нам подкинул: два часа назад наши сотрудники твоего старого знакомого прищучили - Гусарова. Две машины дюралюминия и две шифера вез из воинской части. По липовым накладным для строительства пионерского лагеря. В порядке шефской помощи. На самом деле по дорогой цене другим кооперативам загоняли. Это уже выяснено.

- Может, в этой части и засек их Максим Петрович? - мелькнула у меня догадка.

- Возможно. Возможно, там и документки компрометирующие раздобыл. Только от кого и какие? Тут цепочка, видимо, не простая. Не знаю, как быстро удастся расколоть Гусарова, но тебе надо держать ушки на макушке: коль они считают тебя обладателем секретных документов и попались с поличным, могут посчитать, что ты после встречи с Василь Васильевичем не внял их угрозам, а приступил к действию.

- Хорошенькую перспективу ты мне нарисовал, - невесело усмехнулся я, а мне даже пистолет бояться выдать.

- Ну, пистолет тебе пока не нужен, и не очень-то надейся на него стрелять первым вряд ли ты рискнешь. А в случае чего, наши ребята прикроют...

Наш разговор прервал телефонный звонок.

- Ну так как, встречаемся сегодня или у тебя другие планы? - в голосе Дины звучала обида.

Горелый догадался, о чем речь, и кивком посоветовал встретиться.

- А какие у тебя планы?

- Мы давно не были в домжуре. У меня сегодня получка с прогрессивкой, так что я приглашаю. Домжур - Дом журналиста. Горелый снова кивнул.

- Хорошо. Где встречаемся?

- Я уже свободна и могу подъехать к "Беговой".

- Езжай к домжур, я встречу тебя там. Я заказал ужин и двести коньяка, для Дины: коль у неё появилось желание посетить наш фирменный ресторан, значит, хочет выпить. Не знаю, как часто пила она до меня, но со мной, особенно в последнее время, у неё прямо-таки

тяга к горячительному. Вино она не любит, даже шампанское, водку пьет без особого удовольствия, а вот коньяк обожает. Мне её тяга не очень нравится, как-то я намекнул на это. Дина грустно вздохнула, потом усмехнулась:

- Вот возьмешь замуж, тогда буду повиноваться, как рабыня.

Нет, такие девицы созданы не для замужества... Мы сидели с ней вдвоем за столиком - погода снова была скверная, и журналисты предпочитали отсиживаться в своих квартирах, сочиняя бессмертные творения, - и ужинали молча; я все время ощущал на своем затылке чужие взгляды и невольно, когда забывался, крутил головой. Но все люди были как люди, ни врагов, ни друзей распознать я не мог.

- Ты кого-то ждешь? - спросила Дина.

- Нет, просто смотрю знакомых.

- Тебе со мной становится скучно?

- Не говори ерунды.

- Но у тебя кислый вид, будто силком сюда затащили. Или по работе неприятности?

- Приятными бывают только мгновения, остальное время - труд, заботы, желание выжить.

- Се ля ви, - согласилась Дина и взяла рюмку. - И вот она, горькая утешительница. Может, выпьешь?

- А кто поведет машину?

- Брось её здесь. Утащат - дальше проживешь. Нет, пить мне не хотелось, и не мог я, чувствуя буравящие затылок взгляды. Машина - моя спасительница, хочешь не хочешь, приходится держаться, и люблю я её, отношусь, как к живому существу; не раз выручала она меня и от попоек, и от ночевки в чужих квартирах мимолетных знакомых.

- У меня ботинки прохудились, - пошутил я, - и шлепать по такой слякоти - быстро ОРЗ подхватишь.

- У тебя что, нет денег купить новые? - то ли не поняла Дина, то ли поддержала шутку.

- А откуда? Современный младший офицер получает вдвое меньше начинающего таксиста.

- Серьезно? - Дина недоверчиво посмотрела мне в глаза. - А гонорар?

- На гонорар только Юлиан Семенов да Евгений Евтушенко могут содержать любовниц...

В ресторан ввалилась целая ватага смуглолицых парней с раскрашенными девицами. За нашим столом бесцеремонно уселась молоденькая парочка и, не обращая на нас внимания, оживленно затараторила на непонятном языке. Чтобы услышать друг друга, надо было перекричать их. Дина попыталась было осадить соседку, но та взъярилась, словно её кипятком ошпарили.

- Я к тебе в гости пришла, да? Почему, в таком случае, указуешь мне? Не нравится, сиди дома со своим хахалем и не мешай людям отдыхать.

За неё вступился и не выросший ещё из подростковых штанишек кавалер, отпустивший для солидности еле пробивающиеся усики.

- Чего квохчешь, наседка? Тебе пора на яйцах сидеть, а ты тут сшиваешься.

Его дружки громко заржали. Похоже, провоцируется скандал. Значит, Василий Васильевич где-то здесь? Хотя совсем необязательно: то, что задумал он, а точнее, его Хозяин, исполнят вот эти подонки.

Их в моем поле зрения было трое - один за нашим столом, двое - за соседним, девицы не в счет. Если бы решать спор только на кулаках, я бы рискнул: перед командировкой в Афганистан я месяц отрабатывал приемы каратэ и самбо в десантном училище и кое-чему научился. Да и схватки с душманами дали хорошие уроки умения владеть собой, здраво оценивать обстановку и проявлять либо выдержку, либо мгновенную реакцию. Сидевший передо мной черноусый юнец не отличался ни крепким телосложением, ни ростом, ни сообразительностью - я мог быть здесь тоже не один. И дружки не выглядели атлетами. Но каждый, наверное, с ножом и кастетом в кармане, а то и с пистолетом. Связываться с ними

было не в моих интересах, и смолчать я не мог - это значило потерять уважение Дины. Пока я искал достойный ответ, Дина опередила меня.

- Послушай, петушок, зря ты петушишься, все равно из тебя кочета не получится: твоим клювиком навоз клевать, а не курочек завлекать.

Петушок аж позеленел от злости, стиснул челюсти, сжал кулаки, готовый броситься на обидчицу. Дина переложила в правую руку вилку.

- Послушай, парень, - поспешил вмешаться я, чтобы разрядить обстановку. - Не надо кичиться своей невоспитанностью. Здесь ресторан, а не коммунальная кухня. И постыдись своей девушки.

- А твое какое собачье дело? - не унимался Петушок. - Защитник! Хочешь, пойдем выйдем, поговорим по-мужски.

- Надеешься на дружков?

- Зачем на дружков? Один на один, даю слово.

- Не надо, Игорь, - сказала Дина. - Еще о каком-то слове говорит, сверкнула она на него глазами, - когда понятия о достоинстве не имеет.

- Боишься? - наглея Усатик. - Тогда сиди и закрой коробочку.

Это было уж слишком.

- Может, вы пересядете за другой столик?

- А нам и здесь неплохо, - продолжал изгаляться Петушок.

Я подозвал официантку.

- Молодые люди пришли сюда не отдохнуть и поужинать, а поскандалить. Попросите администратора или дежурного милиционера.

- Да вы что, мальчики, - умоляюще сложила на груди руки официантка, чего вы не поделили?

- Все в порядке, все в порядке, - сменил злую ухмылку на заискивающую улыбку Усатик. - Товарищ капитан просто не понял шутку. Сейчас мы все уладим, принесите нам бутылочку коньяку.

Потом он действительно стал приставать с извинениями, предлагая выпить. Мы отказались и, поспешив закончить ужин, направились к выходу. Пока одевались, в фойе появился Усатик. Все-таки решил получить сатисфакцию или ещё что?.. На всякий случай я отдал Дине ключи от машины и велел подождать в кабине. Зашел в туалет. Усатик за мной не последовал.

Он поджидал на улице, под деревом, куда не доставал свет из фойе. Стрелять он, конечно, не будет, а кастет я сумею парировать. Мышцы мои напряглись, тело сконцентрировалось, как сжатая пружина, приготовившись среагировать при первом движении. Поравнялся с силуэтом и почувствовал, как ноги сами собой замедлили шаг, предательски подрагивая - так было и в Афганистане, когда рядом витала смерть. ,

- На машине катаешься, товарищ капитан? - насмешливо спросил усатый, выходя из темноты мне навстречу.

- Тебе завидно?

- Нет. Я на твоем месте пешком бы ходил, - и удалился в фойе ресторана.

Что это: угроза или... предупреждение? Я был настолько ошарашен, что стоял в растерянности. Кто он? Из шайки бандитов или просто захмелевший задира? Зачем, в таком случае, затевал скандал? Подручный Василия Васильевича? Я пошел к машине.

Дина облегченно вздохнула, когда я сел за руль.

- Что ему надо было?

- Снова извинялся, - соврал я, чтобы не тревожить её.

- Тварь базарная. Днем торгуют, а ночью пьянствуют. Ненавижу.

- А как же ты выбрала себе такую профессию? - поинтересовался я.

- Выбрала, - зло усмехнулась Дина. - И прошу тебя, никогда больше об этом не спрашивай. Без того тошно.

Мне искренне было её жаль.

Дорога была почти пустынная, но я помнил предупреждение и вел машину осторожно, не превышая положенной скорости. Дина не высказала никаких пожеланий, и я повез её к себе. Мы добрались благополучно.

- Позвони матери, - напомнил я, когда мы вошли в квартиру.

- Перебьется, - отмахнулась она. - И плакать особенно не станет.

7

И этот день начался с телефонных звонков. Первым позвонил Вадим Семенович, с работы, из госпиталя, и сообщил, что мать снова сильно заболела, очень просила приехать.

Жили они на даче в Голицыне - матери нужен был чистый воздух, - и Вадим Семенович каждый день вынужден был тратить на дорогу по три часа, добро что электрички часто ходили.

- На этот раз, кажется, я ничем помочь ей не смогу, - уточнил Вадим Семенович и, помолчав, добавил: - У неё рак легких, начались метастазы.

У меня чуть слезы не брызнули из глаз - значит, скоро мамы не станет. А я-то, шалопаи, дерзил ей, обижал... Милая, добрая мама. Возможно, она догадывалась, что больна - конечно, догадывалась, и все просила меня жениться, устроить свою жизнь; тогда, мол, она будет спокойна... Видно, не дождется.

- Это точно? - сквозь спазмы в горле спросил я, не придумав лучшего вопроса.

- Да, анализы... Приезжай обязательно.

- Приеду. Постараюсь пораньше, могу за вами заехать.

- Не надо. Я не знаю, когда освобожусь.

Пораньше не получилось: около двух позвонила женщина, назвалась секретаршей Кузьмина и сказала, что председатель исполкома вызывает меня по поводу автостоянки. На 19.00.

Я заикнулся было насчет завтра, секретарша сказала, что завтра у предисполкома сессия.

Надо ехать.

А около трех напомнил о себе и Василий Васильевич - его голос я теперь отличил бы из тысячи.

- Привет, капитан. Ты ещё не решил?

- Решил! - чуть ли не крикнул я. - Если ты ещё раз попадешься мне на глаза, стрелять буду без предупреждения.

- Ух ты! - захохотал Василий Васильевич. - Разве можно так пугать? А вдруг заикаться стану? Твоей машины за увечье не хватит рассчитаться. Ну вот что, сморчок, - загремел он угрожающе. - Прихвати на всякий случай бумажку и носи с собой. Поверь, есть вещи более стоящие, чем вшивые документки. Понял? - и повесил трубку.

Я набрал номер Горелого - по идее он сам должен был позвонить и разъяснить вчерашний конфликт в домжуре, - но он молчал.

- Привет. Что-то не заметил я твоих дружков, - без обиняков начал я.

- Вот и отлично. Насколько мне известно, все прошло о'кэй?

- А мне не кажется. Кое-что неясно, и прежний клиент объявился, только что звонил.

- Это хорошо, что они тебя не забывают. К концу работы я подскочу в редакцию. Или встретимся на перепутье.

Потом позвонила Дина.

- Не надоела еще?

- Пока нет.

- Тогда где и во сколько?

Я объяснил ей ситуацию и сказал, что обязательно должен проведать мать.

- Возьми меня с собой, - попросилась Дина. - Я очень хочу познакомиться с ней.

- Но она больна.

- Тем более. У меня хороший глаз, сразу вылечу. Ее визит действительно вдохнул бы матери силы, и я пообещал заехать.

С Горелым мы встретились у стадиона "Динамо". Я рассказал о домжуровских посиделках, о стычке с усатиком и его предупреждении не ездить на машине.

Горелый задумался.

- Нет, это не из наших.

- Зачем тогда было выходить ему за мной, предупреждать?

- Предупреждение - повод. Ему просто надо было посмотреть, кто тебя прикрывает, из-за этого и затеяли весь сыр-бор.

Возможно.

Без десяти семь я был в исполкоме. Но, к моему удивлению, ни секретарши, ни самого предисполкома не застал. Дежурный милиционер на мой вопрос уверенно заявил, что сегодня Кузьмин и не собирался принимать посетителей, уехал ровно в шесть. Но я все-таки решил подождать и покинул исполком в двадцать минут восьмого.

Кому и зачем надо было меня увидеть или задержать? Приглашение в исполком не розыгрыш и не ошибка. Что-то должно за этим крыться, и я был начеку, поехал к Дине не по кольцевой дороге, как обычно ездил, а по самым оживленным улицам, где легче затеряться в потоке машин.

У Дины были гости, вернее, у её матери, ещё молодой симпатичной женщины, броско накрашенной, с хмельными, плутовато поблескивающими глазами. Она бесцеремонно взяла меня под руку и повела к столу, заставленному закусками, торжественно представила солидному рыхловатому мужчине лет шестидесяти:

- Игорь Семиречин, известный журналист и благородный человек, друг моей Диночки.

- Я, наверное, покраснел до корней волос от таких непривычных старомодных эпитетов, беспрекословно пожал протянутую пухлую руку.

- Яков Семенович, - с достоинством отрекомендовался мужчина и налил мне рюмку коньяку. - За приятное знакомство.

Я чокнулся с ним и женщинами, поставил рюмку.

- Так у нас не принято, молодой человек, - запротестовал мой новый знакомый.

- Он за рулем, - вступилась Дина.

- Ну и что? Я сам двадцать лет вожу машину и знаю, что рюмка коньяку только взбадривает организм. - Он взял рюмку и протянул мне снова.

- Благодарю. Но в моем возрасте не требуется допинга, - уколол я его своей бесцеремонностью, важностью он вызывал неприязнь. Да и настроение мое не располагало к веселью.

- Вот этого я не учел, - захохотал Яков Семенович. - Конечно же, какой там допинг в ваши годы. А рюмочку все-таки выпейте, поверьте моему опыту, не помешает...

Пить я не стал, но за пустопорожними разговорами ушло не менее получаса, и Дина, как назло, собиралась медленно, примеряла то одно платье, то другое, желая понравиться маме.

Выехали мы, когда уже стемнело. Небо к вечеру очистилось от туч, и лужицы от таявшего днем снега стали подергиваться тонкой корочкой льда. Колеса, попадая на такие разводы, становились неуправляемыми, потому пришлось быть особенно осторожным, держаться подальше от обочин, где ещё лежали грязные припайи нерастаявшего снега.

Дина сидела рядом и, чувствуя напряженную обстановку, не отвлекала меня разговором.

Только отъехали от дома, как какой-то тип бросился к машине, подняв руку. Лицо его с усиками мне показалось знакомым - уж не тот ли тип, что в домжуре советовал не ездить на машине? Будь он и приятель, я не повез бы его - и так столько времени упущено, - и я промчался мимо.

Выбрались на кольцевую дорогу - здесь движение было не такое оживленное, - и нажал на газ: мама, наверное, истомилась ожиданием и обеспокоена, не случилось ли со мной чего и смягчилось ли мое сердце к ней за её увлечение, а я, шалопай, не догадался раньше сам навестить, даже не звонил, не спрашивал у Вадима Семеновича, как она себя чувствует...

"У неё рак легких, начались метастазы..." Неужели она умрет и я останусь один? Ведь, кроме нее, у меня никого нет. Дина - беззаботное, легкомысленное создание, она помогает мне забыть о мрачных событиях последних дней, от подстерегающей опасности, не более. Поделиться же с ней сокровенным, открыть свою душу мне не хочется - в лучшем случае это вызовет сочувствие. В любовь её я не верю, - правда, она никогда и не говорила мне о своих чувствах, - вижу по её поведению, по отношению ко мне, что встречается она со мной потому, что ей просто нужен мужчина. А у меня и "квадратик" есть, как принято у современной молодежи называть квартиры, и деньжата водятся, правда, небольшие, но коньячком угостить могу...

Зря, наверное, взял я её к маме - зачем обманывать самого дорогого мне человека на смертном одре? Дина никогда не станет моей женой...

Меня ослепила сзади машина - какой-то кретин включил дальний свет, и лучи фар, отражаясь от салонного зеркала заднего обзора, не позволяли видеть, что творится впереди.

Я притормозил, давая ему возможность обогнать меня, - пусть мчит сломя голову, если жить надоело. Многотонный КамАЗ надвинулся сзади, но обгонять не стал, пошел впритык. Я посигналил ему фарами, чтобы переключился на ближний свет. Никакой реакции - то ли водитель не понял, то ли забавлялся над "частником" - есть и такие ухаи, - то ли... Мне вспомнилось почему-то предупреждение домжуровского хмыря с усиками: "Я на твоём месте пешком бы ходил..."

Совпадение это - или?..

Сомнения мои развеял второй грузовик, обогнавший слева и пристроившийся бок о бок, словно в парадном строю. Он медленно начал теснить меня к правой обочине, где сверкали наледи. Небольшой юз - и мои "жигули" либо закувыркаются в кювет, либо попадут под многотонный КамАЗ.

Чем же я им так насолил, что они решили меня сжить со свету? Вначале Максима Петровича, теперь меня... Видимо, есть за что, "документик" дорого стоит. Хотелось бы на него посмотреть. Жаль, если не удастся и эти подонки будут разгуливать на свободе, вершить свои темные дела. Давно ли мы трубили на все голоса о преступности в мире бизнеса, а теперь эта преступность захлестнула нас, и бизнес стал главным мерилем и главной ценностью в жизни. Ругаем прежних руководителей, говорим о демократии. Но разве демократия в том, чтобы каждый вытворял, что хочет? Зачем же тогда принимаем Конституцию, законы? Сколько времени ушло на споры, на дебаты. А на деле будто законов не существует. Сталин, конечно же, был деспот, Хрущев тоже показал характер, но как без твердой руки навести порядок? Разве лучше теперь, когда литовец против русского нож точит, армянин в азербайджанца из-за угла целит, узбек над месхетинцем изгаляется? А наша доморощенная мафия что вытворяет? Грабит государство, наживается на взятках, спекуляции. Даже в армию проникла коррупция. А мы, два самонадеянных храбрых офицера, решили мир перевернуть... Кстати, где же мое прикрытие, наши прославленные в борьбе с преступными элементами работники уголовного розыска?

Я посмотрел в боковое зеркало заднего обзора. Только две машины, как два бдительных конвоира, сопровождали меня. Да встречные изредка проносились мимо. Значит, плохи мои дела. А Дина ни о чем и не догадывается, беспечно откинула голову на спинку сиденья... Мама хочет видеть меня, сказать, возможно, что-то очень важное перед смертью. А я погибну раньше её. Она не выдержит...

Что-то рано опускаю я руки, такого даже в Афганистане со мной не случилось.

Помню одного комбата десантников, с которым довелось попасть в окружение душманов. Положение было незавидное: с одной стороны неприступная скала, с другой - пропасть, а спереди и сзади непримиримые борцы за мусульманскую веру. И тогда сказал комбат:

- Не дрейфь, ребята, прорвемся. Безвыходных положений не бывает. До ночи продержимся, а ночью что-нибудь придумаем.

И придумал: пропасть оказалась не такая уж бездонная, а у нас нашлись стропы от

парашюта, шнур, канат и другие предметы, из которых получилась длинная и прочная веревка, позволившая нам спуститься на дно ущелья..

"Безвыходных положений не бывает". Хорошая фраза Думай, Игорь, думай, на то тебе и голова дана. Пока ты зажат с трех сторон. Четвертая - перед тобой - свободная. Если вырваться вперед, легче будет маневрировать... Левая сторона тоже небезопасна - там раскисший грунт; если колесо попадет на него, машину швырнет влево. Надо не дать соседу пользоваться своим преимуществом. Но и туда сильно не уклоняться - на первой же дороге, уводящей с кольцевой, свернуть вправо.

Громадная глыба многотонного МАЗа высилась слева так близко, что казалось, вот-вот обрушится на нас и раздавит, как букашку. Двигатель зловеще ревет, лучи фар огненными щупальцами облапывают дорогу, словно ищут жертву. Из-под двухметровых колес брызжут осколки лада и крошево асфальта, стучат о борт "Жигулей". Интересно, что за бандит сидит за рулем, какой бесчувственный чурбан, способный вот так ни за что ни про что убивать людей?.. И сколько он уже угробил?

Недобрым словом вспоминаю главного редактора, не разрешившего взять пистолет. Хотя прав Горелый, первым стрелять я не стал бы - а если за рулем сидит просто лихач или пьянчуга, решивший посостязаться с "Жигулями" на своем МАЗе?..

А ведь это мысль - можно и посостязаться, проверить, кто это и что ему надо. У МАЗа, разумеется, мотор намного мощнее, но и машина намного тяжелее, значит, скорость она набирает медленнее...

Потихоньку сбавляю газ. МАЗ вырывается вперед, но тут же притормаживает и пристраивается на прежнее место. Снижает скорость и идущий позади КамАЗ.

Успеваю мимолетным взглядом окинуть кабину МАЗа и разглядеть за рулем здорового детину с неприятной физиономией; чем - не могу сказать, возможно, просто интуитивно. Человек, способный на убийство ради денег, не может быть приятным. Откуда только берутся такие? Наверное, и мать есть, и в школе учился, и товарищи были, а человеческого - только внешность.

Отпускаю ещё педаль газа, "Жигули" сбавляют скорость до сорока километров. МАЗ выдерживает равнение, как на строевом смотре. Довожу скорость до тридцати. КамАЗ начинает поджимать, но я заставляю и его перейти на вторую скорость. Теперь достаточно. Резко нажимаю на газ до отказа, и "Жигули" с воем устремляются вперед. У МАЗа приемистость не та и вес - они не позволяют так стремительно развить скорость.

Слышу позади утробный рев - будто разъяренный зверь гонится за мной, вижу мечущиеся по дороге кинжальные лезвия фар, слепящие до рези, - этот ублюдок тоже включил дальний свет, - склоняюсь над рулем и с радостью отмечаю, как отстают мои преследователи.

Колеса шипят и повизгивают, брызги тонкого льда и незамерзшей воды бьют по днищу, желтое пятно прыгает вверх-вниз, несется вперед в неведомое. Самосвалы отстают метров на двадцать, сорок, если удастся удержать это расстояние, мы спасены - до поста ГАИ не более километра, там, надеюсь, уже в курсе дела и сумеют прийти на помощь. Правда, пост с противоположной стороны, а это значит останавливаться самому без уверенности, что "прикрытие" приняло меры, опасно - не успею и вылезти из машины, как преследователи будут рядом.

Педаль нажата до отказа, а "жигуленок" будто выдохся и начал сдавать. Вижу, как фары слева и сзади приближаются. И возвышение-то небольшое... Маловато сил у моей "лошадки", сам бы выбежал да подтолкнул сзади...

- Ты что гонки устраиваешь? Тебе жизнь надоела? - шутит Дина, а у самой глаза серьезные, косит ими влево и назад, на машины преследователей.

- А тебе не интересно узнать, какая скорость у современных самосвалов? - отвечаю ей в тон, а сам тоже включаю дальний свет и неотрывно смотрю вперед, надеясь разглядеть на дороге своих спасителей - вон, слева, будка ГАИ. Но ни одного человека, даже окна не светятся. Мигаю фарами бесполезно.

Дорога пошла ровнее, "Жигули" набирают скорость, но и МАЗ с КамАЗом не отстают, мчатся позади метра в двадцати.

Надо сворачивать в город, там эти самодуры не посмеют так нагнеть.

Навстречу движется колонна машин. Передний водитель мигает фарами: предупреждает, что впереди гаишники поджидают лихачей? Да нет же - мой дальний свет слепит их. Быстро переключаю на ближний. На это затрачиваю секунды, но их вполне хватает, чтобы просмотреть поворот на Ленинский проспект, и я проскакиваю его. А обратного хода нет. Придется ждать дорогу на Можайское шоссе.

Начинается спуск, он тоже небольшой, а внизу, знаю, вода и лед стекает дном тающий снег, - малейшая ошибка в управлении, и аварии не избежать. Сбавлять скорость тоже нельзя - чем ближе самосвалы, тем неотвратимее авария или катастрофа. Боковым зрением вижу, как Дина вцепилась руками в подлокотники, лицо закаменело - догадалась о грозящей опасности или просто испугалась? Раньше больших скоростей она не боялась...

На льду колеса взвизгивают, прокручиваются, теряя опору, и машину начинает заносить на обочину; хорошо, что ледовые припаи узкие - инерции хватает проскочить роковое место, и вот уже резина цепляется за асфальт, толкает мои "Жигули" вперед, подальше от наемных убийц.

Проскакиваю балку. На подъеме скорость падает до восьмидесяти километров, и самосвалы снова сокращают расстояние. Да, неплохую грузовую автотехнику создали конструкторы, в пору в авторалли участвовать. Жаль только, не всегда попадает в честные руки.

Кончается подъем, дорога круто заворачивает влево - тут тоже надо держать ушки на макушке. Никогда не участвовал ни в каких гонках и никогда не думал, что доведется вот так спастись бегством. Это в кино лихие каскадеры показывают умопомрачительные трюки, а тут чувствую, как прилипает к спине мокрая рубашка, пот катится по лицу, губы становятся липкими и солеными.

Я должен уйти от них, должен остаться жив. А останусь... клянусь, я найду их и разворошу гадючье гнездо...

До поста ГАИ у Минского шоссе есть ещё ответвление, но по той дороге я не ездил, и скорее всего она выходит на не столь оживленную улицу, которая мне нужна в данный момент. Значит, либо останавливаться у поста ГАИ, либо если и там тоже никого нет - сворачивать на Кутузовский проспект. Но до него ох как ещё далеко!..

А МАЗ уже насаждает на пятки, мчитесь чуть ли не впритык. И вдруг мигает фарами. Это так неожиданно, что я отпускаю акселератор - слева не враги мои, а охранители, работники милиции. Или это уловка, ловушка?

Мигает и КамАЗ. Значит, это они между собой?

Но момент уже упущен, и я снова в клешах: слева МАЗ, позади КамАЗ. А справа - крутая насыпь, наверху темнеет посадка.

МАЗ снова начинает медленно и настойчиво теснить меня к обочине. Я слежу за его громадными колесами, за мощным бампером, приближающимися миллиметр за миллиметром к левому крылу "Жигулей". Если произойдет касание, мою малолитражку швырнет, как камешек, и КамАЗ довершит дело.

Придется начинать все сначала.

Отпускаю потихоньку педаль газа. И в это время справа мелькает тень. Я успеваю нажать на тормоз, но поздно - глухой удар заглушает визг тормозов, "жигуленок" подбрасывает вверх, и он, пробороздив немного, останавливается.

Выскакиваю наружу, бегу назад. МАЗ и КамАЗ проносятся мимо, и после их слепящего света я словно проваливаюсь в непроглядную яму. Но лишь на несколько секунд - зрение начинает адаптироваться, различаю впереди на дороге темный предмет. Человек! Меня пронзает будто током, и все мое тело деревенеет, я не могу сделать и шагу, пошевелить рукой. Горло сдавливают спазмы, и когда подбегает Дина, хватает меня и истерически взвизгивает, я только мычу вместо утешения, слова застревают, как комья, перехватывает

дыхание.

Свет от "волги" и ещё двух грузовиков, остановившихся около нас, подтверждает все ещё не воспринимаемую сознанием реальность: да, это человек. И он недвижим.

Наконец шок отпускает меня, отстраняю Дину и склоняюсь над потерпевшим. Волосы на голове поднимаются дыбом: лужа крови, и лицо так изуродовано, что не разобрать, где нос, лоб, глаза; из приоткрытого рта продолжает стекать ручеек крови.

Дина перестает выть, неохотно, словно насильно поворачивает голову к трупу, смотрит широко раскрытыми, обезумевшими от страха глазами, и лицо её синеет, становится неузнаваемым. Она вздрагивает, отрицательно машет головой и кричит в истерике:

- Нет! Нет!

Какой-то мужчина берет её под руку и уводит к моей машине.

Вокруг уже толпится народ. Откуда его столько? Уже кто-то щупает пульс у лежащего, кто-то просит не напирать, не ходить по следам торможения.

Я смутно воспринимаю окружающее, все кажется кошмарным сном, от которого я никак не могу проснуться.

Потом приехали ГАИ, "скорая помощь", фотолаборатория ..

Уже в отделении милиции, когда составляли протокол, я узнал, что погибший был сильно пьян и появился внезапно из-за катушки высоковольтного кабеля, брошенной кем-то у дороги, и конечно же, в той ситуации никакой автомобильный ас не избежал бы столкновения. Убитому лет двадцать. Он хотел перебежать дорогу или бросился под машину, оставалось загадкой.

- Вы проверьте, пожалуйста, ещё раз этого типа на алкоголь, потребовал пожилой мужчина, одетый в спортивную куртку с береткой на голове - Там, похоже, спортачили (я вспомнил, что у поста ГАИ меня уже заставляли дышать в пробирку), по его роже видно, что пьян... С этой красоткой (это он на Дину), нажрутся и выхваляются друг перед другом.

- Не возводите напраслину, - вступилась за меня женщина. - Какой же он пьяный.

- А вы понюхайте, как разит от его подружки. Думаете, одна она пила.

- Откуда вы знаете, что она его подружка? - вмешался в разговор третий свидетель, молодой мужчина, кажется, водитель "волги".

- Откуда? - усмехнулся мужчина в беретке. - Не сестра, не жена. Так кто же? Даже если он её на улице подцепил, не просто, чтоб кататься. Видно, в ресторанчике успели посидеть, вот и гнали...

Меня домыслы Берета, после случившегося, не трогали, и я не стал оправдываться. Молчала и Дина.

Мне дали пробирку с резиновым мешочком, я с остервенением дунул в нее, и когда мешочек распрявился, протянул прибор Обвинителю - я уже догадывался, кто это.

Пробирку перехватил старший лейтенант, следователь, но для убедительности повертел её перед носом Берета.

- Убедились? И не надо говорить того, чего не знаете. Запишите в протокол, - сказал он сержанту, сидевшему за столом над бумагами.

Вопросы задавали мне самые примитивные: куда ехал, какую держал скорость, когда увидел человека, что за машины мчались рядом, не запомнил ли их номера, почему не остановился, не пропустил их вперед, коль заметил в действиях водителей самосвалов хулиганские побуждения? Парировать выпады, звучавшие в интонации старшего лейтенанта, не составляло труда, но прав мудрец, утверждавший, что обвинить во всех смертных грехах можно самого ангела: в протоколе мне приписывалось превышение скорости, несвоевременное запоздалое торможение, слабые профессиональные навыки, выразившиеся в неправильной оценке усложненной ситуации и приведшие к дорожно-транспортному происшествию. Попробуй опровергнуть хоть один аргумент. Правда, молодой мужчина, третий свидетель, напомнил старшему лейтенанту о кабельных катушках у дороги, о сильном опьянении погибшего, возможно преднамеренно бросившегося под машину, чтобы покончить с собой, на что строгий следователь ответил категорично:

- Вам в адвокаты рано ещё записываться. Постараемся сами разобраться, кто прав, кто виноват.

Дину вопросами не мучили, записали её фамилию, имя, отчество, адрес и что она видела в момент наезда и оставили в покое, за что я был благодарен. Показания остальных свидетелей серьезно меня озадачили: спортсмен в берете явно топил - где-то я якобы его обогнал, и он ещё тогда подумал, что "этому лихачу недолго жить на свете", а он-де угробил другого; женщина говорила путано и неоднозначно - то защищала меня, то своими сомнениями давала возможность истолковывать мои действия двояко; молодой мужчина, ехавший следом на "волге", защищал меня, требовал установить фамилии водителей самосвалов, он настаивал задержать их сразу после наезда и теперь утверждал, что главные виновники дорожно-транспортного происшествия они.

В общем, процедура задержания длилась часа два, и когда нас отпустили, на улице мужчина из "волги" незаметно пожал мою руку чуть выше локтя.

"Мое прикрытие?" - ещё раз мелькнула мысль, все более убеждая меня в верности догадки. На душе становилось спокойнее.

К моему удивлению, "жигуленок" почти не пострадал - удар пришелся на бампер - разбита правая фара и погнуто правое крыло. Двигатель запустился сразу, и я, подождав, пока Дина усядется, включил передачу.

- Может, вернемся? - попросила Дина. - Я тебе должна многое объяснить.

Нет, я и так слишком много доставил матери огорчений, чтобы заставить её ещё на смертном одре переживать за меня.

- Мама ждет. Она очень больна. Объясняй, что ты хотела.

Дина закусила губу, нагнула голову.

- Это я виновата, что ты наехал на человека.

- А остроумней ты ничего не придумала? - спросил я, озадаченный столь неожиданным "признанием". Она помолчала.

- На второй день, как мы с тобой познакомились, к нам в магазин приехал представительный мужчина лет сорока, пригласил в директорский кабинет и показал красную книжицу. Я не смотрела, что там написано, думала, ни к чему, да и он сам представился: майор КГБ Кузнецов. Спросил, как работаете, сколько получаю, начал сыпать комплименты, что давно заприметил меня как приятную, толковую работницу и директор, мол, хорошо отзывается, что им, в органах, теперь, когда в стране хаос, очень не хватает надежных людей. Как бы между прочим поинтересовался, не смогу ли я помогать им по совместительству за хорошую плату. Я пошутила: "Как раньше в охранке, осведомителем быть?" Он рассмеялся: "Ну зачем же так. Наши органы служат народу, и ваша помощь - тоже народу". Я поинтересовалась, что должна делать. Он предложил проехать в комитет. В кабинете заговорил более конкретно: "Вы давно знаете капитана Семиречина?" Я ответила, что только вчера познакомилась. "Это ничего, - сказал майор. - Нас он тоже заинтересовал совсем недавно. Ваша задача - познакомиться с ним поближе и информировать нас, с кем он встречается, где бывает, о чем разговаривают. Вы на него произвели впечатление, и вам не трудно будет это сделать. Платить вам мы будем пока сравнительно умеренно - пятьсот рублей в месяц. Ценная информация оплачивается дополнительно. Потом посмотрим, можем добавить еще". Но само собой, мол, разумеется, работа совершенно секретная и за разглашение карается строго. Я подумала: ничего страшного и преступного в этом нет, а пятьсот рублей на дороге не валяются, и дала подписку. А сегодня, - она снова стала кусать губу, - когда я им сказала, что мы вечером едем к твоей матери, они попросили задержать тебя до темноты, уговорить хоть немного выпить. Для этого, по-моему, и того типа, что ты видел у нас в квартире, матери подсунули. Следили за каждым твоим шагом. - Она смахнула с лица слезинки. - Не знаю, что ты там натворил, но они хотят упечь тебя в тюрьму, это точно. Вот и подстроили... Человека не пожалели, проклятые кагэбэшники...

Рассказ Дины оглушил меня не меньше, чем удар машины по человеку. Вот, оказывается, откуда знал Василий Васильевич, когда, где и во сколько я появляюсь,

выследили меня с самосвалами и спровоцировали катастрофу. Они надеялись, что Дине удастся уговорить меня выпить коньяку... Шпионка. А я-то привязываться к ней стал, на прежние грехи смотрел сквозь пальцы - с кем не бывает по молодости!

Хотелось остановить машину и дать моей возлюбленной хорошего пинка под красивый зад. Бросил на неё мимолетный, полный презрения взгляд. Она по-прежнему грызла губу, не поднимая головы. Зря я так... Исповедь её была искренняя, раскаяние чистосердечное. "Человека не пожалели, проклятые кагэбэшники", - звучали в ушах её слова.

Нет, в случившемся она не виновата. И не безразличен я ей, коль не побоялась раскрыть тайну, понимая, что может заплатить за неё жизнью.

- Значит, кагэбэшником представился, - продолжил я рассуждение вслух. - А в кабинете ничто не насторожило тебя? Обстановка, телефоны?

Дина пожалала плечами.

- На стене портрет Дзержинского. Большой стол с зеленым сукном, куча телефонов.

- А где это, на какой улице?

- У "волги" стекла были зашторены. И как только сели, он сунул мне в руки альбом мод "Бурды".

- И ты ничего не видела?

- Ну почему же... У меня сразу возникла к этому представительному мужчине и всей его затее настороженность. Откровенно говоря, я побаивалась... Мы поехали от "Наташи" по улице Горького, свернули на Манежной площади. Я мельком увидела памятник Дзержинскому, потом слышала стук колес трамвая о рельсы, это, видимо, на Чистопрудном бульваре, потом петляли по каким-то улочкам и переулкам. Вышли у трехэтажного здания, желтовато-серого, - она напрягла память, - с высокими каменными ступеньками и большой деревянной дверью. Вот, кажется, и все, что я запомнила. Да, лестница тоже деревянная, широкая с массивными перилами. Кабинет на втором этаже... Скажи, что ты такого натворил, что они охотятся за тобой? Ты шпион?

Мне хотелось рассмеяться, но вместо этого зубы скрипнули от злости вот, сволочи, под кого играют!

- И ты поверила, что он кагэбэшник?

- А кто же? - удивилась Дина.

- Наш советский мафиози. Слышала о таких?

- О них и по радио трубят. Но у меня и мысли не мелькнуло. И... какое отношение к ним имеешь ты?

- Сам хочу узнать... Постарайся вспомнить ещё какие-нибудь детали улицы и здания, куда тебя возили. Надо обязательно найти этот дом.

- Тебе что, жить надоело? Мало сегодняшнего?

- Вот потому и надо прихлопнуть всю эту банду. Они нас в покое не оставят. И ты должна помочь мне.

8

На дачу мы добрались уже в полночь. Мама и Вадим Семенович не спали, поджидали меня и были обеспокоены моим опозданием - уж коли я обещал, то всегда держал слово. Мама лежала в постели, мы не виделись три недели - с того самого дня, как закрутили меня дела, связанные с убийством Максима Петровича и со стоянкой, - и я ужаснулся её внешности: это была не красивая молодая женщина с веселым блеском глаз, пышной прической, какой уезжала на дачу, а изможденная болезнью старуха с запавшими поблекшими глазами, пожелтевшим лицом, которое избородили морщины. Особенно у глаз и в уголках рта, где ещё недавно при улыбке появлялись симпатичные ямочки. И волосы будто отмерли, распрямились и беспомощно свисали на подушку.

Я еле сдержался, чтобы не разрыдаться, и поспешил склониться к ней, обнять за плечи.

Она тонкими и бессильными руками отстранила меня.

- Не надо, Игорек.

И голос был совсем другой: слова с трудом вырывались из горла, где все булькало и

хрипело.

- Мы так тебя ждали.

А я не мог ответить, будто её болезнь мгновенно передалась мне и тоже закупорила горло.

- А это кто с тобой? - увидела она стоявшую в дверях Дину. - Уж не женился ли ты? - Она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась такая вымученная, что сердце мое облилось кровью.

- Нет пока, - взяв себя в руки, обнадеживающе сказал я, желая хоть немного порадовать её. - Но это мой хороший друг. Дина; помогает мне. Вот с тобой захотела познакомиться.

Дина приблизилась. Мама посмотрела на неё внимательно, одобрительно кивнула.

- Хорошая девушка. И тебе, Игорек, пора остепениться. - На лбу у неё выступили бисеринки пота. Она помолчала и попросила: - А теперь оставьте нас одних.

Вадим Семенович и Дина вышли. Мама взяла мою руку и сказала сквозь слезы:

- Вот и все, Игорек...

- Ну что ты, мама, ты ещё поправишься...

- Нет, я все знаю, - она передохнула. - А так хочется жить. Ты прости меня, сынок, я очень перед тобой и перед твоим отцом виновата... Я была плохой матерью и нелюбящей женой. Но видит Бог, хотела, чтобы вы были счастливы... И лишь в последние годы... Вот за Это Бог меня и наказал...

Я верил и не верил своим ушам: моя мать никогда не верила в Бога, а эта... Неужели болезнь так преобразует человека, меняет не только его тело, но и душу?

- Не надо, мама. Я тоже далеко был не идеальным сыном. А папа... Он любил тебя и был счастлив. Ты ничем его не обидела. Так получилось - все мы люди и имеем право хоть немного пожить в свое удовольствие.

- Спасибо, сынок, что ты понял меня. Я не хочу умереть, чтобы ты не простил. В последнее время у нас не очень-то хорошо было. - Она закрыла глаза и с минуту лежала молча, и я понял, что самое важное она ещё не сказала и мучается, говорить ли - лицо озабоченное, напряженное.

- Может, тебя перевезти в Москву? - решил я помочь ей.

Она отрицательно покачала головой и открыла глаза.

- Нет, там я и вовсе задохнусь... Мне тут неплохо. Вадим Семенович ухаживает, а когда уезжает на работу, приходит Александровна, соседка. Мы платим ей. - Снова помолчала. - Я вот о чем хотела посоветоваться с тобой, сынок. Знаю, ты не очень расположен к Вадиму Семеновичу. - Я хотел было запротестовать, но она упредила меня: - Не спорь, я не осуждаю тебя и вполне понимаю. Но этот человек много сделал для меня. Два года я болею и, если бы не он, давно умерла бы, поверь. Ты парень молодой, сильно занятый по службе, к даче у тебя никогда душа не лежала; что ты скажешь, если я передам ее... а точнее, сделаю завещание Вадиму Семеновичу?

Она вымучивала слова, делала большие паузы, чтобы собраться с силами, с мыслями, наверное, было не только больно, но и... Обида обожгла мою грудь. Но я постарался взять себя в руки; не время ворошить прошлое в эти страшные минуты. И не вправе я лишиться её последней воли. Действительно, зачем мне дача? Заниматься ею некогда и не с кем, один я сюда никогда не поеду. И я сказал как можно теплее и искреннее:

- Я одобряю твое решение. Дача мне действительно ни к чему. Вы не расписались ещё с Вадимом Семеновичем?

- Нет. Да и зачем? Пусть все остается тебе. Вернись в свою квартиру.

Откровенно говоря, меня устраивала и комнатенка Вадима Семеновича, но последние события, телефонные звонки настоятельно требовали сменить место жительства. Правда, от людей моего неизвестного противника надолго не скроешься, но надеюсь, им недолго осталось гулять на свободе.

- Хорошо, мама, я все сделаю, как ты хочешь.

- А эта девушка, ты не собираешься жениться на ней?

- Я недавно с ней познакомился, - ушел я от ответа.

- Если женишься, подари ей мое кольцо. Помнишь, отец привез из Египта? Оно стоит ныне тысяч тридцать... Как у тебя на службе, как здоровье?

- Все пока хорошо.

- И слава Богу. Береги себя и цени жизнь - она очень коротка, - слезы побежали у неё по щекам. - Намучилась я со своей болезнью, устала, а умирать все равно не хочется...

Жалость и отчаяние снова стиснули сердце. Я понимал маму: она прожила прекрасную жизнь и, конечно же, хотела продлить её. Если было бы можно, я отдал бы ей половину своих оставшихся лет. А лет ли?..

9

Встал я рано. Да и спал ли? Вид матери и сознание, что скоро её не станет, навяли грустные мысли о бренности человеческого бытия, о нашем предназначении. Неужели рождаемся мы только для того, чтобы заботиться о благах, об удовольствиях, и счастьем считаем то, что удовлетворяем нашу похоть, прихоти, наслаждаемся обжорством, блаженствуем в пьяном угаре, забывая о других, которые, быть может, умирают от голода, страдают от болезни, и некому им протянуть кусок черствого хлеба, стакана воды?

Давно ли моя мать и в мыслях не допускала такого конца, не думала ни о Боге, ни о близких, заботилась только о себе, о нарядах, о красивых вещах и развлечениях? Теперь мучается угрызениями совести, просит прощения. А чем я лучше, чем моя жизнь отличается от ее? Обзавелся машиной, два года потратил на хлопоты о гараже, а вчера задавил человека. И не важно, что кто-то спровоцировал убийство, вероятнее всего, силой толкнул несчастного под машину; моя вина тоже очевидна: не будь у меня машины - не произошло бы конфликта с мафиозной бандой, наезда, совесть моя была бы чиста...

Вот и теперь думаю только о себе, пекусь о своей совести. А что изменилось бы в этом мире, не будь меня? Значит, машина была бы у кого-то другого и участь того парня была предрешена, как и предрешена смерть Максима Петровича. Значит, дело вовсе не во мне, не в том, о чем я думаю, как строю свою жизнь. Человек - песчинка в мировом океане, подвластная всем ветрам и невгодам, беспомощная, беззащитная...

Прекрасная философия оправдать любую бездеятельность, любое преступление - песчинка, беспомощная, беззащитная, рок, обстоятельства... Потому и плывут многие по воле волн, как судьба пошлет, позволяя более энергичным помыкать собою, обманывать, грабить, убивать. И если я не разоблачу эту кучку бандитов - а возможно, и целую мафиозную организацию, похоже на это, - то кто же? Максима Петровича нет - не успел, видно, бедолага, передать важные документы, за которыми они так охотятся, а если и передал, то не в те руки...

Кто-то сказал: "Жизнь - это борьба". Да, без борьбы в нашем мире не обойтись. Прискорбно, конечно, что мать в таком критическом состоянии, и очень не ко времени, но жизнь есть жизнь, и опускать руки нельзя. Там, на кольцевой дороге, я поклялся, что, если останусь жив, все силы приложу, чтобы разоблачить банду. Дина дала мне крепкий кончик запутанного клубка дом, где свили гнездышко мнимые кагэбэш-ники. Надо только его разыскать. Это, судя по рассказу Дины, в нашем районе, где знакома мне каждая улица, каждый переулок. Мы избороздим там все вдоль и поперек, пока не найдем желто-серый дом с высокими каменными ступеньками и большой дверью, с широкой лестницей и массивными перилами. Дина узнает его, должна во что бы то ни стало узнать...

В Москву мы приехали около шести. Улицы были ещё пустынные, даже ни одного дворника не встретили, а помню, они вставали ни свет ни заря, скребли, чистили. И какой порядок был! А теперь - не столица, а захудалый, провинциальный городишко, не хватает только свиней и коров на улице. Но и без них улицы не чище - всюду валяется бумага, огрызки, гнилые овощи; и лишь кое-где собраны кучи хлама и грязного льда со снегом.

У "Детского мира" в это время обычно стояла очередь - люди приезжали из дальних концов, чтобы купить детям одежду, обувь, игрушки. Сегодня, и не только сегодня, ни души: покупать нечего. Теперь всякой хурдой-бурдой торгуют в подземных переходах, у входов в

метро великовозрастные дитяти косая сажень в плечах. Им бы на заводах, на полях вкалывать, а они легкие рубли сшибают - перекупают, перешивают, перепродают. Десять лет назад за это в тюрьму сажали, а теперь узаконили, даже ссуду дают оборотистым людям...

Что-то снова меня на минорный лад потянуло, а расслабляться нельзя. Мы проехали Сретенку, свернули на Бульварное кольцо. Вот и Чистые пруды, кафе "Рыбка", в котором я не раз сиживал. Трамвай уже стучит по рельсам, везя к метро "Кировская" одиноких ранних пассажиров.

Сбавляю скорость до пешеходной и начинаю петлять с улицы на улицу. Дина внимательно всматривается в каждое здание и отрицательно качает головой.

Мы исколесили все улочки и переулки от улицы Чернышевского до "Кировской", от Чистопрудного бульвара до Садового кольца - тщетно, знакомого дома Дина не признала. А время раскручивалось, как колесо смеха, ускоряя свой бег, лишь только с той разницей, что на колесе людей становится меньше, а на улицах их появлялось все больше. В мои планы это совсем не входило - не хватало ещё моим противникам засечь нас здесь. Дина, видимо, была так возбуждена, что меньше всего думала, по каким улицам её везут, вот и не может вспомнить.

- Может, вы по другой стороне Чистопрудного бульвара ездили? спрашиваю я, раздосадованный.

- Возможно. Он крутил тут... Помню, не один раз пересекал трамвайную линию.

- А сколько?

Дина напрягает память.

- Раза три.

- А на обратном пути?

- На обратном?... По-моему, мы ехали другой дорогой, и я не слышала трамвая.

"Не слышала". В её положении немудрено было и не услышать. И все-таки решаю проверить ещё по другую сторону Чистых прудов - не может быть, где-то здесь, недалеко, кружил лжекагэбэшник.

Выезжаю на Потаповский переулок. Старинная допотопная Москва с двухэтажными и трехэтажными кирпичными домишками, толщина стен которых не менее метра; массивные, чугунного литья ворота, резные наличники окон...

- Вот он! - радостно кричит Дина, и я резко жму на тормоз.

Действительно, серо-желтое трехэтажное здание с высокими каменными ступеньками, большой деревянной дверью.

- Ты уверена?

- Еще бы! Я узнала вон те длинные ручки с железными набалдашниками. И козырек над дверью.

Похоже, она не ошиблась. Такие старинные ручки вряд ли где остались еще... Но сбоку табличка. Выхожу из машины и читаю: "Частная юридическая консультация, 2 этаж, комната 7, прием посетителей по вторникам и четвергам с 18 до 20 часов".

Дина тоже вылезла из кабины, удивленно смотрит на вывеску.

- Тогда этого не было.

- Ты точно помнишь?

- Конечно.

Берусь за ручку. Заперто. Похоже, весь подъезд занят какими-то другими службами.

Ну что же, полдела сделано. Теперь, кто здесь обитает и чем промышляет, установить не трудно.

А время уже начало восьмого. Надо где-то позавтракать - у матери мы даже чаю не попили, некогда было. Но кафе и столовые ещё закрыты, а ехать домой - кое-какой запас в холодильнике имелся - далеко. У меня есть вторые ключи от квартиры матери, но там давно шаром покати - все время они живут на даче, и на Чистые пруды Вадим Семенович наведывается изредка, когда надо что-то взять из вещей. Теперь я переберусь сюда. Жаль, что гараж нельзя перевезти. Придется искать обмен.

- Перекусим на Курском? - предлагаю я. Дина равнодушно пожимает плечами.
- Ничего не хочется. Сейчас напиться бы, забыть обо всем на свете и уснуть.
- Успокойся, все страхи позади.
- Ты так считаешь? А мне кажется, они только начинаются.

Я понимал, что она права, но не хотелось её расстраивать. Наше положение требовало собранности, выдержки и решительности.

- Этим ублюдкам не долго гулять на свободе. По ним давно тюрьма плачет, - заверил я.
- У тебя есть друзья или знакомые в милиции, в КГБ?

Я лишь на долю секунды заколебался: открываться ли ей, и кивнул - не может она предать меня ещё раз.

- Но все должно оставаться как прежде. Они хотят завладеть компрометирующими их документами, потому приставили тебя ко мне Ты их проинформируешь все как было - и об аварии, и о том, что ночевали у моей матери на даче - они наверняка не раз проверили, - расскажи, что она при смерти и завещала мне драгоценные вещи.

- Ты хочешь, чтобы они прибили тебя за них?

- Я хочу, чтобы они тебе во всем доверяли. Может, повезет, они представят тебя самому главному Тот, кто завербовал, вчерашний посетитель вашей квартиры, шоферы - это все шавки, или, как они сами себя называют, шестерки. Надо добраться до их головы.

- Я не хочу! Я боюсь! - сквозь слезы воскликнула Дина.

- Верю И я не из героев без страха и упрека Но другого пути у нас просто нет.

Дина по-детски всхлинула и вытерла слезы. Мы позавтракали в вокзальном буфете, и я отвез её на улицу Горького, к магазину "Наташа", где она работала. На душе у меня было беспокойно. На этот раз не за себя, не за мать - я боялся за Дину: если её заподозрят, считаться не будут ни с чем...

- Позвони мне обязательно в конце рабочего дня. Я буду ждать.

- Хорошо.

10

В редакции меня уже поджидал Горелый.

- Ну, брат, наделал ты шороху, - пожимая руку, сказал он сочувственно. - Я в курсе. Не волнуйся и не расстраивайся - под колеса тебе подбросили парня. Кабельные катушки специально подкатили поближе к дороге - там оставлены следы, - предварительно накачали парня водкой до бесчувствия. Личность его установлена: бродяга, бездельник, пьяница. Последнее время подвизался в одном кооперативе, вроде бы не связанном с Гарфинкелем. Но это ещё надо разобраться, кому и чем он насолил. Шоферов самосвалов задержали обоих, тоже шабашили у кооператоров. Но они мало чего знают. Оба сказали, что им поручили только попугать тебя, заплатили по две сотни Кто? По описанию твой "приятель" Василий Васильевич.

- До сих пор не выследили его?

- Ну, брат, ты знаешь, не так это просто.

- Знаю. При таком прикрытии только на себя можно надеяться. А мне даже пистолет бояться выдать. Подсадную утку из меня сделали.

- Не горячись. Пистолет ты сегодня получишь Теперь ещё одну интересную новость тебе сообщу. Знаешь, кто твоя Дина?

- Знаю И можешь сказать своим коллегам, что хреново они работают Ты посмотри, какая организация у этой банды: отличная слежка, умелое внедрение, наемное убийство. А что вы им противопоставили? Разоблачили девчонку, которая сама во всем мне призналась

- Может, тебе теперь наша помощь и не нужна? - насмешливо спросил Горелый. - Кстати, знаешь, почему они решили тебя попугать?

- Сомневаюсь, что это только игра в соловьи-разбойники

- Не сомневайся. Сбить тебя в кювет ничего им не стоило.

Он говорил правду: до места аварии самосвалы несколько раз брали меня в клещи и, если бы хотели, раздавили бы, как букашку.

- В таком случае, объясни.

- Мы примерно догадываемся, какие документы их интересуют - в войсковой части под Нахабином кооператоры Гарфинкеля приобрели за бесценок три автомашины и вывезли немало стройматериалов якобы для детского сада. Эти документы кем-то похищены. Вчера две машины с железом работники милиции арестовали. А поскольку преступники считают, что документы у тебя, значит, ты и шантажируешь их, требуя крупную сумму...

- Их в самом деле шантажируют?

- Еще как. Требуют за документы ни много ни мало сто тысяч.

Я даже присвистнул

- Вот это да! А что, может, не откажемся? Вот кутнем...

- Ты зря улыбаешься. Они считают, что это ты навел милицию на те две машины, вот и решили тебя припугнуть. Какой срок тебе дали на обдумывание?

- Двое суток. Сегодня срок кончился.

- Вот теперь будь особенно осторожен Прикрытие прикрытием, но и сам не плошай Без нашего ведома ни шагу И с телефоном поосторожнее. Они подключили такую подслушивающую аппаратуру, которую не каждый опытный специалист обнаружит.

- На квартире?

- Не только И сюда, в твою любимую "Звездочку", забрались. Так что держи ушки на макушке.

11

Пистолет. Красивый, массивный, сверкающий вороненой сталью - сплав силы и надежности Не знаю, откуда пришла любовь к этому оружию, но в детстве главная моя игрушка была пугач. Я носился с ним по двору, не расставался в детском садике и, даже когда пошел в школу, таскал его вместе с книгами в портфеле. Вот и теперь я бережно вытирал смазку, чистил ствол и любовался "Макаровым", восхищаясь изящными формами, мудростью человеческой мысли Если бы только использовали его честные люди в борьбе со злом.

Мои преследователи охотятся за мной тоже не с пустыми руками Но, получив пистолет, я почувствовал себя увереннее, готов был по первому звонку ринуться навстречу бандитам. Однако день прошел спокойно - ни из милиции, ни из ГАИ, ни из управления, где трудился Горелый, никто не звонил. Даже Василий Васильевич не напоминал о своем существовании. Может, оставил меня в покое? Вряд ли. Бандиты и воры предпочитают действовать ночью. Потому придется ночевать в квартире матери: вступить в открытый бой с нашим советским "Спрутом" мне не по силам, да ещё и рано - надо выявить всю его организацию Горелый тоже посоветовал на квартиру Вадима Семеновича не ездить и обещал обеспечить более надежное прикрытие.

Писать задуманную статью я, как ни старался себя заставить, не мог мысли были заняты совсем другим. Зато идея, как только завершим дело и станут известны фамилии преступной группы, дать в газете очерк окончательно созрела; а возможно, и серию очерков, чтобы вся страна знала, кто пускает нашу экономику под откос, грабит государство, изгаляется над народом Уверен был, что материал получится интересным и пройдет на ура Только побыстрее бы раскрутить этот клубок и не дать никому опередить себя Горелый тоже увлекся делом о гаражах не случайно, но он мне не конкурент - журнал сможет опубликовать материал месяца на два позже газеты, в лучшем случае.

После восемнадцати часов редакция быстро опустела, а я сидел и ждал звонка от Дины. Почему она молчит, ведь знает, до какого часа я работаю? И мы договорились.. Звонить самому неловко телефон в магазине общий, надо кого-то просить...

Мною начинало овладевать беспокойство после вчерашнего происшествия на дороге. Опекун, конечно же, не оставит её в покое. И вдруг выяснит, что она во всем мне призналась? А пытать эти подонки умеют, не брезгуя никакими методами... Нет, повода такого мы, кажется, им не дали, и Дина не из кисейных барышень, не так-то просто им будет её "расколоть"...

Могла произойти запарка по работе - привезли товар или директор срочно устроил совещание. Да и мало ли могло появиться причин, по которым она не может позвонить?! Надо подождать, она обязательно позвонит.

Чтобы меньше волноваться, снова погружаюсь в размышления.

Максим Петрович завладел каким-то путем разоблачающими преступников документами, за что поплатился жизнью. Кто эти преступники? Поначалу я был почти убежден, что это кооператоры Гарфинкеля. Но Максим Петрович с ними жил дружно, и, когда они строили нам сто боксов, никаких тренировок, конфликтных ситуаций не возникало. А вот пристройка... Гарфинкель, похоже, не врет, что он не имеет к ней отношения, поскольку малые стоянки прерогатива районного начальства. И Кузьмин, можно сказать, подтвердил это. Без разрешения Максим Петрович не рискнул бы начать строить, значит, предисполкома дал "добро", обещая потом и письменно узаконить пятидесятибоксный гараж. И вдруг что-то случилось...

Почему Максим Петрович скрыл от меня, что перешел на личный контакт с Кузьминым? Не хотел разоблачать высокое начальство? Вероятно. И тот, видимо, предупредил: "Ни одна душа..." Что в деле замешано большое начальство, подтверждает поведение следователя Анчуткина: горячо начал и быстро скис, склонился к версии несчастного случая - угорели-де... И следов документов не найдут.

Возможно, что это те самые бумаги, которые пропали в воинской части, на отпущенные стройматериалы для детского сада. А возможно, и другие, более важные. Очень уж старательно охотится за "ими Василий Васильевич. Хотя у преступной шайки хорошо поставлены слежка и информация, она здорово просчиталась, решив, что обладателем компромата являюсь я. Почему они пришли к такому выводу?..

Катастрофа на дороге - первое серьезное предупреждение за несговорчивость... Преступники уверены, что документы не пущены в ход... Значит, должен последовать очередной шаг, чтобы заполучить их? Видимо, Динино подтверждение, что документы у меня, как я проинструктировал её, отсрочит их приговор, они будут искать новые пути к "урегулированию конфликта". А посему мне нечего особенно опасаться, надо, наоборот, дать возможность Василию Васильевичу выйти на меня и повести за собой в логово сообщников.

Вспомнился дом в Потаповском. Что там - временное пристанище или прикрытый вывеской государственного учреждения штаб?

Сегодня четверг, как раз день приема посетителей. Посмотрел на часы половина седьмого. Через полчаса магазин закроется. А звонка все нет. Дальше ждать нельзя.

Набираю номер телефона "Наташи".

- Магазин слушает, - отвечает приятный женский голос.

- Добрый вечер. Будьте так любезны, пригласите к телефону Дину, прошу как можно ласковее - верный способ добиться успеха.

- Это Игорь Васильевич? - спрашивает женщина.

- Он самый.

- Диночка просила передать вам, что за ней приехал Кузнецов, что вы должны помнить его. И они уехали. Ах, умница Дина. Сумела предупредить...

- Давно они уехали?

- Минут пятнадцать назад.

До Потаповского переулочка езды от "Наташи" минут десять, а что они поехали туда, я не сомневался. Минут двадцать проговорят. Потом Дина будет искать телефон-автомат. Надеюсь, у неё хватит сообразительности проверить, не следят ли за ней. Лучше позвонить из метро. Ближайшее - "Кировская". Еще уйдет минут десять. Итак, надо ждать ещё минут сорок. Что ж, подожду, торопиться мне некуда.

А мысли одни беспокойнее других начинают сверлить голову. Берет не случайно оказался свидетелем дорожно-транспортного происшествия, не случайно и топил меня. А водитель "волги" рьяно защищал... Если я догадался об этом, мог догадаться и Берет. Какой вывод он должен сделать? Что за мной следят. А если так, значит, и за Диной?.. В таком

случае, Кузнецов не поехал бы за ней...

Нет, пока мы никакого повода нашим противникам насторожиться не дали...

А звонка все нет. Стрелка часов будто застыла на месте. Я сходил в буфет, взял бутерброд с колбасой, чаю, но в горле пересохло, и ничего не лезло.

Вернулся в кабинет. Тишина давила, нагнетала страшные мысли: над Диной издеваются, пытаются, насильничают.

И я не мог сидеть на месте, ходил по кабинету от стены до стены. Вот не думал, что буду за неё так переживать.

Настенные часы пробили восемь. Больше я не мог оставаться безучастным. Набросил куртку и чуть ли не бегом направился к машине. На улице темно: небо затянули низкие черные тучи, в воздухе снова закружили мокрые хлопья снега. Запоздалые пешеходы торопливо семят к метро, к автобусным остановкам, кутая лица в воротники пальто. Прескверная погода, никак не весенняя Я достал пистолет, загнал патрон в патронник и, поставив на предохранитель, сунул во внутренний карман; "жигуленок" послушно покатил по Хорошевскому шоссе.

Потаповский переулок. Тихое, малолюдное место с дореволюционными ещё домами, загроможденными всякими сараюшками, клетушками, дворами с металлическими изгородями Спрятаться здесь от постороннего глаза или уйти глухими проходами между домов от преследователя нетрудно, потому, возможно, и облюбовали себе здесь гнездышко "личности" - воротилы современной теневой экономики...

Я проехал мимо дома с небольшим козырьком и высокими каменными ступеньками. Напротив него стояла черная "волга" с государственным номерным знаком: 03-86 МГС - Московский городской совет.

На втором этаже, где, по словам Дины, расположен кабинет того самого кагэбэшника, который взял с неё обязательство, горел свет. А внизу, у подъезда, даже плохонькой лампочки нет. Возможно, Дина сейчас там, докладывает "шефу" о вчерашнем дорожно-транспортном происшествии, о поездке к моей матери?

Что мне грозит, если я немного понаблюдаю за этим домом? Отгоню подальше машину и найду укромное местечко. Правда, Горелый предупреждал: "Никакой самодеятельности". А я и не буду ничего предпринимать, только понаблюдаю. Надо же узнать, здесь Дина или нет, все ли с ней в порядке. Да и какой же я журналист, если хочу написать о преступной банде, не испытав духа мафиозной обстановки, напряженности и страха? Для того чтобы описать бой с моджахедами, я летал на высадку десанта в горах, участвовал в перехвате каравана с оружием. Там было поопаснее и пострашнее.

Сворачиваю в Кривоколенный переулок. Сквозь арку, ведущую в небольшой дворик, вижу две машины. Припарковываю к ним свою, закрываю двери на замок и иду к "заветному" домику.

Мокрый снег усиливается, крупные ошметки летят в лицо и обдают мерзким холодом. Никогда не видел улиц Москвы такими пустынными, темными, зловещими. Будто в черных проемах арок, за углами домов и за тумбами притаились убийцы. И ветер беснуется остервенело, завывает так надрывно, что на голове волосы встают дыбом Я шел, засунув руки в карманы куртки, которую специально держал в машине - в шинели ездить неудобно, - сжимая рукоятку пистолета со снятым предохранителем, не обращая внимания на залепляющий глаза снег. Бегло, но внимательно осматриваю каждый закоулок, каждый предмет, за которым мог спрятаться мой враг.

Прохожу мимо дома с небольшим козырьком и высокими массивными ступеньками. Напротив по-прежнему стоит "волга" с выключенными огнями, а окна второго этажа ярко освещены, но кто там - не видно.

Сворачиваю в калитку противоположного двора, нахожу наиболее темное место между домами и застываю за бетономешалкой, брошенной строителями после ремонта. Отсюда хорошо виден подъезд таинственного дома с таинственными обитателями Рассчитываю рассмотреть их, когда они будут выходить, открыв двери, - лестница-то должна быть

освещена.

Стою минут пятнадцать и чувствую, что начинаю застывать - мерзнут ноги, несмотря на утепленные ботинки, ветер пробивает брюки, забирается под куртку. Но терплю, беззвучно пританцовывая, шевелю пальцами. Помогает плохо. А в освещенном кабинете даже тень не мелькнет в окне.

Со стороны улицы Чернышевского появляется человек. Мужчина. Шагает быстро, наклонив вперед туловище. Так торопится, что головой не поведет.

И снова тишина, если не считать разбушевавшегося на все голоса ветра. Ноги начинают примерзать к подошве, брюки обжигают кожу, словно накаленное морозом железо - одежда моя совсем не для засад, так можно ОРЗ подхватить.

Внезапно свет на втором этаже гаснет. Я напрягаю слух и зрение.

Через минуту вижу, как открывается дверь "заветного" подъезда. Выходят двое. Один долго возится с замком: никак, видно, не попадет в замочную скважину. Когда садятся в машину и в салоне вспыхивает свет, узнаю предисполкома Кузьмина. Второй, по описанию Дины, Кузнецов - солидный, представительный.

"Волга" уезжает. Выбираюсь из своего укрытия, подхожу к двери. Дергаю за массивную ручку - куда там! И тишина. Видимо, Дину отпустили раньше. А если и не отпустили... Надо позвонить ей домой, потом Горелому...

Подталкиваемый ветром, устремляюсь по переулку к месту стоянки моего "жигуленка".

Сбавляю шаг лишь во дворе, где припаркована машина. Внимательно осматриваюсь вокруг. Никого и ничего подозрительного.

Руки заоченели, и я с трудом попадаю ключом в прорезь замка. Открываю и с облегчением буквально падаю в кресло. Кабина ещё не остыла, а возможно, так показалось после пронизывающего ветра. Дую на руки, чтобы быстрее их согреть, и включаю зажигание. Выезжаю на Потаповский и вижу впереди на том же месте "волгу" с номером 03-86 МГС. До неё оставалось метров двадцать, как внезапно вспыхнули фары дальнего света, тут же я ощутил затылком холодное дуло пистолета.

- Тормози, падла! - раздался властный, угрожающий голос.

Предательски дрогнули ноги и руки, я нажал на тормоз и выключил сцепление. По спине покатились холодные капли пота. Вот так влип! Охотился на шакалов и сам попал в капкан.

От "волги" отделился человек и направился к нам. Зашел с правой стороны, повелительно указал на кнопку защелки.

- Открой! - прикрикнул сидевший сзади, тычком ствола заставляя поторопиться.

Приходится подчиниться. В голове каша - мысли о спасении одна нелепее другой проносятся роем. Как достать пистолет? Стоит сунуть руку за пазуху... Нет, ничего не получится. Вспоминаю о Горелом, он утверждал, что у меня надежное прикрытие, глаз не будут спускать, и это несколько успокаивает.

На сиденье рядом опускается парень с усиками, тот самый, кто "пас" меня в домжуре после предупреждения Василия Васильевича.

- Поехали, - повелевает он, указывая рукой вперед.

- Куда? - голос у меня охрип, в горле сухо, будто песком забило.

- Куда прикажем. Пока прямо. На Чернышевского - налево.

Усатик лезет ко мне за пазуху и извлекает "Макарова". Профессионал, сразу нашел. Когда он наклоняется, окончательно убеждаюсь - тот самый.

- Докатался? - спрашивает он иронично. - И кого ты тут высматривал? Он оттягивает затвор пистолета и хмыкает. - Ты смотри, даже патрон в патронник заслал, с предохранителя снял. И в кого ты собрался стрелять?

Я молчу и с досадой усмехаюсь над собой: вот тебе и безотказный верный друг... Как я не посмотрел на заднее сиденье? Должен, обязан был посмотреть! Замерз, видите ли, мамкин сынок. Вот и придется за лень и глупость расплачиваться жизнью. Сознание своей беспомощности вдруг так озлобило меня, что страх прошел, мною овладела решительность и

отчаяние умереть достойно. Если не удастся остановиться где-нибудь около дежурного милиционера, врежусь на скорости в дом или столб, уйти им не дам. Столько мне, видно, на роду жить отпущено. В Афганистане под пулю не попал, так дома свои мафиози-подонки прикончат... Дешево я им не дамся, этих двух, во всяком случае, постараюсь уделать.

Усатик словно прочитал мои мысли, посмотрел на меня пронзающе; положил руку на колено рядом с рулем, предупредил:

- Не вздумай ерепениться, все равно не успеешь.

- А чего он? - ткнул меня снова в затылок дулом пистолета задний. - А то я быстро его...

Мы выехали на улицу Чернышевского, свернули налево и пересекли Чистопрудный бульвар.

- Теперь налево, - скомандовал задний, я рассмотрел его в зеркало: крепкий здоровенный детина с квадратной физиономией, какие бывают у тупых и жестоких людей. Нос широкий, приплюснутый, как у туземца, лицо плоское и бесчувственное.

Не доезжая до "Современника", повернули в переулок направо.

- Рыжая сучка предала нас, коль он тут ошивался, - сказал Туземец и ещё раз ткнул меня в затылок пистолетом. - Привез?

- Кого? - прикинулся я дурачком.

- Не кого, а чего. Забыл, о чем с тобой Василий Васильевич говорил? Или вчерашний урок не пошел впрок?

Вот и доказательство. Если б его прищучить, Туземец все бы выложил. Усатик - посерьезнее, сидит, чуть подавшись вперед, - весь внимание, как взведенный курок, готовый сорваться при малейшем прикосновении...

Я не ответил. Смотрю вперед и выжидаю удобного момента, чтобы до отказа нажать на газ и ударить правым бортом о препятствие - силы удержать баранку у меня хватит и времени на это много не требуется.

- Стой! - приказывает Усатик в темном закоулке, обрывая последнюю надежду. - Выключай зажигание. Давай документ!

- Какой же дурак возит с собой ценные бумаги, - говорю я как можно спокойнее, если можно назвать это спокойствием: нервы натянуты, как плохо скрученная веревка, с помощью которой пытаюсь вытащить из бурной речки терпящий бедствие плот - оборвись хоть одна нитка, и все полетит в тартарары: этому придурку ничего не стоит выстрелить.

- Тебя ж предупреждали!

- Василий Васильевич слишком мелкая сошка, чтобы иметь с ним дело. - Я злился на себя из-за своей беспомощности, голос мой дрожал и срывался.

- Ты гляди, какой смелый, - усмехнулся Туземец. - Может, тебе самого шефа подать на переговоры?

- С тобой, во всяком случае, не собираюсь обсуждать этот вопрос. ("Надо как можно дольше тянуть выяснение обстоятельств - должен же кто-то из моего прикрытия подоспеть, - мелькает мысль. - А ещё лучше заманить бы их ко мне на квартиру - уж там-то наверняка кто-то подстраховывает".)

- Заговоришь, ещё как, - грозит Туземец и командует напарнику: - Ну-ка выверни у него карманы. Усатик проворно сует руку под куртку, достает документы, блокнот с последними записями для газеты, кошелек. Раскрывает его и присвистывает.

- Небогато живет советское офицерство, всего пятерик, на штраф не хватит, если гаишник прищучит.

- Вы заплатите, - вкладываю я в слова двойкий смысл.

- Возможно. Но пока платить будешь ты, - понимает намек Туземец и подсказывает - - В бардачке проверь, - и до боли нажимает стволом в затылок. - Может, скажешь?

- Перестань тыкать своей дурой, это тебе не поможет. Повторяю: ценных бумаг с собой не вожу.

- Подскажи тогда, где ты их спрятал. Может, в своей задрипанной шестнадцатиметровке?

- Хорумами пока не обзавелся, не воруя.

- Ну да, шантажировать и вымогать легче, зато дают больше. По статье, - уточняет Туземец. - А что касается твоей шестнадцатиметровки, так пока ты со своей кралей в домжуровском ресторане забавлялся, мы каждый закуток обшарили.

Новая волна злости на Дину обожгла сердце - вот зачем она уговаривала "обмыть" её прогрессивку... Но не место и не время заниматься анализом прошлого, которого не вернуть, не поправить, надо придумать что-то, чтобы продлить будущее, заманить их к себе...

- В твоих хорумах тоже каждый может найти твою захоронку? - подбросил я кость обложившим меня зверям. И её тут же подхватил Усатик.

- Ты уверен, что не там? Туземец пожал плечами.

- Я уверен, что, когда мы его утюжком станем гладить или в задницу паяльник вставим, он на блюдечке нам все поднесет. Присмотри-ка за ним. Он убрал пистолет от затылка и достал из-за пазухи маленькую портативную радиостанцию. Приоткрыл боковое стекло, высунул наружу антенну. Щелкнул выключатель, и за спиной слабо зашуршало. - "Десятый", я "Два-два", вызываю на связь.

Тут же отозвался мужской голос, показавшийся мне знакомым.

- "Десятый" слушает.

Не зря Горелый предупреждал, что эти мафиози оснащены первоклассной техникой.

- Задание выполнил, но груз ещё не готов.

- Выяснили, откуда забирать?

- Похоже, с базы, уточнять придется на месте.

- Когда там будете?

- Минут через сорок. Еще вот что: стюардесса, кажется, заболела.

- Знаю. Конец связи.

Под авиаторов работают, сволочи, чтоб не сразу раскусили, если засекут эти переговоры. Кажется, Дину разоблачили. Тогда плохи её дела, как и мои..

"Два-два" убрал радиостанцию и снова приставил пистолет к затылку.

- Трогай, Достоевский. Надеемся, дома у тебя найдется утюжок?

Спину обдаёт жаром, будто раскаленный металл уже коснулся тела, но я тут же отогнал видение надеждой: едем ко мне на квартиру, а дома и стены помогают - там есть кому защитить меня. И тут же окатывает леденящая волна - ночевать-то я собирался в квартире матери, о чем предупредил Горелого; значит, прикрытие будет в другом месте. Остается одно - врезаться в столб или ещё во что-нибудь.

Только взялся за ключ зажигания, как Усатик отстранил мою руку.

- Дай-ка я за руль сяду. - Вытащил ключи (сообразительный), вылез из кабины и зашел со стороны водительского кресла. - Двигайся.

Мне ничего другого не оставалось. Рушилась последняя надежда: в моей "задрипанной шестнадцатиметровке" тоже кое-что можно предпринять - на кухне на стенке справа висит набор ножей; один из них для разделки мяса, очень удобный и острый. И схватить я его могу сразу, едва переступив порог. На балконе тоже есть оружие, и тоже справа, на подоконнике - топорик, которым я мастерил нечто для хранения овощей и забыл убрать. В общем, надо не расслабляться и не терять веру..

Усатик включил зажигание и неспешно развернулся в обратную сторону.

- Ты куда? - недовольно поинтересовался "Два-два".

- Проверим, не увязались ли топтуны.

- А-а. Не вылезай только на центральные, там быстро засекут.

- Не бойсь. Боксер, - улыбнулся Усатик, - прорвемся

Боксер, видимо, кличка Туземца, "Два-два" - позывной. А как в мафиозном мире величают Усатика? Он моложе Боксера лет на пять и выглядит по сравнению с ним хлюпиком - узкоплечий, длинношей, с маленькими женскими руками, так что вырвать "баранку" силенок у меня хватит. Какая же у него кличка? Я бы дал ему - Сморчок.

Надо выбрать удобный момент, когда он будет сосредоточен, достаточно секунды,

чтобы крутануть "баранку". Но он очень насторожен и внимателен.

Боксер убрал от затылка пистолет - снова выехали на Чистопрудный бульвар, здесь светло.

- Давай к Трубной, - торопит он.

Сморчок петляет из переулка в переулок, стремится, где потемнее. Когда отъезжаем от центра, он сбавляет скорость и жалуется с грустью:

- Сегодня снова занятия пропустил, этого хмыря велели пасти. А ты сдал на "красный пояс"?

- Когда? Наш Идол совсем озверел - то туда, то сюда, и все нас, будто других нет. Скажу откровенно, самбо мне больше нравится. Каратэ - в кино красиво, а примени его вот в такой ситуации. Но сейчас не до приемов.

Он и вправду спортсмен... Уцелеть бы, раскрутить их шайку!

Где же мое прикрытие? Хотя бы какая-нибудь машина случайно увязалась за нами, припугнула бы их. Нет, ни машин, ни топтунов, как называют специалистов по слежке блатники и преступники. Настроение мое окончательно падает, когда подъезжаем к дому, где я живу, - здесь тоже пусто, если не считать безгаражных машин соседей, ржавеющих под открытым небом зимой и летом "Может, в подъезде или на лестничной площадке?" - хватаюсь я за последнюю соломинку надежды.

Поднимаемся на лифте. Не зря кто-то из умных людей окрестил подобные ситуации законом подлости. Даже соседи словно сквозь землю провалились - ни души

Мои противники стоят вплотную по обе стороны, готовые в любой миг пресечь любые мои попытки к спасению.

Вот и заветная дверь со счастливым номером 88 - так утверждают соседи, и Дина это отметила в первый день посещения моей обители.

Руки предательски дрожат, но я умудряюсь сразу попасть ключом в замочную скважину и, осененный мыслью, что в коридоре темно, надо этим воспользоваться, поворачиваю ключ лишь наполовину, щелкаю им, будто бы заело. Мысли стремительно мелькают в голове, восстанавливая в памяти все, что находится в коридоре и что можно использовать в качестве оружия. Вешалка для одежды. Тумбочка для обуви. Вешалка с одежными щетками. Японский зонтик в футляре... Не густо. И все это - разве что муху прихлопнуть...

- Есть! Есть!" - чуть ли не крикнул я, вспомнив, что на тумбочке под обувью я оставил утюг - торопился на службу и не отнес на кухню, где постоянно храню его. Им-то уж можно уложить хотя бы одного: открою и, не включая света, схвачу...

Но... человек предполагает, а судьба располагает. Усатик отбирает у меня ключ, открывает дверь и, оттеснив меня плечом, первым входит в прихожую. Включает свет. Рвется последняя ниточка. А когда вижу, кто выходит нам навстречу, окончательно остолбеваю - передо мной наш благодетель председатель кооператива Граф Инкель и... Сурен Самсонович, "верный" сторож стоянки. А я-то ему доверял! Даже ключ от собственной квартиры однажды оставлял, уезжая в командировку. Вот он и воспользовался...

- Проходи, проходи, писатель, - насмешливо и зло цедит Граф Инкель сквозь зубы. - Раздевайся, ваше благородие.

Я медлю. Утюг вот он рядом, слева, но все настороже, мне и нагнуться не дадут.

- Ну! - толкает меня в бок дулом пистолета Туземец. - Или тебе помочь? - Он уже тянет руку к замку куртки, я отстраняю её и раздеваюсь. Иду за Идолом - уверен, его кличка и вполне соответствующая - в комнату.

- Привет, председатель, - скалит прокуренные зубы Сурен Самсонович. Что-то совсем забросил нашу стоянку, мы уже соскучились.

- Заткнись! - обрывает его Граф Инкель. - Садись, - властно указывает он мне на стул у стола. - Значит, вчерашний урок не пошел тебе впрок, повторяет он слова Туземца, - решил воевать с нами. И сколько ж у тебя помощников?

- Много, - отвечаю я дерзко, чтобы припугнуть его. - Во всяком случае, хватит, чтобы

прихлопнуть вашу шайку.

- Врешь, - продолжает усмехаться Идол. - На сто тысяч много не надержишь. Или ты теперь больше запросишь? Знаете, что он натворил? обращается он к Туземцу и Усатику - Сурен Самсонович, видимо, уже в курсе. - Вы во сколько уехали от хазы?

- Не было ещё и десяти, - отвечает Туземец.

- В двадцать один сорок пять, - уточняет Усатик.

- А ровно в десять его дружки ухлопали Кузьмина, ранили Василь Василича. - Идол поворачивается ко мне. - И ты надеешься, что запугал нас этим? Да ты сейчас так нам за них заплаатишь, что маму проклинать станешь, зачем тебя родила.

- Да как же?.. Там никого, кроме нас, не было, - удивляется Усатик.

- Были, как видишь. На это у них ума хватило: его вместо приманки пустили; и пока вы вдвоем пасли его, они Кузьмина ухлопали. Сейчас он нам расскажет, кто это сделал. Ты не забыл свою жалеюку? - повернулся он к Сурену Самсоновичу.

- Зачем обижаешь, дорогой? Сурен никогда ничего не забывает. - Наш сторож и мой помощник достает из внутреннего кармана куртки небольшой паяльник и смотрит на меня с ухмылкой. - Прекрасный инструмент, председатель. Играет - слезы текут.

- Теперь понятно, кто помог Максиму Петровичу угореть, - говорю я с ненавистью, - у этого палача не дрогнет рука, и он с удовольствием будет издеваться надо мной. Отблагодарил за то, что он тебя на стоянку взял.

Сурен оскалил свои крупные, давно не чищенные зубы, по краям которых чернели камни.

- Ты прав, председатель, Сурен не забывает ни добра, ни зла: с Петровичем у меня были свои счета.

- Твой Сарафанкин взял его по моему велению, - пояснил Граф Инкель. Кстати, небескорыстно, тысячу с него слупил. Помощник твой был великий стратег, вначале решил из-под моей опеки ускользнуть, напрямую на Кузьмина вышел. А когда документиком обзавелся - в рэкетеры подался Но аппетит у него был куда меньше твоего, он двадцатью тысячами ограничился

Для чего он это говорит мне? Или не мне, перед своими помощниками отчитывается, что, мол, вот рэкетеры выудили у него двадцать тысяч. Я не верил ни одному его слову.

- Врешь ты все. Никаких денег Максим Петрович у тебя не брал.

- Не брал, потому что не дали. - Он вдруг удивленно изогнул брови. Может, и ты не требовал сто тысяч?

- Сто тысяч? - у меня глаза полезли на лоб. - Это когда же?

- Запямятовал, товарищ капитан? - Но усмешка сползла с лица, и он менее уверенно продолжил: - Или ты думаешь, что я по телефону твой голос не узнал?

- С твоим слухом в консерваторию бы.

Ирония, кажется, подействовала, он усомнился ещё больше в достоверности телефонного абонента.

- Тогда ответь, зачем ты пожаловал ко мне после похорон Сарафанкина?

- Я в твоём кабинете требовал с тебя сто тысяч? - Я был вне себя и еле сдерживался, чтобы не броситься на него.

Гарфинкель сурово посмотрел на Сурена.

- Кто ещё мог знать и звонить?

Сурен растерянно пожал плечами.

- Некому больше. Они с Сарафанкиным были не разлей вода.

- Так, - Гарфинкель начальнически прихлопнул по столу ладонью. Допустим, звонил не ты. Но ты не будешь отпираться, что документы у тебя? Он сверлил меня своими ледяными серыми глазами

Тут моим возражениям он не поверил бы ни за что - зачем мне было затевать такую опасную интригу, за которую можно поплатиться жизнью, и я с сожалением подумал, что идея моя разоблачить преступников кончается крахом сам ловец попал в ловушку. Даже если

удастся убедить их, что у меня нет никаких документов, в живых они меня не оставят - таких свидетелей лучше не иметь. А может, не все ещё потеряно и есть шансы дальше поводить их, как хищных рыб на блестящую приманку? Судя по тому, что Гарфинкель приехал сюда, встречается с заказчиками, сам ездит по организациям и учреждениям выбивать дефицитный материал, вряд ли он является главным в этой шайке; вероятнее всего, он чуть повыше рангом Туземца и Усатика и потому...

- Документы у меня есть, но не про вашу честь, - отвечаю как можно наглее: наступление, как утверждают стратеги, лучший вид обороны затрудняет противнику правильно оценить силы, заставляет его делать ошибки. - Произошла маленькая накладка: звонивший посчитал себя за босса.

- Ну и что? Документы нужны мне.

- Коль нет ста тысяч... - я даже усмехнулся. Гарфинкель покрутил головой.

- Сам нахал, встречал нахалов, но такого наглеца вижу впервые: в твоём-то положении ставить условия? Да ты сейчас сам нам в придачу тем задрипанным документам все свои гонорары предлагать будешь. - Он взглянул на наручные часы. - Кстати, вчера твои документы кое-чего стоили, а сегодня грош им цена-бронетранспортер на месте и теперь попробуй докажи, что его не списали и не отправили на металлолом.

Вот, оказывается, какие им нужны были документы: купили в воинской части подлежащий ремонту бронетранспортер, перепродали его, а теперь, когда он доставлен на место - не иначе как в Армению, где формируются отряды боевиков, - начальник рембазы оформил документы, что сдал его в металлолом.

Ах, если бы вырваться из лап этих садистов!. И никаких признаков присутствия охраны. Неужели снова оставили они меня один на один с бандитами? Да и не велика персона, чтобы охранять меня пуще ока. У них других забот хватает. Хоть бы телефон зазвонил!

- И знаешь, сколько мы получили за твой задрипанный броник? Пятьсот тысяч. На всех, - уточнил Граф Инкель. - А ты один хотел отхватить пятую часть?

- Почему один? У меня тоже есть и начальники, и подчиненные, - я любыми способами затягивал разговор: должны же меня хватиться опекуны!

- И много у тебя их? - недоверчиво сощурился Граф Инкель. Рассказывай лучше без жалейки - пренеприятнейший инструмент, скажу тебе по секрету, и я не любитель таких зрелищ.

- Ни много ни мало, но вполне достаточно, чтобы не выпустить вас отсюда.

- Вот даже как? - И повернулся к сторожу. - А ты убеждал нас, что их только двое?

Глаза Суреиа трусливо забегали, как у пса, который ждет наказания: не хватало только хвоста, чтобы завилать им. А каким молодцом передо мной рисовался: молодец против овец, а против молодца сам овца.

- Врет он все, - залепетал. - На понт берет.

- А Кузьмин и Василь Василич?

В это время зазвонил телефон - все-таки есть Бог на свете. Или сработала телепатия? Рванулся было к трубке, но Гарфинкель опередил меня, положил на неё свою увесистую лапу.

- Кто? - спросил он сурово.

- Если я не отвечу, они скоро будут здесь, - нашел я ещё несколько минут, а может, секунд, отдалявших от пыток.

Гарфинкель снял трубку, приложил к уху. Глаза его, кажется, полезли на лоб. Он зажал рукой микрофон и вопросительно глянул на Туземца и Усатого.

- Кажется, Рыжая.

- Не может быть! - возразил Туземец. - Я сам её связывал и прикрутил к батарейной трубе.

- А соседи, случайные прохожие?

- Там сто лет никто не был. И кляп я надежно... А в трубке, я слышал, уже спрашивал обеспокоенный голос Дины:

- Алло, алло, Игорь, почему ты молчишь? Гарфинкель сунул мне трубку.
- Ответь. Только без глупостей. - И в руках у него блеснуло лезвие ножа, приставленное к моему горлу. Я взял трубку.

- Слушаю, Дина.

- Спасибо, Игорек. Все в порядке. Ничего не бойся. Им конец.

Ее голос хорошо слышал и Гарфинкель. Быстро убрал нож, достал пистолет.

- А ну-ка проверь! - приказал властно Туземцу, кивком указывая на дверь. Приготовился к защите и Усатик: в одной руке мой "Макаров", в другой "вальтер".

- Тихо. Надо быстро сматываться.

- Выйди. Проверь лестницу и подъезд. Он не спускал глаз с двери. Туземец бесшумно повернул ключ - я не видел, когда он успел закрыть, рывком толкнул дверь. И тут же чьи-то сильные руки схватили его, вырвали из комнаты. Раздался лишь глухой стон.

Гарфинкель вскинул пистолет. Но тут же Усатик ударил его рукояткой "вальтера" по руке. Грохнул выстрел, и пистолет упал на пол.

- Спокойно, Граф. - Дуло "вальтера" уже упиралось ему в затылок, а "Макарова" было направлено в Сурена. - Финита ля комедия, как говорят французы, или комедия окончена, как заключают русские. Вы арестованы.

В комнату вошли двое немолодых спортивного вида мужчин, в одном я узнал вчерашнего свидетеля дорожного происшествия. А за ними пожаловал и мой друг Сашка Горелый.

- А ты боялся! - подмигнул он мне, подходя. - Жаль, что преждевременно спугнул их Сарафанкин.

- Какой Сарафанкин? - удивился я.

- Конечно, не покойник - сынок Максима Петровича. Это он требовал с Гарфинкеля сто тысяч и ухлопал Кузьмина. Вдвоем с прапорщиком Скородумовым. Тот какими-то путями завладел документами о махинациях комбата, вот под руководством Максима Петровича и решили они заделаться рэкетирами.

Послышались два слабых щелчка, будто клацнули курки пистолетов. Я взглянул на Гарфинкеля и Сурена Самсоновича и увидел на их руках стальные наручники.

Часть вторая

ШКОЛА ТЕРРОРИСТОВ

Глава первая

1

Мне было лет десять, когда в одной книге я прочитал оказавшейся напутствием фразу: "Воля, как и мускулы, требует постоянной тренировки; чтобы выковать железный характер, нужно научиться управлять собой, подчинять желания разуму..."

В детские годы все воспринимается особенно остро, и память, как губка, впитывает показавшееся необычно важным; прочитанное запомнилось мне на всю жизнь. Я стал вырабатывать "железный характер": ежедневно заниматься гимнастикой, вступил в секцию бокса, заставлял себя делать то, что ущемляло желания, и порой попадал в довольно трудные ситуации.

Не скажу, что я был баловнем судьбы, хотя детство мое протекало безмятежно, в полном достатке: единственный сын у обеспеченных родителей я не знал ни в чем отказа, но мое настойчивое желание стать таким суперменом заводило временами в такие дебри, где можно было запросто сломать себе шею. И все-таки судьба щадила меня. Она будто играла со мной, бросая порой из огня да в полымя.

Школу я закончил с золотой медалью, но когда ехал поступать в летное училище - мечта моего детства, - в стычке с поездными ворами, пытавшихся ограбить соседа по купе, попал под нож и чуть не распрощался со своей мечтой. Позже, когда стал летчиком и посчитал, что схватил Бога за бороду, началось сокращение нашей доблестной авиации, я оказался за бортом, и лишь волею случая - написал письмо в газету "Красная звезда" о пагубных последствиях скоротечного разоружения, - был замечен в редакции и

переквалифицировался в военные журналисты.

Вот так играла со мной судьба, бросая то ввысь, то вниз, заставляя все время быть начеку, готовым к любым ударам, не восторгаться успехами и не опускать рук при неудачах...

В апреле 91-го умерла моя мать, и я остался один, как перст, в нашей просторной двухкомнатной квартире на Чистых прудах. Отношения мои с Диной пошли на убыль. Пока болела мама и Дина помогала ухаживать за ней, некогда было анализировать то, что произошло между нами: как очаровательная блондинка вошла в мою жизнь и чуть ли не оборвала её на очередном витке подъема. Теперь же, когда мамы не стало, поведение Дины во всей той истории высветилось более ярко и осознанно, раскрывая все теневые стороны: знакомство в Доме журналистов, не случайная встреча в ресторане "Бега", приезд ко мне домой, дорожно-транспортное происшествие на кольцевой дороге. Все заранее было распланировано, обговорено; все Дина отлично знала и ласковыми словами, поцелуями убаюкивала мою бдительность, пока смерть не дохнула ей самой в лицо.

Допускаю, что поначалу она действительно заблуждалась и любовь пришла позже. Как тогда объяснить согласие остаться ночевать у меня на второй вечер нашего знакомства?.. Значит, на моем месте мог оказаться любой другой?..

Но ярче всего в моем воображении рисовалась сцена глумления над Диной в доме на Потаповском, когда я ждал в редакции её звонка: как Василий Васильевич, шестидесятилетний сатир и ублюдок, изгаляется над ней, оскверняет её тело. И, наверное, не один он услаждал свою похоть...

Когда несколько улеглось мое горе по матери и Дина, оставшись ночевать, пыталась расшевелить меня ласками, по телу моему вдруг пробежал озноб, словно прикоснулась уличная девка, которую только что насильовали под забором. Я брезговал Диной, в душе жалея её, понимая, что она не виновата, но ничего поделать с собой не мог.

Догадалась ли она о причине перемены во мне? Наверное. Женщина она не глупая. Во всяком случае, Дина оставила меня в покое, звонит изредка, справляясь о самочувствии, о работе...

Думая о ней, я неторопливо шел в редакцию, вспоминая наши встречи, и мне захотелось её снова увидеть. Наверное, действовала весна: утро было поистине весеннее, майское: светило солнце, синь неба и оливковая зелень распускающихся тополей радовали глаза. А на газонах уже горели золотом одуванчики, над которыми жужжали шустрые пчелки и лохматые неторопливые шмели. В такой день только бы бродить по улицам или сидеть в скверике с любимой, читать стихи и мечтать, а не протирать штаны в редакторском кресле над правкой авторских статей и четкой газетных гранок. Но жизнь, к сожалению, диктует нам свои законы.

В редакции меня уже ждали. Начальник отдела сообщил, что звонил главный и просил как только появлюсь, зайти к нему.

Генерал просматривал газеты, взглядом указал на стул и, отметив что-то на последней странице "Известий" карандашом, отложил газету.

- Здравствуй. Я вот зачем тебя позвал: интересное, на мой взгляд, письмецо нам прислали, и как раз по твоей части - ты теперь у нас признанный детектив, - улыбнулся генерал и протянул мне лист, исписанный мелким почерком.

"Уважаемая редакция! - стал читать я. - Наш полк выполняет правительственное задание, доставляет из кап стран гуманитарную помощь: продовольствие, медикаменты, промтовары. Перепадает кое-что и членам экипажей - в порядке поощрения, купли-продажи: туда везем часы, водку, кофе, золотишко, а оттуда дешевое барахлишко, которое перепродаем здесь втридорога. И наше доблестное офицерство с боевыми подругами стали завзятыми спекулянтами, все свободное время тратят не на повышение знаний, мастерства, а на вояжи по толкучкам. Потеряли всякий стыд и совесть. Но это ещё полбеды. Главная же беда в том, что наш комполка подполковник Вайкулевич при подборе "международных" экипажей руководствуется не программой их обучения, а личной выгодой: в за гранку

посылает тех, кто дает взятки. Берет, не стесняясь, и валютой, и шмотками. Идет разращение личного состава, дисциплина падает. Кое-кто из офицеров пытался поднять этот вопрос на собрании, обращался к командованию округа, но одно с Вайкулевичем - ему тоже перепадает. С недовольными и неугодными наш Держиморда безжалостно расправляется.

Дорогая редакция! Приезжайте, разберитесь, помогите! Неужто и вправду советская власть кончается, а вместо неё приходит так называемая демократия, где все дозволено, все моральные принципы считаются отжившими. Свиридов."

Достоверность письма не вызвала у меня сомнения: такое не придумаешь, и каждый уважающий себя журналист посчитал бы за честь взяться за это дело. Правда, нельзя было не обратить внимание на две вещи: уж больно корявым почерком написано письмо - одна буква завалена влево, другая - вправо, явно, чтобы сбить со следа. И ни инициалов, ни звания автора.

- Серьезное письмо, - сделал я заключение. - Хотя, скорее всего, анонимное.

- Иного и ожидать не следует, - кивнул генерал. - Попробуй повоюй с таким Держимордой. Да ещё идет сокращение армии. Правда, не исключен и такой вариант: кто-то, обиженный командиром, хочет таким способом свести с ним счеты. Но маловероятно: очень уж трогательно написано. В общем, поезжай и разберись. Проблема серьезная.

- Когда прикажете уехать?

- Если в отделе срочных дел нет, можешь завтра. - Генерал взглянул на конверт, прочитал адрес: Молдавия, Варкулешты.

- Я бывал там.

- Вот и хорошо. Разрешаю самолетом.

2

На другой день я вылетел в Молдавию. В гарнизон Варкулешты, небольшой, из трех десятков домов, поселок, на краю которого у самого аэродрома возвышались четыре трехэтажки авиаторов, я добрался лишь вечером, но ещё застал в штабе и командира, и замполита, очень разных по внешности и характеру людей: подполковник Вайкулевич - высокий, подтянутый и энергичный, в каждом движении которого чувствовались властность, уверенность в себе; замполит майор Епишкин - приземистый крепыш, неторопливый, с мягкими чертами лица и добрыми глазами. И встретили они меня по-разному.

- Корреспондент? - удивленно вскинул рыжие брови подполковник. Только журналистов нам и не хватало. - Недобро усмехнулся, повернулся к своему заместителю: - Это по твоей части. Размести, проинформируй, обеспечь. - И пошел к выходу.

Бестактность командира подтверждала содержание письма. Во всяком случае, ту часть, которая касалась его характера. И у меня чуть не сорвалось с языка: "У вас, видимо, есть основания держаться подальше от журналистов?" Но я сдержался: ещё настанет время сказать это.

- Спешит командир, - извиняющимся тоном стал оправдывать Вайкулевича Епишкин. - В горсовет на сессию опаздывает - он у нас депутат... Надолго к нам и, если не секрет, по какому вопросу?

Открывать свои карты заранее я не собирался - сразу будут приняты меры, чтобы я ничего не узнал: кому охота попасть на страницы центральной газеты в неприглядном свете, - потому ответил уклончиво:

- Редакцию и наших читателей интересует работа ваших экипажей по доставке гуманитарной помощи. Говорят, вы чуть ли не все нуждающиеся регионы продовольствием завалили.

- Слухи явно преувеличены, - улыбнулся майор. - Как у Шекспира: "Много шума из ничего". Разве это сейчас волнует нашу страну и армию?

- А что? - обрадовано ухватился я за случайно оброненный замполитом конец ниточки, который мог привести к желанной цели.

- Что? - переспросил майор, и улыбка в глазах сменилась грустной усмешкой. - Вы

выйдите за забор в своей капитанской форме и сразу все увидите и услышите.

Для меня то, что он имел в виду, не было новостью. Отношение к нашей военной форме стало неприязненным не только в Молдавии. В Прибалтике, в Армении, в Грузии - не лучше. И в немалой степени повинны в том мы, журналисты. Во многих газетах, по телевидению и радио изо дня в день печатаются и произносятся обличительные речи: сколько армия проедает, тратит на обмундирование и вооружение, какие в ней творятся беспорядки, какие несвойственные функции она выполняет, и что такую армию давно, мол, надо разогнать и заменить её малочисленной, наемной, скорее для престижа государства, а не для защиты от внешних врагов, которых, по мнению некоторых, ныне у нас уже нет.

- Националисты и вас донимают?

- Еще как! В открытую требуют, чтобы мы убирались отсюда. И солдат, которые у нас служат, против нас настраивают. Неделю назад из нашего полка рядовой Дониц дезертировал. С автоматом. Пять дней его искали. Нашли. У мамы чуть ли не под юбкой прятался. Вернуть хотели, да не тут-то было. Прокурор санкцию не дает. Говорит, плохо занимались воспитательной работой, и не стоит-де национальные отношения обострять.

- А автомат-то зачем забрал?

- Вот в том-то и заковыка. Наверное, скоро и самолеты наши будут захватывать.

- Нерадостная перспектива. Что ж, постараюсь и эту проблему осветить...

Поселили меня в кэчевской гостинице, в небольшой обшарпанной комнате с двумя кроватями и солдатскими тумбочками, забитыми детскими игрушками: в номере проживал офицер с семьей, прибывший более года назад и ещё не получивший квартиры. Теперь он укатил в отпуск, и его "хоромы" предоставили в мое распоряжение.

- А если что пропадет? - шутя спросил я у дежурной, сопровождавшей меня, полногрудой украинки лет сорока, игриво строившей мне глазки.

- Чому тут пропадать? - не поняла женщина шутки. - Этим цацкам? кивнула она на тумбочки. - Хиба ж вы в Москву их повезете? Постель? - она ловко, в мгновение ока, схватила с одной кровати матрас и положила на вторую. - Я принесу вам новый: все, как в гостинице высшего разряда. - Она профланировала рядом, чуть не задевая меня гордо выставленной вперед пышной грудью. Принесла новый матрас и белоснежное хрустящее белье. Пояснила: Такэ тилько высокому начальству сподобляем.

- И часто оно вас навещает?

- И не кажить! То собрания, то совещания. И усе у нас, мабуть, их туточки медом кормлять. Та оно и понятно: краще наших Варкулешт нема гарнизона. Лиман який рядом! Там и рыбку удят, и ушицу варять. Чего ж не приезжать. - Она взбила подушки, застелила кровать. - Бачите як гарно получилось. Спочивайте, мабуть устали с дорози.

Я поблагодарил её и стал переодеваться. Чувствовал себя действительно уставшим: отвык рано вставать, и голова была тяжелой. Умылся холодной водой и юркнул под простыню. Однако сон долго не шел. Мысли крутились вокруг неприятного впечатления от встречи с командиром полка, его реплики о нежелательном появлении в гарнизоне журналиста. Чует кошка, чье мясо съела!

Стал обдумывать план действий. Прежде всего надо найти Свиридова, автора письма. Возможно он сам, узнав о приезде в часть корреспондента, догадался о цели приезда и придет ко мне. Хотя маловероятно: шила в мешке не утаить, а с Вайкулевичем шутки плохи. Но... поживем - увидим...

Утром ко мне в номер зашел замполит.

- Как отдохнули? - поинтересовался он весело.

- Как в раю, - поддержал я его тон. - У вас тут воздух на ароматных травах настоян. Спал сном праведника.

- Воздух у нас действительно чудесный. И климат - двести девяносто дней в году солнечных... Одевайтесь, идемте завтракать.

- Да вы не беспокойтесь, только подскажите, где военторговская столовая. Пока существует?

- Вот именно - пока, - вздохнул майор. - Но харч там - на любовь не потянет: мамалыга, кефирчик, бутербродики. Мы с командиром посоветовались и решили вас на летное довольствие поставить. Расплатитесь потом.

- Спасибо. Правда, я не из гурманов и на мамалыге не пропал бы, поскромничал я, удивленный заботливостью Вайкулевича, от которого ожидал скорее всяческих препятствий в моей работе и стремления побыстрее выдворить меня из гарнизона.

- Дело не в том. Журналисты из центральной прессы не балуют нас своим вниманием, хотя полк наш третий год удерживает в округе звание передового. У вас, наверное, есть план, захотите с кем-то встретиться, побеседовать?

Ага, вот она разведка боем! Что ж, подброшу ему с командиром задачку с тремя неизвестными, пусть решают. Летным пайком меня не купишь.

- Да, и план есть, и встречаться с людьми придется. Для начала подскажите мне лучший экипаж, о котором стоило бы рассказать в газете.

Епишкин подумал.

- У нас почти все командиры и штурманы имеют первый класс. Вот Золотухина, Касаткина, Селиверстова к празднику Победы орденами наградили. Но надо с Вайкулевичем обговорить...

Я ещё раз убедился, что без согласования с командиром замполит не решится и культпоход в город организовать. И не потому что безинициативен такие волевые, самовластные натуры, как Вайкулевич, не потерпят двоевластия.

В столовой был идеальный порядок: белоснежные скатерти, салфетки, заказные листы, какие существуют только в санаториях да в ресторанах высшего разряда. Правда, ассортимент и качество блюд далеко не соответствовало рекламе: тонкие ломтики селедки с луком и картошкой на закуску, овощной суп с редкими блестками то ли от жира, то ли от постного масла, перловая каша с котлетой, которая мясом и не пахла. Да, не тот харч времен застоя, когда я был летчиком...

- Плохо стало со снабжением, - извиняющимся тоном пояснил Епишкин, видя как я ковыряюсь вилкой в тарелке. - Местные власти почти во всем нам отказывают, вот и приходится начпроду крутиться, как белке в колесе.

- Вы же продовольствие из-за кордона возите, - подвернул я разговор в нужное мне русло. - Неужели ничего нельзя себе оставить?

- Да вы что? - удивленно расширились глаза замполита. - Это же гуманитарная помощь населению. Нас тут же со света сживут.

- Да, - посочувствовал я. - Но за свои-то деньги вы можете что-нибудь купить у капиталистов?

- За какие? - усмехнулся майор. - За наши деревянные?.. А на командировочные марки только детишкам конфеты в красивых обертках можно купить. Правда, кое-кто ухитряется как-то скопить на барахлишко. Да разве в этом дело. - Он помолчал, раздумывая видимо, стоит ли со мной откровенничать. - Дружба, конечно, дело хорошее. И помощь, когда она идет от чистого сердца. А знаете, как стыдно бывает, когда видишь насмешливые взгляды, в которых нетрудно прочесть: "Ну что, победители, построили коммунизм? С сумой по миру пошли?".. Скажите, куда все подевалось? Помню, пацаном был, как иностранцы к нам в Ленинград приезжали и хватали водку, колбасу, электро-бытовые товары. "У вас все дешево, - говорили. - У вас все вкусно, надежно." В столовых хлеб бесплатно давали. А теперь?

Что я мог ответить?.. Острая, волнующая не только майора тема. Сколько об этом мы говорили, спорили в редакции. Но даже с мировым именем экономисты не могут вразумительно объяснить, почему наша экономика так стремительно покатила вниз.

- Даже если мы с вами разберемся, что и почему, мяса в этих котлетах не прибавится, - шуткой завершил я нашу беседу.

3

Два дня вживался я в коллектив, неуклонно соблюдая режим летчиков: ходил с ними на занятия, на тренажеры, на аэродром, пристально присматривался к каждому летчику,

стараясь вычислить автора письма - сам он пока ко мне не явился. Из двух Свиридовых в полку ни один в беседе со мной не подал и намека на авторство. Кое-что удалось уточнить: за границу действительно летают одни и те же экипажи. А вот за подачки или какие другие заслуги, предстояло выяснить.

Я познакомился и близко сошелся со вторым пилотом экипажа майора Золотухина старшим лейтенантом Андреем Болтуновым, симпатичным голубоглазым шатеном, добрым и доверчивым. На второй день я уже знал, что он встречается с молдавской девушкой Альбиной из Кишинева, влюблен в нее, как Ромео в Джульетту, и собирается жениться.

Мы вечером сидели в моем номере, наслаждаясь холодным пивом, которое я заранее поставил в холодильник, и болтали о всякой чепухе, кружа вокруг да около полетов за границу - я искал более верных подходов к интересующим меня вопросам. Андрей рассказывал о немцах, о их жизни и жадности, сетовал, что никак не может купить Альбине свадебный подарок: в Вюнсдорфе марок не хватает, а в Кишиневе ничего подходящего нет.

- А на обмен за бугор ничего нельзя прихватить? - прикинулся я простачком.

- Можно, - скривился Андрей как от зубной боли. - Наш бортач* чуть ли не весь "Палех" скупил в окрестных магазинах и поменял там на шмотки. Но это не по мне - искать, торговать. Да и командир у нас - мужик крутой, не жалуется любителей бизнеса. Хотел тут один хмырь болотный разбогатеть, так он быстро спустил его с предпринимательских высот на землю. Теперь вокруг самолетов ходит то дежурным по аэродрому, то по части.

Ценная информация. Не тот ли предприниматель настроил письмо, чтобы отплатить командиру за понесенные убытки? Но спросить фамилию "хмыря болотного" я воздержался: не слишком ли откровенен со мной Болтунов? Не своеобразная ли это разведка боем, чтобы выяснить цель моего приезда? Узнать фамилию отстраненного от полетов летчика мне и без Болтунова особого труда не составит...

Наш разговор прервал приход дежурной. Она сообщила, что Андрея просят к телефону. Мы пожали друг другу руки и пожелали спокойной ночи.

4

Солдатский клуб, где собирался весь личный состав полка по всем торжественным случаям, на культурные мероприятия, а также на постановку задач и разборы полетов, - узкий и длинный зал с низким потолком и потрескавшимися стенами, увешанными плакатами и стендами, с земляным полом, истыканным ножками скамеек и стульев, походил на овощехранилище, а не на культурно-просветительное учреждение: из-за маленьких окон помещение плохо проветривалось и воздух здесь стоял затхлый, перемешанный с табачным дымом, потом и ещё какими-то неприятными запахами. Летчики привыкли к "душегубке", как шутливо прозвали клуб, неторопливо рассаживались поэкипажно в ожидании начальства.

- По нашему командиру можно часы проверять, - шепнул мне Болтунов, глянув на свои "командирские" с светящимся циферблатом. Было без трех минут девять.

На сцену, где висела карта с проложенным черным карандашом маршрутом полета, поднялся начальник штаба полка подполковник Агапов, красивый офицер с гусарскими усиками, лет сорока; энергичным взглядом окинул зал, спросил непонятно у кого:

- Все собрались?

- Все! - хором ответили летчики.

Начальник штаба беглым взглядом прошелся по карте, повернулся и выжидательно уставился на дверь.

- Товарищи офицеры! - рявкнул он, когда появился Вайкулевич, и четко отрапортовал: - Товарищ подполковник, летный состав полка собран на постановку задачи.

- Садитесь, - снисходительно разрешил Вайкулевич.

- Товарищи офицеры!

Скрипнули стулья, будто вздохнули, и все стихло.

- Что я говорил, - шепнул Болтунов, толкая меня в бок и показывая на часы.

Вайкулевич придиричиво осмотрел карту, повернулся к летчикам. Его взгляд задержался

на Болтунове, и лицо нахмурилось. Качнулся с носков на пятки, чего-то выжидая. И вдруг загремел:

- Может, соизволите поднять свой тяжелый зад, когда командир к вам обращается?

Болтунов подскочил, как ужаленный.

- Виноват, товарищ подполковник. Я не понял...

- А пора понимать - давно от маменькиной сиськи отлучен... Не понял, со злой иронией повторил он. - Виноват... Пай-мальчик, а не офицер. Может, и прощение попросишь? Или достоинство не позволяет? А считать нас, командиров, дураками достоинство позволяет? - подполковник вдохнул воздуха и загремел ещё громче и строже: - Во сколько в гарнизон вернулся?

- В... в семь двадцать, - запинаясь, пролепетал Болтунов.

- А во сколько уехал?

- Около десяти вечера.

- Кто отпустил?

- Видите ли...

- Вам вопрос ясен? - перешел подполковник на "вы".

Болтунов опустил голову.

- Было поздно...

- Начальник штаба, - повернулся подполковнику к Агапову, - с завтрашнего дня с летного довольствия снять, и через день на ремень! ткнул он пальцем в сторону старшего лейтенанта. - В караул, дежурным по аэродрому, в столовую, чтоб не отошал. А вам, товарищ Золотухин, на первый раз выговор, чтоб лучше воспитывали своих подчиненных, проявляли требовательность. Подумайте, кем заменить этого Дон Жуана, променявшего службу на юбку. - Сделал паузу и более спокойно завершил: - На Вюнсдорф, как и в прошлый раз, пойдут семь экипажей. Три летают в районе аэродрома, остальные занимаются по планам командиров эскадрилий. Розыгрыш полетов - в пятнадцать ноль ноль. Свободны.

- Доложил, сволочь! - непонятно кого ругнул Болтунов, когда мы вышли на улицу.

- А что случилось? - решил уточнить я, догадываясь, где был Андрей.

- Знаешь, кто вчера вечером звал меня к телефону?

- Невеста?

Андрей кивнул.

- Она у проходной меня ждала. На своей машине из Кишинева прикатила. Соскучилась. Посидели в машине, поговорили. А потом ей плохо стало, рвота началась. Я хотел за врачом бежать, она не пустила. Говорит, все нормально, это от того, что ребенок будет. - Помолчал. - Вот такие пироги. Спрашивает, что делать будем. А я от радости во все горло рявкнул: "Свадьбу гулять будем!" Я смеюсь, а ей не до смеха. Попросила, чтоб домой её отвез. Я к дежурному, чтоб командиру позвонить. А тот: "Зачем беспокоить? К двенадцати вернешься и делу конец". Я и махнул в город. Альбина передумала ехать домой, к подруге уговорила её завезти. Пока там чайку попили, в постельке побаловались, глядь - двенадцатый час. Автобусы уже не ходят, у таксистов пересмена, да и не очень-то охотно они нынче за город ездят. Короче, пришлось остаться до первого автобуса.

За нами шел майор Золотухин и весь разговор он, конечно, слышал. Но молчал, как и в клубе, когда Вайкулевич отчитывал второго пилота. И мне позиция невмешательства командира экипажа очень не понравилась: у нас в полку, когда я летал, было не так - один за всех, все за одного, независимо от звания и ранга. Я посочувствовал Андрею:

- За тебя почему-то никто даже голоса не подал. Так в порядочных экипажах не поступают.

Золотухин и на этот раз промолчал. Но когда мы остановились около штаба эскадрильи, подошел и сказал с обидной ехидцей:

- Ты вот что, сынок, в другой раз о своих подвигах раньше командиру экипажа докладывай.

- Да не успел я. Пока помылся, побрился, еле на завтрак успел. И вас там уже не было...

Да и не думал я...

- А думать надо, - перебил Золотухин. - Всегда. Теперь ты по нарядам ходить будешь, а нам какого-нибудь эквилибриста подсунут.

- Надо объяснить командиру полка ситуацию, - подсказал я.

- Объяснить, - усмехнулся майор. - Вы слышали как он разговаривает с нами?

- А вы попробуйте хамству юмор противопоставить. Нам однажды удалось такого грубияна в нашем полку от умиления прослезиться. - И я рассказал комичный случай из своей жизни: - Однажды я опоздал на летно-тактические учения. Проспал. И наткнулся на аэродроме на командира полка, наподобие вашего Вайкулевича, владеющего только двумя языками: командирским и матерным. "Ты почему, так твою... разэтак опоздал?" - заревел полковник. "Роды пришлось принимать, товарищ полковник! - радостно докладываю я. - Сын родился. Хорошая примета. Летчиком будет. А поскольку вас первого встретил, разрешите вашим именем назвать?"

Сослуживцы, слышавшие наш диалог, затаили дыхание: а если командир дознается, что у меня ни жены, ни невесты нет?

Но суровость с лица полковник, как ветром сдуло. Глаза даже от такого почтения повлажнели.

"Роды - дело серьезное, - сказал он совсем ласково и пожал мне руку. Поздравляю. Разрешаю назвать моим именем, коль есть такая примета"...

А в кабине самолета командир экипажа схватил меня за грудки.

"Ты когда это успел жениться и сына родить?"

"Разве я сказал, что моя жена родила? - сделал я наивное лицо. - Я доложил, что принимал роды. - И после небольшой паузы дополнил: - Хозяйка квартиры родила".

Потом, когда гнев моих начальников прошел, я покаялся и они простили меня.

Золотухин ничего не сказал по поводу моего рассказа, но на розыгрыш полетов привел и Болтунова.

- А ты почему здесь? - удивленно вскинул вверх рыжие брови Вайкулевич.

Золотухин выступил вперед, заслоняя собой старшего лейтенанта.

- Это я приказал ему быть на розыгрыше, товарищ подполковник. Мы с вами не разобрались, в чем дело.

- Именно? - глаза подполковника наливались гневом.

- Не надо горячиться, товарищ подполковник, - веселым тоном продолжил майор, словно не замечая состояние командира. - Человек, можно сказать, подвиг совершил, а мы его - по заливку.

- Какой ещё подвиг?

- Болтунов девушку спас, дочку президента.

- Кого? - глаза Вайкулевича, казалось, вылезут из орбит.

- Разрешите? - пришел Андрей на помощь майору. - Это моя невеста. Действительно - дочь президента, - Андрей сделал затяжную паузу, окончательно повергая Вайкулевича в смятение, - спортивной ассоциации.

Зал загремел от хохота. Улыбнулся и Вайкулевич.

- Ничего смешного, - обиженно насупился Болтунов. - У нас скоро будет ребенок.

От нового взрыва хохота зазвенели маленькие оконца. Болтунов выждал, когда шум немного стихнет, и громко заключил:

- В День авиации у нас состоится свадьба. Приглашаю всех.

- Ура! - закричали летчики. - Поздравляем! Молодец! Давай комсомольскую! Все придем...

Оригинальный человек Вайкулевич. Личность, как охарактеризовал его Андрей, - будто и не было гнева на лице; тучки рассеялись, губы расплылись в добродушной улыбке.

- Тихо, тихо! - примирительно поднял он руку. - Ладно, коль такое дело: дочь президента, - он тоже сделал паузу, - жаль, правда, что не президента Молдовы или России, - ребенок, комсомольская свадьба... так и быть прощаю на первый раз, отменяю свой приказ.

Запомните. А теперь дебаты закончены, приступаем к розыгрышу полетов...

Когда мы выходили из клуба, Болтунов крепко пожал мне руку.

- Спасибо. Помогла твоя байка...

5

Рано утром экипажи улетели в Вюнсдорф, а я остался на аэродроме и продолжил журналистское расследование. В полку наверное не осталось ни одного человека, который не знал бы, что приехал корреспондент центральной газеты, и тот, кто послал в редакцию письмо, имея благие намерения, непременно разыскал бы меня и проинформировал более подробно. Но никто меня не разыскивал, никто и намека не подавал о том, что командир взяточник, экипажи, летающие за границу, занимаются спекуляцией. Все, с кем я беседовал, говорили почти одно и то же: да, командир грубоват, жестковат, но справедлив; почему за границу летают одни и те же экипажи, понятно: плохих туда не пошлют - чтоб и в летном мастерстве не осрамились перед иностранцами, и моральные достоинства не уронили.

Все верно. Любой умный командир поступил бы так. Вот и выходило письмо послал кто-то из обиженных. Но кто?

Дежурным по аэродрому в этот день был как раз старший лейтенант Иван Скородумов, тот самый отстраненный летчик, "хмырь болотный" как назвал Болтунов новоявленного коммерсанта, решившего разбогатеть на спекуляции. Я разыскал его на командно-диспетчерском пункте и познакомился. Это был симпатичный, голубоглазый брюнет с волнистым чубом, невысокого роста, общительный и откровенный. Мы поговорили вначале на отвлеченные темы: о Молдавии, о природе, квартирных проблемах, а когда я заговорил о Балашовском училище, Скородумов проникся ко мне доверием - он тоже, оказывается, его закончил; и мы почувствовали себя давними знакомыми. Повспоминили инструкторов, командиров, балашовских девчат, приходивших к нам на танцы, ставших женами летчиков и оставленных в вечных невестах. А когда я спросил Ивана о его службе и перспективе, лицо летчика заметно погрузтело, и он признался, что отстранен от полетов.

- Как же это случилось? - сделал я сочувственное лицо.

- Жадность фраера сгубила, - с ухмылкой ответил Скородумов.

- И чистосердечное признание не смягчило сердце командира?

- Армия - не детсад, и мы не в том возрасте, чтобы каждому разъяснять, что такое хорошо, что такое плохо. Тут я с командиром согласен и зла на него не держу. Что заслужил, то и получил. Теперь надо потом смывать грязь...

Как было не поверить такому чистосердечному покаянию? И на лице Скородумова ни тени обиды или фальши; голубые глаза, как утреннее майское небо, без облачка, без пятнышка. Мой пристальный, а может, и недоверчивый взгляд смутил старшего лейтенанта, он даже покраснел и опустил голову.

- Я бы с таким решением не смирился, - подзадорил я офицера, чтобы толкнуть его на более откровенное признание. - Все, кто летают за кордон, не на шоколадки тратят марки. А наказали только одного. Это, по-моему, несправедливо. Почему? Может, кому-то более угодливому потребовалось место?

Я продолжал пристально смотреть на Скородумова, ожидая, что он раскроется, но опальный офицер молчал, глядя в землю. Лишь лицо из покаянного стало озабоченным, напряженным.

Я усилил нажим:

- Мне вообще непонятно поведение ваших летчиков: с ними хаят, а они посапывают в две дырочки... Запугали вас, что ли?

Скородумов поднял голову.

- Мы привыкли. - И с виноватой улыбкой дополнил: - Нормальный командирский язык...

Нет, подозревать далее Скородумова в авторстве письма после таких откровений мог только человек, потерявший веру во всем и во всех.

Я ещё пару часов послонялся по аэродрому, поговорил с рядовыми и офицерами и, не

услышав ничего нового по письму, побрел в гостиницу: до возвращения экипажей можно было "добрать" недоспанные часы.

Настроение мое резко пошло на убыль: вместо интересного материала, похоже, я привезу в редакцию пустышку. Писать репортаж о том, как экипажи возят гуманитарную помощь, спасающую наш народ от голода и от возможных эпидемий, душа не лежала.

После обеда, отдохнувший и принявший решение завтра же возвращаться в Москву если не удастся раздобыть ничего нового, я снова отправился на аэродром встречать экипажи. Посмотрю, что они привезли "для народа" и для себя лично. Может, что-то и прояснит ситуацию.

Первым произвел посадку самолет майора Золотухина, лидера группы. Я направился к нему с таможенниками - капитаном и тремя солдатами-пограничниками.

Едва заглохли двигатели и открылся грузовой люк, как к самолету подъехала автомашина. Авиаспециалисты во главе с бортовым техником начали выгружать из чрева корабля в кузов машины картонные коробки с красивыми этикетками.

Двое солдат-пограничников полезли в самолет, капитан и третий солдат следили за разгрузкой и за членами экипажей.

Вот по трапу спустился Болтунов с небольшим чемоданчиком, какие принято брать с собой по тревоге. Увидел меня и поприветствовал помахиванием руки. Я подошел к нему.

- С возвращением. Что ценного привезли для нашего народа на этот раз?

- Все то же: макароны, печенье, медикаменты и... - Болтунов многозначительно поднял указательный палец, - конечно же, жевательные резинки, без которых наш народ давно бы протянул ноги... Туда драгметаллы: алюминий, молибден, золото, а оттуда - резиновые изделия, чтобы русские не очень-то размножались. Хочешь, подарю пакетик? С усиками.

- Спасибо. Прибереги для себя, на случай, когда силенок не хватит.

- Тогда возьми вот это, - Андрей достал из внутреннего кармана паркеровскую авторучку. - Чтоб хорошую статью о нас написал.

- А если расценю это как взятку? Или вон таможня так подумает, кивнул я на капитана.

- Не боишься последствий?

- Боюсь. Боюсь, что вместе с гуманитарной помощью мы везем из Германии их скопидомство, и скоро, как они, будем в гости ходить со своей выпивкой и закуской.

Я взял авторучку и стал рассматривать её. Ярко-зеленая, будто из малахита, с золотистым наконечником и колпачком, она сверкала в руках, как красивая игрушка.

- Такой ручкой только фельетоны писать, - пошутил я.

- Пиши фельетон, - согласился Андрей. - А лучше напиши роман обо мне и Альбине, о нашей любви. Кстати, я завтра еду к её родителям делать официальное предложение. Приглашаю тебя сватом...

Ответить я не успел: к самолету подъехал на черной "Волге" Вайкулевич, и Золотухин, выскочив из кабины, подал команду экипажу строиться.

6

Воскресенье. Утро как по заказу: ночью отгремела последняя майская гроза, начался июнь; ливневой дождь омыл небосвод и землю; листва на деревьях и трава по обочинам шоссе сияют первозданными красками; солнце на лазурном небе слепит глаза. Хорошо, что у Андрея нашлись запасные темные очки, и мы, чисто выбритые и наглаженные, мчимся на такси в Кишинев навстречу Андреевой судьбе - мне не удалось отказаться от роли свата.

Из-за несостоявшейся статьи о мздоимцах я решил написать очерк об экипаже Золотухина, придется прожить здесь ещё несколько дней, чтобы собрать нужный материал.

Шофер открыл боковые форточки, и нас приятно обдает свежим, насыщенным озоном ветерком, бодрящим тело и радующим душу. Андрей сияет и улыбка не сходит с его лица. Он счастлив - знакомое мне чувство, - невольно вспоминается Дина... Давно ли это было, и каким коротким оказалось наше счастье. У Андрея совсем не так: невеста - учительница; судя по его рассказам, умная и серьезная девушка. Ее отец - известный и уважаемый в городе человек. Что ж, и среди красивых девушек (а что Альбина красавица Андрей мне уши

прожужжал) встречаются умные и серьезные. Жаль, судьба меня пока не свела с такой... Возможно и к лучшему: вот я уехал в командировку и ничто меня не тревожит, ни по ком душа не болит. Вспоминаю иногда Дину все-таки она подарила мне несколько прекрасных мгновений, - но и те переживания, которые довелось претерпеть из-за её легкомыслия, забыть нельзя...

Вдали показывается столица Молдавии. Красивый, чистый город с цветущими акациями и каштанами вдоль улиц; малолюдный, спокойный (не то, что Москва!), располагающий к умиротворению и благодушию.

Шофер, почти не сбавляя скорости, доставил на центральный рынок - надо купить цветы, - и Андрей, расплатившись, отпустил его.

- Тут недалеко, пешком дотопаем, - пояснил он.

Я впервые попал на молдавский рынок. Прямо-таки цыганский табор: смуглолицые женщины в цветастых платках и широченных юбках со сборками, черноусые мужчины в сапогах и косоворотках. Шум, галдеж, выкрики на непонятном мне языке. И чем тут только не торговали! И японскими транзисторами, и итальянскими кожаными куртками, и финскими костюмами, и всевозможной обувью от модных туфель до самодельных постолов из сыромятной кожи. А от цветочных рядов в глазах рябило: пурпурные тюльпаны, белоснежные калы, темно-алые гвоздики.

Андрей выбрал букет роз, я - тюльпанов, и мы пошагали по улице Котовского к Ленинскому проспекту, где за частными домишками, крытыми черепицей, виднелись многоэтажки.

Замечаю: на лице Андрея веселости поубавилось, оно сосредоточено, озабочено. И понятно: женитьба, как утверждал чеховский герой, шаг серьезный. Спрашиваю у Андрея:

- Не передумал?

Он отрицательно мотает головой. И уточняет:

- Понимаешь, отец у неё какой-то непонятный: не пойму как он ко мне относится. Вроде бы уважает, а не уверен, даст ли он добро.

- Встречаться-то он не запрещал?

- Вроде бы нет... Но мы больше у подружки время проводили... И тянуть больше нельзя. Мачеха узнает - живьем съест. Не очень-то они дружат, хотя раньше, рассказывала Альбина, по танцулькам вместе бегали.

- Тогда можешь быть спокоен: мачеха уговорит отца побыстрее сбегать падчерицу...

Вот и нужный нам дом, многоэтажный, из красного кирпича, с тремя подъездами, большими стеклянными дверями с кодовым замком. Андрей поочередно нажал на кнопки и дверь, пискнув, распахнулась. В просторном холле за небольшим столиком с телефоном сидел молодой мужчина спортивного телосложения, окинул нас пристальным взглядом и спросил на сносном русском:

- К кому пожаловали пане-офицеры?

- К Ионе Георгиевичу, - ответил Андрей.

- Он вас ждет? - Мужчина глянул на телефон.

- Да, можете не докладывать...

- Ничего себе порядочек, - восхитился я, когда захлопнулась дверь лифта. - Похлещи, чем в армии.

- А как ты думал - городские шишки проживают... Зря мы в форму вырядились, - запоздало посетовал Андрей. - Хотя я специально хотел подчеркнуть кто я и какая перспектива ожидает их дочь.

Мы поднялись на третий этаж. На звонок дверь открыла сама Альбина - по описанию Андрея я такой и представлял её себе: смуглолицая, с густыми черными, как смоль, волосами, спадающими на загорелые плечи и оттеняющими красивую длинную шею. Стройная, как южный тополек, с тонкой, прямо-таки "осиной" талией. Не случайно именно эти детали бросились мне в глаза - лицо её не вызывало такого восторга, как фигура. Оно, несомненно, было симпатичным: овальное и чистое, как яичко; брови тонкие, черные, почти

сросшиеся у переносицы; прямой нос, сочные, чувствительные губы. А вот подбородок для женского лица был явно тяжеловат. В нем было что-то мужское, выдававшее сильную, волевою натуру, неприемлемое мною в женщинах. Твердый характер подтверждали и большие темно-карие глаза с огненными, будто лазерными крапинками, которыми она обожгла меня, проведя с ног до головы оценивающим взглядом, и улыбнулась Андрею.

- Привет. Проходите ко мне в комнату - у папы гости.

Мы прошмыгнули через просторный холл с большими зеркалами и картинами на стенах, и очутились в роскошно обставленной дорогой мебелью комнате. Ноги утонули в мягком ворсе ковра, наверное персидском, о которых я читал в книгах...

- Это мой друг Игорь, - представил меня Андрей.

Она протянула холеную с длинными пальцами руку.

- Альбина.

- Я так и понял, - начал я с веселой ноты, памятуя одну из заповедей: ничто так не сближает людей как непринужденность и теплое слово. - Андрей так описал вас, что я узнал бы и на улице.

Альбина с наигранной строгостью погрозила ему пальцем.

- Никогда не хвались, что изумруд твой самый, самый, - гласит восточная мудрость, - украдут.

Мы вручили ей цветы. Андрей извлек из "дипломата" привезенные из Германии туфельки и поставил к ногам Альбины.

- Примерь. Канцлер ФРГ для своей любовницы заказал, а я для тебя перехватил.

Альбина взяла подарок, повертела в руках, рассматривая со всех сторон, лишь после этого надела на загорелую точеную ножку.

- В самый раз, - поблагодарила так буднично, словно Андрей каждый день преподносил ей такие подарки. - Спасибо, Андрюша.

- Не... понравились? - Андрей виновато хлопал глазами.

- Да нет, все в порядке. Прехорошенькие туфельки. Только ты ставишь меня в неловкое положение перед своим другом.

- Почему? - горячо запротестовал Андрей. И это не просто друг. Я говорил тебе, что нагряну со сватом. Вот и приехали. Так что пусть отец твой выпроваживает гостей, разговор с ним будем вести.

Альбина кокетливо повела плечиками, покусала задумчиво губу.

- Вообще-то он очень занят... Но я сейчас узнаю, надолго ли.

И ушла, чуть покачивая обтянутыми легким платьем бедрами. Стройная, грациозная, как прима-балерина. Андрей не сводил с неё восхищенных глаз.

- Ну как? - спросил у меня, едва закрылась дверь.

Я повторил услышанную от Альбины восточную присказку:

- Никогда не хвались, что изумруд твой самый, самый - украдут.

Мы оба рассмеялись. Но я чуточку слукавил: что-то в Альбине было такое, что настораживало. Может, мне просто показалось: очень уж равнодушно она приняла подарок; а возможно потому, что я с предубеждением относился к цыганкам - Альбина выглядела типичной цыганкой.

Она тут же вернулась и безнадежно махнула рукой.

Мужчины хуже баб, теперь их до вечера не разгонишь. Но я предупредила, что ты хочешь поговорить с ним по очень серьезному делу, и часам к пяти мы вернемся. А сейчас я переоденусь, и мы махнем на пляж. Ты на машине?

- Мы же свататься ехали. А какое сватовство без выпивки.

- Тогда поедем на моей.

- Но мы плавки не взяли.

Альбина покусала губу.

- Перебьетесь. Такое место найдем, где никто за вами подсматривать не будет.

Через полчаса мы мчались на новеньких рубиновых "Жигулях", сверкающих

полировкой, утопая в мягких, обтянутых плюшевыми чехлами креслах. На Альбине под цвет машины - легкая ветровка со множеством карманов и блестящих пуговиц; такие же брюки, о стрелках которых можно обрезать. Ведет машину уверенно, лихо обгоняя троллейбусы и автобусы, не сбавляет скорость у светофоров, когда загорается желтый свет. Я глянул на спидометр и присвистнул - 90! И это по городу!

- У нас за такое сотней не отделаешься, - пошутил я.

- В ваших-то Варкулештах? - смеется Альбина. - Да у вас днем с огнем гаишника не сыщешь.

Я не стал объяснять, что имел в виду Москву. Пусть считает, что мы с Андреем однополчане.

- У нас ВАИ, а не ГАИ, - приходит мне на помощь Андрей. - Военная автоинспекция. От неё не всегда штрафом можно отделаться. И зря ты так гонишь.

Альбина замечания жениха пропускает мимо ушей, и едва выезжаем за город, прибавляет скорость. Я не ошибся в её характере - волевая, настойчивая натура. Туго придется Андрею: такие жены под каблучком держат своих мужей и помыкают ими, как прапорщики солдатами-первогодками. Видел я такие семьи, и мне становилось жаль мужчин, в общем-то добрых, умных, превращающихся под гнетом своих "цариц" в послушных, безропотных рабов. Мне такая семейная жизнь не по душе... Но любовь, говорят, зла...

Берег реки, куда свернула Альбина, пестрел разноцветными купальниками и плавками; отдыхающие загорали, купались, играли кто в мяч, кто в карты. Тут и там стояли легковушки разных марок, от наших, советских, до американских.

Альбина выбрала место помалолюднее и припарковала машину под тень разросшегося боярышника. Он ещё не отцвел и издавал довольно неприятный запах. Чуть далее росла белая акация, и временами дуновение ветерка приносило к нам медовый аромат.

Альбина достала из багажника большую кожаную сумку, в которой, кроме пледа и полотенца, оказалось двое плавков. Протянула нам с улыбкой.

- Если велики, подвяжите веревочкой.

И ушла переодеваться в кусты.

Андрей прикинул плавки.

- Ну и попа у её батяни - на двоих одних хватит! А ещё безмерные... Лучше остаться в трусах.

Мы разделись и уложили обмундирование в машине на заднем сиденье.

Альбина вышла из кустов, как богиня из морской пены: телесного цвета купальник с едва заметным тиснением непонятных орнаментов, создавал впечатление обнаженного тела. Я без стеснения залюбовался её великолепной фигурой. Андрей толкнул меня кулаком в бок.

- Не очень-то заглядывайся, а то ночью спать не будешь.

- Рад бы не заглядываться, да ты ж о друге не позаботился, - упрекнул я его.

- Что ж ты раньше не сказал. У неё есть подруга. Симпатичная, между прочим.

- Просто симпатичная рядом с Альбиной смотреться не будет. Ты мне ровню или ещё краше подавай.

- Ишь ты, чего захотел, - счастливо засмеялся Андрей. - Краше не бывает. - Он толкнул меня к реке, куда уже спустилась Альбина.

Вода была обжигающе холодная, и я, окунувшись с головой, высочил на берег, как ошпаренный. А влюбленные один перед другим делали вид, что им все нипочем, плавали рядком, о чем-то говорили и весело хохотали. Им было весело - нет, наверное, ничего прекраснее любви, делающей людей самыми счастливыми, - а мне вдруг стало грустно; вспомнилась мать, Дина, друзья из редакции, и захотелось быстрее вернуться в Москву. Журналистское расследование, можно сказать, закончено, завтра побеседую с Золотухиным (о Болтунове у меня уже достаточно материала, одной любовной истории хватит для очерка), возьму ещё несколько данных об остальных членах экипажа, и дело останется за написанием. Завтра же поеду за билетом на самолет.

Я и предположить не мог, что моя командировка только начинается и меня затянет в такой водоворот, какой и во сне не снился...

Накупавшись, Андрей с Альбиной улеглись на пледе, шептались и целовались, не обращая на меня внимания. Я, раскинувшись на траве, делал вид, что дремлю, и обдумывал сюжет будущего очерка.

Солнце пекло нещадно, и как я ни вертелся, почувствовал, что поджариваюсь - кожу начало пощипывать. Если не убраться в тень или не одеться, можно получить сильный ожег.

Я пошел к машине.

- Посмотри, сколько времени, - попросил Андрей.

Я заглянул в кабину.

- Без пяти тринадцать.

- Ого! - удивился Андрей и поднялся. - А я думаю, чего это нам не хватает, какая-то мысль назойливо мешает объяснению в любви. Оказывается, желудок не желает считаться с нашими возвышенными чувствами. Тогда по коням! - Он подал руку Альбине. - Где будем обедать?

- Как всегда, в нашем "Лотосе".

"Лотос" - небольшое уютное кафе, чистенькое и почти пустое: Только за двумя столиками сидели посетители, молодая пара и три любительницы мороженого.

Мы облюбовали столик в углу: прием пищи, как и занятие любовью, требует интимной обстановки, и нам не хотелось, чтобы кто-то мешал, подслушивал наши разговоры. Я намеревался теперь перехватить инициативу в свои руки и, когда Андрей выпьет немного и станет словоохотливее, выспросить у него подробнее о полетах за кордон - дыма без огня не бывает и за анонимкой должны быть какие-то факты, снова мою голову стала буравить мысль о мздоимцах.

К нам подошла немолодая, раздобревшая на казенных харчах официантка, протянула меню. Предупредила:

- Шашлыки и фирменные блюда только после семнадцати.

Альбина мельком заглянула в отпечатанный листок.

- Овощи, только натуральные, без салата: помидоры, огурцы, редис. Глянула на меня, на Андрея. - Вам какое ассорти, мальчики: мясное или рыбное?

- Мясное, - сказал Андрей.

- И мне, - согласился я.

- А мне рыбное, - повернулась Альбина к официантке. - Три кофе и бутылочку "Аиста". Или вы предпочитаете водку? - снова глянула на меня.

- Я предпочитаю, как и вы, ограничиться кофе.

Альбина усмехнулась.

- Я-то как раз коньячку выпью.

Андрей перехватил мой недоуменный взгляд и пояснил с улыбкой:

- Не беспокойся за нее. Выпить я разрешу ей самую малость. - И подумав, дополнил: - Она здесь хозяйка. Без неё нас здесь вряд бы так быстро обслужили.

- Обижайтесь на своих политиков, - возразила Альбина. - Им власть нужна, а жар хотят загребать чужими руками. Все народы перессорили. Давайте лучше покурим. - Она достала из сумочки сигареты, протянула пачку Андрею, потом мне.

Я помотал головой.

- Не курю.

Она удивленно вскинула брови, усмехнулась:

- Вундеркинд? И много вас таких среди летчиков?

- Все, кроме Андрея.

- Ах, какую я ошибку допустила! - засмеялась Альбина.

Официантка принесла коньяк и закуску, налила, как в перворазрядных ресторанах в рюмки, и Альбина провозгласила тост:

- За знакомство. - И выпила до дна.

- Ничего, - успокоил меня Андрей. - Альбина утверждает, что коньяк обостряет у неё реакцию.

- Разве ты не убедился? - лукаво глянула на него невеста. - Я хуже вожу?

Андрей пожал плечами.

- Не хуже. Но... раз на раз не приходится. Может всякое случиться.

- А ещё летчик! Потому тебя и в истребители не взяли. Вы тоже меня осуждаете? Повернулась ко мне Альбина, и я не мог понять, чего больше в её глазах - насмешки или кокетства.

- Как раз наоборот, - решил я подыграть ей, чтобы поглубже заглянуть в душу будущей жены моего друга: что-то по-прежнему настораживало меня в ней и беспокоило. - Риск, как утверждал один наш великий летчик, - благородное дело. А если рискует девушка - это верный признак, что она крепко будет держать семейные бразды правления. - Я выпил свой коньяк и налил себе и Андрею.

Альбина с усмешкой посмотрела на Андрея - как ототреагирует на мою реплику, - но он то ли сделал вид, что это его мало волнует, то ли на самом деле не придавал значения, кто будет верховодить в семье, молча осушил рюмку и принялся за закуску, не обратив внимания и на то, что Альбина тоже налила коньяка себе.

- Андрюша - золотце, - похвалила его Альбина. - У нас с ним не будет никаких проблем. Правда, милый? - Она чмокнула его в щеку и подняла рюмку.

- За вас, мальчики.

Я не на шутку обеспокоился - как она поведет машину? И оставить новый "жигуленок" здесь без присмотра - стопроцентная гарантия найти его раскуроченным или вообще не найти. Следовало приостановить моих друзей, решивших видимо произвести на меня впечатление своей бесшабашностью; да и пора было переходить к главному: к разговору о полетах за кордон. Правда, место не совсем подходящее, зато повод имелся вполне оправданный.

- Любовь, как сказал мудрец, великая штука; во имя неё люди идут на подвиг и на преступление, - сказал я. - Первое Андрею ещё предстоит, а второе он уже совершил.

Черные брови Альбины круто изогнулись. Она испытующе глянула на Андрея, делая вид, что приняла мои слова всерьез.

- Это правда, Андрюша? Что ты натворил?

Андрей глубоко вздохнул, подыгрывая мне.

- Из-за вас он занялся контрабандой, - пояснил я.

Андрей, ожидавший чего угодно, только не этого, широко распахнутыми глазами уставился на меня: что за чушь я мелю?

- Туфельки-то он привез вам из-за границы без таможенного досмотра, продолжал я. - А это грозит тюремным заключением от двух до пяти лет.

- Серьезно? - испуганно округлила глаза Альбина. - Милый, ты так рисковал, а я даже не поцеловала тебя. - И она прильнула к его губам. Страшно было? Расскажи.

Андрей смущенно пожал плечами, соображая, как выйти с достоинством из этой игры.

- Ну, парень, я, как ты знаешь, не трус. Пока шла разгрузка наших товаров, погрузка гуманитарной помощи, смотался в резиденцию президента. О туфельках ещё накануне из газет вычитал. Хотел добром у президента выпросить. Захожу в приемную, а там никого. Слышу в кабинете бормотанье невнятное, стоны, будто кто-то с жизнью расстается. Ну, думаю, попал в переplet: на президента покушение совершено, он тяжело ранен. Рванул на себя дверь и... застыл от изумления. - Андрей сделал паузу. - Президент с секретаршей любовью занимались. В таком экстазе находились, что на меня внимания не обратили. А туфельки рядом с диваном стояли. Я их под мышку и ходу.

- Слышали, Альбина? А вы: "В истребители его не взяли". Из него и разведчик неплохой получился бы... Правда, что касается туфелек, можно было и без риска обойтись, как поступили командир и борттехник: они прямо на аэродроме у немецких коллег купили.

- А ты откуда знаешь? - удивился Андрей.

- Ну, я многое и другое знаю, - продолжал интриговать я друга. И пошел на пролом: - Золотухин подарок и Вайкулевичу купил, подороже твоих туфель.

- Ну уж подороже, - не согласился Андрей. - Знаешь, сколько такая ручка стоит? Всего десять марок. Вайкулевич попросил для дочки купить, она десятилетку заканчивает. И марки свои отдал - от прошлой командировки остались... И когда ты успел все усесть? Может, ты вовсе не журналист?

- Как, вы не летчик? - удивилась теперь Альбина.

- Летчик, только бывший, - уточнил я. - Вот уступил место более молодому, перспективному, а сам сменил штурвал на перо.

- Вы намного старше Андрюши?

- На целых пять, - я сделал паузу, - месяцев.

- Так почему же? Журналистское дело, наверное, интереснее?

Ответить я не успел: за соседним столиком с шумом и хамской лихостью разместилась четверка одетых в спортивные адидасовские костюмы шалопаев, с вызовом поглядывающих на нас и о чем-то лопочущих на своем языке. Троем было лет по семнадцать, четвертому, с плечами "косая сажень" и играющими под короткими рукавами футболки бугристыми бицепсами, не более тридцати.

Мне соседи сразу не понравились, и без знания молдавского языка не трудно было понять их агрессивное намерение.

Открытого вызова долго ждать не пришлось: самый молодой из компании с длинными давно не мытыми волосами, свисающими сосульками, и золотой цепочкой на шее, повернулся к нам и угрожающе произнес на плохом русском:

- Эй, господа-оккупанты! А ну быстро допивайте, доедывайте и быстро уебывайте из нашего кафе.

Я заметил как негодуя сверкнули глаза Альбины, и она что-то резкое ответила парню. Тот огрызнулся, и все четверо громко захохотали.

- Подонки! - Альбина налила себе коньяку и выпила. - В школе, наверное, последними тупицами были, а тут героев из себя строят.

- Не обращайтесь внимания, - посоветовал я. - Закусывайте. Я позову официантку и рассчитаюсь. Все равно надо уходить. Сидеть рядом с такой компанией приятного мало.

- Ну, нет, - Андрей рукояткой ножа стукнул по столу. - Пусть не думают, что мы их испугались.

Парни, разумеется, слышали вызов, заговорили между собой шепотом. К ним подошла официантка, и они на время оставили нас в покое.

Мы уже завершали трапезу, допивали кофе, когда официантка поставила перед Альбиной бутылку шампанского.

- Мы не заказывали, - возразил я.

- Это соседи ей передали, - пояснила официантка.

- В знак примирения, - подтвердил волосатик. - Иди к нам. Зачем красивой молдавской девушке эти паршивый русский офицер? Ми скоро будем их мало-мало пинком под зад давать.

Альбина встала и взяла в руки бутылку с таким видом, что собирается разозлить голову обидчику. Тот вскочил, испуганно вытаращив глаза. Альбина спокойно поставила бутылку на их стол и сказала что-то на своем языке. Лица парней перекошились, словно проглотили горькие пилюли. Молча посмотрели друг на друга и ничего не ответили.

Мы допили кофе, собрались уходить, но официантка будто нарочно долго не появлялась. Я пошел её искать. А когда, рассчитавшись, вернулся, парней за столом уже не было.

Они поджидали нас на улице, встав у двери полукольцом, сосредоточенные, собранные, с налитыми злостью глазами. Ввязываться в драку нам, военным, на этой советской, но все-таки чужой земле очень не хотелось. Но и избежать её не представлялось возможным.

- Послушайте, - обратился я к старшему. - Неужели никто из вас никогда не бывал в России?

- Зачем нам твоя сраная Россия? - выскочил снова малолетка.

- Помолчи, - осадил его старший. И ко мне: - И что из того?

- У нас, в России, так гостей не встречают.

- Вы гости? - усмехнулся старший и обратился к Альбине: - Можно вас на минутку?

Андрей взял было её за руку, чтобы не пустить, но она отстранилась.

- Не беспокойся. - И шагнула к старшему.

Едва она сделала шаг, как длинногривый, издав устрашающий вопль, какими блистают ныне каратисты в американских кинобоевиках, рванулся ко мне, намереваясь ребром ладони ударить по лицу или шее.

Видимо, он обучался в школе каратистов - клич, выпад для атаки у него получились эффектно, - но он не знал, что я прошел школу десантников, побывал в Афганистане и такой зверь, как хиппи, мне не только не страшен, но даже смешон. Я среагировал мгновенно: отбил его руку, а когда он, не удержав равновесия, стал падать, рубанул ребром ладони по его давно невымытой шее - завершил тот прием, который он намеревался осуществить. От негодования я вложил в удар всю свою силу, и мой противник отлетел в сторону, как мешок с трухой. Видя, что он долго не очухается, я бросился на помощь Андрею. Парни прижали его к стене, сбили фуражку и мутузили кулаками. Старший пока безучастно стоял в стороне и наблюдал за действиями своих подопечных - он был их тренером, догадался я.

Я выбрал парня повыше ростом и, судя по ударам, посильнее; схватил его за волосы, благо они тоже были длинными, и, дернув голову на себя так, что она откинулась назад, обнажив шею с острым кадыком, рубанул по ней. Кадык хрустнул, и парень, захрипев, опустился на землю. И тут же увидел как ко мне ринулся старший, детина с плечами Апплона и с мускулами Шварцнегера, выставив кулак левой вперед и отведя правый для удара.

Выйдя из одной атаки, я ещё не был готов ко второй и еле уклонился от удара - кулак вскользь прошелся по голове. Сенсей (теперь я убедился в этом окончательно) пролетел по инерции мимо. А когда мы очутились лицом к лицу, я заметил в его руке кастет. Не столь грозное оружие, однако по сравнению с голым кулаком довольно предпочтительное.

Альбина что-то крикнула и очутилась между нами. Я только успел разобрать слово "Барон". И оно, словно заклинание, остановило предводителей каратистов. Сенсей невнятно проворчал ругательство и убрал кастет в карман.

Прекратили драку и Андрей со своим противником. У обоих были разбиты носы, лица и руки испачканы кровью. Альбина взяла нас под руки и повела к машине.

7

Раскаленным полуденным солнцем воздух обжигал лицо, одуряюще вонял асфальт и валявшиеся у кафе отходы продуктов, несмотря на то, что на клумбе пурпурным огнем горели тюльпаны. Выращенные чьими-то заботливыми руками и обложенные красным кирпичом. А в машине и вовсе была нестерпимая духота. Мы открыли боковые стекла, Альбина включила вентилятор, но это мало что изменило.

Заурчал мотор, и машина рванула с места, обиженно взвизгнув тормозами - Альбина вымещала свое зло на технике.

Прежде чем ехать домой, она остановилась у телефон-автомата и позвонила подруге. К счастью, та оказалась дома, и мы поехали к ней, чтобы привести себя в порядок: у Андрея рубашка была в крови, нос заметно распух; у меня - оторван погон и ныла скула с оставленной непонятно кем и когда ссадиной.

Подруга, как я и предполагал (не случайно Альбина не взяла её с нами на пляж), оказалась довольно непривлекательной толстушкой лет тридцати, малоразговорчивой, но с умными и добрыми глазами, ненавязчивая, знающая себе цену.

Пока Андрей застирывал рубашку, я пришил погон, подгримировал кремом и пудрой Марины - так звали подругу - ссадину на скуле и выгладил рубашку.

Над Андреем хлопотала Альбина. Мы провозились часа два, "зализывая раны", попили кофе и, наконец, отправились на сватовство.

На этот раз нас встретил сам хозяин: крупный, хорошо упитанный мужчина килограммов под сто, с приятным симпатичным лицом, тяжелым подбородком (унаследованном не совсем удачно на мой взгляд Альбиной), с могучими волосатыми руками и короткой боксерской шеей. Он окинул нас пытливым взглядом, чуть дольше задержавшись на мне, приветливо улыбнулся; Андрею по-родственному потряс руку, потом протянул мне, и мои пальцы утонули в его лапище, как в пасти крокодила: кожа была жесткая, твердая, с мертвой хваткой.

Альбина представила меня:

- Друг Андрея. Корреспондент из Москвы. Между прочим, тоже в недавнем летчик. А папу моего зовут Иона Георгиевич.

- Присаживайтесь, - указал на кожаный диван Иона Георгиевич и задал традиционный в таких случаях вопрос Андрею: - Как служба?

Андрей рассказал о последнем полете в Вюнсдорф, пошутил над гуманитарной помощью, за которую придется расплачиваться втроедорога, хотел, видимо, сразу перейти к главному вопросу, ради которого приехали, но Иона Георгиевич повернулся ко мне.

- А какие новости в Москве? Какими слухами питаются самые информированные, всюду проникающие и все знающие журналисты?

Я ответил, что прилетел из Москвы несколько дней назад и что военные журналисты не столь осведомлены, как представители независимых газет, и что прибыл с конкретным заданием: рассказать военному читателю о работе летчиков военно-транспортной авиации.

Из соседней комнаты вышла жена Ионы Георгиевича и избавила меня от дальнейших расспросов.

- Здравствуйте, Андрюша, - подошла она к нам и протянула приятелю руку.

Андрей вытянулся по-гусарски, поцеловал женщине руку. Кивнул на меня.

- Мой друг Игорь, - и со смущенной улыбкой добавил: - и по совместительству - сват. Вы извините нас, Иона Георгиевич и Софья Михайловна, мы ваших обычаев не знаем, потому будем без церемоний. Я приехал, чтобы просить руки вашей дочери.

Иона Георгиевич удивленно вскинул широкие густые брови, как и у Альбины, сросшиеся у переносицы, помолчал. Посмотрел озадаченно на жену, глаза которой, черные как антрацит, восторженно засияли: видимо, обрадовалась, что избавится от нелюбимой падчерицы.

Альбина с улыбкой посмотрела на отца, ожидая его ответа. Их взгляды скрестились как два клинка, и я понял, что отец и дочь не привыкли уступать друг другу.

- Ну, милые женщины, - наконец принял решение Иона Георгиевич, - по такому случаю накрывайте стол. Вместе обсудим этот непростой вопрос. А пока мы, мужчины, пойдем ко мне в кабинет и посплетничаем по-мужски. - Он говорил с заметным акцентом, но не коверкал слова и не путал окончания, как это зачастую бывает. Его неторопливость, рассудительность, солидная внешность создавали впечатление, что передо мною человек незаурядный, сильный, наделенный большой властью и привыкший повелевать.

Я с детства, читая книги, проникся любовью к людям волевым и сильным, потому наверное и стал военным, и Иона Георгиевич мне понравился, я почувствовал к нему симпатию и уважение. Впечатление дополнял просторный светлый кабинет с массивным двутумбовым столом, на котором на позолоченной подставке стояла большая настольная лампа с белым куполообразным абажуром, соединяющимся с подставкой ажурной решеткой, тоже позолоченной, под старинные лампы; дорогой чернильный прибор из белого мрамора с двумя ручками по краям и статуэткой в центре - полуобнаженной девицей, опирающейся на золотой ободок часов, другой рукой держащейся за край трусиков, как бы готовясь снять их. У глухой стены - длинный книжный шкаф, сквозь стекло которого виднелись фолианты сочинений на русском и молдавском языках. На полу - толстый, мягкий ковер.

В общем, в этой квартире из трех комнат с просторным холлом жили далеко не бедно.

Когда мы уселись на диван, кожаный, как и в холле, Иона Георгиевич пододвинул кресло и устроился напротив нас.

- Значит, ты только что из Германии? - обратился он к Андрею, словно тот и не заводил разговор о женитьбе. - Ну и как поживает ныне побежденная нация? Не всю ещё контрибуцию выплатила победителю?

И хотя он шутил, лицо у меня загорелось от стыда: в его шутке была горькая правда - дожили мы, докатились: побежденная страна дает подачки победителю, ещё пять лет назад могучему государству, перед которым не менее могучая Америка шапку гнула...

- Неплохо поживает побежденная нация, - ответил Андрей серьезно, словно не уловив иронию. - Мы, русские, добродушные и не мстительные люди. Контрибуцию отменили, дали немцам возможность заниматься не только промышленностью и сельским хозяйством, но и не тратить ни копейки на вооружение. А сами затащили ремешок, чтоб в звездных войнах не проиграть.

Молодец Андрей, достойно ответил. Даже Иона Георгиевич остался доволен и не нашелся, чем возразить.

- Да, Америка задала нам серьезную гонку, - сказал он немного спустя. Встал и прошел к серванту, достал оттуда бутылку коньяка и три хрустальные рюмки. Пододвинул к дивану журнальный столик. - Давайте-ка, ребята, по рюмочке пригубим. А то как заговорим о политике, у меня настроение портится. - Он наполнил рюмки, выпил без всякого тоста. - Не стесняйтесь. Может, закуски принести, вы, наверное, проголодались?

- Нет, мы в кафе пообедали, - ответил Андрей. Пошутил: - Даже выпили для смелости... Мы с Альбиной давно любим друг друга...

Иона Георгиевич остановил его жестом руки.

- Серьезный вопрос будет там решать, - указал рукой в сторону холла, со всеми заинтересованными сторонами. - И снова налил. - Вы в нашей Молдове уже бывали? - обратился ко мне.

- Бывал, - кивнул я. - Как-то с отцом и матерью в отпуск приезжали. Мне тогда лет пятнадцать было. И Кишинев тогда показался красивее. Может, потому что Пушкина начитался. "Огни везде погашены, Спокойно все, луна сияет. Она с небесной вышины И тихий табор озаряет..."

В детстве все кажется красивее и романтичнее, - согласился Иона Георгиевич. - Хотя в какой-то степени ты прав: Кишинев за последние годы действительно оскудел. Гонка по вооружению сильно бьет и по нашему карману.

Зазвонил телефон. Иона Георгиевич неторопливо поднялся и прошагал к письменному столу, где стоял аппарат. Снял трубку.

- Петрунеску, - ответил он по-военному. Послушал и сердито заговорил на своем языке. Одно слово, которое повторял неоднократно Иона Георгиевич, я разобрал. Точнее не слово, а фамилию - Дониц. Уж не о том ли Донице шла речь, о котором упоминал замполит Епишкин? Вижу, насторожился и Андрей. Но мало ли на свете однофамильцев, а в Молдавии Доницей, возможно, как у нас Ивановых...

По мере разговора лицо Ионы Георгиевича мрачнело, голос его крепчал: чем-то абонент расстроил, казалось, невозмутимого хозяина. Наконец он положил трубку, тут же снял её и набрал номер.

- Привет, Алексей Иванович. Петрунеску, - заговорил он на русском. Ты в курсе, что твои законники решили возбудить уголовное дело против солдата Доница? - Так и есть - о нашем солдате. Кто такой Алексей Иванович? Не иначе, большой чин: либо начальник политотдела гарнизона, либо сам начальник гарнизона. Послушал. - Это все понятно. Но не тот солдат плох, который не хочет служить, а тот командир никуда не годен, если службу не может наладить. И Доница нельзя считать дезертиром: по сегодняшним понятиям он наемник, притом не добровольный. Он не хочет служить в русской армии, надо учитывать его национальные чувства... Ну, а какой же солдат без оружия... Автомат, я думаю, не проблема, вернет. Что же касается солдата, то можете считать зачисленным его в секцию

тяжелоатлетов. Ко мне... Ничего, труху мы из него вытрясем. Вот и передайте своему прокурору, чтоб не пыжился понапрасну, капитала он себе на этом деле не наживет. - И положил трубку. - Что-то женщины долго возятся, - проворчал недовольно и вышел из кабинета.

Вот так фрукт, невольно мелькнула мысль. Кто он такой, чтобы вмешиваться в дела военных?.. Видно, шишка немалая, коль так с законной властью разговаривал. Взял дезертира под свою опеку и ещё предупреждает, чтоб прокурор "не пыжился понапрасну". И о победителях говорил не без ехидства, - запоздало уточнил я.

Мне стало обидно за наших военачальников. Вспомнились московские перипетии с допризывниками, с нашими, русскими ребятами, бегущими из армии. А молдаванам, как говорится, сам Бог велел. И прав Иона Георгиевич: не тот солдат плох, который не хочет служить...

Иона Георгиевич вернулся к нам как ни в чем не бывало, с улыбкой на лице.

- Заскучали тут без меня? Пейте, а то весь аромат улетучится, опрокинул в рот рюмку. - Это не твой солдат сбежал из части? - у Андрея.

- Да, это солдат из нашей части, - опустил глаза Андрей.

- Плохой солдат?

- Хороший не сбежал бы. И зря вы берете его в спортивную ассоциацию. Из него спортсмен, как из меня канатоходец.

- Посмотрим, - посерьезнел Иона Георгиевич. - У него молодая жена... А в вашем полку дедовщина процветает. Вот и не выдержал.

- Врет все он! - горячо запротестовал Андрей и осекся: в кабинет вошла жена Петрунеску и пригласила нас к столу.

Мы прошли за хозяином в небольшой светлый зал рядом с кухней, где нас поджидали обильные закуски и бутылки с красочными этикетками: коньяки и вина, фруктовые напитки.

- Знаешь, дорогая, оставь-ка пока свою кухню в покое, садись с нами, обратился Иона Георгиевич к жене. - Сообща обсудим серьезное предложение.

Когда мы расселись - Иона Георгиевич в торце стола напротив молодых, я - напротив Софьи Михайловны, - хозяин наполнил рюмки и, глянув в серьезной задумчивости на дочь, потом на жениха, заговорил высокопарно, как на приеме в министерстве иностранных дел:

- Для нас большая честь, что советский офицер просит руки дочери. Она у нас единственная, и потому её счастье - это и наше счастье, здоровье и благополучие. Знаем, что вы любите друг друга, и настала пора свить вам свое гнездышко. Но вы ещё молоды и неопытны, на первом месте у вас чувства, желания; вами руководит сердце, а не разум. А для крепкой семьи и счастья одной любви мало, поверьте мне пожилому и прожившему нелегкую жизнь человеку.

- Ну что ты, отец, взял с места в карьер, - остановила его Софья Михайловна. - Дай ребятам выпить, закусить, они с утра ничего не ели.

- Прости, мать, ты права. Поистине, сытый голодному не разумеет. Пейте, ребята, закусывайте, потом поговорим.

Обращение к молодой жене "мать" вызвало у меня усмешку: Софья Михайловна выглядела моложе Альбины, совсем ещё недавно, как говорила невеста, вместе бегали на танцуйки и делились, наверное, своими любовными увлечениями. Иона Георгиевич не может не понимать столь комичного обращения... Хотя, пожалуй, он специально обращается так к жене, чтобы напомнить дочери о их положении. Альбину, не трудно было заметить, это злило, но она держала себя в руках и делала вид, что не обращает внимания на причуды своих "предков".

Глаза Софьи Михайловны по-прежнему сияли (я впервые видел такие прекрасные глаза, ослепившие меня необыкновенным блеском, будто в них отражалось само солнце), и все лицо её, тоже редкой красоты, светилось счастьем, словно желанный возлюбленный делал предложение не Альбине, а ей. Да, губа у Ионы Георгиевича не дура - завлечь такую красавицу... Правда, и он из тех мужчин, перед которыми устоит не каждая женщина: крепко

сложен, симпатичен. А разница в годах... Разве это первый в истории случай?! У моей матери тоже был любовник почти мой ровесник...

Мы пригубили рюмки. Ни пить, ни есть не хотелось. Я с нетерпением ожидал ответа Ионы Георгиевича на предложение Андрея, а друг мой и вовсе сидел, как на углях, поглядывая преданно то на будущего тестя, то на его жену, то на Альбину, стараясь всем своим видом показать как серьезно его намерение и что им руководит не только чувство, но и рассудок.

- Мы не голодны, - пососав лимонную дольку, осмелился продолжить разговор Андрей.
- И по годам я и Альбина давно выросли из детских штанишек, так что зря вы считаете, что мы необдуманно решили...

- Хорошо, - Иона Георгиевич отложил недоеденный пучок кинзы, вытер салфеткой губы. - Как говорят, женитьба - не напасть, да женатым бы не пропасть. Ответь мне вот на такой вопрос: где вы собираетесь жить?

- У меня, разумеется, - не смутился Андрей. - С работой у Альбины проблем не будет: в гарнизоне есть школа, квартиру мне дадут.

- Ты уверен? Разговоров о переводе вас на новое место не ходит? - Иона Георгиевич пристально смотрел Андрею в глаза.

- Мало ли какие разговоры могут ходить. Насколько мне известно, пока никто и никуда переводить нас не собирается.

- Пока, - грустно усмехнулся будущий тесть. - А что наше правительство заявило? Будем создавать свою полицию и свою армию. Молдова, как и страны Прибалтики, скоро станет самостоятельным государством.

- И вы уверены, что сумеете сами себя защитить? - лицо Андрея пошло красными пятнами.

- Молдаване - народ свободолюбивый и мужественный. Если потребуется, сумеем защитить себя. Но сейчас разговор не об этом. Давайте житейский вопрос решим. Итак, если вас будут переводить в Россию, ты согласен остаться в Молдове?

Лицо Андрея нахмурилось, сосредоточилось. Он глянул на Альбину - что думает по этому поводу невеста, - но она с затаенным любопытством ждала от него ответа.

- Мне нравится Молдова. Но я летчик, и оставаться здесь непонятно в какой роли и на правах человека второго сорта, сами понимаете...

- Понимаю, - согласно кивнул Иона Георгиевич. - Пойми и ты: Альбина тоже не захочет ехать в страну, где будет чувствовать себя человеком второго сорта.

- В России нет национализма, нет людей второго сорта, - горячо запротестовал Андрей.
- И Альбину, можете мне поверить, словом никто не обидит.

Иона Георгиевич посмотрел на дочь.

- Ну, а ты что скажешь? Согласна поехать в Россию, куда-нибудь в Сибирь или на Дальний Восток?

Андрей хотел возразить, но я подал ему знак помолчать. Пусть Альбина ответит, и от того, готова ли она разделить радости или трудности, выяснится, насколько она его любит.

- Мы как-то не говорили на эту тему и не думали, - уклончиво сказала она.

- Коль на такое решились, следовало подумать, - назидательно заметил отец. - Вы в таком возрасте, когда надо смотреть намного вперед... Ну что ж, давайте поступим по-соломоновски. Сколько дается времени на обдумывание в загсе?

- Кажется, месяц, - неуверенно промямлил Андрей.

- Вот и отлично. За месяц, я думаю, многое прояснится, и вы разберетесь, что к чему. А теперь давайте выпьем за вашу молодость, за вашу любовь.

8

От Петрунеску мы вышли уже в одиннадцатом часу ночи, с трудом поймали такси и еле уговорили водителя отвезти нас в Варкулешты. Андрей почти всю дорогу молчал, о чем-то сосредоточенно думая: то ли о перспективе, если придется покинуть Молдову, то ли его озадачил разговор с будущим тестем с глазу на глаз, состоявшийся после застолья на

балконе при закрытых дверях. Скорее всего последнее, ибо с балкона Андрей вернулся без прежнего блеска в глазах, озабоченным и хмурым. Я попытался было расшевелить его шутками, напомнив, какие крутые виражи мы заламывали при сватовстве и как умело он отражал атаки "тяжелого бомбардира" тещушки, но Андрей остроты мои не принял. И я тоже замолчал, давая ему возможность осмыслить все по горячим следам и во всем разобраться самому.

Когда вылезали у проходной из такси, он вдруг спохватился:

- Вот черт подери, совсем забыл, что надо было к другу заскочить.

- В Кишиневе?

- Да.

- Не возвращаться же.

Он глянул на часы.

- Само собой - первый час. Завтра съезжу...

В проходной нас встретил, словно поджидая, дежурный по части, старший лейтенант с красной повязкой на рукаве. Сказал сердито:

- Давайте в штаб. Там вас из военной прокуратуры дожидаются. Весь гарнизон на ноги подняли.

Вот так новость! Из военной прокуратуры... Неужели из-за драки в кафе?... Холодок пробежал по моей спине: а если того долговязого или второго я рубанул по горлу насмерть?! Ноги сразу обмякли, и во всем теле появилась такая тяжесть, хоть садись на землю. А голова мгновенно протрезвела и мысли беспорядочно заметались, ища и не находя оправдания... Завтра же все молдавские газеты поднимут шум: вот они, советские оккупанты, пьянствуют, убивают местных жителей. То, что парни первыми затеяли драку, в расчет никто брать не будет. Да и свидетели не подтвердят... А что скажут обо мне в Москве? В марте я доставил немало хлопот главному редактору из-за дела по стоянке, теперь ещё это...

- Я же отпросился, - пожал Андрей плечами. - На два дня.

Его мысли заняты всецело Альбиной и предстоящей женитьбой, о драке он совсем забыл...

- Решили, наверное, запретить тебе жениться, - съязвил я, не в силах совладать с охватившей меня злостью: военный прокурор приехал, а его, видите ли, личная судьба волнует.

Но Андрей не среагировал и на эту мою вспыльчивость.

В кабинете командира полка сидели трое: подполковник с эмблемами юриста на петлицах, капитан милиции и средних лет мужчина в штатском; черноволосый, смуглолицый, типичный молдаванин.

Мы представились.

- Военный прокурор подполковник Токарев Герман Филиппович, подчеркнуто сообщил о своей профессии подполковник, поставив её на первый план, подчеркивая тем самым значимость своего визита. - Капитан милиции Ивашутин Виктор Петрович и следователь уголовного розыска Вирджил Цынаву. Вы - летчик Болтунов, - глянул на Андрея Токарев. - А вы? - обратился он ко мне.

- Корреспондент газеты "Красная звезда". Нахожусь в командировке по заданию редакции.

- Болтунов ваш приятель?

- Мы недавно познакомились.

Мелькнула мысль как выгородить Андрея: у меня в редакции начальство более либеральное, чем здесь; Держиморда в порошок сотрет Андрея... - Он помогал мне собирать нужный материал, и я попросил его показать мне достопримечательности молдавской столицы.

- Хорошо, с вами мы ещё поговорим, - остановил меня Токарев. Подождите пока в коридоре.

Мне ничего не оставалось, как подчиниться. Само собой - преступников допрашивают

поодиночке. Вот так влипли! И дернул нас черт заезжать в это кафе!..

Я ходил по коридору взад-вперед, готовя представителям власти убедительные аргументы, но кроме того, что парни обозвали нас оккупантами и первыми затеяли драку, ничего вразумительного придумать не мог. Понимал, что для оправдания убийства мои доводы очень хлипкие, а если ещё официантка в защиту соотечественников скажет, что драку затеяли мы, выпутаться из этой истории будет непросто.

Голова у меня шла кругом. Сколько допрашивали Андрея, я не имел представления, но показалось очень долго, и когда капитан милиции пригласил меня, я был настроен воинственно.

С Андреем, встретившимся на выходе, не удалось обмолвиться и словом, а хотелось бы знать, о чем они говорили и что он отвечал в свое оправдание.

Подполковник жестом руки пригласил садиться напротив него. Капитан милиции и мужчина в штатском сидели сбоку от стола.

- Товарищ капитан, вы были на аэродроме, когда возвращались экипажи из Германии? - задал первый вопрос прокурор. И будто гора с плеч свалилась дело не в драке.

- Да, я был на аэродроме, и когда экипажи улетали за кордон, и когда возвращались, - ответил я твердо.

- Ничего необычного вам не бросилось в глаза? - подполковник пристально смотрел на меня, словно подозревая меня в чем-то непристойном или боясь, что я могу сказать неправду. Интересно, что же натворил экипаж? Не иначе, что-то связано с контрабандой. Может, тот же аноним настукал?..

- Подготовка к полету и загрузка самолетов шла как обычно, - начал я, соображая, на чем следует сосредоточить внимание, чтобы и для себя выудить что-то для статьи. - Правда, обидно стало, когда узнал, что туда везем драгометаллы, а оттуда макароны, будто мы сами не в состоянии выращивать пшеницу.

- А вы уверены, что в коробках были макароны?

- Присутствовали таможенники. Проверяли.

- Не каждую же коробку, - возразил подполковник. - Не показалось ли вам, что некоторые коробки, может быть, тяжеловаты для макарон?

- Да нет, солдаты по одному таскали эти коробки.

Подполковник показал мне этикетку.

- Это было на коробках?

- Это.

- А кроме солдат, кто ещё занимался разгрузкой-погрузкой?

- Еще техники помогали, механики, все, кто был свободен. А, собственно, в чем дело?

Я прибыл в полк по анонимному письму, в котором утверждалось, что некоторые командиры берут взятки, а офицеры занимаются спекуляцией, - решил я помочь стражам закона, догадавшись, что с ними тоже кто-то затеял коварную игру.

- Да? - Приятно удивился подполковник. - И можно взглянуть на эту анонимку?

Письмо лежало у меня в кармане рубашки - я взял за правило никаких документов в гостинице не оставлять. Достал его и протянул прокурору. Он быстро пробежал письмо глазами.

- Интересно, - заключил многозначительно. - И что же вам удалось выяснить?

- Факты, как пишут в таких случаях в газетах, не подтвердились. Скорее всего, кто-то хотел свести счеты с командиром, потрепать ему нервы проверками - мужик он действительно суровый.

- Н-да, - почесал подполковник подбородок. - Если бы только это... Нам почуднее загадку подбросили. Для вас, журналистов, настоящая находка. - Он замолчал, обдумывая, видно, раскрывать мне свою загадку или воздержаться.

- Так подскажите, - попросил я. - Может, и я чем-то вам помогу.

- Ну что ж, кое-что я вам открою. Вы, человек военный, сами понимаете, что следствие только началось и до поры до времени придется повременить с опубликованием инцидента в

печати. Дело в том, что сегодня рано утром в районе Чадыр Лунга потерпела аварию грузовая машина кишиневского автопарка. В кузове её оказались коробки вот с такими наклейками. А в коробках автоматы, пистолеты, гранаты. Откуда этот груз, кто его хозяин и кому он предназначался? Со всем этим предстоит разобраться.

- Надо проверить склад, куда транспортировали гуманитарную помощь, поспешил я подсказать, что делать. - Коробки могли просто использовать...

- Вероятнее всего, - согласился подполковник. - А анонимку со счетов не сбрасывайте. Тут все может быть взаимосвязано...

На улице меня поджидал Андрей, ещё более удрученный, озабоченный, словно и в самом деле причастный к контрабанде оружием.

- Вот сволочи! - сказал он, не спрашивая о разговоре.

- Ты это о ком?

- Да о тех, кто подставил нас.

Я решил немного позлить его, чтобы вернуть к реальности: он, похоже, все ещё находился под впечатлением от нашего сватовства.

- Не с неба же свалились коробки с автоматами и пистолетами. Может, пока вы за туфельками бегали, вам их подсунули...

- Ты что, серьезно? - Андрей даже остановился. - Да мы шагу от самолета не сделали. - Он достал сигарету, нервно закурил. - Может, ты, как и они, - кивнул он на кабинет, считаешь, что я немцам за задрипанные туфли продался?

- Почему за задрипанные. Очень приличные туфли. Ты их сам хвалил, продолжал я подливать огонь масла, обрадованный тем, что дело обернулось совсем на другое, чего я боялся.

- Ты так им и сказал?

- Само собой.

Андрей со злостью швырнул сигарету и широко зашагал к гостинице. Я еле успевал за ним и взял под руку.

- Перестань психовать. Я же шучу. Никто вас в контрабанде не подозревает.

- А чего ж они... "Сколько раз летали в Вюнсдорф, в Кельн-Бонн? Что оттуда привезли. С кем из немцев знаком?"...

- А как же ты хотел. Контрабанда - дело серьезное. А национализм здесь вон как пышно расцветает.

- Мы же ещё вчера доставили груз. Эти коробки можно было десять раз перетасовать на складе...

- Разберутся. На то они и стражи порядка. Идем лучше спать.

9

Утром членов экипажей, летавших в Германию, снова вызвали в штаб, и Андрей освободился лишь во втором часу. Меня пока не вызывали, да и большего мне рассказать было нечего, потому видимо и не беспокоили.

Мы зашли в летнюю столовую, пообедали и разошлись по своим номерам отдыхать: ночь прошла кувырком, сон после такой встряски был зыбким и тревожным, предвещающая ещё более тяжкие испытания.

На этот раз я уснул крепко, даже жара, к которой я никак не мог привыкнуть, не помешала мне дрыхнуть почти до шести вечера. Приняв холодный душ, я окончательно пришел в себя, голова стала светлой и мысли потекли стройнее и логичнее, восстанавливая картины происшедшего накануне. Я даже обрадовался: ко мне в руки подвернулся сногшибательный материал, не какие-то мелочные взятки, а контрабанда оружия, связанная не иначе с мафиозными структурами или с бандформированиями, готовящими правительственный переворот. Кто они, где брали коробки из-под гуманитарной помощи: на нашем военном складе, куда отвозили груз с самолетов, или в организациях, где реализовались продукты? Андрей мне объяснил, что такие же коробки они привозили три дня назад и неделей раньше. Он ещё тогда очень возмущался, что немцы подсовывают нам

залежалые продукты: годность сушеного картофеля с гарантией на 8 лет кончалась именно в 1991 году. Но командир осадил его: "Дареному коню в зубы не смотрят". Хотя какой же это дареный, когда взамен везут молибден?

Покончив с туалетом, я достал свой заветный блокнот и записал там всю ценную информацию, полученную за прошлый и сегодняшний дни. Вопросы выделил особо. А их теперь прибавилось: помимо анонима (его все-таки хотелось разыскать) надо было прояснить с контрабандой оружия - от того, откуда оно шло, до получателя, не минуя ни одного звена, по которому переправлялся смертоносный груз. Кое-что могли рассказать и члены экипажей, с которыми уже побеседовали представители прокуратуры и местной власти - мне ещё не удалось с ними поговорить. А потом уж обращаюсь к прокурору и следователю.

Спрятав блокнот в кейс, я отправился к Андрею. Его в номере не оказалось. Не было и на спортивной площадке, где собирались летчики в свободное время погонять футбол и померяться силами на спортивных снарядах. Побродил по аллее около гостиницы до семи часов, но Андрей так и не появился. Пришлось на ужин идти одному.

В столовой от штурмана экипажа Золотухина узнал, что Андрей укатил на своей машине в город. Я вспомнил как вчера он сокрушался, что не заехал к другу, и успокоился: сегодня исправит оплошность.

Штурман мои сведения ничем не пополнил: рассказал то же самое, что я уже слышал от Андрея и от прокурора Токарева.

Вечер на удивление был не жарким и благостным, у домов резвились детишки, тут и там у подъездов группками стояли офицеры со своими женами, мило беседуя, обсуждая последние новости. Приставать к ним со своими вопросами в такие минуты было просто бестактно.

Я побродил ещё по улицам, вдыхая насыщенный ароматами цветов вечерний воздух, не зная, куда себя деть, и мне стало грустновато. Я пожалел, что Андрей уехал один. Видно, не стал меня будить. Решил его подождать: надолго он в городе не задержится, завтра полеты. Но Андрей, к моему огорчению, не появлялся. Не иначе, заскочил к Альбине. А от любимой вырваться не так-то просто...

В Доме офицеров шел американский кинобоевик "Золотая пуля". Я недавно видел его в Москве. Но делать было нечего, в гостиницу идти не хотелось, и я взял билет на девятичасовой сеанс.

Когда на экране замелькали кадры об охотниках и торговцах оружием, мысли мои невольно вернулись к визиту в гарнизон прокурора, работника ГАИ и представителя местной власти. Я хорошо запомнил их фамилии и лица: подполковник Токарев - представительный брюнет лет сорока с несколько крупноватыми чертами лица, пронизательным взглядом глубоко посаженных темно-карих глаз; капитан милиции Ивашутин Виктор Петрович - чуть постарше меня, типичный русак: голубоглазый, русочубый, с ямочкой на подбородке. Вирджил Цынаву - горбоносый, худощавый, с тяжелым взглядом черных глаз, в которых, показалось мне, таилась недоброжелательность к нам, русским.

Почему они в первую очередь примчались в гарнизон? Машина кишиневская, шофер в штатском; и хотя он, как рассказал Андрей, был без сознания, не трудно было и без его допроса догадаться, что автоматы и пистолеты в коробках из под макарон и сушеной картошки не самолетами доставлены. Россия сама торгует оружием и незачем ей покупать его за границей. Или военные начальники в Кишиневе решили убедить местную власть, что авиаторы никакого отношения к контрабанде не имеют? Вероятнее всего. Националисты ищут всякий повод к обострению обстановки в Молдавии, и этот случай могут истолковать по своему. Как и прибалты, рвутся к самостоятельности. Кому от этого будет лучше? Во всяком случае, не народу... Четыре года назад я был в Риге. Там тоже начиналось с контрабанды оружия, с создания отрядов боевиков, а по телевидению и радио лили ушаты грязи на русских. А мы утирались и молчали. Домолчались... Теперь русских там почти всех прав лишили... А сколько было вложено туда сил и средств, чтобы поднять эти отсталые в

экономическом отношении страны! А сколько полегло за них русских!..

Из кинозала я вышел совсем в другом расположении духа, в котором входил, и прохладная ночь, и чистое небо, усыпанное звездами с полноликой луной, спутницей влюбленных, не развеяли моих грустных мыслей, а наоборот вселяли в душу тревогу. Куда катится мир, куда ведут народ доморощенные недаленовидные политики? К новой войне?!

На душе было муторно, беспокойно.

Взяв ключи у дежурной по гостинице, я решил зайти к Болтунову теперь-то он вернулся, - поделиться с ним кое-какими соображениями. Но дверь оказалась запертой. Постучал. Никто не отозвался.

Вернулся к дежурной. Ключ от номера, где проживал Андрей, лежал у неё на столе.

- Гуляет еще, - ответила на мой вопрос дежурная. - Дело молодое, неженатое.

"Наверное Андрей отпросился у командира до утра". Успокоенный такой мыслью, я вернулся в свой номер, разделся и моментально уснул. Приснился мне странный, даже страшный сон: будто лечу я с Золотухиным в кресле второго пилота, на месте Болтунова. Кручу штурвал, тяну на себя, чтобы обойти иссиня-черные облака, клубящиеся подобно извергающемуся вулкану, из которых влево и вправо, вверх и вниз бьют огненные стрелы молний, а самолет не слушается меня, так и норовит влезть в самую гущу туч. Золотухин усмехается чему-то, скрестив на груди руки, всем своим видом показывая, что ему все нипочем, бросает оскорбительные реплики в адрес Болтунова, пристроившегося позади его кресла на корточках. Андрей хмурится и злится, сверкает на нас обоих разъяренными глазами, и вдруг не выдерживает, выхватывает из кармана куртки пистолет и целится мне в голову. Я хочу сказать что-то в свое оправдание, но слова застревают в горле, и Андрей стреляет. Выстрел негромкий, и я не ощущаю боли; догадываюсь, что он промахнулся. Осознает это и Андрей, стреляет еще, еще...

Я просыпаюсь. В дверь стучат, будто в самом деле бьют короткой очередью. Вскрываю, торопливо надеваю спортивный костюм и открываю дверь. Передо мной дежурная и с нею вчерашние знакомые - подполковник, капитан милиции и мужчина в штатском. Некоторое время я с недоумением смотрю на них, не понимая, что могло привести в такое позднее время ко мне. Наконец догадываюсь пригласить их в номер.

Подполковник беглым, но внимательным взглядом окидывает стол, тумбочку, чуть задерживается на графине и стакане, лишь после этого поворачивается ко мне.

- Вы вчера вместе ездили с Болтуновым в город? - спрашивает с непонятной подозрительностью в голосе.

- Да.

- И возвращались вместе?

- Разумеется, - меня удивляла странная забывчивость подполковника, словно он не беседовал с нами.

- В котором часу?

- Около двенадцати. Мы же сразу к вам зашли.

- Это было позавчера. А нас интересует вчерашний день. - Подполковник взглянул на свои наручные часы. - Уже четвертый час утра.

Вон оно что...

- Вчера Андрей один уехал в город, - пояснил я. - После обеда.

- Вы не знаете, к кому он поехал?

Я пожал плечами.

- Накануне, когда мы возвращались из Кишинева, он вспомнил, что забыл заехать к другу. Кто он, я понятия не имею.

- А у кого вы были накануне?

- У его невесты. Он собирался жениться.

- Выпивали?

- Выпивали, - ответила я без раздумий.

- А вчера опохмелялись?

- Если бы опохмелялись, Андрей не сел бы за руль.

- Вы в этом уверены?

- Вполне. Хотя и мало его знаю.

- Потому и ошибаетесь, - не согласился со мной подполковник. - Вчера ваш друг попал в автокатастрофу: врезался на своей машине в каменную опору моста и сгорел. Есть предположение, что он был пьян и не справился с управлением. Но это только предположение, - уточнил прокурор.

Я почувствовал как волосы у меня на голове встают дыбом, и все тело будто окатило ледяной волной, заставив сердце сжаться в комок. Погиб Андрей! Сгорел вместе с машиной! Не сон ли это продолжается?!

- Нет! - сквозь спазмы вырвался из моего горла хрип. - Андрей не стал бы пить! Позавчера, когда мы поехали в гости, и он знал, что не избежать выпивки, предпочел вместо своей машины сесть в автобус. Он не пьяница.

- Кто его невеста?

- Учительница. Дочь президента спортивной ассоциации, известного в городе человека.

- Петрунеску? - вмешался в наш разговор мужчина в штатском.

- Да. Иона Георгиевич.

- Уважаемый человек, - подтвердил Цынаву. - И как он отнесся к предложению жениха?

- В общем-то положительно. Дал им месяц на обдумывание.

- А не мог и вчера Болтунов поехать к невесте? - спросил подполковник.

- Мог, разумеется. Но он собирался к другу. Может, после заскочил к ней на минутку.

- Ситуация... - Прокурор в задумчивости почесал свой массивный подбородок. - Вы запомнили, где живет невеста?

- Запомнил.

- Придется вам проехать с нами.

- Прямо сейчас?

- Чем быстрее мы проследуем по пути Болтунова, тем скорее установим истину дорожно-транспортного происшествия.

Я тоже хотел этого. Быстро переоделся, и мы поехали.

Хотя небо на востоке только ещё чуть посветлело, на земле было совсем темно - будто тяжелый полог придавил все окрест: дома, деревья столбы вдоль дороги; и свет фар, разрывая черноту, казавшуюся весомой, давящей на грудь и плечи, метался по асфальту и неровным обочинам, высвечивая жутковато-причудливые силуэты.

Я сидел между капитаном Ивашутиным и следователем Цынавой, подполковник Токарев - рядом с шофером, и думал о превратностях судьбы, о её непредсказуемости и жестокости. Еще вчера мы разговаривали с Андреем, шутили, радовались его счастью; ещё вчера он был крепок, силен, полон веры в свое будущее. И вот его нет... Что могло случиться? Как он, летчик, не справился с управлением машины? У меня произошедшее не укладывалось в голове, и я все больше склонялся к мнению, что кто-то причастен к автокатастрофе.. Кто? Не тот ли друг, к которому он ездил?.. До визита ко мне в гостиницу подполковник Токарев и его коллеги беседовали с Золотухиным и штурманом его экипажа. Ни тот, ни другой тоже ничего не знали о кишиневском друге. Возможно что-то прояснит Альбина, если Андрей заезжал к ней. А что это было именно так, я был уверен на сто процентов.

Из-за поворота нам навстречу вывернулась легковая автомашина и ослепила светом дальних фар - будто кто-то стегнул по глазам, - и наша "Волга" взвизгнула тормозами, вильнув к обочине.

- Вот ещё одна из причин, по которой летчик мог врезаться в каменную опору, - нарушил молчание капитан милиции.

- Возможно, - согласился подполковник. - Молодежь - и жить торопится и чувствовать спешит. - И обернулся ко мне: - Сватовство-то бурно прошло?

- Не очень... Петрунеску озабочен, останется ли полк в Молдове.

- Я другое имел в виду, - сказал подполковник. - Накануне Болтунов мог не выспаться и задремать за рулем. А для того, чтобы врезаться в препятствие, хватит секунды.

Могло случиться и такое, мысленно согласился я, если Андрей не отдыхал после обеда, как намеревался, а сразу поехал в город; задремать за рулем немудрено...

Километрах в двадцати от гарнизона фары высветили на обочине дороги группу людей у "Уазика". Водитель притормозил, подворачивая к ним. Это были работники ГАИ и майор из военной прокуратуры.

Токарев вышел из машины, за ним последовали и мы.

- Что-нибудь ещё удалось обнаружить? - спросил Токарев у майора.

- Есть кое-что, Герман Филиппович, - ответил тот. - В двадцати метрах от места столкновения машины с препятствием на асфальте остались следы от ткани серого цвета и черная полоска от каучуковой подошвы. Правая дверь передней кабины не закрывается, тогда как левая заклинена намертво. Вмятины на бампере и радиаторе позволяют сделать вывод, что скорость при столкновении не превышала сорока километров. Есть веские основания полагать, что на правом сидении находился пассажир, выбросившийся на ходу в двадцати метрах от препятствия. Вызывает сомнение и обрыв бензопроводов от удара, вследствие чего возник пожар.

- Выходит, водитель был уже мертв к моменту столкновения?

- Или мертв или в бессознательном состоянии, так считает доктор. Экспертиза это установит.

- Кого наблюдали во время работы?

- В два сорок семь проехал грузовик из Кишинева. И совсем недавно, в три пятьдесят три - "Мерседес". Номера я записал.

- Хорошо. Завершайте, утром встретимся.

Начинало светать, и в тусклом свете предутренней зари я разглядел силуэт покореженной машины; капот и правое крыло лежали в стороне, отброшенные взрывом пожара.

"есть веские основания полагать, что на правом сидении находился пассажир, выбросившийся на ходу, - застряла у меня в голове фраза майора. Значит, Андрей погиб не по собственной оплошности, а к моменту столкновения был "или мертв или в бессознательном состоянии".

Кому Андрей мешал или так насолил, что заслуживал смерти?.. Может, его подкараулили те сосунки, с которыми мы столкнулись в кафе? Уж очень агрессивно они были настроены. Поистине современные националисты, из которых рвущиеся к власти политиканы создают отряды боевиков и бандформирований. Особенно агрессивно был настроен их вожак, и если бы не Альбина...

Я счел своим долгом рассказать о стычке в кафе.

- Не думаю, что пьяная ссора могла явиться поводом к убийству, - не согласился с моим предположением Цынава. - И поскольку версия убийства стала основополагающей, считаю, Герман Филиппович, поднимать ночью с постели Петрунеску, уважаемого человека и влиятельного, нецелесообразно.

- Ну почему же, - нетвердо возразил Токарев. - Хотя бы с дочерью его поговорить.

- Не надо и с дочерью. Подождем до утра. Несколько часов роли не играют.

- Цынава дело говорит, - поддержал следователя капитан милиции. Петрунеску - мужик крутой, может и подальше нас послать. Потом неприятностей не оберешься.

- Что ж, подождем до утра, - согласился прокурор. - Извините, Игорь Васильевич, напрасно вас потревожили. Давай, Петя, крути обратно, в гарнизон, - приказал он шоферу.

10

Расследование затягивалось. Срок моей командировки подошел к концу, пришлось звонить в редакцию, объяснять ситуацию и ждать указаний главного редактора. Генерал распорядился: задержаться ещё на неделю до выяснения обстоятельств похищения оружия и

убийства Болтунова. "Это же сенсационный материал!"

В том, что совершено преднамеренное убийство, теперь никто не сомневался: один из работников ГАИ, дежуривший на окраине Кишинева, видел около 22 часов голубые "Жигули" с капитаном за рулем и тремя молодыми людьми в футболках: один - рядом с водителем, двое - позади. И экспертиза подтвердила: правая передняя дверца машины была приоткрыта до столкновения с препятствием; удар о каменную опору был не настолько силен, чтобы водитель потерял сознание и лопнул бензопровод, вызвавший пожар машины.

Подполковник Токарев побывал у Петрунеску и выяснил, что Андрей действительно заезжал к ним на квартиру, около восьми вечера, но Альбину не застал: она уехала в тот день к родственникам в Бендеры. Иона Георгиевич поговорил с претендентом на руку дочери по-родственному, попили кофе и расстались в хорошем настроении. Оставалось невыясненным главное - к кому ещё заезжал Андрей. Никто в полку не знал его кишиневского друга. Проверили всех знакомых, но ни у кого из них Андрей в тот день не появлялся.

Официантка из кафе, где у нас произошел скандал со спортсменами, дала показания, что Андрей в тот вечер был в кафе около 21 часа, якобы выпил триста граммов коньяка и уехал на своей машине один. Но кроме нее, никто капитана в кафе не видел. Значит, Андрей либо не заезжал в кафе, либо заскочил на минутку в поисках Альбины...

Над раскрытием преступления работала целая группа из военной прокуратуры и местного уголовного розыска. Токарев высказал предположение, что убийство Болтунова как-то связано с контрабандой оружия. Но я этому не верил.

На третий день в гарнизон привезли с экспертизы останки Болтунова. На похороны приехали родители Андрея, худенькие, морщинистые отец и мать, одетые простенько, по-деревенски, с мозолистыми, почерневшими от труда и земли руками. Им не было ещё и по шестидесяти, а выглядели дряхлыми стариками; нежданно-негаданно свалившееся горе согнуло и состарило их на десятки лет.

Я еле сдерживал слезы, глядя на них, на их обезумившие от отчаяния лица, на глаза, в которых было что-то такое, от чего сжималось сердце и комком застревали в горле рвущиеся наружу рыдания.

Приехала и Альбина в черном платье, покрытая черной вуалью, с темными кругами под глазами - видно тоже пролила немало слез: ждала свадьбу, а попала на похороны. Но у гроба она держалась молодцом: утешала стариков, поддерживая мать Андрея под руку, и когда той становилось плохо, подносила к её носу нашатырный спирт, отпаивала волокардином. А на панихиде даже сказала прощальное слово, обещая помнить и любить Андрея до конца дней своих и быть такой же честной и верной дружбе.

Командование полка устроило по русскому обычаю поминки в военторговской столовой. Пришли туда самые близкие друзья Андрея. Альбина привезла ящик коньяка "Белый аист" ("Андрей любил этот напиток") и ящик лучшего молдавского вина. Родителей Андрея она перепоручила женщине лет сорока, видимо тоже родственнице Болтуновых, и села рядом со мной. К моему удивлению, она выпила до дна первую рюмку коньяка, потом вторую. Еще в день знакомства я заметил, что она не особенно церемонится, когда дело доходит до выпивки, даже если находится за рулем, а тут и вовсе нервы у неё сдали, она готова была выпить и третью. Я напомнил, что ей ещё ехать в Кишинев, но она лишь грустно усмехнулась и изрекла:

- Мне теперь все равно.

Утешать её, значило ещё сильнее беречь рану, и я решил дать ей волю: пусть напьется, переночует в гостинице.

Я не люблю большие застолья, ни свадебные, тем более похоронные: слушать хвалебные речи в адрес усопшего, видеть скорбные лица, не выражающие подлинных чувств, есть и пить за упокой души - что может быть нелепее. И пришел я на поминки лишь из-за приличия и служебного долга: как-никак, с Андреем стали приятелями; ко всему, следовало присмотреться к людям и послушать, о чем они будут говорить; может открыться

что-то новое и важное. Но Альбина мне очень мешала: изрядно захмелев, она стала приставать со всякими нелепыми вопросами, наподобие: "А кто вон тот майор?" Или: "Ты останешься моим другом и будешь навещать меня?" Как я ни старался переключить её внимание на что-нибудь другое, завязать разговор с соседями, она оставляла меня в покое лишь ненадолго.

Из обрывков разговоров женщины, приставленной к родителям Андрея, с его отцом (мать все время сморкалась в платочек и вытирала слезы), я понял, что она никакая не родственница, а скорее всего сотрудница военной прокуратуры или уголовного розыска: уж очень внимательно наблюдала она за присутствующими и прислушивалась к их разговорам.

И ещё одну немаловажную деталь удалось подметить мне, правда, пока непонятную, но насторожившую меня основательно: когда мы встали из-за стола и собрались уходить, около Альбины закружил капитан Скородумов, тот самый отстраненный от полетов летчик-коммерсант, которого я заподозрил в авторстве анонимки, явно подыскивая подходящий момент поговорить с нею. Такую возможность я ему предоставил, отлучившись на минутку, объяснив Альбине, что надо поговорить с замполитом. Едва я отошел, как Скородумов оказался возле Альбины. Что он сказал ей, расслышать не удалось, но как негодующе сверкнули глаза Альбины я заметил. Губы её скривились в презрительной усмешке, она что-то прошипела в ответ, и капитана словно ветром сдуло...

С незнакомым девушка вряд бы так поступила. А ни Андрей, ни его невеста словом не обмолвились, что у неё в гарнизоне есть ещё один поклонник...

Возможно за этим тоже кроется что-то интересное...

Я вернулся к Альбине, и она улыбнулась мне довольно мило, словно негодование только что не бушевало в ней, взяла мою руку и попросила:

- Уведи меня отсюда, я, кажется, захмелела.

Мы вышли на улицу. Уже темнело, но духота сегодня была особенная, не спадала и вечером. Блеклое небо, словно выгоревший на солнце ситец, висело над гарнизоном непроницаемым колпаком, закупорившим наглухо воздух; и все вокруг казалось мрачным, удручающим. Снова вспомнился Андрей и в сознании представилась картина его страшной гибели: горящая машина, и он, корчащийся от нестерпимой боли в пламени...

Ужасная смерть! Каким звериным сердцем надо обладать, чтобы поступить так бесчеловечно! За что?!

Мы молча шли к гостинице. Альбина держалась за меня, покачиваясь из стороны в сторону, низко опустив голову. Вечерний закат, похоже, и на неё действовал угнетающе, напоминая о бренности нашего бытия: вот так и жизнь человеческая - меркнет, затухает, а иногда и сгорает мгновенно.

Альбину развозило все больше: ноги заплетались, её кидало из стороны в сторону, и если бы я не поддерживал, она рухнула бы на землю. Но я не осуждал её - горе ломает и более сильные натуры, а коньяк как-никак притупил боль, помог забыться хотя бы на несколько часов. Вдруг она встрепенулась, приподняла голову.

- Ты куда меня ведешь?

- В гостиницу. Тебе надо отдохнуть.

- Нет... - Она помотала головой, словно желая освободиться от наваждения. - Я поеду домой.

- Лучшего ты ничего не придумала? Поспишь здесь, потом поедешь.

- Но я не хочу в гостиницу, - капризно заявила Альбина.

"Уложить её в машине на заднем сидении? - мелькнула мысль. - И сидеть около неё всю ночь? Что подумают обо мне сослуживцы Андрея?... Оставить одну - уедет: пьяному море по колено..."

- Ничего, до утра придется потерпеть. Никто тебя здесь не обидит.

Она остановилась, задумалась.

- Хорошо, - согласилась наконец. - Я очень хочу пить. У тебя найдется что-нибудь?

- Найдется. Напою тебя чаем.

Я всегда беру с собой в командировки кипяtilьник, разовые пакетики чая и кофе, печенье, чтобы не бегать лишний раз по столовым, когда надо срочно подготовить материал в газету или находит творческое вдохновение.

- Тогда пошли.

Она обеими руками держалась за мою руку и буквально висела на ней, еле переставляя подламывающиеся ноги, и я со стыдом и страхом думал, что сказать дежурной, как упротить её, чтобы уложить спать незнакомую пьяную девушку в свободной комнате, если таковая найдется. А если нет? Кто захочет пустить к себе пьянчужку?

К моему счастью (или несчастью) дежурной на месте не оказалось, и я, поддавшись непонятному порыву, поспешил провести Альбину в свой номер. Уложил её на кровати и, достав из тумбочки кипяtilьник, стал готовить чай.

- Душно! - заметалась Альбина на кровати. - И мне очень плохо. Дай чего-нибудь попить.

Я налил ей из крана воды. Она отхлебнула, сморщилась и вернула обратно.

- Сырая?

- Сейчас я вскипячу.

- А коньяку у тебя нет?

- Чего нет, того нет. Да и хватит тебе...

- Мне плохо. Достань у кого-нибудь. - Она всхлипнула и закрыла глаза.

- Перестань, Альбина. Горе коньяком не зальешь.

Она согнулась калачиком, полежала молча.

- Мне душно. Помоги раздеться.

Ничего себе заявочка! Я в нерешительности остановился около нее, не зная, что делать. Нагнулся и снял с ног туфли.

- Платье расстегни, - тихо, почти шепотом попросила Альбина.

Не забылась ли она? Не принимает ли меня за Андрея? Я боялся притронуться к ней.

- Ну чего ты? Мне жарко... Душно. Тяжело дышать...

Она повернулась ко мне спиной, подставила замочек, который и сама могла без особого труда достать. В глаза мне бросились крутые бедра, обтянутые мягкой тонкой тканью, задравшейся до самих трусиков, обнажив стройные, загорелые ноги, будто излучавшие колдовскую энергию, воспламенившую меня; и я, онемевший, пригвожденный её притягательной силой, не двигался с места, терзаемый желанием и поднимавшейся во мне ненавистью и к себе и к Альбине. Наконец удалось взять себя в руки, и я расстегнул "молнию".

Альбина не шевелилась. Дыхание было ровное и слабое. Кажется, уснула. Я потихоньку встал и пошел из комнаты, бесшумно затворил за собой дверь.

Дежурная сидела на своем месте, и я, объяснив ей ситуацию, попросил разрешения переночевать в другом номере.

- Это можно, - согласилась дежурная. - Нынче многие в отпусках, есть и комнаты, и кровати свободные. Идите в номер, где жил Болтунов. - Она протянула мне ключ.

С дивана в холле вдруг поднялся подполковник Токарев, которого я раньше не видел ни на похоронах, ни на поминках. Подошел ко мне.

- Добрый вечер, Игорь Васильевич. Хотел раньше с вами поговорить, но вы были так заняты Альбиной Ионовной, что к вам было не подступиться. Уложили её спать?

- Да. Она плохо себя чувствует.

- Тяжелый случай, - вздохнул подполковник. - Вместо свадьбы похороны. Она крепко его любила?

Я хотел было объяснить, что она ждет от Андрея ребенка, но засомневался, надо ли раскрывать чужие секреты. Будет ли она рожать после случившегося?.. Да и откуда мне знать, насколько глубоко было её чувство? Что Андрей любил её, я мог поручиться. А за Альбину...

- Я вижу её второй раз. А коль они собирались пожениться...

- Да, - согласился Токарев. - Это раньше русские были у всех в почете, а ныне даже молдаване не очень нас жалуют. Она не побоялась... К вам тоже по-моему неплохо относится...

- Мы с Андреем успели подружиться...

- Вот и хорошо. Постарайтесь поддержать её в эти трудные минуты, не теряйте с ней контакта. А еще, - он отвел меня подальше от стола дежурной, у меня к вам просьба: постарайтесь под видом журналиста, собирающего материал о гуманитарной помощи, узнать у Альбины Ионовны, не осталось ли у них в школе что-то из заграничных подарков. Чтобы не томить вас догадками, раскрою секрет. Дело в том, что проверка на дорогах пока ничего не дала, контрабандисты затаились. А убийство Болтунова, на мой взгляд, связано с этим. Есть предположение, что оружие переупаковывали в импортные коробки из-под гуманитарной помощи в одной из школ. Учителя, разумеется, могли об этом не знать. Надо выяснить, не остались ли где такие упаковки. Подумайте как поделикатнее поговорить на эту тему с Альбиной Ионовной. Разумеется, никакого намека на оружие.

Заданьице... Для будущей статьи или очерка мне так или иначе все равно придется вникать в суть дела, но как бы снова не попасть в ситуацию, наподобие гаражной, где меня чуть не ухлопали. Но на то мы и военные, чтобы рисковать...

Я дал согласие и пошел спать. Поручение Токарева настолько заинтересовало меня, что я сразу приступил к разработке плана беседы. Надо так тонко провести её, чтобы ни один вопрос не вызвал сомнение, что я собираю материал для статьи. Достал свой красный блокнот с бронзовым тиснением "Красная звезда" и, включив электрочайник, - Андрей тоже любил вечерами чаевничать, стал сочинять вопросы.

Уснул я далеко за полночь и проснулся рано: армейская привычка давно и прочно прижилась во мне и приучила меня быстро приспосабливаться к строгому армейскому распорядку дня. Окатился холодной водой, побрился, навел лоск на своем капитанском обмундировании и пошел к Альбине. К моему удивлению, её в номере не оказалось. Дежурный по проходной, где стояли её "Жигули", сообщил мне, что Альбина уехала в пять часов утра.

Позавтракав, я в десятом часу отправился на маршрутном автобусе в Кишинев. Чем ближе подъезжал к городу, тем сильнее не хотелось встречаться с овдовевшей невестой Андрея, и я чуть ли не молил судьбу, чтобы её в школе не было. Мое желание, видно, дошло до Бога - Альбина отсутствовала.

Директриса, пожилая, суровая на вид женщина, типичная молдованка: смуглолицая, кареглазая, встретила меня настороженно. Но когда я спросил Альбину Ионовну, объяснив, что мы приятели, Сусанна Николаевна, так звали директрису, потеплела и стала охотно отвечать на мои вопросы. Да, школа получала гуманитарную помощь, за что преподавательский состав и родители учеников благодарны немцам, всячески приветствуют экономическое и политическое сотрудничество, рады, что немцы одобряют стремление молдавского народа к самостоятельности.

- Скажите, а надолго хватит этой помощи вашим питомцам? - не удержался я от каверзного вопроса - очень уж не понравились мне дифирамбы в адрес недавних оккупантов.

- Разве дело в том, на сколько дней нам хватит кормить детей завтраками и обедами? - снова посуровела Сусанна Николаевна. - Хотя, разумеется, это тоже немаловажно. Но важнее другое: нас, молдаван, считающихся в некоторых государствах отсталой нацией, без роду и племени, цыганами и бродягами, признали как равноправных, как культурных и свободолюбивых людей.

"Так именно фашисты считали вас отсталой нацией", - хотелось возразить директрисе. Но вступать в полемику не в ходило в мои намерения.

- Простите, Сусанна Николаевна, видимо я неправильно задал вопрос, поспешил извиниться я. - Сейчас у вас каникулы, продукты вы, по всей вероятности, развезли по домам, чтоб не испортились. А как ваше руководство обеспечивает школу продовольствием, когда такой помощи не бывает?

- Вы плохо о нас думаете, молодой человек, - с укоризной покритиковала меня директриса. - Мы, педагоги, не только учим, мы, поверьте, и не плохие хозяева. Да, положение в стране с продовольствием неважное, и местное руководство не всегда в состоянии обеспечить нас необходимым. Учитывая это, мы быстропортящиеся продукты, разумеется, держать не стали. Но у нас в школе есть чудесный подвал, и все, что может храниться, мы оставили про запас.

Директриса натолкнула меня на блестящую идею: ещё на аэродроме я обратил внимание на срок годности сушеного картофеля, означенный на коробке: "Май 1991 год" и подумал тогда: немцы - народ экономный и расчетливый, ничто не пропадает: сплавляют залежалый товар в виде гуманитарной помощи "голодающему Советскому Союзу".

- От кого-то из ваших коллег я слышал, что немцы подсовывают нам продукты, потерявшие из-за давности лет пищевые качества, разглагольствовал я, испытывая неодолимое желание попасть в хранилище школя и потрогать своими руками коробки с продовольствием, чтобы было что доложить Токареву и написать в очерке.

- Неправда! - запротестовала Сусанна Николаевна. - Все продукты высокого качества.

- А вы не обратили внимание на надписи на коробках?

Директриса пожала плечами.

- Право, ни у кого даже мысли такой не возникло. Если вас это так интересует, давайте вместе посмотрим. - И тут же спохватилась: - Вот досада, ключи-то у Альбины Ионовны, она у нас ведаёт продовольственным хозяйством.

Наверное и на этот раз мое желание было так велико, что Бог снова пошел мне навстречу: дверь отворилась, и в кабинет вошла незамужняя вдова. Я, выразив на лице радость, шагнул к ней и протянул руку.

- Здравствуй, Альбина. Ты так внезапно уехала... Я утром звонил тебе домой, но никто не ответил, - соврал я.

Она неопределенно пожала плечами, выражая то ли удивление, то ли недоверие. Но глаза не скрывали обиды. И все-таки взяла руку, слегка пожала.

- У тебя ко мне дело?

Я чуть замешкался с ответом. Меня выручила Сусанна Николаевна:

- Он утверждает, что Германия прислала нам порченные продукты. Хорошо, что ты появилась, сейчас мы опровергнем слухи. Кстати, не ты сказала ему такое?

- Не она, - опередил я Альбину. - Но вы правы: лучше один раз увидеть, что десять услышать.

- Альбиночка, покажи молодому человеку коробки с гуманитарной помощью. Пусть он убедится по этикеткам годность продуктов.

Альбина молча достала из стола ключи и повела меня в довольно глубокий и просторный подвал, освещенный тусклыми лампочками и пахнущий мышами. У массивной двери, обитой железом, с громадным висячим замком, Альбина остановилась и, как заправская ключница, ловким движением руки открыла замок, затем дверь. Включила свет. Вдоль стены на деревянных полках возвышались коробки с красивыми этикетками. Я прочитал: *Rockenkortoffel inWurvtln Mindestens haltbar dis Ende Mai 1991*".

- Сушеный картофель, Срок годности - май тысяча девятьсот девяносто первый год, - перевела Альбина.

- Значит, слухи были верные.

- На безрыбье и рак рыба, - холодно констатировала Альбина. - А это медицинское оборудование, - указала она на более массивные коробки и подколола: - Надеюсь, срок годности у тебя не вызывает сомнения? Кстати, оно предназначено не для нас, а для больниц. Но у них пока нет места для размещения. Вот и сгрузили у нас.

Как мне хотелось заглянуть в них! Возможно там то самое, что интересует Токарева. Я потрогал тяжелые коробки.

- Нет, сроки годности медицинских аппаратов у меня сомнения не вызывают, - ответил я с улыбкой. И спросил напрямую: - Я чем-то тебя обидел?

- Ты бросил меня в таком состоянии...
- Прости, но ты заснула, и я не хотел тебя беспокоить - я очень храплю.
- Серьезно? - усмехнулась она. - Только из-за этого? - Лицо чутьточку оттаяло. - Какие вы, военные, ханжи. И... трусы... Пусть человек умрет, только бы не запятнать свое имя.
- Прости, я постараюсь искупить свою вину, - и по-дружески взял её за руку, повел к выходу.

Она закрыла дверь на замок, но уходить не торопилась.

- А знаешь, я почти не спала, все думала, думала... И вот какой дурацкий стишок сочинила. Хочешь послушать?

- Ты пишешь стихи?

- А кто их в юности не пишет.

- С удовольствием послушаю.

- Остаться я нашла причину. Ах, оболститель-мальчик! Казалось мне, что ас, мужчина. На деле вышло - зайчик!

- Ну ты настоящая поэтесса, - рассмеялся я. - От такой критики хоть пулю в лоб. Но я стреляться не буду. Может, ещё докажу, что не зайчик.

- Хвалился гномик: что он могуч и скоро вырастет до туч, - выдала Альбина новый экспромт. Или это вычитанная ранее заготовка?

- Тоже твое?

- Понравилось?

- По форме. Но содержание не соответствует действительности. Ты давно увлекаешься поэзией?

- Не очень. Так, балуюсь иногда.

- Хотелось бы почитать твои стихи. Доверишь?

Она ответила не сразу.

- Они сугубо личные. Но мне тоже интересно послушать мнение столичного литератора. Ведь журналисты - литераторы?

Обида её, кажется, прошла, разговор стал доверительнее.

- А какой-то степени... Кстати, в курсантские годы я тоже увлекался поэзией, и ямб от хоря умею отличить.

Мы поднялись из подвала. Перед тем как открыть дверь в учительскую, Альбина снова приостановилась и спросила:

- Ты когда уезжаешь?

- Хотелось что-то определенное узнать о гибели Андрея. Возможно она связана каким-то образом с контрабандой оружия. Так что с недельку придется ещё пожить здесь.

- Очень хорошо. Поверь, Игорек, с тобой мне намного легче. Я не так тяжело переношу потерю. Не знаю, что бы я делала без тебя. И когда ты вчера ушел, мне не хотелось жить... Я очень прошу тебя, побудь со мной, пока я не приду в себя.

Мне стало искренне её жаль. Надо же было такому случиться. Убили в самый канун свадьбы. Кому Андрей так навредил? Неужели он причастен каким-то образом к контрабанде? И поведение Альбины смущало меня, вносило путаницу в мысли, в чувства. С одной стороны все вроде бы ясно: гибель Андрея потрясла её, а с другой - её объяснения приводили меня в смятение, раздражали и вызывали недоверие: можно ли так быстро привыкнуть к незнакомому человеку, даже если она и считает меня другом Андрея? Или я чего-то не понимаю, или сужу слишком прямолинейно. Надо не спеша во всем разобраться...

- Собственно, я к тебе ехал.

- Вот и хорошо. Тогда попрощаемся с Сусанной Николаевной и поедem к нам.

Я извинился перед директрисой за отнятое время и, пожелав ей успехов в работе, покинул вместе с Альбиной кабинет.

Натертые и пахнущие полиролью Альбинины "Жигули" сверкали как новенькие, коврики - без пушинки, на панели - ни пятнышка пыли; стерильно-медицинская лаборатория да и только. И Альбина одета не в траурное платье, как вчера, а в легкое из цветастого

крепдешина, просвечивающее ажурное кружево бюстгальтера и трусики. Загорелая кожа, округлые бедра, стройные ноги выглядели так соблазнительно, что всколыхнули во мне желание, и я невольно похвалил себя за вчерашнюю выдержку...

Взревел мотор, и машина рванулась со школьного двора.

Я обдумывал дорогой, как быстрее отделаться от Альбины - иначе могу надеть глупостей, - и доложить Токареву о своих соображениях. Предлог проверить гуманитарную помощь в школе органы правопорядка найдут, хотя бы под видом изъятия утратившего срок годности сушеного картофеля, пока сомнительное медицинское оборудование не перекочевало в другое более укромное местечко.

К моему глубокому огорчению, Альбина подвернула к знакомому нам кафе, объяснив, что проголодалась как волчица, а дома мачехи нет и обед не приготовлен.

- Да ты не бойся, теперь здесь к нам никто приставать не станет, предупредила она мое возражение.

Выглядеть в её глазах трусом мне совсем не хотелось, и я с одобрительной усмешкой принял её предложение.

- На голодный желудок цыган и спать не ляжет.

- А ты откуда знаешь про цыган? - засмеялась Альбина. - Все зависит от цыганки: одна накормит, напоит и ублажит; другая и плетью отходит, у цыган ныне тоже эмансипация женщин.

В кафе народу было мало, и Альбина провела меня за тот же столик, за которым мы сидели втроем. Официант, едва увидев нас, поспешил, как к долгожданным гостям; расплылся перед Альбиной лакейской улыбкой.

- Рад снова видеть вас, - услужливо согнулся он в поклоне. - Сегодня у нас вкусное сациви, свежие цыплята, корейка на вертеле, Алиготе, Фяско.

- Что-то ты, Лайко, стал забывать мои вкусы. Дай-ка нам самим взглянуть на меню.

- Пожалуйста, пожалуйста, Альбина Ионовна, - официант протянул меню, виновато склонился ещё ниже. - Изучайте, выбирайте. - И удалился.

Альбина пробежала по написанному, недовольно помотала головой.

- Ни икры, ни осетрины. Никакой порядочной рыбы. Совсем оскудел наш общепит. Закажи по сациви и по корейке, зелени побольше, а я пойду позвоню подруге. - Поднявшись, добавила: - И по сто коньяку.

- Ты же за рулем, - напомнил я.

Она взглянула на меня насмешливо.

- Я уже объясняла: коньяк стимулирует энергию и повышает реакцию. Пора бы тебе знать такие тонкости, товарищ журналист. Если нет денег, так и скажи. У меня есть, - и пошла, соблазнительно покачивая бедрами.

"Черт с ней, пусть пьет! - разозлился я, решив сам в рот не брать и после кафе сразу уехать в гарнизон. - А если она и директриса в курсе содержимого тех ящиков в подвале? - мелькнула мысль, но я тут же отверг ее: - Они не повели бы меня в подвал, нашли бы любой предлог... И чувствовали они себя очень уж спокойно... Альбина о стихах заговорила. До любовной ли лирике было бы ей, когда перед глазами замаячила тюремная решетка?"

Заказ её я выполнил. Альбина долго не возвращалась. В ожидании её я невольно стал осматривать зал. Из всех посетителей, которых и десятка не насчитывалось, только мужчина и женщина, устроившиеся в дальнем углу, привлекли мое внимание. Ему лет пятьдесят, представительный, вальяжный, в светлом костюме и при галстукке. Женщине лет двадцать пять, симпатичная блондинка, худенькая, бледнолицая, явно не молдаванка. Но и не русская очень уж медленно подыскивает слова и напрягает губы. Скорее всего из Прибалтики - была у меня одна такая знакомая. Когда им на стол поставили бутылку коньяка, шампанское и закуску, интерес мой к ним пропал - обычная пара прелюбодеев.

Наконец, появляется Альбина, недовольно кривит рот.

- Как всегда её нету дома. Всех знакомых обзвонила: не была и не знают, где она. А она мне очень нужна. Может, пока пообедаем, объявится.

Официант принес заказ. Обед проходил в молчании: то ли Альбину расстроило отсутствие подруги, то ли мучают какие-то мысли, ест она без аппетита, хотя говорила, что голодна, как волчица. Даже выпитая рюмка коньяка не подняла её настроение. Когда она собралась налить вторую, я отобрал графин и налил себе: сто граммов возможно и прибавят энергии, а двести...

- Тебе, пожалуй, хватит.

- Послушай, не будь занудой, - рассердилась Альбина. - Я себя лучше знаю. - Отобрала у меня графин и налила себе полную рюмку. Выпила без тоста и не пригласив меня.

"Не алкоголичка ли она? - мелькает подозрение. - Она и при первой встрече пила коньяк, и на поминках набралась до чертиков... Неужели Андрей не рассмотрел? Или она в самом деле сильно переживает и заглушает тяжкую потерю коньяком?"

- Ты снова расстроилась?

- Поразительная пронизательность! Прямо Кашпировский. Ты кто мне муж, чтобы указывать?.. Если мне хочется выпить...

- Мало ли чего тебе хочется... Ты за рулем и ждешь ребенка...

- Рожать я не буду, - сердито обрывает она меня. - И со ста граммов не опьянею.

- Для ГАИ сто граммов или литр - значения не имеет.

- Тем более... я выпью еще.

- В таком случае я с тобой не поеду.

- Я другого от тебя и не ждала... Летчик - героическая профессия, - с подчеркнутой иронией произнесла она. - Может, потому тебя и в журналисты перевели?

- Угадала. А ты хочешь героизм свой показать нетрезвой за рулем? Вспомни Андрея.

- Прекрати! - негодуя воскликнула она. - Андрей за руль пьяным не садился! Ты знаешь это.

- Медэкспертиза утверждает обратное. И врезаться в столб... - Я специально подзавопил её, чтобы кое-в-чем разобраться или хотя бы узнать её мнение.

- Медики у нас бездарные, а милиция продажная. Им только бы спихнуть дело, чтобы не осталось нераскрытым. - И она снова потянулась к графину.

- Лимит твой исчерпан. Злись на меня, считай кем угодно, но больше ты ни грамма не получишь.

- Ну и пей сам, жмотина, - сказала она примирительно. - Не дай Бог иметь такого мужа.

- Поковыряла вилкой в тарелке и поднялась. - Схожу ещё раз позвоню. Куда она запропастилась, кукла гуттаперчевая.

И снова её не было минут десять. Я допил коньяк, чтобы не искушать её, доел свою корейку и ещё раз окинул зал изучающим взглядом. Посетителей и вовсе поубавилось. А вот тот вальяжный мужчина с прибалтийской мадонной все ещё бражничали, мило о чем-то беседуя. Я подозвал официанта и попросил счет. От моих командировочных осталось двадцать рублей, на обратный билет не хватит. Придется у кого-то одалживать или просить ребят из редакции, чтобы выслали телеграфом.

Наконец, появилась Альбина. По тому, как шла она по проходу, петляя ногами и грустно улыбаясь, поблескивая своими большущими темно-кариими глазами, я догадался, что она ходила не звонить подруге, а в буфет, и изрядно там добавила.

- Теперь можем ехать, и подружка объявилась. Завалимся к ней?

- Завалимся. В другой раз. А теперь пошли. - Я взял её под руку и, крепко придерживая, чтоб она не качалась (было стыдно за нее), повел к выходу.

- А расплатиться? - спохватилась она.

- Все в порядке.

- Сколько я тебе должна?

- Много. Не хватит твоих учительских.

- Хватит, - она полезла в сумочку и извлекла оттуда пачку купюр. Возьми. Папочка у меня, слава Богу, хорошо получает.

- Спасибо. Хотя я и не герой, но в альфонсах тоже не ходил. Прибереги для другого. - Я

злился и на себя - за каким чертом согласился идти в кафе? - и на неё - надралась, как уличная девка, теперь ломай голову как доставить её домой. Оставить в таком состоянии одну - не по-мужски, и мало ли что с ней может случиться, до конца дней потом будет мучить совесть. Решаю поймать такси, а рубиновый её "жигуленок" подождет, пока она протрезвеет. Даже если его угонят, потеря для такой состоятельной семьи небольшая.

Подвожу её к дороге и поднимаю руку, чтобы остановить показавшуюся невдалеке "Волгу" с зеленым огоньком. Альбина хватает меня за руку и спрашивает в недоумении:

- Ты чего это?

- А того, - огрызнулся я. - Домой доставлю тебя на государственном транспорте.

- Не выйдет! - Альбина рванулась от меня к своему "жигуленку", стараясь освободить зажатую мною руку. Но я не отпустил, и она осыпала меня бранью на своем языке.

- Чувствуется красноречие педагога, - съязвил я. - Попрошу перевести, когда протрезвешь.

- Катись ты! Отпусти, или я кричать буду.

С неё станется. Попробуй потом оправдаться, что не пристава оккупант к молдавской девушке. А из кафе за нами уже наблюдал официант, обслуживавший нас, и та влюбленная парочка, сидевшая в углу и появившаяся теперь у двери. Я отпустил руку Альбины. Она, едва держась на ногах, дошла до своей машины и, достав из сумочки ключ, попыталась открыть дверцу, но никак не могла попасть в замочную скважину. Допустить её за руль было бы не меньшим преступлением, чем толкнуть на самоубийство. А я заказывал коньяк, значит, окажусь виноватым.

Подхожу к ней, отнимаю ключ и, снова взяв под руку, с силой веду к противоположной дверце. Она упирается, и мне не без труда удается втиснуть её на правое сиденье. Сажусь за руль. Чувствую себя абсолютно трезвым и надеюсь на счастливый случай, что не нарвусь на гаишников. А если и нарвусь - не каждого же встречного они останавливают.

- Поехали к Томке, - успокаивается Альбина и виновато прижимается лицом к моему плечу.

- К мамке, - поправляю я. - Не знал, что у Андрея такая разухабистая невеста.

- Не трогай Андрея! - Альбина отстранилась и всхлипнула. - Что ты знаешь о нем и обо мне?... Кто я теперь?... Мне не хочется жить. - Она закрыла лицо руками и разрыдалась.

Мне стало её жаль, я обнял её и стал успокаивать.

- Перестань. У тебя все ещё впереди. Андрей был хороший парень, но от судьбы, говорят, не уйдешь... Ты ещё встретишь достойного человека...

- Не надо. С ним оборвалась вся моя надежда. _ Вытерла глаза и умоляюще попросила: - Поедем к Томке. Я хочу выпить и умереть.

- Глупости. А отец? Мачеха? Они тебя любят.

Она осуждающе глянула мне в глаза и грустно усмехнулась.

- Кашпировский... Отец любит, не спорю. Но Софа для него - свет в окне. А она, бывшая моя подружка, ждет не дождется как избавиться от меня, за любого готова выдать - мешать ей стала единовластно командовать папочкой. Стерва.

- И все-таки я отвезу тебя домой. Успокойся, поспи, а завтра встретимся с тобой и обо всем поговорим.

- Правда? Ты не обиделся, не отвернешься от меня?

- Нет.

Она достала платочек, вытерла лицо, посмотрелась в зеркальце. Прильнула к моему плечу и поцеловала его. Странная и недоступная моему пониманию женщина: я ещё не встречал людей с такой быстрой сменой настроения, и у меня вызвали сомнения некоторые её эмоциональные всплески, который то пробуждали сочувствие, то раздражали и заставляли усомниться в её искренности.

Вальяжный мужчина с прибалтийской мадонной все ещё стояли у двери кафе, наблюдая за нами, и я включил зажигание. Соблюдая особую осторожность, выехал на дорогу и на небольшой скорости направился по улице к дому, где жила Альбина. До него

было километров пять, но не проехал я и километра, как обнаружил плетущийся за нами следом темно-синий "Москвич". Все нас обгоняли, а этот держался, как на привязи... Случайное совпадение или?..

Альбина ничего не замечает, склонила голову на грудь, то ли о чем-то думает, то ли дремлет, то ли делает вид убитой горем - я не знаю, чему верить. А тут ещё этот задрипаный "Москвич".

Увеличиваю скорость. Он не отстает. Сворачиваю в первый же переулочек и сворачиваю на параллельную улицу. Останавливаюсь.

Альбина поднимает голову.

- Что, приехали?

- Почти.

- А где мы? - крутит она головой.

- Вот раздумываю, куда тебя везти: домой или к подруге.

- Вези домой, - вдруг меняет она решение.

Я включаю скорость. "Москвич" не появляется. Значит, никакой погони, зря я запаниковал. Еду не торопясь по Гоголя, параллельно Пушкинской: вдруг "Москвич" появится, нагонит или выскочит из любого переулочка? На душе все-таки неспокойно.

Проехали три квартала, никаких машин. Начинаю успокаиваться. Альбина снова склоняет на грудь голову.

Сворачиваю на Пушкинскую, её родную улицу, и увеличиваю скорость до шестидесяти.

Предчувствие меня не обмануло: преследователи знали, где меня поджидать - за квартал от дома Альбины, там я обязательно должен был появиться. Вначале выскочила белая "Волга", а когда я приблизился к ней, сзади появился и темно-синий "Москвич". "Волга" резко затормозила. Но я среагировал, тормоза "жигуленка" завизжали недорезанным поросенком, и машина остановилась впрыток к "Волге". В ту же секунду она сдала назад. Раздался стук, звон разбитого стекла.

Альбина вскинула голову, недоуменно глянула на меня, на впереди стоявшую "Волгу" и, сообразив, что произошло, выскочила из кабины.

Из "Волги" тоже вылезли трое: интеллигентного вида мужчина лет сорока и двое молодых парней лет по шестнадцати.

Я выходить не торопился: понял, к чему все затеяно, и первым делом окинул взглядом панель под приборной доской, надеясь найти там что-нибудь для защиты. Но кроме парфюмерной сумочки да атласа дорог, ничего не увидел.

- Вы что?! Что натворили?! - негодуя крикнула Альбина, наступая на троих, невозмутимо и с улыбкой ожидающую, что предпримет дальше фифочка, вырядившаяся в просвечивающий крепдешин.

- А это спроси у своего водителя, куда это он так торопился, - ответил старший совершенно спокойно, словно никакого отношения к происшествию не имел. - Что, дорога узкая? - глянул он на меня с усмешкой.

Он был настроен не агрессивно, дракой не пахло, и я вылез из машины. Все - Альбина, интеллигент и его пассажиры - стали рассматривать повреждения. У "жигуленка" был помят капот и разбита правая фара, у "Волги" пострадала лишь задняя левая фара.

- И что будем делать? - спросил у меня интеллигент.

- А что бы вы хотели? - на вопрос вопросом ответил я, понимая, что оправдываться в созданной моими противниками ситуации бесполезно.

Альбина перевела злой взгляд на меня, и я вынужден был растолковать ей:

- Это шантаж. Они специально сдали назад и устроили аварию.

- Ах вы подонки! - Альбина ринулась на старшего. - Такую машину изуродовали! Ты, старый козел, куда пер?! Да я тебя!.. - и, качнувшись, едва не упала, успев опереться руками на багажник "Волги".

- Да они пьяные в стельку! - радостно завопил черноглазый парень, тыкая в сторону

Альбины и мою пальцем. - Надо ГАИ вызывать.

- Вы виноваты и ещё ГАИ? - повернулась к нему Альбина, готовая пустить в ход кулаки. Я схватил её за руку.

- Пусть вызывают.

В этот момент подкатил и преследовавший нас "Москвич", притормозил на объезде, и шофер, тоже молодой парень, крикнул:

- Сейчас я вызову ГАИ. - И дал газ.

"Что за всем этим кроется? - пытался я разгадать замысел шантажистов. - Я или Альбина объект их внимания? Если я, причин может быть три: политическая - скомпрометировать советского офицера, криминальная, связанная с посещением школы, либо личная, близкого Альбине человека, приревновавшего меня. Если Альбина - тут скорее всего дело пахнет вымогательством: кто-то увидел у неё крупную сумму денег или знает, что она дочка богатого человека, вот и решили потрясти...

ГАИ появилась как по заказу, не дав мне времени на обдумывание сложившейся ситуации. Старший лейтенант милиции, едва Альбина заговорила с ним, замахал рукой перед своим крупным носом, отгоняя запах алкоголя. Даже водительских прав не потребовал, указал на заднее сиденье своего "газика".

- Садитесь туда, - приказал строго и повернулся ко мне. - И вы тоже.

- А моя машина? Пьяно запротестовала Альбина.

- Ничего с ней не случится. Вон сержант поведет, - указал старший лейтенант на вылезшего из "газика" рослого и крутоплечего милиционера. Еще один гаишник, старшина, оказался на заднем сиденье, севший между нами.

Альбина успела шепнуть мне:

- Не бойся, папа выручит нас.

Когда машина тронулась, она вызывающе обратилась к старшему лейтенанту, сидевшему за рулем:

- Послушай, козел, сколько ты хочешь?

- Миллион, - повернувшись, ослабил гаишник. - За аварию. И миллион за "козла".

- А понос не прохватит?

- Не-е, у меня желудок крепкий, - не обиделся старший лейтенант.

- И свинец переварит? - Похоже, авария и появление гаишников протрезвили Альбину.

- А это уже угроза, мадам, - снова повернул к нам свое квадратное лицо с приплюснутым носом сифилитика старший лейтенант. - При исполнении, Вот старшина и капитан свидетели. Слышали? - глянул он на меня.

Я отвернулся. Мысль, кто это люди и что за спектакль здесь разыгрывается, буравила мне мозги, и я хотел разгадать их дальнейший ход, чтобы выработать тактику своих действий. Ведь если это политическая авантюра, то каждое мое слово будет иметь международный резонанс. Сколько в прессе националистов льется сейчас грязи на наши Вооруженные Силы, на офицеров и солдат "оккупантов", якобы ведущих себя с местным населением по-варварски. Что они могут приписать мне, в чем обвинить? На вымогателей, по поведению старшего лейтенанта и старшины, мало похоже. Да и везут нас по Пушкинской улице в обратную сторону от дома Петрунеску - там в день знакомства с Альбиной, когда ехали на пляж, я видел будку ГАИ.

После обоюдных угроз Альбины и старшего лейтенанта разговор прекратился, и мы ехали минут пятнадцать молча. Вот и бело-голубая будка с остекленным верхом - пост ГАИ, - откуда все хорошо просматривается; с телефонами, мегафоном, скрученной в колесо острозубой лентой задержания.

В будке находилось ещё двое гаишников, капитан и мужчина в штатском. Старший лейтенант доложил им что-то на своем языке, и капитан, отрекомендовавшись нам старшим инспектором ГАИ Добричем, потребовал документы. Потом заставил дуть в пробирки и приказал мужчине в штатском:

- Составляйте акт и в вытрезвильку.

- Да вы что? - снова разъярилась Альбина. - Сами пьяные, легаши проклятые. Пустите меня к телефону.

К телефону её не пустили. Я в спор не вступал, догадавшись, что "вытрезвловка" это только завязка: не для того разыгрывался так тщательно спектакль, чтобы ограничиться наказанием за управление автотранспортом в нетрезвом виде.

- Они и дорогой нас оскорбляла, - кивнул на Альбину старший лейтенант, - и взятку предлагала.

- И это запишите, - приказал мужчине в штатском капитан.

Когда акт был составлен и мне сунули его подписать, я попросил разрешения у капитана позвонить в часть.

- У нас здесь не телефонная станция и не бюро добрых услуг, - отрезал капитан.

- В таком случае, акт я подписывать не стану.

- А это и не обязательно. Вон сколько здесь свидетелей, обойдемся и без вашей подписи.

Зазвонил телефон. Капитан снял трубку.

- Добрич слушает... Кого, кого?... Девочку лет семи? Насмерть?.. Повторите на какой улице и во сколько? - Слушал ещё с минуту и, положив трубку, грозно посмотрел на меня. - По какой улице вы гнали?

- Не гнали, а ехали в пределах сорока километров. По Пушкинской.

- А на Гоголя были?

- Были.

- И почему оттуда свернули?

- Потому что девушка живет на Пушкинской.

- А не потому ли, что сбили семилетнюю девочку?

Вот она кульминация спектакля, в которой отведена мне главная роль! Я не ответил, зная, что любое самое искреннее и убедительное слово будет повернуто против меня.

11

К вечеру разразилась гроза, первая гроза в этом году, услышанная мною; не наша, московская, а южная, субтропическая, оглушающая многоярусными раскатами, содрогающими небо и землю, со сверкающими вдоль и поперек молниями, выхватывающими ослепительными вспышками черные, бурлящие вулканическими извержениями облака, мчащиеся над домами на бешеной скорости, гнущие и ломающие деревья, срывающие крыши, поднимающие с земли тучи мусора и пыли, хлещущие ими по громадным стеклам постового домика гаишников.

Потом хлынул ливень, да такой, что в метре ничего не видно. По асфальту бурлящим потоком понеслась вода, и все вокруг превратилось в единую гудящую, шипящую, несущуюся неведомо куда лавину. И кроме шума и гула, перекрываемого временами раскатами грома, никаких звуков. Капитан, старший лейтенант и мужчина в штатском молча сидели у стола, устремив взгляд в окно. Водитель "Волги" и пассажиры, подписав протокол, успели уехать до грозы, сержант увез Альбину неизвестно куда, а за мной должна прибыть "специальная машина", как с ехидцей пообещал капитан, и я сидел и ждал, глядя на спины моих притихших узурпаторов, желая лишь одного - чтобы гроза разнесла весь этот пост с его обитателями.

Гроза и ливень бушевали с полчаса, а когда перестало греметь и лить, вода ещё долго бежала по асфальту, по тротуару, газонам, журча, как в половодье.

Капитан первым поднялся из-за стола и, глянув на меня с презрительной усмешкой, сказал, не скрывая злости:

- Доблестное советское офицерство. Мало того, что девчат наших развращаете, детишек ещё давите. Вешать таких надо без суда и следствия.

- Вешать, конечно, легче и проще, чем доказать виновность невиновного, - ответил я не ради оправдания, а чтобы хоть немного прояснить обстановку, узнать, чего они от меня хотят и не попасть в новую ловушку.

- Кроме красных "Жигулей" в шестнадцать десять на "Гоголя" никаких машин не было.

- И никакой семилетней девочки, - дополнил я. - Требую, чтобы вы немедленно сообщили в военную автоинспекцию и начальнику Варкулештского гарнизона. Вы обязаны это сделать.

- Требовать у себя, в Москве, будешь, а мы ничем вам, москалям, не обязаны. А коль пришли непрошено, соизвольте соблюдать чужие законы и чужие обычаи.

Теперь подоплека затеянной провокации окончательно прояснилась. Да, шуму будет много: "советский оккупант развезжал с девицей легкого поведения в нетрезвом состоянии, задавил семилетнюю девочку и совершил наезд на другую машину, причинив ей значительный ущерб..." Свидетелей они за деньги найдут дюжину...

Голова моя шла кругом, и мысли роились, как пчелы у внезапно закрытого летка, натываясь на узколобую, плосколицую физиономию капитана с холодными глазами потенциального убийцы. Временами хотелось броситься на него и его сподвижников, бить, давить сколько хватит сил. Но разум сдерживал: погибнуть в этой ситуации самый глупый выход. Важнее не потерять выдержки, выждать пока не появится более надежный вариант выпутаться из этой истории...

За мной приехали, когда уже стемнело. Небо очистилось от облаков, и напоенный озоном воздух заставил меня ещё острее ощутить безвыходность своего положения: тюремную камеру, унижения, издевательства - "черный ворон", крытая, с зарешеченными окнами машина одним видом развеяла все мои надежды. Из машины вышли двое здоровенных молодчиков в милицейской форме с автоматами и повели меня к открытой задней двери металлического фургона, как преступника. Едва я переступил подножку "Ворона", как на меня дохнуло отвратительным запахом мочи и блевотины. Дверь сразу захлопнулась, и я в темноте успел нащупать скамейку и сесть, едва не грохнувшись на пол от резкого рывка машины.

Темнота оглушила, придавила меня, и я, раздавленный, униженный, задыхающийся от зловония, вцепился руками в скамейку, ощущая как по лицу и шее покатились ручейки пота.

Машина быстро набрала скорость. Я рассчитывал, что сквознячок от движения хоть немного развеет зловоние, но "ящик" был настолько герметичен, что не пропускал ни крохотной струйки.

Куда меня везут? Встал, пошарил руками по крыше и бокам - прохладная металлическая обшивка с заклепками. Не проломить...

"Ворон" мчится быстро, меня бросает из стороны в сторону, и я опускаюсь на скамейку. Но сидеть не могу - душит злоба и неизвестность. Разглядываю над кабиной шофера небольшое оконце. Поднимаюсь и пробираюсь к нему. Но сквозь него ничего не видно - оно матовое и зарыто мелкой решеткой: не доберешься, не разобьешь. Все предусмотрено, рассчитано.

Меня тошнит, кружится голова, ломит в затылке. Но что эти болячки по сравнению с тем, что ждет меня впереди. Даже если решат судить всенародно, трудно будет доказать свою невиновность. Националисты все смелее поднимают головы, не брезгают никакими методами, чтобы выдворить "советских оккупантов", вернуть старые порядки, держать обывателей в страхе и повиновении. Милые, застойные годы!.. Где вы?.. Да, не все было у нас гладко, не всего было в изобилии, но о мафии мы знали только по заграничным фильмам. Хапуги, казнокрады боялись правосудия, а националисты лишь по пьянке да в узком кругу высказывали недовольство. Всюду был порядок. А что творится теперь?! Почему, кто виноват? Кто эти люди, захватившие меня, кому они служат? Кучка недобитых "лесных братьев", сынки канувших в вечность прислужников фашистов или бывших богачей, стремящихся вернуть свои земли, фабрики, заводы, уверовавшие, что истинная свобода, расцвет и богатство наступят лишь благодаря тому, что республика станет самостоятельной?.. А в чем она была не самостоятельна? Кто её притеснял, обирал, посягал на её культурные и иные ценности? Сталин? Но при нем все народы и нации жили одинаково, всем доставалось поровну - и привилегий, и притеснений... Хрущев, Брежнев? Не

при них ли Молдова стала цветущим садом: я бывал здесь и восхищался обилием фруктов, вин, коньяков. О мясных продуктах тогда и вовсе разговора не было. А теперь? Третий год новое правительство Молдовы твердит о самостоятельности, третий год строит новые отношения внутри республики и с ближайшими соседями. А чего достигло? Пустые магазины, в столовой, кроме похлебки и мамалыги, ничего не закажешь; а чтобы пообедать в ресторане, надо отдать минимум полполучки. Простые люди озлоблены, ищут виновников, а им подсовывают "советских оккупантов"...

"Ворон" сбавил скорость и, скрипнув тормозами, остановился. Я услышал скрежет металла открываемых ворот. Значит, приехали.

Машина снова тронулась, проехала минут пять и остановилась. Звякнул ключ в двери.

- Выходи, - властно приказал глуховатый озлобленный голос.

В слабом свете электрической лампочки, висящей над подъездом небольшого кирпичного здания, я разглядел высокий забор из бетонных плит с колючей проволокой наверху, ухоженные песчаные дорожки с ровными по бокам газонами.

Один из сопровождавших повел меня по дорожке мимо здания к яблоневому саду, ещё не утратившему запах цветения. Или яблоневый цвет почудился мне после вонючего "воронка"... Как бы там ни было, яблоневый аромат вдохнул в меня желание во что бы то ни было вырваться отсюда живым.

Шли по саду довольно долго, минут десять. Наконец сквозь ветви в слабом освещении увидел ещё один домик, тоже кирпичный, но поменьше, с маленькими оконцами - то ли складское помещение, то ли баня. Но около домика стоял под "грибком" человек с автоматом на груди. Такие "грибки" обычно ставятся у охраняемых объектов. Часовой крикнул что-то по-молдавски, видно, "Стой, кто идет?" Конвоир ответил паролем, и мы, не останавливаясь, проследовали в домик. Я не мог не обратить внимания на одежду часового: пилотка, гимнастерка военного образца, галифе с "бутылочным" напуском, которые в армии давно не носят; хромовые сапоги и автомат "шмайсер".

Коридор был ярко освещен. Меня обдало прохладным, подвальным запахом, хотя на улице температура была выше двадцати, а когда остановились у открытой фрамуги, где в дежурной комнате находился парень лет восемнадцати тоже в староармейской форме, в нос ударило спиртным перегаром. За перегородкой у стены на диване лежал черноусый упитанный мужчина лет тридцати в современной офицерской рубашке без погон, в галифе современного покроя и хромовых сапогах; на брючном ремешке висела кожаная кобура пистолета "Макарова". Судя по тяжести, не пустая.

Дежурная комната с телефонами и солдатской мебелью походила на наши армейские (батальонные и ротные) дежурки, но порядок был совсем иной: никто не поднялся при нашем появлении - ни сидевший у окна парень, ни лежавший на диване мужчина. Последний лишь приоткрыл глаза и сказал по-русски с сильным акцентом:

- Веди этот коммуняка в третью камера.

Конвоир что-то ответил по-своему, похоже, возразил, и дежурный выругался многоэтажным матом.

- ... Преступник надо хлопнуть дорогой. Попитка к бегству.

И снова последовала перепалка на своем языке. Наконец, парень поднялся, взял из ящика стола ключи и, гремя ими, повел меня по коридору.

Дверь камеры, к которой привел меня помощник дежурного, обита железом и снабжена маленьким эллипсовидным глазком. Напротив такая же дверь, только обтянута коричневым дерматином. Надо полагать, комната для допросов.

В узкой камере - железная кровать и табуретка. Маленькое оконце зарешечено, тусклая лампочка тоже с решеткой, без малейшего кусочка провода - чтоб узник, чего доброго, не повесился.

Щелкнул замок, и шаги удалились. А меня будто придавило тишиной, глухой, зловещей, и я опустился на табурет, готовый завывать по-волчьи...

"Преступник надо хлопнуть дорогой". Попитка к бегству... Веди этот коммуняка третий

камера..." - звучало ещё у меня в ушах. Если бы такое случилось со мной в Армении, Прибалтике я бы не удивился: националистические бандформирования давно бесчинствуют там и изгаляются над русскими, но чтобы в Молдавии, ещё вчера мирной, дружественной нам... - не укладывалось в голове. Как быстро, оказывается, можно оболванить народ, изменить его отношение к людям не только освободившим их от румынских капиталистов, считавших молдован нацией второго сорта, но и присоединивших к ним безвозмездно Бессарабию... Сомнения развеяли давящая тишина, стены камеры и решетка на окне, табурет подо мною, солдатская кровать без постельного белья с ржавой провисшей сеткой, на которой я, видимо, не первый буду томиться неизвестно сколько...

Снова пытаюсь проанализировать ситуацию. Я словно предчувствовал, что с нежеланием пошел в кафе и пристально осматривал зал, желая убедиться, не следят ли за нами... Все-таки кто им был нужен, я или Альбина? Куда они увезли ее?.. Если главная их цель Альбина, зачем приписывать мне убийство? Больше похоже, что охотились за мной. Причина - догадаться, за чем я пожаловал в школу. Значит, директриса в курсе... А Альбина?.. Кому она дважды звонила из кафе? Слежку я обнаружил именно от кафе. Может, и опьянение она разыгрывала? А поведение её с гаишниками? "Послушай, козел, сколько ты хочешь?.. А понос не прохватит?.. И свинец переварит?" Тут на игру не похоже. И мне шепнула: "Не бойся, папа нас выручит". Может, и вправду выручит, зря я запаниковал?

Но подозрение, что Альбина соучастница провокации, мелькнувшее искрой, уже не отпускало меня и все сильнее бредило душу. Поведение её после похорон было не менее странным, чем в кафе. Не такая она безвольная, чтобы заливать горе коньяком. Да и временами выглядела совсем не такой убитой горем, какой мне довелось видеть женщин, потерявших близких. И отец с мачехой почему-то не приехали на похороны. Все это бросало ещё большую тень на Альбину.

Несмотря на то, что ночь после похорон Андрея я почти не спал, а день вымотал все нервы, сон не шел ко мне, и я сидел на табуретке разбитый, раздавленный, запутавшийся в собственных мыслях, не находя определенного ответа на мучавшие меня вопросы и не зная как вести себя дальше. Рассудок мне подсказывал: надо успокоиться - именно выдержка и здравый расчет не раз помогали, когда я был летчиков и попадал в сложные ситуации, - а вот тут нервы сдали. И больше всего из колеи меня выбивала мысль, что Альбина сыграла со мною злую шутку, заставив выпить коньяк и сесть за руль её автомашины. Если это так, то я не удивлюсь, что она является и виновницей гибели Андрея. И не только. Значит, она связана и контрабандой оружия. Кто, в таком случае, руководит ею?.. Не отец ли? Авторитетнейший человек в Молдове, президент ассоциации спортивных клубов, которого даже представитель закона побоялся поднимать с постели ночью.

Это предположение не только не усугубило мое воспаленное воображение, наоборот подействовало, как проблеск в непроглядной ночи. Я окончательно успокоился и четко осознал, что только выдержка и находчивость, ясность мысли помогут выпутаться из трудного положения, в которое я попал по собственной глупости, поддавшись прихотям кареглазой смуглянки, оказавшейся хитрой и коварной шантажисткой, ловко заманившей меня в расставленные сети. Если бы я отказался в кафе от коньяка, ничего подобного не произошло бы... Но случившегося не поправишь, время не повернешь вспять, надо думать о будущем, подготовиться к более тяжким испытаниям...

Итак, меня обвиняют в наезде на девочку. Хотят устроить судилище над "советским оккупантом". Еще один повод вызвать сочувствие и поддержку мировой общественности, ускорить вопрос о выводе наших войск из Молдавии. Но разве наша военная прокуратура и мой адвокат, русский, которого я потребу, не докопаются до истинны, не распутают их паутину? Конечно, свидетелей, точнее лжесвидетелей гаишники найдут без особого труда - за деньги, я убедился, некоторые люди готовы продать и свою душу. И все-таки я был почти уверен, что до суда дело не дойдет: надо будет вытаскивать на свет божий и дочку Петрунеску, а Иона Георгиевич не тот человек, который допустит до этого.

И все равно мне грозит опасность. Обещание Альбины помочь, после того как

закралось подозрение в её причастности к случившемуся, нереальная надежда. А на другую помощь извне и вовсе не приходится рассчитывать. Одному бороться будет нелегко... Утешало и вселяло уверенность в победу то, что меня не убили. Значит, я им для чего-то нужен. А коль так, есть возможность бороться. Не силой - тут на их стороне полное превосходство, а вот умом... посмотрим, у кого извилин больше... Мои узурпаторы не вызывали у меня ни уважения, ни страха, в ловушку я попал из-за своей доверчивости, считая Альбину другом. Но теперь-то я все знаю и приложу все накопленные летным опытом, войной в Афганистане и схваткой с московской мафией умения интуицию. Выдержку, смекалку, логику, хитрость, - все, на что способен, и посмотрим ещё кто из нас чего стоит...

Приняв решение поддержать их игру, я заснул наконец хотя и зыбким, но восстанавливающим силы и разум сном.

12

Ранним утром, когда я ещё боролся с кошмарами своих сновидений, как выстрел, щелкнул замок, и я подскочил со своего жесткого ложа, не соображая в первую секунду, где нахожусь и что со мной происходит. Лишь когда вошел низкорослый в полувоенной форме мужчина лет сорока и поставил на табурет алюминиевую миску с мамалыгой - её специфический запах запомнился мне с детства, когда впервые попробовал традиционное блюдо молдаван, - я вспомнил все случившееся.

Мужчина не поздоровался, даже не глянул на меня ради любопытства, так зыркнул искоса, как на никчемного, непонятно зачем пойманного зверька, опостылевшего тем, что за ним приходится ухаживать, и шагнул к двери, сильно косолапя короткими кривыми ногами.

- Послушайте, - остановил я его, решив хоть немного прояснить обстановку: лицо надзирателя показалось мне не столь озлобленным, как у вчерашних гаишников и дежурных, скорее равнодушным и уставшим, - мне в туалет надо. И хотя бы руки помыть...

Надзиратель удивленно посмотрел на меня и, усмехнувшись, кивнул в угол.

- Тамочки ведерце. Що касаемо руки помить, переможете. Скоро баня буде, дуже гарна. - И вышел.

Есть я не стал: в таком состоянии не то, что мамалыга, мед не полез бы в горло. Отхлебнул из алюминиевой кружки, поставленной рядом с миской чуть теплого подслащенного чая, отдающего прелой соломой, и снова лег на кровать в ожидании более серьезного визита и разговора.

Лишь в десятом часу за мной пришел дежурный и препроводил в кабинет напротив, в котором меня поджидал белобрысый мужчина лет сорока пяти высокого роста в элегантном светлом костюме, с серыми пронзительно-холодными глазами, обшарившими меня с ног до головы, словно отыскивая на моей одежде следы преступления; указал рукой на стоявший напротив стул. Когда я сел, спросил на чистом русском языке:

- Итак, товарищ капитан, кто вы, почему и как оказались здесь?

По его неприязненному взгляду и тону, которым начался разговор, я понял, что хорошего ждать нечего, и коротко изложил, откуда и зачем приехал в Молдавию, умолчав, разумеется, о причастности к расследованию дела о контрабанде оружия и гибели Андрея. О том, как я оказался в кафе и сел за руль чужой машины, тоже особенно не распространялся, не назвав имя хозяйки "Жигулей": впервые, де, её видел; а поскольку она была пьяна, просто хотел помочь. Не впутывать в это дело Альбину подсказало подозрение о её причастности к случившемуся. А если это так, её сообщникам не очень-то понравится моя откровенность.

- И вы не успели даже с ней познакомиться? - допрашивавший пронзил меня таким взглядом, что, казалось, просветил насквозь, словно лазером.

- Не успел. - Я выдержал его проломный взгляд. - Да и не собирался с ней знакомиться: молдаванские девушки не очень-то благосклонно относятся к советским офицерам.

- Как же в таком случае она решила доверить вам ключи от своей машины?

- У неё не было другого выхода. Она плохо себя чувствовала и, по-моему, была чем-то расстроена.

- Плохо себя чувствовала или была пьяна?
- На алкоголь я её не проверял. Но в помощи она нуждалась.
- Ну да, советский офицер человека в беде не оставляет, - сказал мужчина с издевкой.
- Так поступает каждый порядочный человек.
- Сомневаюсь, сели бы вы за руль, если бы были трезвы.
- Я не был пьян. Сто граммов коньяка, поверьте, не затуманили мне голову.
- Я привык верить фактам. Вы знали, где живет девушка?

Он был отлично обо всем информирован, я не сомневался в этом, и все-таки ответил ему отрицательно.

- Почему же вы свернули с Пушкинской на Гоголя, потом снова на Пушкинскую?
- Так просила девушка. Вначале она хотела поехать к подруге, потом передумала.
- И не сказала вам адреса?

Он играл со мной, как опытный шулер в карты. Я подыгрывал ему, прикинувшись простачком.

- Сказала, что тут недалеко.
- Сказала после того, как вы сбили девочку?
- Она сказала вам про девочку?.. Вы лучше меня знаете, что этого не было. Что вы от меня хотите? И кто вы? Почему держите непонятно где и не сообщаете военному командованию? Я требую немедленного освобождения. Если считаете виновным, предъявите обвинение как положено, через нашего представителя.

- Не слишком ли много вопросов и эмоций? Вы знаете, что здесь вопросы задаю я. Вы совершили преступление у нас, в Молдове, и судить вас будем по нашим законам.

- Но существует международное право...
- Оставьте ваши познания при себе. Молдова - суверенное государство, ваше время наводить у нас порядок истекло, и теперь мы сами будем решать как судить и как править. - Он открыл ящик стола и достал пачку чистых листов бумаги. Бросил их передо мной. - Опишите все ваши приключения подробно, со всеми нюансами. И не забудьте о девушке: кто она, её внешность, кто из вас первый пошел на сближение, как вы оказались в её машине. Как говорят в таких случаях, от чистосердечного признания будет зависеть мера вашего наказания. - Он нажал кнопку звонка под столом, и тут же появился конвоир. - Увести! - приказал мужчина, так и не прояснив, кто он и где я нахожусь. Спрашивать у конвоира и вовсе было бессмысленно...

Я вернулся в камеру ещё более расстроенный и обескураженный, терзаемый неизвестностью и ждущими меня новыми испытаниями.

Я написал объяснительную. Не потому, что надеялся на справедливое разбирательство: они затеяли со мной подлую, страшную игру, и мне в моем положении ничего не оставалось другого, как подыгрывать им, чтобы выяснить в конце концов, в какой мере причастна к этой истории Альбина. Допрашивавший почему-то не очень сосредотачивал внимание на ней, не стал допытываться кто она, её имя, хотя наверняка знал о моем более близком знакомстве с ней, о том, что накануне мы вдвоем ездили на её "Жигулях" на пляж, были в кафе и у неё в гостях, потом на похоронах Андрея. В объяснительной я тоже не назвал её имени, и если обладатель серых пронзительных глаз и на этот раз обойдет вниманием факт моего "незнания", многое прояснится.

Два дня меня не вызывали на допрос, ни для уточнения некоторых показаний - мои недомолвки и не профессионалу бросились бы в глаза, - не выводили на прогулки. Даже газет, которых я потребовал, чтобы получить хоть какую-то информацию, не дали; и я в знак протеста объявил голодовку (мамалыга, которой меня потчевали утром, в обед и вечером, и без того не лезла в горло).

Утром третьего дня вместе с завтраком мне принесли пачку газет, и я, несмотря на то, что заурчало в животе от голода и запах мамалыги показался ароматным, схватил газеты и пробежал суматошным взглядом заголовки первых полос. "Народ одобряет решения Снегура". "Возродим виноградники, уничтоженные москалями". "Леводнестровье - земля

Молдовы". И ещё малозначные ни о чем не говорящие заголовки. Развернул газету, и в глаза бросились крупные буквы на всю полосу: "Советские оккупанты развлекаются". Стал читать текст. "Как уже сообщалось, в районе Чадыр Лунга 28 мая военным водителем советских пограничников был сбит наш грузовик, принадлежавший Кишиневскому автохозяйству, доставлявший в сельские школы продовольствие, присланное в порядке гуманитарной помощи из Германии. Шофер грузовика в тяжелом состоянии доставлен в больницу.

Советские оккупанты, чтобы уйти от ответственности и спасти своего опричника, сочинили версию, что якобы грузовик вез не продовольствие, а оружие. Но Бог все видит и шельму метит. Буквально на третий день после того случая советский офицер старший лейтенант Болтунов, один из тех, кто доставлял из Германии гуманитарную помощь - пресловутую контрабанду, развлекаясь в городском кафе, так надрался молдавского коньяка, что сев за руль собственной машины, не справился с управлением, врезался в железобетонный столб и сгорел.

Но и этот урок не пошел советским военным гулякам в прок: два дня назад капитан Семиречин, прибывший в Молдову в командировку из Москвы, тоже не удержался от соблазна, чтобы не посетить "злачные" места нашей гостеприимной столицы, не испытать счастья на любовной ниве с черноокими темпераментными бессарабками. Таковых, к сожалению, в нашем городе немало. Одну из них незадачливый кавалер напоил до потери сознания, сам тоже еле на ногах держался, сел за руль легковой автомашины. Но если старший лейтенант поплатился за преступную расхлябанность сам, то капитан Семиречин сбил семилетнюю девочку. Пытаясь скрыться с места преступления, советский офицер совершил второй наезд, на этот раз на автомашину "Волга", принадлежащую гражданину Лионе. К счастью, здесь обошлось без жертв. Лихой водитель был задержан сотрудниками ГАИ, против него возбуждено уголовное дело.

Нет сомнения, что красные командиры предпримут все дозволенные и недозволенные приемы, чтобы оправдать своего подручного, приехавшего из Москвы поучать наш народ высоким моральным принципам и писать о нас всякие небылицы.

Граждане свободной миролюбивой Молдовы! Сплотим свои ряды и грудью встанем на защиту нашего суверенитета! Не дадим зарвавшимся оккупантам бесчинствовать на нашей земле, выйдем все на митинг с требованием вывести советские войска с нашей территории. Молдова для молдаван!"

Пока я читал, меня бросало то в жар, то в холод. Вот для чего была устроена провокация!

Эту газету, несомненно, подсунут и в гарнизон. И мое исчезновение легко объяснится: испугался и сбежал. О моем заточении провокаторы, конечно же, словом не обмолвятся. Неужели летчики и подполковник Токарев поверят этой стряпне?

Я стал перебирать другие газеты. Вот и моя родная "Звездочка" Редакция, несомненно, поставлена о случившемся в известность и должна откликнуться. С захватывающим вниманием пробежал глазами все статьи - обо мне ни слова.

Вскакиваю с кровати, остервенело колочу в дверь. Никакой реакции. Словно этот вонючий каземат вымер.

Озлобленный, в полном отчаянии возвращаюсь к кровати. Стараюсь успокоиться и собраться с мыслями.

Меня оболгали и опозорили. Оправдаться будет непросто: найти свидетелей, которые подтвердят все, что захотят местные власти, не проблема. Коль в ход пущена печать, дело серьезное, хорошо спланированное. С другой стороны, такая огласка гарантирует мою безопасность... Но почему ничего не написано о моем задержании? О том, что машина не моя и что со мной была Альбина Петрунеску? Хотят они или не хотят, её придется вытащить на свет божий как свидетеля. Правда, если Альбина соучастница провокации (временами я все ещё сомневался в этом: любовь к Андрею, её безутешное горе, возмущение при задержании и обещание помочь мне казались искренними), церемониться со мной не станут...

Минут через пятнадцать появился наконец надзиратель. Забрал миску с мамалыгой и кружку с чаем, кусок черствого хлеба - я так и не притронулся ни к чему, - гнусаво скомандовал:

- К комраду Герпинеску. - И заковылял от двери, оставив её открытой.

Я ждал, когда появится конвоир, но никого не было, и я вышел в пустой коридор, направился к двери, обитой дерматином, где три дня назад меня допрашивали.

Видимо что-то изменилось, коль с меня сняли охрану, мелькнула мысль, и, несмотря на то, что перед глазами все ещё прыгали страшные строчки гнусной газетенки, впереди забрезжил призрачный свет свободы. Но он сразу же погас как только я открыл дверь и встретился с ледянящим душу взглядом комрада Герпинеску, не предвещавшим ничего хорошего. Он сверлил меня своими серыми буравчиками, не предлагая сесть, не задавая вопросов, видимо желая нагнать на меня страху и сломить волю. Но я вдруг к радости почувствовал обратную реакцию: уверенность в себе и силу; прошел к столу и без приглашения сел.

Герпинеску сделал вид, что не заметил моей решительности, откинулся на спинку кресла и спросил с издевкой:

- И что скажете в свое оправдание на сообщение газеты?

- Мне не в чем и не перед кем оправдываться, - сказал я как можно спокойнее, хотя сухость во рту и хрипота выдавали мое волнение. - Вашей стряпне никто не поверит.

- А ваша стряпня лучше? - усмехнулся Герпинеску. - Вы же поверили, что наши люди занимаются контрабандой оружия. Пятерых арестовали.

- Вы отрицаете, что в машине, попавшей в аварию, было оружие?

- А ты, - Герпинеску окончательно решил со мной не церемониться и перешел на "ты", - будешь отрицать, что сел за руль нетрезвый и задавил девочку?

- Что выпил сто грамм коньяка, я отрицать не собираюсь. А что задавил девочку - наглая провокация, и вам не удастся её доказать.

- Не рассчитывай, что тебя выручат твои командиры. Ваше время кончилось и больше не удастся уничтожить наши виноградники, забирать фрукты, вино и коньяк за бесценку.

- То-то, смотрю, все у вас подешевело за последнее время, - не удержался я от подковырки.

- Подешевеет, - заверил Герпинеску. - Вот выдворим вас и все пойдет по другому.

- Потекут реками коньяк и вино. А закусывать чем будете? Мамалыгой? А нефть, железо, газ где возьмете? На коньяк много не наменяете.

- Ничего, века жили без помощи России, проживем и далее. Свобода дороже всех благ.

Спорить с ним было бессмысленно, и я замолчал, ожидая, что последует далее.

Герпинеску удовлетворенно распрямился в кресле - загнал меня в угол, кивнул на листы бумаги.

- Можешь сообщить своим начальникам, что ты жив и здоров, что над тобой не совершают никаких насилий, и как ты попал к нам.

В сознании снова мелькнула надежда: значит, что-то произошло, если мне разрешают сообщить о себе. Или это новая ловушка?

- Написать все как было на самом деле? - переспросил я.

- Я сказал, написать: жив, здоров, содержусь в нормальных условиях. Задержан за наезд и аварию.

- А где нахожусь, у кого?

- Где - не обязательно. У кого... - Герпинеску подумал: - У Барона. Слышал о таком?

Я вспомнил истошный выкрик Альбины во время драки в кафе. Не это ли волшебное слово остановило сенсея, занесшего надо мной руку с кастетом?

- Это ты Барон? - нашел и я повод тыкнуть своего узурпатора, давая понять, что не очень-то боюсь его.

Он промолчал, лишь стиснул челюсти. Была бы его воля, он по-другому заговорил бы со мной. Значит, не он...

- Пиши, - ткнул он в листы бумаги.

Дипломатия, как я понял, закончилась. Доводить Герпинеску до белого каления не имело смысла, и я, взяв ручку, стал писать: "Главному редактору газеты "Красная звезда", прокурору Кишиневского гарнизона. Довожу до вашего сведения, что я, капитан Семиречин Игорь Васильевич, задержан Кишиневским ГАИ при совершении дорожно-транспортного происшествия, причины которого могу объяснить только нашим правоохранительным органам. Содержат меня в одиночной камере, условия удовлетворительные. Физическим воздействиям и принуждениям пока не подвергался". Поставил точку и расписался, уверенный, что письмо явится той нитью Ариадны, которая приведет наши следственные органы к месту моего заточения: за курьером, несомненно, будет установлена слежка; да и Альбина не останется без присмотра. И если в этой цепочке она не случайное звено, рано или поздно Герпинеску придется освободить меня.

13

Что-то в моем положении все-таки изменилось: меня стали выводить на прогулки. Кроме мамалыги, рацион пополнили ячневой и перловой кашей, чай приносили погорячей и послаще. Поразмыслив над причинами перемен и проанализировав каждое слово Герпинеску, я пришел к выводу, что меня, скорее всего, хотят обменять на тех пятерых контрабандистов, которых задержали наши органы контрразведки.

Но дело почему-то затягивалось: пошла вторая неделя моего заточения, а все оставалось по-прежнему, и выдержка моя, надежда порой давали сбои - я готов был броситься на двухметровую ограду и бетонных плит с колючей проволокой наверху, под дула автоматчиков, маячивших на сторожевых вышках. И будто в назидание вспоминалась вычитанная в детстве фраза: "Воля, как и мускулы, требует постоянной тренировки; чтобы выковать железный характер, нужно научиться управлять собой, подчинять желания разуму".

И я отводил взгляд от колючей проволоки, по которой, несомненно, пропущен ток, заставлял себя ежедневно на улице и в камере заниматься гимнастикой, отрабатывать приемы самбо и каратэ, уверяя себя, что они ещё пригодятся. Не так уж все плохо. Меня, несомненно, ищут, и я должен придумать что-то, чтобы подать о себе весточку. Только терпение и выдержка помогут мне выжить и выбраться на свободу.

Я стал внимательнее присматриваться ко всему, что меня окружает, изучать местность, район своего заточения.

Кирпичный одноэтажный дом старинной постройки с толстенными стенами и коридорной системой, где меня держали, из пяти комнат по одну и по другую стороны походил на правление колхоза или на коммунальную квартиру, если бы не высоченный забор, опоясывающий этот райский уголок: яблоневый сад с побеленными стволами и хорошо ухоженной кроной, с посыпанными песком двумя тропинками, ведущими к сторожевым вышкам и в глубину сада...

Мне разрешили прогулки два раза в сутки: утром до завтрака и после обеда, по полчаса. Через неделю продлили утреннюю прогулку до часа. Территория строго ограничена - до перекрестка тропинок вдоль сада и у забора к сторожевой вышке.

Меня никто не сопровождал, однако я знал, что глаз с меня не спускают, что вырваться из этого каменного мешка без чьей-то помощи и мечтать не приходится. Что за забором - трудно представить...

Первые дни я строго выполнял наказ дежурного: за запретный перекресток не заходил, но однажды все-таки рискнул свернуть на малохоженную тропинку и углубился в сад метров на двести. И хотя кроме яблонь мне увидеть ничего не удалось, я уловил никак не вяжущийся с яблоневым ароматом запах человеческого жилья - дыма и кухни. А ещё - человеческого пота. Именно того пота, которым были пропитаны наши камуфляжные форменки от лазания по горам Афгана, от нещадного солнца и предельного напряжения. Еле заметный ветерок тянул этот запах из запретной зоны, куда я направлялся.

Я остановился, присел на корточки, огляделся и прислушался. Но кроме тиканья

красногрудых пташек да щебетанья воробьев, предвестников близкого человеческого жилья, ничего не услышал.

Пора было возвращаться: дежурный хорошо изучил, сколько времени требуется, чтобы вернуться от перекрестка; может доложить Герпинеску и тот лишит меня прогулок, а этого допустить нельзя...

Подходя к зданию, я преднамеренно замедлил шаг. Опоздание на три минуты то ли не было замечено дежурным, то ли он не счел нужным обращать на это внимания.

На следующий день я повторил трюк, и он снова сошел. И я решился...

Было воскресенье. Новый, только что заступивший дежурный находился в прекрасном расположении духа - то ли в подпитии, то ли после изрядного похмелья, - открывая мне дверь камеры, пошутил:

- Ты тилько в шинок не вздумай заходить. Коль гроши маешь, позыч лучше мени с посыльным.

В кошельке у меня осталась последняя двадцатипятирублевая ассигнация, я даже удивился, что её не забрали при обыске, и я сунул руку в карман. Извлек из кошелька хрустящую купюру.

- Выпейте за мое здоровье.

Лохматые брови дежурного полезли на лоб.

- Ты дывысь! - захохотал он, повернувшись к посыльному. - Я в шутку, а вин... - И взял деньги. - Добрый вояка. Ходи гуляй. Тилько до забора близко не пидходь...

Нет, не зря я тренировал свои мускулы и волю: мною овладела решимость - или, или... Что я теряю, рассуждал я: если меня не убили в начале, теперь, когда мое письмо возможно попало к нашему командованию и оно знает, что я захвачен заложником, эти бандиты и вовсе не решатся пойти на крайнюю меру. Даже если письмо преследовало другую цель, за нарушение приказа меня могут посадить в карцер или лишить прогулки. Ну и пусть! Бездействовать у меня уже кончилось терпение.

Углубившись в сад, я будто глотнул сладкого головокружительного бальзама, от которого защемило сердце, и я с такой силой ощутил прелести окружающего мира и жажду жизни, что на глаза навернулись слезы. Голубизна неба и зелень яблонь, запах цветов и шелест листьев - все казалось необычным, волнующим, будто я сто лет пробыл в неволе. Желание вырваться из заточения всецело завладело мною, гнало меня от вонючего каземата неведомой силой, и я чуть ли не бегом устремился к перекрестку.

День обещал быть с грозой и ливнями: парило, воздух, пропитанный озоном, голубой дымкой вился в просветах листьев ввысь; на западе у горизонта снежными шарами белели нагромождения ранних кучевых облаков, клубящихся, растекающихся по небу и темнеющих на глазах - явные предвестники близкой грозы.

Несмотря на незавидное положение, утро показалось мне прекрасным и словно вдохнуло в меня свежие силы: появилась уверенность в благополучный исход задуманного; гроза как бы предвещала мне удачу. Я быстро достиг запретного перекрестка и, не сворачивая на тропинку, углубился туда, откуда вчера уловил запахи жизни. К людям, которые поймут меня и помогут!

Обоняние и интуиция не подвели меня: не далее чем через километр я увидел ещё один дом, похожий на тот, в котором меня содержали одноэтажный, кирпичный, правда, покрупнее, - и десяток мужчин около него на площадке с турником и брусьями - спортивной площадке, какие бывают обычно у солдатских казарм. Один мужчина крутил "солнце", остальные поглядывали на него, о чем-то говорили и хохотали.

Мое радушное настроение растаяло вмиг: я понял, что это не те люди, на помощь которых можно рассчитывать - здесь, за высоким забором с колючей проволокой, вдали от людских глаз, собрались, конечно же, не мои защитники. Сбавляю шаг пока меня не заметили и останавливаюсь, прячась за разлапистую яблоню. Наблюдаю за происходящим и стараюсь понять, что это за люди, что привело их сюда и каково их основное занятие. Недалеко от спортивной площадки вижу полосу препятствия с "конями", стенками,

"змейками" из брусьев - такие полосы препятствия создают в учебных полках, но что здесь не полк и не учебное подразделение яснее ясного. Либо караульное помещение, либо общежитие какой-то банды. А коли так, лучше с этими отщепенцами не встречаться.

Надо поворачивать обратно, поискать дырку в заборе в другом месте... И в это время раздаются шаги сзади. Оборачиваюсь и вижу идущего ко мне здорового детину в гимнастерке старого армейского образца и галифе, плотно облежавшие толстоватые икры ног в хромовых сапогах со спущенными, гармошкой, голенищами. На ремне, с левой стороны, как у немцев, кобура "Макарова", по виду не пустая.

- Дыплюсь, тай очам своим ни вирю: чога, думаю, пану охфицеру, тут треба, и як вин сюды забрався? - заговорил он насмешливо, предупредительно положив руку на кобуру.

- Да вот забросила нечистая сила, а обратно дорогу не показала, попытался и я поддержать веселый, дружелюбный тон непонятно кому присягнувшего служаки. - Помоги мне, добрый человек, может, и я когда-нибудь отслужу тебе.

- Поможем, а як же, со всим нашим почтением. - Он подошел ближе и неожиданно нанес мне удар в скулу.

Я среагировал с запозданием, и скользящий удар ожег всю правую сторону лица - бил он левой, а правой уже держал пистолет наизготовку, - в голове зазвенело. Не уклонись я, он опрокинул бы меня навзничь.

- А ну топай, мать твою... - указал он пистолетом к дому. - Тамочки ещё поможем. Дюже давно у нас не було таких залетных гостей.

Мне ничего не оставалось как подчиниться.

"Спортсмены" уже обратили на нас внимание: тот, который был на турнике, спрыгнул на землю и вместе с другими наблюдал за нами. Я тоже окинул их взглядом. Похоже, действительно спортсмены: молодые, крутоплечии, в легких адидасовских трусах; майки и костюмы лежат на скамейке, аккуратно сложенные. Снова переносу взгляд на лица, и сердце вдруг замирает: среди команды узнаю недавнего знакомого по кафе, предводителя задиристых недоумков, бросившегося на меня с кастетом. Тогда его остановила Альбина, теперь остановить будет некому и, похоже, поединок наш будет продолжен: предводитель тоже узнал меня и глаза его злорадно заблестели.

Нас мгновенно окружили и загалдели на непонятном языке вперемешку с украинским и русским.

- Виткиля цей шпак?..

- Може, у нас красный десант высадили?..

Знакомый по кафе протиснулся ко мне и прикрикнул:

- А ну тихо, хлопцы! Я знаю кто это такой.

Окружившие нас затихли. Похоже, предводитель и здесь был не рядовым спортсменом.

- А говорят, Бога нету. Я чуть не молился, чтобы ещё раз встретиться с этим воякой, отдать ему свой должок. И вот встретились. А ну, хлопцы, расступись, встаньте в кружок, я сейчас покажу вам настоящий урок карате или джиу-джитсу. И посмотрим, чему научили оккупантов в армии. Приблизился ко мне и обдал хмельным перегаром. - Или пан капитан предпочитает оружие: пистолет, автомат, нож? С большим удовольствием. Сегодня, надеюсь, твоя красotka не помешает нам выяснить отношение?

Да, сегодня помешать некому. А этот пьяный ублюдок, переполненный злобой к "русскому оккупанту", будет драться не на жизнь а на смерть...

- Пистолет, - сказал я как можно спокойнее, хотя в горле было сухо и голос прозвучал хрипло.

- Слышите, хлопцы? Пистолет. Грицко, тащи пистолеты, - обратился он к долговязому парню, подстриженному под запорожского казака. Тот послушно побежал в дом.

Мой конвоир сказал что-то по-молдавски.

- Та пошел он знаешь куда? - огрызнулся мой знакомый. И указал на меня. - Это - проклятый коммуняка, красный оккупант, и чем их будет меньше на нашей земле, тем лучше.

Вернулся Грицко, неся в обеих руках по ТТ. Его остановил мужчина лет двадцати пяти со шрамом на лице, мускулистый, косая сажень в плечах.

- Послушай, сенсей, - повернулся он к моему противнику. - Пуля дура, нож удалец, а кулак - настоящий молодец. Ухлопать ты его всегда успеешь. А вот урок карате или джиу-джитсу показать, как обещал, было бы здорово.

Сенсей набычил свою шею, подумал.

- Как, хлопцы, пистолет или каратэ?

- Каратэ! - загудели хлопцы.

- Хай буде так, - перешел сенсей на украинский. - Раздевайся, пан капитан. Сейчас я отбивную буду из тебя робить.

Я сбросил рубашку, майку, неторопливо стал стягивать брюки и носки, напряженно вспоминая коренные свои приемы, которыми овладел в школе десантников. Сенсей, судя по бицепсам и весу, сильнее меня, но плоское лицо с узким лбом свидетельствовали об отсутствии природной смекалки. Значит, и реакция у него не чета моей: в школе тренер отмечал это мое превосходство и наставлял: "Отрабатывайте до совершенства три, четыре приема и пользуйтесь ими в самых критических ситуациях". Я так и поступил. Мои удары ребром ладони по горлу, по переносице были молниеносны. Я их чередовал с ударами ноги, выбирая момент, когда противник уходит в глухую защиту той частью тела, куда следуют удары, оставляя открытыми другие болевые места.

Сенсей пошел по кругу, играя мускулами и с усмешкой посматривая на меня, желая нагнать страху. Но его примитивность, неумное бахвальство наоборот подействовали на меня успокаивающе и вселили уверенность. А когда он, издав ритуальный крик, взвился в стремительном прыжке, наметившись ударить ногой, я отскочил в сторону и локтем руки угодил ему в косточку ступни. Войственный клич сменился диким рычанием, боль исказила лицо сенсея; он подпрыгнул несколько раз на ушибленной ноге, лизнул языком губы и снова устремился на меня, тесня к кольцу визжавших от восторга ненавидящих меня людей.

Сенсей старался сократить дистанцию, перейти на ближний бой - я понял опасность его коротких ударов, - и когда он снова ринулся в атаку с поднятыми на уровень плеч руками, я, рубанув по правой, отскочил в сторону. Удар ребром ладони, которую я тренировал, подобно японцам, каждый день отстукивая по твердым предметам, заставил сенсея ещё раз облизнуть губы и хватит ртом воздух. Лицо его налилось кровью, дыхание зачастило; и я, сделав ложный выпад ногой, ещё раз достал его кулаком в подреберье. Удар не смертельный, но чувствительный, и напор сенсея значительно ослаб.

Он шел за мной по кругу, готовясь к решительному нападению, отдыхая и выжидая более благоприятного момента. Передышку ему нельзя было давать, и я, отступая, нападаю сам, доставая его то ногой, то кулаком. По тому как сенсей сосредоточился, прижав руки к груди для защиты, я понял, что он хочет сокрушить меня ногой, большелопатой, увитой мускулами, как у каменной статуи Геркулеса.

Мы прошли ещё полкруга. Сенсей, похоже, осознал, что тянуть время не в его пользу, и прыгнул на меня, целясь пяткой в голову. Я успел отскочить ему за спину и попытался нанести ответный удар в пятый позвонок. Попади я в цель, противник мой не поднялся бы с земли - там нервный узел. Но удар пришелся левее, по почке, и все равно сенсей отлетел к ногам своих учеников. Его тут же подхватили, поставили на ноги и снова толкнули на меня. Глаза его горели злобой, лицо исказил звериный оскал. Я решил не давать ему опомниться, довершить бой, и рванулся навстречу. Сенсей взмахнул рукой, и я увидел в ней зажатый нож - кто-то успел сунуть ему, когда его поднимал.

Я прикрылся локтем, стараясь отвести удар. В какой-то степени мне это удалось - нож лишь зацепил плечо. Этой же рукой я хлестнул сенсея по переносице. Он откинул голову назад, и в этот момент я со всей силой рубанул ребром ладони по его кадыку. В горле что-то хрустнуло, сенсей захрипел и стал оседать на землю. На меня тут же набросились со всех сторон, повалили и стали бить кулаками и ногами, кто чем мог. Я, прикрыв лицо и голову, сжался в комок, теряя от боли сознание. Сквозь удары и шум в ушах до меня донесся чей-то

окрик. Голос мне показался знакомым, но чей, вспомнить не мог. Удары прекратились. Я успел ещё подумать, не Герпинеску ли это? И голова моя затуманилась, неведомая сила подхватила меня и понесла куда-то в черное бескрайнее пространство.

Глава вторая

1

По стеклу ползал большой черно-желтый лохматый шмель, уже обессиленный, натыкающийся на перекладины рам, не рискующий переползти их голубое небо, цветы, зеленая трава притягивали его магнитом, и он бился о стекло, рвался туда, на свободу.

Я смотрел на шмеля, на окно и никак не мог понять, где нахожусь и что со мной. Все тело болело, словно у меня переломаны все косточки, в ушах стоял звон. Особенно острая боль чувствовалась в плече. Простудился я или так сильно упал, катаясь с горки на лыжах?

"Мама"! - позвал я и испугался своего голоса, не мальчишеского, а сиплого, немощного, как у старика со смертного одра.

Открылась дверь, и вошла женщина вся в белом. На косынке красный крестик, а из-под неё выбивается темная прядь волос. Приблизилась ко мне, положила прохладную ладонь на лоб; сказала ласково с небольшим южным акцентом:

- Оклемался, красавец? Дюже болит? - кивнула она на плечо и сама же ответила: - Знамо, болит. Ничего, до свадьбы заживет. Потерпи, скоро доктор придет.

И я вспомнил. Вспомнил каземат, попытку вырваться на волю, драку с сенсеем. Как же я не заметил, когда ему передали нож... Хотя, чтобы это изменило?.. Уклониться от удара или даже выбить нож можно было у новичка, а не у профессионального убийцы, учителя различным приемам нападения и защиты с оружием и без него. Хорошо ещё что жив остался. А что с сенсеем? Кажется, коронный мой номер я провел успешно. А что дальше?..

- Где я? - спросил у сестры, поправляющей подо мной подушку.

- В самой лучшей больнице нашего города, с гордостью ответила сестра.

- И давно я здесь?

- Да нет, только вчера вас привезли. После обеда. Кто ж тебя и за что так отделал?

- Хулиганы какие-то, - не стал я откровенничать.

- Не люди, а звери пошли. И сладу с ними никакого нету. На прошлой неделе дочку моей соседки насильничали. А ей только четырнадцать... Варнаки проклятые.

Она похлопотала в палате минут пять, раздвинула пошире портьеры на окнах, сменила в графине воду, напоила меня из термоса теплым чаем и ушла, оставив в душе затеплившуюся надежду на спасение. Если меня не убили там, в логове головорезов, то, значит, я им нужен, а "лучшая больница в городе" и вовсе сулит освобождение. Видимо наше правительство согласилось выпустить торговцев оружием, чтобы спасти меня. А доказать свою невиновность в наезде на ребенка я постараюсь.

Минут через десять в палату зашел врач, пожилой мужчина с лохматыми, как у Брежнева, бровями. Осмотре мои раны и ощутив тело, он записал что-то в историю болезни и ушел, даже не поинтересовавшись моим самочувствием. Похоже, русский пациент пришелся ему не по душе. Мне он тоже показался несимпатичным и не очень-то соответствующим своей самой гуманной профессии, потому я не стал приставать к нему с вопросами, где я, когда меня выпишут. Уж коли сестра не стала со мной откровенничать, этот бука тем более не пойдет на конфронтацию с теми, кто привез меня сюда. Где я, не трудно самому догадаться: конечно же, не в Советском Союзе. И если не в Кишиневе, то в другом городе Молдовы, жаждущим поскорее выйти из-под влияния Москвы.

Сестра сделала мне укол, и я уснул. Но спал плохо: мучили боль и кошмары, а душный, пропитанный лекарствами воздух, комом застревал в горле и вызывал кашель, который отдавался на теле, словно снова меня били ногами и кулаками.

В обед сестра принесла мне куриный бульон, фруктовый плов и даже пирожное. Но я есть ничего не стал: только вид пищи вызывал внутри боль. С трудом выпил виноградного сока - губы у меня были разбиты и при малейшем движении трескались, доставляя неимоверные муки.

На ночь я попросил сестру увеличить дозу обезболивающего, и она сделала укол другим более сильным наркотиком. Я проспал беспробудно часа четыре, а потом боль снова разбудила меня. Но я не стал вызывать сестру, в голове начали рождаться новые планы бегства из нового заточения. Когда стало светать и больница погрузилась в предрассветную тишину, я, преодолевая боль и слабость, встал с кровати и подошел к окну. Тихонько приоткрыл фрамугу. Четвертый этаж. И стена гладкая, как полированная доска, не за что даже глазу зацепится; и карнизы такие узкие - воробей не усядется. Нет, через окно не уйти. Тем более в моем состоянии...

Доковылял с трудом до двери, легонько толкнул её. Она так оглушительно закричала, словно вместо петель в неё вставили специальные звуковые сигнализаторы. В тот же миг передо мной появился молодой крепкого телосложения мужчина в белом колпаке и халате.

- В чем дело, больной? Вам не разрешено вставать. Вызовите дежурную сестру кнопкой, - недовольно произнес он.

- Простите, доктор, я не хотел её беспокоить. Мне надо по малой нужде...

- У вас под кроватью "утка". Вам нельзя вставать, - более категорично повторил он. - Если мучает бессонница, выпейте вот таблетку финлепсина, он протянул мне маленькую белую пилюлю.

Я поблагодарил и вернулся к кровати. Меня охраняют. Другого и быть не могло...

2

Прошла неделя моего больничного заточения. Не прошла, а проползла, мучительно медленно, угнетающе, в страданиях и раздумьях. Что меня ждет после выздоровления? Освобождение или новые муки? Судя по тому, что днем и ночью с меня не спускают глаз, вряд ли отпустят по добру, по здорову. И все-таки надежда не покидала. Я стал есть, больше двигаться и даже потихоньку заниматься гимнастикой; и молодой организм заметно крепчал, с каждым днем прибавлялись силы, росла уверенность.

К концу недели раны на губах заросли, синяки на лице исчезли, уменьшились боли внутри тела - в области грудной клетки, под лопатками, в пояснице. Доктор по-прежнему со мной почти не разговаривал, внимательно осматривал, ощупывал пальцами, спрашивал, где болит, записывал в своем "гросбухе", давал на своем языке указания сестре и, удовлетворенно хмыкнув, покидал палату. Но однажды утром он стал любезен со мной: ощупывал мягче и осторожнее и вопросы задавал мягче и доброжелательнее. А в конце осмотра на его мясистом лице вроде бы даже промелькнула беззлобная усмешка.

- Из-за такой девушки не грех и пострадать, - вдруг сказал он, собираясь уходить. - К сожалению, пока не могу разрешить вам прогулку с ней, довольствуйтесь свиданием в палате. - И удалился.

Я не успел ещё прийти в себя от такой неожиданной новости, как в палату вошла Альбина в легком, будто сотканном из белоснежного облака платье, в белой шляпке и белых, с золотистой каемкой туфельках. И лицо было такое счастливое, что мое подозрение о её причастности к моим несчастьям вмиг улетучилось.

- Здравствуй, милый, - сказала она радостно и поцеловала меня в щеку. - Если бы ты знал, сколько я пережила и сколько потратила сил, чтобы найти тебя, ты бы простил меня. Но теперь все позади. Я обещала тебе, что помогу и выполнила свое обещание, хотя сделать это было далеко не просто.

А я-то в чем только её не обвинял!..

Альбина словно принесла в палату кусочек солнца и свежего весеннего воздуха, насыщенного ароматов полевых цветов, от которых у меня закружилась голова. От её ласковых слов, целительным бальзамом излившихся на избитое тело и измученную душу, навернулись слезы, и чтобы сдержать их, не показаться в её глазах малодушным, потерявшим веру в свои силы, я обнял её и ответил на её поцелуй горячим поцелуем в губы. Перевел дыхание и спросил:

- Объясни мне пожалуйста, где я. Тут ни от кого ничего толком не добьешься.

Она села на стул, на котором только что сидел врач, и, покусав губу, задумчиво стала

рассказывать:

- Если ты ничего не знаешь, я тебе кое-что объясню. Оказывается мы попали с тобой в руки боевиков. Они следили за тобой как только увидели с прокурором гарнизона, у которого под арестом находились контрабандисты. Под видом гаишников они задержали нас. Но я им не нужна была, хотя все равно потребовали с отца выкуп в сто тысяч долларов. А тебя решили обменять на контрабандистов. - Она замолчала, кусая губу, что было признаком недоброй вести. И я не ошибся. - Но что-то не сработало, или кто-то. Может, пресса перестаралась, обвинив тебя во всех смертных грехах; может, другие причины... Ваше командование объявило ультиматум: если тебя не освободят, армия сделает все, чтобы найти банду и уничтожить. - Она снова замолчала, а у меня все заныло внутри: это же смертный приговор! Угроза только ожесточит бандитов. Даже если их найдут, разве они оставят меня в живых?

- И что дальше? - поторопил я Альбину, стараясь не показать своего отчаяния.

- А дальше, - она улыбкой попыталась сменить тему: - Ты оказался вон каким героем. Я не предполагала, что ты такой забияка... Одним ударом... насмерть...

- Насмерть? Ты не ошибаешься?

- Я была на похоронах. Это ты того хулигана, который напал на нас со своими друзьями в кафе.

Мне вспомнился тогдашний её возглас и ответ Герпинеску на мой вопрос, у кого я.

- Он из банды Барона? - спросил я, пристально глядя в глаза Альбины. И она смутилась, дернула плечиками.

- Возможно. Почему ты спросил меня об этом?

- Потому что ты знаешь, кто такой Барон, - пошел я напролом, надеясь выдавит из неё ещё какую-нибудь информацию. Но Альбина невинно улыбнулась и помотала головой.

- Не знаю, милый. Слышать о нем слыхала - о банде Барона молва по всей Молдове идет, а кто он, - снова пожалла плечиками, - понятия не имею. Если ты вспомнил тот случай в кафе, когда я пригрозила подонкам Бароном, так я блефовала. Его все хулиганье и мелкая шпана боятся. И сработало.

Ее глаза смотрели так невинно, голос звучал так искренне, что усомниться в её правдивости не представлялось возможным. И все-таки...

- А как ты попала на похороны? - поинтересовался я.

- Без проблем. Весь город почти собрался. Твои коллеги-журналисты его таким героем преподнесли, такую рекламу ему сделали, что у многих появилось желание проводить в последний путь жертву советских оккупантов.

- Даже так? И кто убил его, сообщили?

- Неизвестный советский офицер. В нашем любимом кафе. Рукояткой пистолета перебил ему сонные артерии. Предупредил: кто попытается его задержать, пристрелит на месте.

- Значит, скрылся?

- Значит, - усмехнулась Альбина. - Сюда, в больницу Кагула.

Наконец-то прояснилось, где я. Но объяснение Альбины облегчения не принесло, теперь на меня повесили ещё одно убийство.

- Как же это я смог одновременно находиться в банде Барона заложником и оказаться в кафе?

- Не знаю. Потому, наверное, и не назвали твое имя.

- Как ты меня разыскала?

- О-о, это длинная и неприятная история, стоившая моему папочке немало денег. Но я обещала, и вот видишь, у тебя. - Она снова стала целовать меня.

- И все-таки, - остановил её я. - Меня волнует моя судьба. Что дальше?

Альбина погрустнела, задумалась.

- Я не хотела тебе говорить: положение пока очень сложное. Но мы ищем выход.

- Я знаю, что очень сложное. Но расскажи подробнее.

Она помяла пальцы рук.

- В общем, ваши не пошли на обмен, арестовали ещё нескольких сотрудников ГАИ, чем обострили ситуацию. Барон предъявил им ультиматум: если не освободят арестованных в течение пяти дней, корреспондент... - Она замолчала. Да и без слов все было ясно.

- Но пять дней уже прошли?

Она кивнула. И повторила:

- Мы сделаем все, чтобы освободить тебя... Кое о чем папа уже договорился, не знаю как ты отнесешься к этому...

- Говори, - поторопил я, не ожидая из её сообщения ничего хорошего, но предпочитая знать свою участь, чем быть в неведении.

- Они предложили такой вариант: сохранят тебе жизнь, если ты согласишься быть у них военным советником и тренером - ты так разделался с их сенсеем, что они считают тебя прекрасным самбистом и каратистом.

- Учить их убивать людей?

- Да нет. По-моему, это не банда Барона. Они готовят телохранителей для бизнесменов. Ты же там был, видел эту школу.

- Я сидел там в одиночной камере и, кроме яблоневого сада да господина Герпинеску, возможно самого Барона, по существу, ничего и никого не видел. Да - ещё спортивную площадку и полосу препятствия видел. Там что, воинская часть раньше располагалась?

- Не знаю. Я там не была.

- Нет, учить людей убийству... не на войне, извини меня.

- Но у тебя нет другого выхода. Притом, это временно, не надолго. Мы что-нибудь придумаем, может, выкупим тебя. Надо пока выжить...

Да, выбора у меня не было. Но возвращаться за колючую проволоку к бандитам, где каждый в любую минуту может воткнуть нож в спину... И отказаться, когда приговор уже вынесен... Положеньице... Рискнуть? А что я теряю. Во всяком случае, отсрочу свою смерть. Как говорил наш комбат в Афганистане: "Не важно, когда умереть, важно, как умереть". А там я могу ещё сделать что-нибудь полезное для своей страны... Не может быть, чтобы мои командиры и наше правительство бросили меня на произвол судьбы. Тут что-то не так. В общем, надо идти на компромисс...

- И на какой срок они берут меня тренером?

- Этот вопрос папа тоже обговаривал. Договорились - на год, после чего клятвенно заверили, что отпустят тебя с миром. Но я надеюсь, что мы раньше тебя освободим.

- Ну что ж, - после длинной паузы согласился я. - Ты права, другого выхода у меня нет. И я верю - не им, разумеется, а тебе с отцом.

Альбина обняла меня за шею, обдав запахом французских духов.

- Ты умница. Я буду тебя навещать, поправляйся быстрее.

2

И вот я снова за высоким железобетонным забором с колючей проволокой поверху, в небольшой комнатенке двухэтажного особняка, в котором живут дезертиры и уголовники, домушники и карманники, решившие за большие деньги повысить свою квалификацию - перейти в разряд наемных убийц. И мне надлежит учить их самым жестоким, самым изощренным приемам насилия.

Я не раз задавал себе вопрос, правильно ли поступил, приняв предложение главаря школы террористов (уже на третий день я знал чем занимаются "курсанты-спортсмены", будущие телохранители бизнесменов), и, проанализировав ещё раз ситуацию, пришел к выводу, что правильно. Приговор мне подписан, и умереть никогда не поздно; главное - как умереть. Надо не упустить шанс, дать о себе знать, разоблачить эту банду. Правда, мои попытки пока тщетны. Даже Альбина, которую я просил переслать письмо моим родственникам в Москву, отказалась, объяснив, что дала слово никаких просьб моих не выполнять, дабы не усугубить мое положение. А письмо - было бы ниточкой... Что ж, будем ждать других okazji. Надеюсь, и наши органы безопасности не прекратили поиски...

Визит Альбина задал мне новую головоломку, заставив не одну ночь помаяться от бессонницы, поразмышлять над тем, что кроется за предложением стать тренером в школе убийц. Кто такой Барон, как удалось Альбине пробиться ко мне и насколько правдиво её объяснение? Недоверие к ней снова терзало душу. Вот уж поистине - пуганая ворона куста боится... И ответ пока определился такой: тренером меня взяли, конечно же, не из-за моих необыкновенных способностей, а хотят использовать для каких-то своих целей, потому надо быть все время начеку, вести игру как вдумчивому шахматисту, видеть расклад фигур и поле битвы на много ходов вперед. Барон, конечно же, не Комрад Герпинеску - слишком мелкая фигура в такой игре и ординарная умом и поступками - я успел это определить по беседам с ним. За Бароном стоит влиятельный в правительстве человек, обладающий немалыми средствами, а возможно и властью: содержать такую школу даже преуспевающему бизнесмену непросто. Правда, по ночам "курсанты-спортсмены", переодевшись в элегантные костюмы, выезжают куда-то на машинах и мотоциклах, возможно на "охоту" за баксами. Но без надежного прикрытия сверху школа долго не просуществовала бы.

Загадкой для меня оставалась и Альбина. В больницу и во второй раз она приехала абсолютно трезвой, и я удивился произошедшей в ней перемене. Значит, она вовсе не алкоголичка? Почему же она тогда так напивалась?.. И выглядела помолодевшей, будто девчушка лет семнадцати. В легком полупрозрачном платьице с лиловыми колокольчиками по оранжевому полю, от которого веяло степью и луговыми цветами, Альбина сияла, как знойное июльское солнце, обжигая меня прикосновениями будто наэлектризованного тела, игривым покачиванием бедер, большими огненно-карими глазами. Словно и не было две недели назад Андрея, её жениха, не случилась с ним ужасная катастрофа. И словно то дорожное происшествие, из-за которого я оказался в застенках и на больничной кровати, смертный приговор, вынесенный мне, являлись для неё всего лишь детской игрой, или, по крайней мере, недоразумением. А сколько я пережил за эти дни, сколько в моих волосах появилось седины! А о ней ни слова в газете, и разъезжает на своей машине (правда, теперь на новой, светло-бежевых "Жигулях" последней модели) как ни в чем не бывало. Разыскала меня там, где не могут найти опытейшие следователи, контрразведчики... Неужели такова магическая сила папенькиных денег и её обольстительной красоты?

Альбина и в самом деле была чертовски привлекательна. Даже широковатый нос с большими ноздрями, тяжелые скулы показались мне оригинальными, придающими лицу особую прелесть. Но как она относится ко мне, что заставляет её проявлять такое участие? Угрызение совести, симпатия или тоже далеко идущие цели, связанные с кознями националистов во главе с Бароном? И не мог я пока найти ответа на вопрос напилась ли она тогда в кафе с горя или талантливо разыграла сцену, чтобы завлечь меня в западню...

У меня в группе пять человек: двое русских, один украинец и двое молдаван, недавно сбежавших со срочной службы. Русские и украинцы бывшие эки, занимавшиеся бандитизмом и кражами, освобожденные по Горбачевской амнистии и снова попавшиеся на рэжете и вовремя скрывшиеся здесь, за забором школы террористов. Молдаване - Мирча Хадырке, двухметровый увалень с туповатым и жестоким лицом, и его односельчанин Петря Супруне, антипод по внешности и характеру: красавец с гусарской выправкой, энергичный и неглупый, ловкий и компанейский, любящий в часы досуга "травить" байки, рассказывать анекдоты и внимательно слушать других.

Отношение всех пятерых ко мне, как я и предвидел, однозначное: каждый при удобном случае воткнул бы нож в спину, и за сенсея, и за то, что я русский офицер, "изгалявшийся" над ними во время срочной службы, и за то, что снова командую ими. Особенно ненавидит Мирча. Обладающий недюжинной природной силой, в физическом отношении он уступает солдату-первогодку: не может подтянуться на турнике до трех раз, не говоря уже о таких упражнениях, как передний выжим, склопка, прыжки через "коня", которые обязательны для каждого курсанта; и мне приходится заниматься с ним больше, чем с другими. Каждый раз, когда я повторяю команду: "К снаряду!", его сытое, круглое, как колобок, лицо покрывается бурыми пятнами, а в глазах вспыхивают искры негодования. Но нам приходится терпеть

друг друга, хотя в один прекрасный момент, может, у кого-то из пятерых или у меня выдержки не хватит...

Групп в школе восемь. Есть сборные, многонациональные, как моя, а есть чисто молдавские. Но никаких эксцессов между группами нет и межнациональных трений пока не происходило. Тренеров, а точнее сенсеев (в школе отдается предпочтение японским видам борьбы), тоже восемь, плюс четыре преподавателя по теории: по тактике террора, по вооружению и стрелковому делу, по связи и шифрокодированию, по общей подготовке, включающей историю Молдавии, экономику, государственное устройство. В общем, целый подпольный университет...

Распорядок в школе строгий, как в армии: подъем в 6,00, физзарядка, утренний туалет, завтрак. Занятия с 9,00 до 14,00. Обед, отдых до 16,00. Еще два часа занятий. Потом курсанты, кто не в наряде и не задействованы в других мероприятиях, могут покинуть территорию школы до 23,00, то есть до отбоя. Выходные - суббота и воскресенье, дни отдыха и встреч с родными только для тех курсантов, кто успевает в учебе.

Кроме занятий, курсанты несут караульную службу, обрабатывают виноградники, садовые деревья, огород, расположенные на территории школы. Это своеобразное подсобное хозяйство, обеспечивающее нашу столовую свежими овощами, ягодами и фруктами.

Живут курсанты по два, четыре в комнате; лишь мы, сенсеи и преподаватели, имеем отдельные комнаты. В холлах на первом и втором этажах стоят цветные телевизоры. В спортивном зале иногда крутят кино, в основном американские боевики - клубом школа ещё не обзавелась.

Из разговоров курсантов я понял, что школа расположена недалеко от города Кагула. После войны здесь базировался мотострелковый батальон, потом земля с постройками переходила то в областное управление, которое пыталось создать здесь что-то наподобие совхоза, но так и не сумело, то в городское, передавшее в конце концов участок во владение спортсменам. И вот недавно из спортивного комплекса выросла школа террористов. Еще один аргумент не в пользу Альбины: папа-то её ныне президент спортивной ассоциации. И я снова приходил к мысли, что они оба как-то причастны к моей судьбе. Но подозрения и догадки - это ещё не факты. Надеюсь осталось ждать недолго, чтобы разгадать эту тайну...

Я занимался с Мирчей в спортивном городке, учил его прыгать через "коня". Он в школе пробыл уже месяц, то так и не научился преодолевать этот барьер: разбежится, оттолкнется руками о переднюю часть снаряда, а на заднюю садится верхом, цепляясь за кожу руками. Как я ему ни объяснял, как ни показывал, он бычил свою узколобую голову, кивал, что понял, а когда разбежался снова, и снова припечатывал свою толстую задницу к снаряду.

Время клонилось к вечеру. Спортгородок пустовал: курсанты, переодевшись в штатское, спешили за школьные ворота, и Мирча, изрядно вспотевший, завистливым взглядом провожал их, а на меня сверкал исподлобья молниями, готовый вот-вот сорваться. Я терпеливо охлаждал его пыл миролюбивыми советами, наподобие: "Скоро и вы будете так же гулять вечерами. Осталось преодолеть всего несколько сантиметров".

В спортгородок зашел молодой курсант в спортивной форме, сбросил футболку и стал на турнике крутить "солнце". Я и Мирча залюбовались виртуозным исполнением упражнения и атлетической фигурой спортсмена, сплетенной из одних только мускулов. Не хуже работал он и на брусках, потом подошел к нам.

- Привет, - поздоровался с Мирчей, не взглянув на меня, словно не замечая, а точнее делая вид, что я для него никто и ничто. - Чего так взопрел? Эту скотиняку никак не оседлаешь?.

- Наоборот, никак с седла не слезем, - вклинился я в разговор, делая вид, что не заметил его пренебрежения: курсант мне понравился. Он был не только превосходно развит физически, но и по интеллектуальному лицу видно, что не глуп. А его неприязненное отношение ко мне ни на чем не обосновано, просто "поет" с чужого голоса. Мне он был симпатичен, и я первый сделал шаг к сближению. Курсант его не принял. Отошел к "коню",

похлопал его по кожаной "холке".

- Как говорил наш комбат подполковник Токарев, не так страшен черт, как его малюют. Главное - выдержка, внимание и собранность. - Разбежался, легко оттолкнулся от снаряда и, описав в воздухе сальто, пружинисто встал на обе ноги. - Салют, Мирча, - приветственно поднял он руку и зашагал к казарме.

- Кто это? - спросил я.

- Дониц. Из группы Пендра.

Дониц, Дониц, - завертелось у меня в голове. - Где я слышал эту фамилию? И вспомнил: в полку. Замполит майор Епишкин говорил, что Дониц сбежал из части, прихватив с собой автомат. Уж не он ли?

- Давно он здесь?

- Нет, недели полторы.

Но в полку Вайкулевича комбата Токарева не было, это я знал точно. А слова Доница: "Как говорил наш комбат подполковник Токарев, не так страшен черт, как его малюют. Главное - выдержка, внимание и собранность"... Неужто это та самая весточка, которую я с таким томлением и нетерпением ждал?..

3

Воскресенье. Школа наша будто вымерла - тишина, спокойствие; ни на улице, ни в казарме, кроме дневального, ни души: многие курсанты в увольнении, а провинившиеся работают в огороде, собирают урожай помидоров и огурцов.

Второй день у меня из головы не выходят слова Доница: "Как говорил наш комбат подполковник Токарев, не так страшен черт, как его малюют. Главное выдержка, внимание и собранность"... Интересные, многозначительные слова, и к Мирче они относятся, и ко мне. Ко мне больше. Если Дониц наш и внедрен специально, прокурор Токарев мог таким образом установить со мной связь и поддержать меня. Возможно и не Токарев, а кто-то из нашей контрразведки, использовав фамилию Токарева паролем, давал мне понять, чтобы я ему доверял. Но это ещё надо проверить. Беда в том, что Дониц попал в школу раньше, чем я. В общем, есть над чем поломать голову, потому я и не нахожу себе места, ищу новую встречу с Доницем. Но ни вчера, ни сегодня это мне не удалось, вероятно он в увольнении. Надеюсь, что сегодня вернется. Время ещё утреннее, одиннадцатый час, а я уже маячу у проходной. Не то, что маячу, но хожу недалеке по аллеям и дорожкам, чтобы держать проходную в поле зрения.

В эти часы на КП дежурит один из моих подопечных, Петря Супруне. Ему тоже не сидится в будке - небольшой кирпичной пристройке к забору у массивных железных ворот и узенькой калитки, сквозь которую может пройти только один человек, - и он то выходит покурить, то расхаживает по дороге у ворот, иногда выглядывает в калитку. Возможно кого-то поджидает. Стараюсь на глаза ему не попадаться, подозреваю, что в группу он зачислен, чтобы приглядывать за мной. Он или Мирча. А возможно и оба - частенько вижу их рядом с собой, а однажды чуть не расшиб Мирче лоб дверью своей комнаты: открыл, а он в коридоре потирает руку - по ней пришелся удар. Он смутился и объяснил:

- Я к вам, господин сенсей. Хотел попросить вас... У меня в Кошевицах жена, а я месяц без увольнения...

Лицо в бурых пятнах - волнуется. И не потому, что нарушил приказ Комрада, запретившего отпускать его к суженой, пока не овладеет самыми простыми упражнениями на спортивных снарядах...

Приглашаю его в комнату, усаживаю за стол, на котором только что составлял план занятий.

- Чаю хотите? - И не ожидая ответа, иду в кубрик за кипятком, давая ему возможность посмотреть, чем я занимаюсь и что у меня в комнате. Потом за чаем мирно беседуем и я расспрашиваю его о семье. Выясняю, что женился он недавно, полгода назад, что жена красавица, живет одна в доме, построенном её родителями - она у них единственная дочь. Жена пока нигде не работает - здоровье не позволяет, неудачно аборт сделала, - потому

Мирча и волнуется за нее, желает навестить...

Еще раньше из подначек товарищей Мирчи я понял, что он крепко любит жену и страшно ревнует, особенно к своему земляку Петре.

Я пообещал Мирче поговорить с Комрадом. И поговорил.

- Нет, - категорично отрезал Герпинеску. - Пока не сгонит лишний жирок пусть и не намыливается к своей любезной...

Около одиннадцати Петря открыл калитку, и в неё вошла девушка в легком цветастом платье, сильно укороченном и с большим вырезом на груди, из которого, казалось, вот-вот вывалятся крупные груди. На загорелом плече висела большая кожаная сумка с заграничной этикеткой.

Курсант и девушка отошли от проходной к яблоне. Девушка сняла сумку и поставила около ног, а Петря, ухватившись за ветку, вплотную приблизился к ней, касаясь рукой то плеча, то талии, что-то говорил, видимо смешное: девушка весело хохотала и кокетливо отстраняла руку.

У меня мелькнула догадка, что это жена Мирчи. Но что-то она не спешила к мужу...

Чтобы удовлетворить свое любопытство, я вышел из укрытия и направился к проходной: ко мне тоже могли приехать знакомые, тем более Альбина обещала навестить в скором времени.

Петря увидел меня издалека, а точнее увидела девушка и предупредила его. Он убрал с талии руку и отстранился. Подождал пока я не подошел к проходной, крикнул:

- Господин сенсей, у вас увольнительная?

- Нет. Меня никто не спрашивал? Ко мне должны приехать.

- Пока никого не было.

Я повернулся и побрел обратно.

- И я пойду, - сказала девушка на чистом русском.

На молдованку она не была похожа: пышные русые волосы, большие изумрудно-зеленые глаза, аккуратный чуть вздернутый носик, пухлые, в меру подкрашенные губы...

Мой внезапный визит нарушил их идиллию, девушка заторопилась. До меня донесся умоляющий голос Петри:

- Ну подожди ещё немного, Жнночка!

Жену Мирчи звали Жанной. Похоже, Мирча не зря ревновал суженную. Вот если бы он засек их... Только так подумал, как у столовой увидел Мирчу, разгрузившего с напарником машину с помидорами.

- К тебе, кажется, жена приехала, - сообщил я.

- Где? - круглое лицо Мирчи засияло от радости.

- У проходной.

Мирча бросил корзину и, отряхнув свою рабочую робу, припустился к контрольно-пропускной...

4

Утром к нам на занятия по физической подготовке пожаловал сам Комрад. Стоял в сторонке, молча наблюдая как курсанты отрабатывают упражнения на турнике. Когда к снаряду подошел Мирча, Комрад сдвинулся со своего места и подошел к нему поближе. Глаза начальника школы то лукаво шурились, то вспыхивали злым огоньком. Вид у Мирчи и впрямь был далеко не спортивный: до позднего вечера он находился с женой, в комнате для свиданий, где, кроме них, никого не было, и, видимо, переусердствовал супружескими утехами. С трудом он подтянулся три раза, обливаясь потом, и, спрыгнув, стыдливо опустил голову.

- Да, - насмешливо протянул Комрад. - Большой, - он сделал паузу, мешок с дерьмом. - Сердито повернулся ко мне. - И это все, чему вы его научили? А на брусках что он может? Через коня прыгает?

Я молчал. Слышал от курсантов, что Комрад груб и жесток, в школе все боялись его, но

что при мне он позволит себе хамство, не ожидал. Страх я к нему не испытывал, оправдываться или вступать в спор не собирался, давно усвоив, что люди, унижающие человеческое достоинство, как правило тупы, честолюбивы и мстительны. Меня Комрад и без того сели не ненавидел, то презирал, и будь его воля, не только бы не взял в сенсеи, а давно приказал бы повесить на первом же суку. Гладиаторский поединок с моим предшественником, как понял я позже, не случайность, а желание избавиться от меня. Но кому-то и для чего-то я был нужен, и Комрад вынужден был смириться с положением и терпеть меня. Однако дай я малейший повод, он расправится со мной, не задумываясь.

- Так, - многозначительно протянул Комрад и отвел от меня взгляд. Прошелся вдоль выстроившихся у турника курсантов. Остановился напротив Петри. - А что скажешь ты в свое оправдание о дружке и земляке?

Супруне сделал два шага вперед. На лице его я не заметил ни тени страха или смущения.

- Цыплят по осени считают, господин начальник, - ответил он с веселинкой в голосе. - А Мирча, по сравнению с нами, ещё цыпленок, всего третий месяц в школе. Разрешите я за него выполню упражнение?

- Может, ты за него и ещё кое-что выполнишь? - Гнев в глазах Комрада сменился насмешкой. А вот Мирча будто весь накалился до бурого цвета, губы стиснулись в нитку, зрачки сверкают безумием - вот-вот бросится на начальника. - Разрешить ему, господин Хадырке? Видишь, Супруне, как он ощетинился? Не нравятся ему наши предложения. А может, он и сам подтянется разов десять? Может, он отощал за выходные? А ну-ка принеси его припасы.

Петря нехотя, но энергично зашагал к казарме.

Я догадывался, за чем послал Комрад Петрю и продолжал наблюдать за Мирчей. Гнев клокотал во всем его могучем теле, красными волнами прокатывался по лицу; тугие желваки бугрились на скулах. Но, к радости или сожалению, Бог наградил его могучим телом и далеко не могучим духом. Комрад знал это, потому и изгалялся над ним, уверенный, что он все стерпит, струсит постоять за себя.

Петря принес большой полиэтиленовый пакет, наполненный домашней колбасой, сыром, ватрушками. Комрад вытряхнул все на газету, расстеленную на земле, и приказал Мирче подойти. Поставил лицом перед строем.

- Полюбуйтесь этим замученным, истощенным великовозрастным дитятей, заговорил Комрад со злостью и прежним сарказмом. - Посмотрите как он ослаб, даже подтянуться пяток раз на турнике не может. Поешь, подкрепишь, малое чадо, а то тут совсем с голоду тебя уморят.

Мирча набычил шею, уставился в землю. Курсанты с затаенным дыханием ждали, чем все это закончится. И вот что меня удивило: ни на одном лице я не прочел сочувствия. Даже друг его и земляк наблюдал за происходящим с полным равнодушием, если не с любопытством.

- Ну, чего стесняешься? - продолжал изгаляться Комрад. - Колбаски тебе или сырку, сальца или ватрушечки сладкой?

По лицу Мирчи, по шее и жирной груди покатались струйки пота.

Комрад наклонился, взял кусок сыра и ватрушку и сунул к лицу курсанта.

- Ешь, тебя ждет весь строй.

- Не буду! - хрипло выдавил Мирча.

- Будешь! - рявкнул Комрад. - Иначе я прикажу через твой задний проход все в тебя затолкать! Понял!.. Тараканов в казарме развел, только мышей да крыс не хватает... Ешь! - Он так властно ткнул продукты в руку Мирчи, что тот раболепно взял, откусил кусок сыра, потом ватрушку и торопливо стал жевать.

Комрад удовлетворенно расправил плечи, прошелся вдоль строя и заговорил примирительно:

- Господа будущие супермены, самбисты и каратисты, мастера ножа и кастета,

автомата и пистолета, господа будущие вершители человеческих судеб! Если вы пришли в нашу школу, чтоб овладеть трудным и редким ремеслом, стать ловкими, смелыми, выносливыми и неутомимыми, побеждать в бою с оружием и без оно, то должны забыть, что такое жалость и милосердие, симпатия и даже любовь. Наша профессия требует хладнокровия, трезвого расчета и мастерства. Мы в школе дадим вам все нужное, чтобы вы стали суперменами. Вас ждет прекрасное будущее: баснословные деньги, изысканные вина и закуски, вояжи по самым различным странам и самые обалденные девочки. Что требуется от вас в замен? Беспрекословное повиновение и упорство. Не так много, но и не так мало, смотря по тому, что у вас за душой: искреннее желание стать суперменом или только намерение укрыться от воинской службы, переждать под нашей крышей смутное, беспокойное время. Таких нам не надо. И кто рассчитывает лишь на легкую и сладкую жизнь, не хочет поступиться своими привычками - сладко есть и много спать, наслаждаться с девочками лил женами, - лучше сразу уйти. Наша профессия требует полной самоотдачи, а возможно и отречения от родных и близких во имя дела. Запомните это.

Он глянул на Мирчу - тот дожевывал последний кусок, - на меня. - А вам, господин сенсей, я выражаю свое неудовольствие, несмотря на то, что вы недавно в школе. Ваша обязанность чаще бывать в казарме курсантов, следить за порядком и больше заниматься с ними физической подготовкой. Тебе, Хадырке, ещё месяц неувольнения. Гоняйте его днем и ночью, до отбоя и после, пока жир на нем не превратится в мускулы, пока он не станет подтягиваться по пятнадцать раз, делать передний выжим и прыгать через коня. - Перевел дыхание и заключил: - Продолжайте занятия. Ты, Хадырке, явишься ко мне в шестнадцать ноль-ноль. - Круто повернулся и зашагал по тропинке к штабу.

Не знаю, какую ещё проповедь читал начальник школы своему неразумному дитяти, но к своему удивлению я увидел Мирчу вечером в превосходном настроении, словно утром и не было ему разноса. И личное время он проводил не на спортивной площадке, а гонял шары в бильярдной; игра, по моему убеждению, занимает второе по интеллекту место после перетягивания каната. Бесчувственный он и толстокожий или Комрад устроил спектакль специально для меня, чтобы сблизить нас?..

5

До обеда наша группа занималась вместе с другими стрелковой подготовкой. Отрабатывали стрельбу с преодолением препятствий из разных положений: лежа, сидя, в беге, в прыжке, после кульбита. И снова на занятия пожаловал Комрад. Но в этот раз он никого не отчитывал, даже Мирчу, который снова действовал не лучшим образом. После обеда нам объявили, что ночью состоятся тактические занятия и следует основательно отдохнуть.

Вечером раздали оружие: пистолеты с двумя обоймами патронов и ножи. Автоматы доверили Петре Супруне (его назначили старшим в нашей группе) и, к моему большому удивлению, Мирче Хадырке. Когда в оружейной комнате протирали от смазки оружие, к Мирче подошел Дониц.

- Привет, земляк. И тебя сия участь не миновала? Жарковато нынче придется. В увольнении давно был?

- Давненько. А ты?

- Вчера. В столице нашей повеселился. И бывают же в жизни чудеса комбата нашего Токарева встретил. Зря, говорит, ты из полка смылся. Тебя ищут и все равно найдут. Похоже, уже знает он, где я нахожусь... Еще и грозит, сволота. Ну, думаю, подожди, мы ещё доберемся до тебя темной ночью. Складик там с оружием хороший имеется. Вот бы грабануть! А с вояжем в село будь повнимательнее: от этих оккупантов можно всего ожидать. - И удалился к своей группе.

- Односельчанин? - кивнул я вслед Доницу.

- Почти. Из соседнего села.

- Дружили?

- Когда? То школа, то армия. Да и пятнадцать верст до их села... Здесь только и

познакомились.

Отлично. Значит, информация Доница больше меня касается, чем Мирчи. А если так... Дониц побывал в Кишиневе и встретился с Токаревым. "Тебя ищут и все равно найдут. Похоже, уже знает он, где я нахожусь". Значит, обо мне известно... "Складик там с оружием хороший имеется. Вот бы грабануть"... А это о чем?.. Ну, конечно же, о предстоящих тактических занятиях. Вот почему днем нас так усердно тренировали стрельбе из разных положений. "А с вояжем в село будь повнимательнее: от этих оккупантов можно всего ожидать". Он не сказал "от советских оккупантов", а сделал ударение на слове "этих". Предупредил меня об опасности. Другого и быть не могло: в школе мне не доверяют и собираются устроить проверку...

Приказ: "По машинам!" поступил уже за полночь, когда неопределенность и ожидание наэлектризовали нервы курсантов, и они, озлобленные, готовы были броситься на первого попавшегося.

Я сел рядом с Доницем, надеясь перекинуться несколькими фразами, кое-что уточнить: полной уверенности, что он связной от прокурора Токарева, у меня не было. Но позади хрустнуло сиденье под Мирчей, а спереди устроился новоиспеченный командир группы Петря Супруне. Крепко меня обложили. Комрад знал как меня блокировать и держать под постоянным контролем. Самого начальника школы ни в нашем, ни в других "рафиках" не было. Вероятнее всего операцией будет руководить преподаватель тактики, бывший советский майор, уволенный в запас по сокращению Вооруженных Сил; то ли украинец, то ли белорусс. Ему за сорок, но, по рассказам курсантов, в маршбросках, походах и стрельбах он любого молодого за пояс заткнет.

Разговор с Доницем заводить было нельзя, да и он делал вид, что не очень-то рад такому соседству, отворачивался с репликами то к одному курсанту, то к другому. Мне ничего не оставалось, как следить за дорогой, чтобы лучше сориентироваться, куда едем и где наша школа, а ещё подумать о том, знают ли наши о готовящемся нападении на склад. Вряд ли. Дониц сегодня никуда не отлучался и узнал о приказе только когда нам выдавали оружие...

Что же делать? Предупредить часовых выстрелом?.. А если часовые подкуплены? Сколько известно случаев, когда наши офицеры занимались торговлей оружия. Были бы у меня и Доница автоматы, можно было бы рискнуть... А с пистолетом против такой оравы не навоюешь. Да и патроны в моем пистолете вероятнее всего не боевые...

К месту назначения прибыли во втором часу, и мне не стоило большого труда узнать гарнизон Варкулешты. "Рафики" остановились на окраине аэродрома, где располагался оружейный склад. Супруне вышел вперед, к кабине шофера, и заговорил хорошо поставленным командирским голосом, словно перед ним находился не десяток курсантов, а целый полк.

- Слушай приказ! Сегодня мы сдаем первый экзамен на боевое мастерство и выдержку. Нам нужно оружие, и мы его добудем. Поступаете в распоряжение сенсея Сейлаша. Он определит задачу каждому. Отъезд отсюда ровно в три. Ни минутой позже. Все, кроме сенсея капитана (меня так представили курсантам и так приказали величать), на выход.

На улице курсантов уже ждал мужчина в нашей советской военной форме. Звание из-за темноты разглядеть не удалось.

Я в "Рафике" остался вдвоем с Петрей, не считая шофера, не выключавшего мотор и державшего одну руку на "баранке", вторую - на рычаге переключения скоростей.

Я не задавал вопросов: коль есть необходимость, Петря объяснит все сам. Но, похоже, меня до конца операции не собираются посвящать в задание.

Посидели молча минут десять. Петря частенько поглядывал на часы, наконец произнес: "Пошли".

Ночь была темная и безмолвная, словно все замерло вокруг в ожидании чего-то страшного, неотвратимого и непоправимого. Печально мигают звезды, жалостно шуршит под ногами трава, будто тяжело вздыхает под нашими башмаками.

Я видел, что Сейлаш повел группу влево от "Рафика", Петря же зашагал вправо, впереди меня, твердо, уверенно ставя свои сильные ноги, не оборачиваясь, не опасаясь, что я выстрелю ему в затылок и постараюсь добраться до своих. Значит, подозрение мое относительно патронов в моем пистолете небезосновательно. Но у меня есть ещё нож десантника, и Петря знает, что владею я им не хуже чем пистолетом. Видимо есть другая причина не бояться меня.

Мы пересекли дорогу, вышли по тропинке на каштановую аллею и вскоре оказались у деревянных одноэтажных домиков - финских коттеджей, которые занимали семьи младших офицеров, в основном из батальона аэродромного обслуживания. Ни души, ни огонька. И со стороны склада не слышно ни звука.

У одного коттеджа Петря остановился, прислушался. Сказал полупшепотом:

- Здесь живет командир роты охраны капитан Савин Иван Кузьмич. Постучишь ему, назовешься рядовым Селюниным. Скажешь, что телефонная связь нарушена - она действительно нарушена, - и что его срочно вызывают в штаб полка. Когда он будет выходить, потребуешь ключи от его кабинета и от сейфа с личным оружием офицеров. Далее действуй по обстоятельствам.

- Но в доме жена, дети! - почти выкрикнул я.

- Значит, капитан будет сговорчивее. И вы покажете себя, насколько соответствуете нашей школе.

"Ах ты гаденыш! - чуть не сорвалось с языка. - Тебе ли давать оценку, насколько соответствую я школе". Я раздумывал, броситься ли сейчас на него и показать на деле, чего я стою, или... Петря, несомненно, здесь не один, иначе не посмел бы так нагло приказывать мне. Кто-то его подстраховывает. Надо выдержать, выждать, чтобы во всем разобраться и спасти командира роты и его семью. Как-то предупредить бы капитана Савина. Вдвоем легче было бы справиться с этими бандитами...

- Давай! - торопит Супруне, предупреждая поправляя автомат на шее.

Поворачиваюсь и иду к двери.

Вот и пришел мой звездный час. Если и успел подполковник Токарев найти меня, слишком медлил, чтобы спасти. Возможно ему что-то или кто-то мешал, возможно имел на мой счет другие соображения... И все-таки не теряю надежды перехитрить бандитов. Хотя с детства меня учили честности, справедливости, а их - хитрости, подлости, и кормили, похоже, не материнским молоком, а змеиным ядом, придется и мне пойти на уловку. Жаль не удалось разыскать убийц Андрея и отомстить за него. Но Супруне и того, кто его прикрывает, сегодня живыми не уйти...

Ступеньки крыльца скрипнули под ногами, и я топнул погромче, надеясь разбудить хозяев. Подошел к двери, постучал. Безответная тишина. Крепко спит капитан в объятиях жены и ничего тревожного наверное ему не снится...

Стучу сильнее, настойчивее. Никакой реакции. Толкаю дверь, и она преспокойно отворяется. Мелькает радостная мысль: Донич сумел предупредить, и семья перебралась в безопасное место. Но тут же тревога холодком пробегает по всему телу - не опередили ли меня?

Вхожу в прихожую, нащупываю рукой выключатель, нажимаю на клавишу. Вспыхивает свет и выхватывает из темноты открытую в комнату дверь, распростертого на полу окровавленного мужчину.

Опередили! Приблизившись, рассмотрел ещё не застывшую кровь, исколотое ножом тело командира роты капитана Савина. Видимо, как было и задумано, он открыл дверь посыльному, даже не одевшись - был только в трусах. А в спальне на кровати лежала русоволосая женщина с перерезанным горлом. Справа в углу стояла детская кроватка с наброшенным одеяльцем. Следов крови не видно, и у меня мелькнула слабая надежда, что у убийц не поднялась рука на младенца. С замершим от страха сердцем приподнимаю одеяльце...

Нет, сюда приходили не люди, и не мать их родила, а чудовища! Удар чудовищный,

изуверский - тоже по горлу...

Одеяльце выпало у меня из рук, спазмы перехватили горло. Такого злодейства я не видел даже в Афганистане. Звери и те защищают детенышей, а эти... Уничтожать их надо на месте без суда и следствия...

Палец машинально снял курок с предохранителя. Нет, пуля слишком легкое наказание. И настоящие ли патроны в моем пистолете? Если и настоящие, удастся уложить скорее всего одного. А надо всю эту шайку... И мой час ещё придет. Надо только иметь выдержку, терпение...

Я сунул пистолет во внутренний карман куртки.

В комнату вошли Супруне и Мирча. Я был прав: мой ученик и временный командир группы побоялся отправиться на задание один на один, прикрылся тупоголовым бугаем... А возможно и ещё кто-то подстраховывает их за дверью - семью-то Савина вырезали до нашего прихода.

Супруне неожиданно достал из кармана небольшой фотоаппарат и дважды сфотографировал убитых, стараясь и меня захватить в кадр. Еще одно убийство вешает на мою шею. Но мною вдруг овладело спокойствие и злость, и я сказал, не скрывая негодования:

- Правильно делаешь: важный компромат против самих себя.

Супруне и Мирча переглянулись, но промолчали. Я смерил их презрительным взглядом с ног до головы и пошел к выходу.

На улице нас поджидали ещё два боевика.

- Все в порядке? - спросил один из них.

- В полном. Профессионально сработал наш сенсей, - с усмешкой ответил Супруне.

- Запиши благодарность на свой счет, - уточнил я.

- Ну зачем же, у меня своих заслуг предостаточно, - красноречие вернулось к Петре, он торжествовал за успешно проведенную операцию. А в моей душе бушевала жажда мести и рождались планы её осуществления.

К "Рафику" с другой стороны подходили боевики, обвешанные автоматами, с оттопыренными карманами, хвастаясь трофеями. Невольно подумалось: доведись случаю эти головорезы не пощадят и своих хозяев, обчистят их до нитки.

На востоке занималась заря. Блекли и пропадали звезды, на фоне посветлевшего неба обозначились темные силуэты домов, деревьев, движущиеся от аэродрома с притушенными фарами машины. А в гарнизоне тишина, словно всех вырезали, и ни огонька, ни тревожного воя сирены - склад ограбили без единого выстрела: то ли бесшумно сняли часового, то ли заранее подкупили его.

6

Прошла неделя после нападения на гарнизон. Я ждал и жаждал самых решительных мер нашего правительства и военных против рассадника бандитизма, о котором теперь, конечно же, многое известно. Но кроме митингов в гарнизонах, коллективных писем Министру Обороны и Президенту, которые даже не были опубликованы в центральной печати, ничего конкретного не предпринималось. Правда, в гарнизонах усилили охрану военных объектов, создали отряды самообороны, офицерскому составу разрешили носить личное оружие. По делу ограбления оружейного склада ведется следствие.

Удивляло меня и возмущало пассивное поведение прокурора Токарева, и хотя мне не удалось переговорить с Доницем, я был убежден, что он работает на нашу контрразведку. А если это так, ей известно о школе террористов, где она расположена, чем занимается и её силы. Хватит одного взвода омовцев, чтобы прихлопнуть этот гадюшник. Но что-то мешает. Возможно напряженная обстановка в стране, о чем не трудно догадаться по публикациям в газетах; обострение отношений между центром и республиками, рвущимся к самостоятельности. Возможны и другие причины. Как бы там ни было, но беспорядки в нашем царстве-государстве, несомненно, сказываются и здесь, в Молдове.

Надо во что бы то ни стало установить контакт с Доницем. Нелегко это сделать, за

мною неустанно наблюдают, даже после налета на гарнизон. Придется и мне кое-что предпринять, чтобы заставить их подсуесться; хватит сидеть затворником, пора вливаться в гущу курсантов, глубже вникать в их жизнь и слушать новости. А то, что и за мной будут следить и ловить каждое мое слово, так для меня это не новость...

Вечером после ужина я отправился в бильярдную, где всегда немало любителей погонять шары. Частенько там бывает и Дониц с Мирчей неразрывные напарники, интересы которых и интеллект только и совпадают в этой игре.

Народу в бильярдной оказалось немного: по телевидению показывали фильм "Адъютант его превосходительства", и большинство курсантов отдали предпочтение телесериалу. Но Дониц и Мирча были здесь, заканчивали партию.

Дониц, как и на снарядах, владел кием профессионально, даже в стойке, когда собирался бить по шару, демонстрировал артистизм, виртуозность, и шары влетали в лузу с громким, торжественным хлопком, словно ставя победную точку.

Мирча тоже играл неплохо, но легкость и уверенность соперника выводили его из себя, и нервное напряжение мешало ему сосредоточиться, тверже держать кий.

Минут через пять партия закончилась, Мирча рукавом футболки смахнул с лица пот.

- Давай еще, - настойчиво предложил он, нетерпеливо сглатывая слюну. Простую, американку.

- Реванш надеешься взять? - усмехнулся Дониц. - Так в простую мне с тобой и вовсе делать нечего. - И обратился ко мне: - Может, господин сенсей желает показать свое мастерство на бильярдном поле?

Прекрасный повод перекинуться многозначными фразами, и я пожалел, что раньше с пренебрежением относился к бильярду, играл только в авиаучилище, и кроме простой американки, ничего больше не умел.

- К сожалению, в программу летной подготовки этот вид спорта не входил, - сказал я. - Но ваша виртуозная игра не на шутку задела мое спортивное самолюбие. Охотно поучился бы у вас.

- Как, Мирча, уступишь? Доставим удовольствие твоему сенсею?

- Пожалуйста, - согласился тот.

- Выбирайте кий, - кивнул Дониц на пирамиду у стенки, где, как винтовки, остриями вверх стояли ровные, покрытые лаком, палки. - Никогда не думал, что доведется учить советского господина офицера. Не обессудьте, погоняю вас, как гонял меня подполковник Токарев, мой бывший комбат. Ставьте шары и разбивайте так, как вам хочется.

Я собрал шары в треугольник и приготовился было бить, но Дониц остановил меня.

- Так дело не пойдет: американка - для слабаков. Не хотите же вы зачислить себя в их отряд? Начнем с пирамиды. - И он заменил простой шар на ударный, красный. - Теперь бейте.

Я ударил с силой, и все шары раскатились по столу.

- Сила есть - ума не надо, - тут же констатировал Дониц с издевкой. - Первая твоя ошибка (вдруг перешел он на "ты"), - все шары поставил под удар, и я могу закончить партию с одного захода. Но учитывая твое пролетарское происхождение, как отмечал наш комбат Токарев, дам тебе шанс поработать кием, поучиться уму-разуму. - И легким ударом, чуть задев стоявший посередине шар, поставил красный к самому борту впритык ещё к двум. Усмехнулся. - Чудненькое положение. Вот и попытайся оторвать его от борта и двух шаров, поставь так, чтоб и для твоего противника он оказался крепким орешком.

Я постарался. Но у меня ничего не получилось: красный шар, раскатив пару, остановился почти на середине стола.

- Плохо. Очень плохо. Токарев за такую ошибку по головке не погладил бы. Мирча, - повернулся Дониц к другу, - сбегай в казарму и прихвати из моей тумбочки бутылку "Белого аиста", там за книжками найдешь. Пора горло промочить. Похоже, твоего сенсея надо основательно поучить, чтобы он не задира голову на спортивной площадке. - И когда Мирча ушел, продолжил как ни в чем не бывало: - Итак, первая заповедь бильярдиста:

создавать максимум неудобств противнику для удара, выжидать. А как только ударный шар выходит на удобную позицию, бить. И не бить по мелочам. Главное - "защучить" туза. А это дело непростое. Надо отыскать его. Он, как правило, прикрывается всякой мелюзгой. Вот задача. Понял?

- Понял, то... - у меня чуть не вылетело от радости слово "товарищ", вовремя спохватился и поправился: - господин Дониц.

- А коль понял, наберись терпения. Приходи почаще сюда. _ И он стал один за другим заколачивать шары в лузы.

Вернулся Мирча с завернутой в газету бутылкой. Дониц выбросил газету в урну, откупорил бутылку, сделал несколько глотков прямо из горла. Протянул приятелю. Мирча тоже выпил. Дониц отобрал бутылку и сунул в карман. Сказал с пренебрежением:

- Займись теперь сам со своим сенсином. Он тебя самбо и каратэ учит, а ты его в бильярд. - И пошел из зала.

Мы погоняли шары ещё с полчаса. Уверенность, что я в стане врагов не один, что связь с нашими есть, придала мне столько сил, что я играл с удивительным азартом, почти не мазал. Довольные друг другом, без прежней ненависти, мы разошлись по своим казематам.

В коридоре мне повстречался Петря Супруне. Показалось даже, что он вышел из моей комнаты. Вполне вероятно: филеру все положено знать о своем подопечном. После нападения на гарнизон Петря чувствует себя героем и поглядывает на меня с усмешкой: как, мол, я тебя ловко подставил. Пусть посмеивается - а смеется тот, кто смеется последним. Кое-что и я приготовил своему топтуну. Петря пользуется большим доверием у Комрада и отлучается из школы довольно часто, оставляя на Мирче обязанности слежки за мной. Правда, после зверского убийства семьи Савина слежка ослаблена, но совсем пока ещё не снята - Герпинеску не доверяет и после этого. Да и мало в школе тех, кому он доверяет. Курсанты не скрывают, что он заставляет шпионить их друг за другом, докладывать обо всем.

Как-то Герпинеску спросил у меня:

- Вас курсанты информируют, что у них происходит, когда вы отсутствуете: о разговорах, настроениях?

- Зачем? - ответил я. - Я согласился готовить спортсменов, а не стукачей.

Он недовольно покачал головой.

- Плохо. Очень плохо. Информация - необходимая вещь в нашем деле. Тем более в такое смутное время.

На том и расстались.

7

В эту субботу Мирча снова не попал в увольнение: назначен дежурным по школе. А Петря прифрантился в новенький светло-бежевый костюм, надушился французским лосьоном и, выставив кончик белоснежного платочка из нагрудного кармана, покрасовался перед зеркалом.

- Составишь мне компанию в столицу? - предложил ему Дониц.

- Нет, я еду в Маркулешты.

- Что-то ты зачастил в свою деревеньку. Уж не зазнобу ли завел там?

Лицо Мирчи, наблюдавшего за другом, покрылось бурыми пятнами характерная особенность, когда он нервничает. Петря заметил это и возразил:

- Нет. Отец просил приехать, помочь по хозяйству.

Значит, Дониц попал в точку - иначе Петре незачем было бы оправдываться. Даже туповатый Мирча, кажется, понял это.

Дониц уезжал после ужина. И я сказал ему в столовой:

- Твой намек сильно растревожил Мирчу. Ревнует друг, переживает. Неплохо бы успокоить его из города по телефону - вдруг сбежит с дежурства...

Дониц понимающе кивнул.

Вечером казарма опустела. Обычно дежурные коротают свою службу у телевизора. А в

этот день продолжали показывать "Адьютанта его превосходительства". Но Мирча телевизор не смотрел, ходил по коридору злой и сосредоточенный, покусывая губы. Я наблюдал за ним и ждал.

В дежурке зазвонил телефон - он находился напротив холла, где стоял телевизор, и дневальный крикнул:

- Мирча, тебя!

У Мирчи радостно загорелись глаза - жена приехала (она уже две недели не появлялась) или звонит по телефону.

- Дежурный Хадырке слушает.

И радость с лица будто ветром сдуло. Слушал он больше минуты, тяжело, словно оглушенный, опустил на аппарат трубку. Вышел из дежурки бледный, с диким блеском в глазах, с подрагивающими губами, и заходил по коридору взад-вперед, о чем-то сосредоточенно думая. Наконец решился и подошел ко мне.

- Не знаете, Комрад у себя? - спросил осипшим голосом.

- Уехал ещё после обеда.

Я понял, в чем дело: Мирче надо домой. Но у меня отпрашиваться не стал, зная, что я не имею права менять дежурных.

- Что-нибудь случилось? - поинтересовался я.

- Да нет, просто так...

После просмотра по телевизору новостей я ушел в свою комнату, разделся и включил свет. Но лечь спать не торопился - Мирча должен что-то предпринять. И не ошибся: Мирча вышел на улицу, минут пятнадцать ходил по аллее, потом выкатил из гаража мотоцикл. Не сел на него, а повел к воротам, не включая двигатель - чтобы никого не разбудить. Отсутствовал часа три. Я поджидал его, предполагая, чем может кончиться его поездка к жене. Уже светало, когда увидел как он катит обратно мотоцикл от ворот.

Я, набросив спортивный костюм, вышел ему навстречу. От неожиданности Мирча остановился, что-то хотел сказать, но придумать оправдание вот так сходу, было не в его способностях. Я спрашивать ни о чем не стал, прошел мимо, взглянув ему в глаза, в которых застыло безумие; не от испуга, а от чего-то другого, вызвавшего гнев, ненависть и отчаяние. И я догадался, от чего: наживка моя сработала. Если так, Мирча крепко у меня на крючке. Но теперь надо быть ещё бдительнее: при первом же удобном случае он постарается избавиться от свидетеля, видевшего его в ночь дежурства с мотоциклом...

8

После ночных бдений впервые за все дни заточения я уснул крепким, безмятежным сном, испытывая душевную расслабленность и удовлетворение собою: наконец-то мне удалось сделать кое-что в отместку моим похитителям.

Разбудил меня скрип тормозов машины. Я выглянул в окно и увидел подъехавшую к нашему общежитию "Тойету". За рулем её сидел Комрад. Обычно в выходные дни он не появлялся. Значит, случилось то, что и должно было случиться... Я быстро оделся и пошел ему навстречу. У подъезда Мирча отдавал рапорт: "За время дежурства никаких происшествий не случилось".

Комрад долгим изучающим взглядом смотрел ему в глаза, Мирча держал руку у фуражки, застыв, как изваяние, не мигая и не дыша. На лице и шее выступили бурые пятна.

Наконец Комрад махнул рукой - вольно, - и Мирча облегченно вздохнул, медленно, словно с опаской, опустил руку.

- Значит, все в порядке? - спросил Комрад в раздумье.

- Так точно! - снова вытянулся в струнку дежурный.

Комрад глянул на меня и словно что-то вспомнил.

- Продолжайте дежурство, - сказал Мирче и обратился ко мне: - Вы-то как раз и нужны мне.

Мы вошли в его кабинет, Комрад кивнул на стул около стола, а сам тяжело и устало опустился в кресло.

- Во сколько вчера легли отдыхать?

- Как обычно: прослушал последние известия, ещё с час почитал Лермонтова. Где-то около двенадцати.

- Дежурный был на месте?

- Вместе телевизор смотрели. Что-нибудь случилось?

Комрад промолчал, о чем-то сосредоточенно думая.

- Вы свободны. Попросите ко мне Хадырко.

Мирча крутился недалеко от кабинета, догадываясь, что его вызовут. Я подошел к нему и кивнул на дверь начальника.

- На ковер. - И тихонько добавил: - С мотоциклом я тебя не видел и ничего не слышал.

- Спасибо, - поблагодарил Мирча, расправляя плечи и, облегченно вздохнув, шагнул к двери.

Разговаривали они минут пятнадцать, о чем - можно было только догадываться. Потом начальник школы вызвал дневальных, дежурного по контрольно-пропускному пункту, а когда, отпустив их, вместе с Мирчей сел в Тойету и куда-то поехал, я убедился, что случилось что-то более серьезное, чем я предполагал.

Вечером, вернувшийся из увольнения Дониц подтвердил мою догадку: жена Мирчи и Петря Супруне умерли в постели от отравления газом...

9

Я не верю ни в какие приметы: ни гадалкам, ни картам, ни астрологам. Судьба человека непредсказуема и непостоянна, как ветреная девица, названная Фортуной: то вознесет его высоко, то бросит в бездну навсегда. То же происходило и со мной: стал летчиком - предел моих мечтаний, - и вдруг сокращение; полюбил Дину - и чуть не поплатился жизнью. И здесь, в Молдове: многообещающее расследование сменилось заточением... Теперь, похоже, полоса неудач кончилась...

Вечером, едва начало темнеть, в школе появилась Альбина, как и прежде наряженная в воздушное полупрозрачное платье с лиловыми колокольчиками по оранжевому полю, от которого повеяло родным и далеким: подмосковными лугами, розовым росистым утром, свободой.

Меня не удивило, что её беспрепятственно пропустили через проходную: такие девицы способны преодолевать любые преграды; тем более, что вернувшийся недавно Комрад предупредил меня о её визите, и я приготовился к встрече и продумал как себя вести.

- Ты сегодня ещё прекраснее, - польстил я и обнял её как собственную возлюбленную. - Я так ждал тебя.

- Очень мило. А ты, кажется, возмужал здесь и стал, - она поводила пальчиком по моему носу, - смелее, откровеннее. Собирайся, карета ждет тебя.

- Я в твоём распоряжении.

Она внимательно осмотрела мой штатский костюм, заставила повернуться кругом.

- Ничего. Но я приготовила тебе кое-что получше. В машине переоденешься или заберешь в комнату?

- Само собой, в машине! - чуть не крикнул я. Если бы она знала, как опостылела мне эта комната, как ненавидел я её и как рвался за ворота!

На заднем сиденье её новеньких светло-бежевых "Жигулей" в полиэтиленовой упаковке лежал шикарный серый костюм из тонкой не мнущейся ткани, белоснежная сорочка, галстук под цвет костюма, модные туфли. В одну минуту я из заключенного превратился в элегантного преуспевающего бизнесмена, представителя процветающей западной фирмы, прибывший для заключения крупной коммерческой сделки.

- И куда мы поедем?

- А куда бы ты хотел?

- О-о! Что может быть прекраснее родного дома после такого заточения, - не стал я кривить душой. И пошутил не без умысла, желая кое-что прояснить: - Давай махнем в нашу белокаменную. На твоём Коньке-горбунке мы за двое суток доскачем.

- Заманчиво, - улыбнулась Альбина. - И кто нас там встретит?

- А кто нам нужен?.. Познакомлю тебя с друзьями, если хочешь.

- Я-то хочу, да вряд ли тебе это удастся. Читал в газетах как с вашими рижскими омовцами поступили? Выдали ваши начальнички их латышским правоохранительным органам, как преступников... А у тебя есть солидные заступники? - И не ожидая ответа, включила двигатель. - Доверься пока мне, поговорим с папой, может, он посоветует что-то дельное.

Она погнала машину не в сторону Кишинева, а на юго-запад, мимо небольших селений, мимо бесконечных садов и виноградников.

Ее предостережение вновь заставило меня задуматься: кто она эта кареглазая амазонка - моя спасительница или виновница всех моих злоключений? То, как бросилась она защищать нас в кафе, как вела себя с гаишниками, и по тому, что я ещё жив, несомненно, её заслуга: отказ нашего командования обменять меня на боевиков давал повод давно разделаться со мной. С другой стороны, все мои приключения происходили в присутствии Альбины. Случайное стечение обстоятельств или ловко продуманные ходы, чтобы заманить меня в ловушку? Но не такая я важная фигура, чтобы чем-то заинтересовать боевиков. Больше похоже на то, что они охотились за Альбиной, чтобы содрать с богатого папаши солидный выкуп, чего и добились; а я попал за компанию. Теперь же с помощью шантажа и провокаций они хотят и меня использовать в своих интересах, и уже использовали, зачислив в школу террористов, в ряды убийц. Теперь они уверены, что крепко держат меня в руках, и у меня один выход: служить им, иначе смерть.

И все-таки мысль о причастности Альбины ко всем моим злоключениям не давала мне покоя. Или застенки, банда Герпинеску так подействовали на меня, что я перестал верить всем и всему? Что ж, в любом расчете есть просчеты и трудно разгадать ходы и замыслы противника. Но не невозможно. И на этот счет у меня уже имелись кое-какие соображения. Тем более, что теперь я не один...

- Что ж, все решено, я в вашей воле, - сказал я преднамеренно грустно и глубоко вздохнул.

- Я тоже люблю Пушкина, - весело отозвалась Альбина. - И вообще поэзию. Как-нибудь почитаю тебе свою лирику.

- С удовольствием послушаю. Поэзия, говорят, душа человека. А твоя душа для меня - потемки.

- Вот не думала, - рассмеялась Альбина. - Я считала, что писатели и журналисты - инженеры человеческих душ, и ты давно распознал мою.

- Значит, я не инженер.

Она привезла меня к высокому двухэтажному особняку с белыми, под мрамор, колоннами, с просторными лоджиями и большими окнами, высокой крышей из красной черепицы, резным карнизом - дворец, иначе и не назовешь, утопал в роскошных кленах и эвкалиптах. К особняку вели ровные, посыпанные песком дорожки и окаймленные красным кирпичом. А по сторонам тянулись ухоженные газоны, источавшие нежный аромат.

В просторном холле с паркетным полом и коврами дорожками нас встретил дежурный - внушительного роста и крепкого телосложения парень лет в двадцати в сером, как и на мне, костюме, белоснежной сорочке при галстук. Он галантно склонил голову перед Альбиной, кивнул мне и указал взглядом на широкую лестницу, ведущую на второй этаж.

- Иона Георгиевич в конференц-зале на совещании, просил вас подождать его в своих комнатах.

- Хорошо. - Альбина взяла меня под руку и повела на второй этаж.

В широком проеме напротив лестницы сидела за столом с романом в руках смазливая девица лет восемнадцати в белой, расшитой национальным узором блузке и серой короткой юбочке. Когда мы поднялись, она встала нам навстречу, поздоровалась и вручила ключи.

Альбина перебросилась с ней несколькими фразами на своем языке, как я понял, о

конференции: давно ли она началась, много ли народу и скоро ли кончится (за двухмесячное пребывание среди молдаван я кое-что начал понимать), и повела меня по коридору, не глянув на бирку с номером видимо, приехала сюда не в первый раз.

- Вот твои апартаменты, - остановилась она у двери с двумя тройками. Видишь, какой счастливый номер. Мой - рядом.

- Можем перестукиваться, - пошутил я, намекнув на свое положение.

- Ну и шуточки у тебя, - рассердилась Альбина. - Здесь никто на тобой следить не будет. За мной - тем более.

Она подождала пока я открыл дверь, и вошла вместе со мной.

Широкая кровать с полированными спинками, заправленная белоснежным покрывалом, мягкий диван, кресла, журнальный столик с инкрустацией, тюлевые гардины с тяжелыми голубыми шторами по бакам создавали приятную, располагающую к отдыху обстановку. Да, особнячок был особенный. Интересно, кому он принадлежит и почему мне оказана такая честь?

- Не ожидал в мамалыжной Молдове увидеть такие прелести? - Альбина была довольна произведенным на меня впечатлением и стояла, покачивая по-цыгански бедрами, уперев в бока руки. - Располагайся как дома. Переоденься в спортивный костюм, скоро придет отец и отправимся в сауну.

- Я ж не захватил...

Альбина распахнула створки шифоньера, и моим глазам представился целый гардероб мужской одежды: костюмы черный, коричневый, бежевый; сорочки, галстуки, шляпы, беретки... На полках - пижамы, белье...

- Выбирай по вкусу.

- Ты насовсем переселяешь меня сюда? - пошутил я.

Альбина помотала головой.

- Увы, пока на два дня. А потом посмотри на твое поведение. - И многозначительно улыбнулась. - В общем, переодевайся, я найду за тобой.

Она ушла. Я ещё раз осмотрел номер: заглянул в тумбочку. И здесь все предусмотрено для элегантных мужчин: от бритв до лосьонов и одеколонов. Сервант заполнен бутылками с красивыми этикетками и непонятными названиями вин и коньяков. Грустно усмехнулся, вспомнив свою московскую квартиру. Советскому журналисту никогда не иметь такого изобилия, такой роскоши. И с каким удовольствием я сейчас променял бы на все это, даже на коммуналку в Москве. Как там мои коллеги в газете? Ищут ли меня? Как Дина? Все-таки она больше других запала мне в Душу, несмотря на то, что заставила пережить тяжелые, страшные дни. Тоска по дому, по свободе так сдавили грудь, что я не удержался, достал бутылку со знакомой этикеткой - белым аистом, - налил полную рюмку. Ароматная жидкость обожгла горло, в груди потеплело.

Что за совещание проводит Иона Георгиевич и с кем? Зачем привезла меня сюда Альбина?..

Она зашла минут через двадцать в легком сарафанчике, обнажавшем все её достоинства: красивые руки и ноги, шею и впадинку между упругими, готовыми разорвать тонкую ткань грудями, игриво помахивая пальчиком, на котором вертелся ключ от номера.

- О-о! А у тебя приятно пахнет знакомым запахом. Ты и пить научился в школе?

- Разве я не умел раньше?

- Но ты был такой скромняга - весь положительный, - усмехнулась она.

- С кем поведешься... Тебе налить?

Она помотала головой.

- А я с того раза наоборот... И отцу и себе дала слово: пока тебя не вытащу, грамма в рот не возьму. Полдела уже сделано.

- Значит, полграмма можно употребить?

- Ты имеешь право издеваться надо мной, я этого заслужила, - виновато согласилась Альбина, - и я готова на любые наказания лишь бы вернуть твое доверие.

Она так преданно смотрела мне в глаза и лицо её было так искренне, что прежние сомнения и выводы вновь показались мне надуманными: зачем ей, учительнице русского языка и литературы, такого гуманного предметы, лезть в политические игры, связываться с контрабандистами? И папаша у неё вон какой авторитет, известная в стране личность; дом - полная чаша...

Мои раздумья прервал стук в дверь, и в проеме во всем великолепии возникла могучая фигура Ионы Георгиевича, одетого в адидасовский спортивный костюм, в мягкие красные чупаки, как у турецкого хана, улыбающегося, довольного, двинувшегося мне навстречу с распростертыми для объятия руками, словно к родному сыну, вернувшемуся после долгого отсутствия.

- Рад, очень рад тебя видеть. - Стиснул мои плечи, встряхнул и, отстранив, оглядел с ног до головы. - Одиссея твоя мне известна. О ней потом. Выглядишь - молодец. Люблю таких. Так держать! - Окинул номер взглядом. - Устроился? Отлично. Теперь пойдем смоём все грехи и начнем новые, - захохотал он. - Потом поговорим по-мужски.

Мы спустились на первый этаж, прошли по длинному коридору, приведшему нас в громадный стеклянный зал, с выложенным разноцветным кафелем бассейном, длиной метров семьдесят и шириной около тридцати, заполненный поистине морской водой - изумрудно-голубоватой, плескающейся о борта мелкими волнами, гонимыми мощными вентиляторами, установленными в нишах боковых стен бассейна. Искусственный ветерок источал нежные хвойно-иодистый настой и был настолько ласков и приятен, что создавалось впечатление будто мы очутились на берегу Черного моря под разлапистыми каштанами и пирамидальными вечнозелеными кипарисами. С обеих сторон бассейна возвышались вышки с тремя площадками от двух до восьми метров - прыгай с любой, насколько хватит смелости и мастерства.

- Ну что, тряхнем стариной? - спросил Иона Георгиевич и, сбросив свой спортивный костюм, полез на вышку. Забрался на самую верхнюю площадку, расправил плечи и, взмахнув руками, полетел вниз.

Петрунеску был настоящим спортсменом, и не случайно его избрали президентом спортивной ассоциации - вошел в воду, как альбатрос в охоте за рыбой. Я, недавний летчик, не раз прыгавший с парашютом, и то робел от такой высоты, а у него ни один мускул не дрогнул. Вынырнул почти на середине и, отдуваясь, поплыл к противоположному борту, широко взмахивая руками.

Альбина, горделиво взглянув на меня - знай, мол, наших, - тоже полезла на вышку. Мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

Потом мы минут пятнадцать плавали в освежающей, живительнободряющей воде, подтрунивая весело друг над другом, забыв о прошлом и не думая о предстоящем - эта сказочная идиллия будто смыла все мои прежние муки, обиды и подозрения, - и когда Иона Георгиевич скомандовал нам вылезать, мы последовали за ним, как послушные и любящие дети.

- А теперь в сауну, - сказал он многозначительно и многообещающе. Ты, Альбиночка, ступай в номер и готовься к банкету. Там тебе будет поинтереснее.

Сауна располагалась в другом ответвлении здания. В предбаннике за длинным столом сидело шестеро мужчин, голых, с распаренными, красными телами. Перед ними стояли графин с пивом, бутылки с водкой и коньяком, закуски.

- А мы уже по рюмочке пропустили, - весело объявил один из мужчин с лысой головой и с изящным бериевском пенсне на крючковатом носу. Он и в самом деле очень походил на бывшего страшного наркома КГБ. Жестом хозяина очкарик указал Ионе Георгиевичу место рядом с собой. Петрунеску кивнул мне на край стола, а сам протопал к повелителю: по всему было видно, что тот здесь царь и Бог.

- На здоровье, Михал Михалыч, - присаживаясь с ним рядом, сказал Иона Георгиевич. Налил себе рюмку коньяку, встал. - Прошу извинить меня за опоздание, дал вам возможность поближе познакомиться друг с другом, обговорить местные проблемы. А

теперь предлагаю выпить за наше общее дело. Чтобы оно доставляло нам не только заботы и тревоги, а и радости и удовольствия. - Он выпил неторопливо, маленькими глотками, словно дегустировал коньяк, и, облизнув толстые губы, довольный поставил рюмку. А теперь в сауну, массажистки к вашим услугам.

Мужчины возбужденно загалдели, Иона Георгиевич, не обращая на них внимания, направился в парилку. Я пошел за ним.

Меня обдало раскаленным, сухим воздухом, опалившим все мое тело и перехватившим дыхание. Я закашлялся, прикрыл рот рукой. А Иона Георгиевич, не останавливаясь, полез вверх, постанывая и побряхывая. Растянулся на верхней полке, похлопал себя по жирным ягодицам.

- Хорошо-то как! - воскликнул от удовольствия.

Я еле отдышался, пока тело освоилось с непривычной температурой. Окинул взглядом баню. Стены, потолок, пол - все из сосновых досок, ещё не потемневших от жары и времени, источавших сладковатый запах хвои. Слева от двери располагалась выложенная белым кафелем печка, дышащая жаром, с раскаленными внутри до красна булыжниками.

Забирайся на верхотуру, - подбодрил меня Иона Георгиевич. - Пар костей не ломит, а перед массажем их надо размягчить. Ты любишь массаж?

Я подумал, стоит ли ему признаваться, что только в кино о Штирлице видел как делают массаж, когда дверь отворилась и вместе с паром в сауну не вошла, а вплыла сказочная фея, будто вынырнувшая из морской пены, стройная, красивая, в чем мать родила, только с красным тюрбаном на голове. Окинула меня насмешливым взглядом и прошла мимо, излучая невидимую энергию, повергая в смятение.

- Не желаете, Иона Георгиевич, вначале венчиком омолодиться? - пропела фея сладким голосом.

- С удовольствием, Томочка. Ты, как всегда, вовремя. Березовым, дубовым?

- Каким пожелаете. Любые есть.

- Тогда дубовым. А ты чего растерялся, Игорек? Лезь на полку, а хочешь, позови девушку. Кого посоветуешь ему, Тома?

- Да он, Иона Георгиевич, наверное, не видел голый девушки: так испугался, что сдвинуться с места не может. Ему не девушку надо, а инструкторшу. - И они оба громко захохотали.

Откровенный цинизм девицы и бесстыдство Ионы Георгиевича, не постеснявшегося меня, приятеля его дочери, которую он своим поведением вольно или невольно выставлял не в лучшем свете, покоробили меня; и я, сославшись на непривычную жару, поспешил в предбанник. На выходе повстречал друзей Ионы Георгиевича в сопровождении молоденьких амазонок-массажисток. Веселенькая компания. Надо быстрее выбраться из этого общества.

Вернулся в бассейн, окунулся в прохладной водице и поднялся на второй этаж. Постучал к Альбине.

- Заходи, - ответила она, словно ждала меня. И когда я вошел, спросила насмешливо, без удивления: - Почему так быстро? Не понравились массажистки?

- Ты знала? - опешил я.

Она кокетливо пожала плечиками.

- Я рада, что ты пришел ко мне. - Обхватила за шею руками и крепко поцеловала. Потянула за собой в спальную комнату. - Раздевайся. - Сняла руки с шеи и распахнула халатик, под которым ничего не было...

В любовной утехе она оказалась такой ненасытной и изобретательной, что измотала меня до изнеможения. И сама обмякла, устало раскинулась на кровати. Попросила:

- Налей коньяку. И посмотри, сколько времени.

- Начало десятого.

- Ого! Мы уже опаздываем, - подхватила и поспешила в ванну. - Иди к себе и переодевайся. Жду.

Я неторопливо стал натягивать спортивные брюки одной рукой, а другой открыл

лежавшую на тумбочке кожаную сумку и почти сразу наткнулся на холодную сталь маленького пистолета. Правда, это ещё ни о чем не говорило: ныне многие состоятельные люди обзавелись оружием, чтобы защитить себя от бандитов, которых развелось, как паразитов на теле бомжа.

А вот небольшой блокнотик в красочном переплете может рассказать что-то более интересное... Телефоны, адреса с незнакомыми именами и фамилиями. Парфюмерные штучки, ключи, водительское удостоверение.

Ничего существенного. Я закрыл сумку и натянул футболку. А чтобы ещё я хотел увидеть? Вещественные доказательства, что она меня подставила? Или удостоверение шпионки, работающей на одну из капиталистических стран? Я грустно усмехнулся над собой: тоже мне Штирлиц... Но пистолетик уже засел в сознании, и недоверие к Альбине возросло ещё больше. Я пожалел, что поспешил уйти из парилки: там возможно удалось бы кое-что услышать от спортивных боссов, друзей Ионы Георгиевича. Хотя вряд ли: с такими массажистками у них разговор будет не о служебных делах. А вот на банкете...

10

Когда мы спустились в ресторан, освещенный громадной хрустальной люстрой и канделябрами вдоль стен, за длинным столом, уставленным винами и яствами, сидели знакомые мне мужчины и девицы, принаряженные, раскрашенные, словно позирующие перед кинокамерой. Во главе стола - Иона Георгиевич, один, - его пассию я увидел позже - она появилась со стороны буфета вместе с официантом, разносящим шашлыки, - и по тому, как он держался, как мужчины внимали ему, в том числе и Михаил Михайлович, мнение мое о центральной фигуре здешнего собрания изменилось: ею, несомненно, являлся Петрунеску.

- Вот теперь все, - сказал он, указывая нам место в конце стола, и поднял рюмку. - Я ещё раз приветствую вас на нашей богатой и прекрасной земле, где живут гордые и свободные люди, где растут персики и абрикосы, где текут виноградные реки, наполняя наши жбаны янтарным соком, из которого мы делаем замечательные напитки, омолаживающие нашу кровь, придающие нам силы, жизнерадостность, энергию. Да, наша солнечная Молдова славится своими дарами природы: фруктами, ягодами, овощами. И люди у нас - богатыри. Но где среди них непобедимые боксеры, знаменитые гимнасты, чемпионы штангисты и другие мастера спорта, чьи имена украшали бы газетные и журнальные полосы? И все это зависит от нас, дорогие коллеги. Да, мы живем в сложное время, правительству сейчас не до нас. Но с другой стороны, это даже лучше: пора нам самим научиться быть хозяевами, не надеяться на дядю - он нам и зарплату привезет, и формой обеспечит, и за офис заплатит. Теперь все это придется самим делать. Вы в своих выступлениях жаловались на отсутствие средств, спрашивали, как их добывать, чтобы содержать школы. Я отвечаю: зарабатывать. Показательными выступлениями, соревнованиями, чемпионатами за все надо брать деньги. У нас есть школа, которая вот уже год как перешла на самоокупаемость. И, представьте себе, преуспевает... Простите, что так затянул свой тост, вон девушки даже зевать стали. Закругляюсь. Предлагаю выпить за то, чтобы мы не зевали. Чтобы наши школы были настоящими кузницами непобедимых, не знающих страха спортсменов!

Я слушал Петрунеску, не пропуская ни одного слова, стараясь по интонации, по намекам понять, чем он занимается на самом деле, имеет хоть малейшее отношение к моим злоключениям, кто эти люди, собравшиеся здесь на "важный" сексуально-деловой консилиум. Шикарный, уединенный от людских глаз и шума дворец, роскошь номеров, массажистки-путаны, этот вот банкет, на котором только птичьего молока нет, - все это убеждало меня, что Иона Георгиевич не простой президент спортивной ассоциации, и собравшиеся здесь его сотоварищи не только начальники спортивных школ.

Но в тосте Петрунеску я не уловил никакого подтекста - спорт и только спорт. А когда с ответными здравицами выступили его коллеги, я и вовсе разочаровался: здесь собрались обыкновенные, заурядные администраторы, привыкшие к легкой около спортивной малине, живущие за счет чужого труда, чужой славы, любители покутить, поблудить.

Я не забывал и об Альбине, делал вид, что всецело поглощен ею, ухаживал за ней, но она, похоже, все-таки заметила мое напряженное состояние и не с меньшим вниманием наблюдала за мной...

С каждой выпитой рюмкой за столом становилось оживленнее, Деловые тосты сменились любовными, и мужчины бесцеремонно стали тискать своих массажисток, целовать. Компания постепенно выходила из-под контроля Ионы Георгиевича, распадалась на мелкие очажки, пары. На нас никто не обращал внимания, кроме Ионы Георгиевича, бросавшего временами на дочь чисто родительские заботливые взгляды, а на меня - одобрительно покровительственный. Я шептал Альбине первые пришедшие на ум комплименты, подшучивал беззлобно над фривольностью слишком темпераментных пар, особенно над молодившимися мужчинами с лысыми макушками и сединами в волосах, и прислушивался, прислушивался...

Кое-что мне все-таки удалось выведать: Михаил Михайлович - из Москвы, генерал КГБ, пятеро остальных - председатели спортивных комитетов Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии.

"Кузнецы" будущих спортивных кадров не беспокоились за свою спортивную "форму", пили и ели с завидным аппетитом, как дорвавшиеся до дармовщины чревоугодники. Когда, насытившись, потребовали у Ионы Георгиевича музыки и танцев, Альбина потянула меня за руку.

- Мне надоело все до чертиков. Не пора ли нам смыться?

Я и сам подумывал об этом. Конечно, ради информации следовало бы и остаться, но вряд ли эти настроившиеся на любовный лад пристарелые коты сменят пластинку.

- Идем.

Поднимаясь на второй этаж, я подумывал как бы теперь отделаться от Альбины: шел второй час ночи, и я чувствовал себя изрядно уставшим.

- Каков распорядок на завтра? - решил я прозондировать почву.

- О-о! - торжественно протянула Альбина. - Завтра у нас замечательный день: мы останемся здесь с тобой вдвоем. Так что набирайся сил. Сегодня я валюсь с ног.

У своего номера она остановилась, чмокнула меня в губы и открыла дверь. Я, огорченно вздохнув для приличия, - поплелся в свою "камеру", моля Бога, чтобы она не передумала.

В номере я принял холодный душ и включил электрокофеварку: надо было быстрее выгнать хмель из головы и кое-что предпринять, чтобы окончательно прояснить обстановку и разобраться, для чего меня сюда привезли; надо быть готовым к любым новым сюрпризам...

Крепкий душистый кофе действовал отрезвляюще. Я пил мелкими глотками и обдумывал ситуацию.

Итак, Альбине удалось вытащить меня из заточения. Правда, пока всего на два дня. Но и это уже проблеск на освобождение. Попробую взять за аксиому то, что, на мой взгляд, имеет основание: Альбина, по чьей вине я попал к боевикам, пользуясь влиятельным положением отца и его средствами, старается помочь мне. Герпинеску, повесив на меня три убийства и заставив работать на себя, решает убедиться, насколько я сломлен и чувствую неотвратимое возмездие, если попытаюсь вырваться из его пут. Отпуская из школы, он держит меня на коротком поводке: в том, что за мной следят, я не сомневался ни на секунду. Можно объяснить и то, почему Альбина привезла меня сюда, в этот малодоступный чужой ноге особняк. Но какое имею я отношение к представителям спортивных ассоциаций республик? Зачем было выставлять им меня на показ: водить в сауну, приглашать на банкет? Не знаю, о чем они говорили на своем консилиуме, но чем-то мне эта публика не нравилась: президенты или председатели спортивных ассоциаций больше походили на начальника школы Герпинеску, чем на обремененных заботами о спорте ответственных лиц.

Если это начальники террористических школ, то почему среди них нет Герпинеску? И стал бы приглашать меня в эту шайку Петрунеску?..

Что-то тут было не то и не так. Значит, надо уточнить и разобраться. Токарев или те, кто стоит за ним, надеются на Доница и на меня, потому, видно, и не торопят события.

Я допил кофе, разделся до трусов и, осторожно открыв дверь на балкон, вышел на свежий воздух. Ночь была такая тихая, безлунная, с усыпанными звездами небом, что я окончательно отрезвел. От клумб веяло ароматом и прохладой, родным Подмосковьем, родительской дачей, где я любил бывать в детстве. Вспомнилась последняя поездка туда на похороны матери, Дина, которая старалась облегчить мое горе и к которой я быстро охладел. Почему? Я и сам не мог объяснить себе. Видимо потому, что потерял к ней доверие. Да и можно ли верить женщинам? Вот теперь Альбина... Собралась замуж за Андрея... Не прошло и двух месяцев как забыла о нем. Что её связывает со мной? Угрызение совести, любовь, похоть или какие-то более серьезные цели?..

В номере Ионы Георгиевича вспыхнул свет - вернулся. И не один: раздалась мужские голоса. О чем говорят, не разобрать - его апартаменты далековато, за номером Альбины.

Балкон перегорожен железными решетками, перелезть непросто - нужны крепкие руки и ноги...

Перед фасадом здания горят фонари, освещая балконы и все подходы метров на сто. Внизу никого не видно, и стрекот цикад и кузнечиков подтверждает, что людей вблизи нет или они так притаились, что даже насекомые не чувствуют их.

А перелезть хотя бы на соседний балкон просто необходимо!

Возвращаюсь в номер, выключаю свет. Стены и балкон белые... Натягиваю светлую пижаму. Рядом - моя возлюбленная и разве не романтично забраться к ней через балкон? Так, по утверждению старых романов, поступали многие сердцееды.

Окно Альбины открыто нараспашку - в комнате душно, - в случае чего можно этим воспользоваться. Крепко спит ли она? И спит ли?.. Все равно другого выхода нет: не могу жить я в неведении и безропотно ждать решения своей судьбы.

Берусь за перила и перебрасываю ногу. Другой рукой дотягиваюсь до перил соседнего балкона. Бордюр такой гладкий, что ноге не на что опереться. Да, без хорошей физической подготовки запросто сорваться. Руки удерживают мое тело, и с их помощью я перебираюсь на территорию моей возлюбленной. Прижимаясь к стене, подползаю к окну и замираю в надежде услышать дыхание Альбины. И слышу как замолкают цикады и кузнечики.

В щелку наблюдаю за аллеей, ведущей от ворот к отелю, и вижу как неторопливой походкой приближается здоровенный детина в униформе и с автоматом на шее. Неужели заметил?..

Охранник останавливается невдалеке и внимательно осматривает фасад здания. Достает папиросу, прикуривает и ещё медленнее, словно нехотя, отходит, оборачиваясь несколько раз. Слышу как шуршит галька под его ногами, он что-то бормочет, сплевывает и удаляется под тень деревьев. Цикады и кузнечики возобновляют свои трели.

Подползаю к балкону Ионы Георгиевича. Слышу смех, короткие, но понятные фразы: "Прикуп", "пас", "вист", - спортивные боссы развлекаются картишками. Из четырех голосов узнаю только два - Ионы Георгиевича и Михаила Михайловича, - остальных не успел запомнить.

- ... Это тебе не с толстушкой забавляться, - говорит весело кому-то Михаил Михайлович. - Тут думать надо.

- Лучше бы я с ней остался, - отвечает на ломаном русском, похоже, литовец. - Не везет мне в карты. Да и давно не играл.

- Ты почаще нас собирай, Иона Георгиевич, - включается в разговор третий собеседник. - Твои девочки лучше всякого женьшена поднимают тонус.

"Пошло, поехало... - со злостью разочаровываюсь я. - Теперь эти похотливые прелюбодеи долго будут умиляться своими сексуальными подвигами и придется мне убираться с балкона ни с чем, по-прежнему находиться в неведении, с кем я имею дело и какова роль в моей трагической истории Альбины и её папаша". Но что-то сдерживает меня, и я лежу, прижавшись к прохладному цементу. "Старички" ещё с полчаса смакуют

воспоминания, но вот запал начинает спадать и Иона Георгиевич объявляет:

- На сегодня хватит. Завтра напряженный день, надо как следует отдохнуть. Кто желает по посылке на дорожку, прошу.

Булькает жидкость, звякают рюмки.

- Людей мы тебе подбросим, - говорит Иона Георгиевич, - хоть пять, хоть десять наших лучших профессионалов. И ты, Миша, не скупись, не жалея партийной казны на нужное дело.

- Но и вы поумерьте аппетит. Такую сумму я на всю компартию Эфиопии отправил.

- А ты посчитай, сколько нам обходится подготовка каждого человека. Плюс соответствующая экипировка, разъезды. Кстати, одного профессионала могу обменять на кандидата, знающего английский и арабский языки.

- Для американца? Ты с ним поосторожней, международный конфликт нам ни к чему... Да, а кто сидел с твоей дочкой на краю стола? Твой телохранитель?

- Ты плохо думаешь обо мне, Миша. Зачем мне телохранитель, когда я сижу с друзьями?... А тот... кстати, твой земляк, москвич. Журналист из "Красной звезды", вхож ко многим твоим начальникам. Теперь он наш, но могу уступить тебе.

- Чем он ещё занимается?

- Превосходный самбист, каратист. Одного моего сенсея, бросившегося на него с ножом, ребром ладони уложил насмерть. На его счету уже три убийства. Но настоящую проверку он ещё не прошел.

- Такой послушной список меня не устраивает: его наверняка уже ищут. Да ещё без настоящей проверки. И вообще, я с журналистами стараюсь дела не иметь - слишком большого они о себе мнения: четвертая власть! И кто внушил им такую чушь? На самом деле чужеголосый, продажный народец. Избавься от него поскорее...

"Вот сволочь! Интересно, с чьего голоса он поет? Думает, если покупает, то сам не продается... За те же деньги из партийной кассы... Если бы вырваться из когтей Петрунеску!. Наконец-то я убедился, по чьей милости попал в западню... "На его счету три убийства. Но настоящую проверку ещё не прошел". Какие же ещё испытания ждут меня? Или папаша моей возлюбленной послушается совета генерала и постарается побыстрее избавиться от меня?"

Надо что-то предпринимать. Выжидательная позиция может плохо кончиться... Думать, искать, действовать...

Иона Георгиевич закрыл за гостями дверь, и когда я собрался прошмыгнуть в комнату Альбины, он вышел на балкон, дымя сигаретой. Я слышал его тяжелое дыхание, чувствовал едкий запах табака и пота; прижавшись к перегородке, ждал, когда он уйдет. А он не торопился, видно, любовался предрассветным небом: на востоке уже занималась заря, звезды гасли, и кроны деревьев все отчетливее обозначались на блекло-оранжевом фоне неба.

На аллее снова показалась фигура охранника. Иона Георгиевич бросил с балкона окурочек и ушел в номер - слежка и ему не понравилась. Я поянул на себя балконную дверь, она оказалась незапертой, и проскользнул в комнату Альбины. Она крепко спала, сбросив на пол покрывало и разбросав в стороны руки, как невинная дева Мария. Ночная сорочка задралась, оголив соблазнительные бедра. И лицо у неё было безмятежное, одухотворенное, словно это не она завлекла меня своим коварством в страшную западню. С каким бы удовольствием я стиснул бы сейчас её красивую длинную шею...

Невольно опускаюсь рядом с ней на кровать. Она шевелит губами и улыбается, видно сладкий сон снится. А может, смеется надо мной, радуется своей легкой очередной победе - теперь я не сомневался, что и Андрей погиб не без её участия... Что ж улыбайся, я принимаю твой вызов в этой смертельной игре. Как говорят, ещё не вечер, и посмотрим, на чьей улице будет праздник.

Раздеваюсь догола и ложусь рядом с ней, тесня её к стене, чтобы она проснулась: если меня видел охранник, пусть знает, куда и зачем я крался. Альбина мычит, слабо сопротивляется. Но вот открывает удивленные глаза, лапает меня.

- Ты?.. Ты как сюда попал?

Я киваю на балконную дверь.

- Я думал, ты специально открыла. И не мог уснуть, когда ты через стенку.

Она провела горячей ладонью по моему телу от груди к животу и, резко поднявшись, одним рывком сбросила с себя сорочку.

11

В школе меня ожидало в общем-то не удивившее известие: не вернулся из увольнения Петря Супруне, он вместе с женой Мирчи отравился газом. Будто бы Жанна забыла закрыть конфорку. Среди курсантов об этом только и судачили. Но я-то знал как обстояло дело... Усомнилось в такой версии и начальство, трижды вызывали Мирчу на допросы прибывшие из Кишинева представители правоохранительных органов - то ли из уголовного розыска, то ли из службы безопасности.

Мне удалось увидаться с Доницем на спортивной площадке и перебраться несколькими фразами. Коротко я сообщил о "консилиуме" представителей спортивных ассоциаций шести республик и о том, что меня ожидает новая проверка.

- Скоро им конец, - заверил Дониц. - Думаю, до новой проверки дело не дойдет. А вот что подслушал разговор - молодец. Очень ценная информация. Присмотри какую-нибудь вещицу из гардероба Петрунеску: подтяжки, часы, запонки, куда можно подсунуть микрофончик...

- А не лучше ли авторучку? Я видел у него паркеровскую, из зеленого перламутра.

- Можно, конечно, и авторучку, - согласился Дониц. - Или электробритву. В общем, я посоветуюсь...

Вечером я пошел в бильярдную, где, как и ожидал, нашел Мирчу. Он играл с одним недавно прибывшим новичком, молдаванином, таким же рослым и не выражающим особого интеллекта лицом, тоже дезертиром из нашей армии. Видимо он впервые держал кий в руках, но и Мирча играл в этот раз не лучшим образом, несмотря на то, что подолгу целился в шар, морщил лоб и кусал губы; бил со злостью, и шары с треском разлетались по столу, минуя лузы. Понятно - Мирча нервничал, и мысли его были заняты совсем другим.

Я встал в сторонке, наблюдая за игрой и продолжая в деталях разрабатывать план своих действий, упреждающих очередной ход моих "спасителей" Петрунеску и его дочери. То, что школа находится в ведении президента спортивной ассоциации, я теперь не сомневался. А вот знают ли власти и соответствующие органы, чем занимается эта школа - большой вопрос. Поэтому надо быть особенно осторожным и предусмотрительным, не нарваться снова на сообщников и покровителей Петрунеску.

Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, чем занимаются террористы и куда идут награбленные ими средства. Не только на содержание школы, и не только Петрунеске. Давно подмечено: чем человек богаче, тем жаднее. Вот на этом и надо сыграть. Уже с полгода журналисты муссируют в печати слухи о партийных деньгах, переправляемых некоторыми функционерами на свои счета за границу. Забросили на них удочку Михаил Михайлович и Иона Георгиевич. Попробую-ка я подогреть аппетит моего "благодетеля"...

Мирча, убедился я, не только туповат, но и трусоват, после совершенного преступления не находит себе места (то, что он прикончил жену и Петрю, не вызывало у меня сомнения), - вот и надо воспользоваться этим.

Когда партия закончилась - Мирча все-таки победил, - я предложил ему сыграть со мной. Он согласился.

Наша игра мало кому доставляла удовольствия: мы часто мазали, попусту гоняли шары по зеленому сукну, и болельщики вскоре оставили нас одних.

- Что-то сегодня не ладится у нас игра, - сказал я. - Видно, жара влияет.

- Да уж, - согласился Мирча, смахивая пот со лба.

- Слышал я, будто уголовный розыск приезжал в школу?

- Приезжал, - вздохнул Мирча.

- И что ты им сказал?

- Что... - Мирча зыркнул на меня затравленно и тут же опустил взгляд. - Пусть ищут.

- Правильно, - одобрил я. - Что ты дежурил и никуда не отлучался, подтвердили дневальные...

Он снова метнул на меня недоверчивый и вопрошающий взгляд. И я пошел в открытую:

- Не бойся, и я тебя не выдам. - Сделал длинную паузу. - Конечно, покоя они тебе не дадут... До чертиков тут надоело. Были бы деньги... Румыния рядом, а оттуда - хоть в Италию, хоть в Америку. - Снова помолчал, видя, как насторожился мой напарник. - Есть у меня одна идея, надежный помощник нужен. Не сдрейфишь?

- Смотря что,.. - заколебался Мирча.

- Одного состоятельного дядечку тряхнуть. Казна у него очень уж заманчивая: и доллары, и марки, и форинты.

- Так охрана, наверное...

- Само собой. Но это уже другая сторона медали. У меня против него имеется более действенное оружие, и он сам на блюдечке с голубой каемочкой преподнесет кругленькую сумму. Твое дело узнать его апартаменты и часы приема по личным вопросам. Остальное обсудим потом.

- И кто он?

- Крупная шишка. Один из заместителей секретаря ЦК компартии Молдовы. Партийный казначей.

Мирча от неожиданности даже кий положил.

- Ну вы даете!.. И думаете?..

- Уверен. Но если ты трусишь...

Мирча потоптался у стола.

- Я не трушу, но очень уж...

- А ты как думал? Знаешь русскую поговорку: "Полюбить - так королеву, а украсть - так миллион". Решай. Дело намного проще, чем с твоей супружницей.

Мирча набычился, глянул на меня исподлобья, зло и с недоверием. Дальше я предпочел не распространяться, точным ударом загнал шар в лузу.

- Вот так!

Мирча постоял молча с минуту и взял кий. Но удар и на этот раз не получился. Он бросил кий.

- А-а, была не была...

12

Через три дня Дониц привез мне паркеровскую авторучку, точно такую, какую я видел у Петрунеску, два микрофона и импортную электрообитву полный комплект подслушивающего устройства. Пошутил:

- Бритва тебе. Теперь будешь знать все, о чем говорит твой тестюшка.

А ещё через два дня за мной приехала Альбина на ослепительно-рубиновых "Жигулях", стремительных и коварных, как и их хозяйка. От одного их вида во мне закипело негодование, и я готов был послать свою возлюбленную ко всем чертям. Но надо было продолжить игру, теперь я владел ситуацией, и теперь предстоял мой ход.

Мирча пока ничего существенного мне не сообщил. Дважды он побывал в городе, но выяснить, кто ведаёт партийной казной, где его офис и квартира, не смог. А что предложит мне моя фея? Новую "настоящую проверку" или просто приехала удовлетворить свою неумную похоть?

Пока Альбина вылезала из машины, я обошел вокруг, внимательным взглядом отыскивая следы недавней аварии, но "девятка" блестела, как новенькая, и номера были другие.

- Хочешь прокатиться? - насмешливо спросила Альбина, догадавшись, чем я заинтересовался.

- Спасибо. Только красный цвет с некоторых пор действует на меня, как на быка: так и

хочется пнуть твою тачку.

- Вот даже как, - огорчилась Альбина. - А я рассчитывала... - Она не договорила, на что рассчитывала, перевела разговор на другое: - Ты очень занят?

- Точнее спросить, свободен ли я. Увы!

- Тебя хочет видеть папа. С твоим начальством он уже договорился. Так что собирайся.

- Далеко и надолго?

- Пока к нам. Познакомишься с интересным и полезным человеком. А надолго ли... возможно, насовсем, все будет зависеть от тебя.

Герпинуеску был на службе и подтвердил разрешение на отъезд. Я собрал в дипломат свои дорожные вещички и через пятнадцать минут ярко-рубиновые "Жигули" мчали нас по асфальту в направлении Кишинева. Несмотря на обнадеживающие слова и на то, что я уже за воротами школы, на чистое предвечернее небо и зеленые сады и виноградники, проносающиеся мимо, свобода почему-то меня не радовала, сердце сжимала тревога: какое ещё испытание приготовили мои тираны и чего они добиваются от меня? Не допустил ли я просчета, рискнув использовать в своих целях Мирчу? А если школа давно субсидируется партийной кассой? Мой провал обеспечен. И Доница. Нас ждет, в лучшем случае, молдавское правосудие. Но Доницу я пока никаких сигналов не подавал... Дошла ли моя информация и мой замысел до Петрунеску и клюнет ли он на мою приманку? А если прежде устроит проверку? Заставит кого-то убить или что-то взорвать, снова участвовать в какой-то террористической операции?..

Не проще ли мне придавить здесь в машине мою возлюбленную и дать тягу?.. А далеко ли я убегу?.. Хотя позади хвоста не видно, слежка, уверен, ведется... Надо ждать...

На гостевой площадке напротив подъезда, где жила Альбина, стоял черный "Кодиллак", сверкая эмалью и выделяясь среди других машин своими размерами и совершенной формой. Альбина припарковала "Жигули" рядом, и я рассмотрел на заднем сиденьи человека в легкой спортивной куртке, почти неразличимого на фоне затененного шторкой окна. Телохранитель. Ныне ни один мало-мальски преуспевающий бизнесмен не обходится без прикрытия. Невдалеке под каштаном обнималась парочка, делая вид, что, кроме любви, её никто и ничто не интересует. Но не надо быть профессионалом, чтобы догадаться об истинном занятии "влюбленных", слежкой и охраной зарабатывающих себе на хлеб.

Вахтер в вестибюле, мужчина лет сорока с выправкой гренадера, облапил меня цепким взглядом с ног до головы и проводил до самого лифта не очень ласковым взглядом.

- Чем-то не понравился я вашему костолому, - пошутил я, когда дверь лифта закрылась.

- Он недавно у нас, впервые тебя видит.

- А мне показалось, что это из-за тебя он готов был раздавить меня.

- Это комплимент или осуждение?

- Не в моем положении судить тебя.

Иона Георгиевич и "полезный человек" - мужчина лет пятидесяти, представительный, с мягким, располагающим взглядом глубоко посаженных серых глаз, сидели в холле и пили кофе. При нашем появлении оба поднялись нам навстречу, незнакомец поцеловал Альбине руку, Иона Георгиевич, поздоровавшись со мной, представил нас друг другу:

- Джон Лепски, американский бизнесмен, друг нашей семьи и всей Молдовы. Военный журналист, капитан Игорь Семиречин, корреспондент газеты Министерства Обороны "Красная звезда".

Вот так: вот он, тот самый Игорь Семиречин, на счету которого три убийства, о котором трубили чуть ли не все молдавские газеты, смотрите и запоминайте...

Но американец то ли не читал тех газет, то ли сделал вид, что ничего не знает обо мне, дружелюбно протянул руку.

- Рад познакомиться, - сказал на довольно чистом русском. - В командировке?

- Да, - не совсем уверенно получилось у меня, и я быстро поправился: Журналиста, как и волка, ноги кормят.

- О, да, - заулыбался американец. - Я знаком с журналистской работой, в юные годы сотрудничал с "Нью-Джерси". Сейчас её главный редактор мой друг, и мы частенько проводим с ним вместе уик-энд. "Красную звезду", к сожалению, мне не доводилось читать, но я с удовольствием познакомился бы с вашим творчеством.

Вероятнее всего, он и в самом деле ничего не знает о моих злоключениях, и будь он честным человеком, не другом семьи Петрунеску и всей Молдовы, я бы очень удивил его рассказом о себе. Но ещё с детских лет, когда я прочитал роман Грэм Грина "Тихий американец", у меня возникло недоверие к этим людям. Да и исторические примеры высвечивают Америку не в лучшем свете: всюду она сует свой нос и греет руки на чужих пожарах, подливая в огонь масла - гражданская война в России, в Китае, в Корее, во Вьетнаме; военные блоки и базы вокруг Советского Союза, разведывательный полет Пауэрса и другие провокации. Правда, с приходом к власти Горбачева отношения между нашими странами вроде бы налаживаются, США даже оказывает нам помощь в проведении экономических реформ, но я помню и план Джона Кеннеди, разработанный сразу после Карибского кризиса: выставлять Советский Союз самой агрессивной державой, разжигать в республиках национальную вражду, изматывать экономически, подбрасывая разведчикам ложную военную информацию о создании нового дорогостоящего оружия. К сожалению, план этот успешно осуществляется, о чем говорят события в Прибалтике, в Армении и здесь, в Молдавии. Нет, какими бы теплыми, ласковыми глазами не смотрел на меня Джон Лепски, я ему не верил. Но.. не стану же я делать кислую мину при столь загадочной и опасной игре...

- Как только выйдет мой роман, обязательно презентую его вам, - с улыбкой пообещал я.

- Вы и романы читаете? - приятно удивился Лепски.

- Детективные. Раньше Америка и Италия славились преступными элементами, а теперь и у нас их пруд пруди.

Иона Георгиевич глянул на меня холодно и предостерегающе: с огнем, мол, шутишь, - и пригласил в столовую.

- На сытый желудок и разговор приятнее.

Стол был накрыт по-царски: дорогие коньяки и вина, разнообразная закуска от черной и красной икры до фруктов. Хозяин любил вкусно поесть и крепко выпить, хотя пьяным, даже захмелевшим, я ни разу его не видел.

Обслуживала нас немолодая миловидная молдаванка, гибкая, подвижная, легкая, будто невесомая, бесшумно двигаясь по комнате, раскладывая ножи и вилки, наливая в фужеры янтарные напитки. Не успели мы сесть за стол, как она исчезла.

Альбина кивком указала мне место рядом с собой напротив отца и "друга семьи", жена хозяина почему-то отсутствовала, и на мой вопрос Альбина ответила неохотно:

- Плохо себя чувствует. То ли мигрень, то ли ещё что.

Иона Георгиевич тоже был не в настроении, и застолье поначалу проходило скучно, как на официальном приеме, но постепенно Джон Лепски завладел инициативой и стал расспрашивать меня о Москве, о родственниках, потом переключился на работу в редакции и незаметно перевел разговор на политическую тему: как народ относится к перестройке, к новому правительству. Я старался отвечать как можно короче и неопределеннее, особенно, когда вопросы касались армии; и не потому, что боялся выдать какие-то секреты - их давно выдали министр иностранных дел Шеварнадзе и сам президент, - просто не хотелось говорить о том, о чем и без того болела душа.

Альбина и Иона Георгиевич внимательно слушали наш диалог, не мешая нам, - видно, тоже хотели более определенно знать мое "политическое кредо", на что они могут рассчитывать и какую роль определить мне в их дальнейшей игре. Я решил подыграть им и стал говорить о Горбачеве без особого восторга, с сожалением отозвался о происходящих в армии процессах.

Моя точка зрения импонировала американцу, и он в заключение вечера презентовал

мне шариковую авторучку с позолоченным колпачком, пожелав быстрее написать интересный роман.

- Буду признателен, если окажусь в числе первых читателей и обещаю содействовать в переиздании его в Соединенных Штатах, - Лепски достал из кармана визитную карточку и протянул мне. - Можете обращаться ко мне по любому вопросу, с радостью приму участие в решении ваших проблем. А ещё приглашаю с Альбиной Ионовной в Техас ко мне в гости. В любое время. Только заранее сообщите, когда соберетесь, я обеспечу вас билетами и всем остальным. Заверяю - останетесь довольными.

Альбина чуть не захлопала в ладоши. Поцеловала Джона в щеку и сказала, что с радостью принимает предложение. Повернулась ко мне.

- Ты согласен?

Предложение было заманчиво и многообещающе. "Можете обращаться ко мне по любому вопросу, с радостью приму участие в решении ваших проблем". В тех, чтобы выволить меня из плена?.. Или дать согласие уехать в Техас? Хитрый ход..

- Если будешь слушаться меня во всем и не станешь настаивать остаться в Америке насовсем, - пошутил я.

- А если нам там очень понравится? - лукаво сощурила глазки Альбина. Разве плохо пожить в богатой, цивилизованной стране?

Она сказала так искренне, что я не усомнился о её подлинном намерении. Для неё Америка и в самом деле представляется земным раем. Вот что значит пропаганда. Удивительно, как наивны обыватели, особенно женщины. И в Москве я не раз слышал восторженные ахи да охи о "цивилизованном мире", где жизнь, как в сказке. А мой отец, летчик гражданской авиации, облетевший полмира, рассказывал совсем другое, в том числе и об Америке, где есть целые кварталы безработных и нищих, питающихся подаванием и объедками.

- Поживем, увидим, - неопределенно пообещал я.

По традиции мы выпили на посошок, и Джон Лепски поднялся. Иона Георгиевич и Альбина пошли провожать его, попросив меня подождать. Видимо у них были вопросы к американцу, о которых пленному журналисту знать не полагалось. Мне и самому очень хотелось остаться: я давно приметил в прихожей пиджак Ионы Георгиевича с торчащей из кармана авторучкой, и едва за ними захлопнулась дверь, я осуществил подмену. Даже успел сличить абсолютная идентичность.

Скрипнула дверь, и в холле появилась мачеха Альбины, возбужденная, с нервно поблескивающими глазами, порывистая и испуганная, в наспех наброшенном шелковом халате. Приблизилась ко мне и горячо зашептала:

- Не верь им. Это убийцы! Они готовят тебе западню. Джон Лепски сказал, что у вас скоро будет новое правительство. В Москву готовится группа террористов. - И так же стремительно исчезла в своей комнате, как и появилась.

Для меня её сообщение не было новостью. А вот что заставило её обратиться ко мне?..

Иона Георгиевич и Альбина вернулись минут через десять, прощание оказалось не столь коротким, и я за это время успел кое о чем подумать...

Лица президента ассоциации и его дочери светились довольством, словно они совершили одну из выгодных сделок (возможно и так), Иона Георгиевич наполнил рюмки коньяком.

- За хороших и нужных людей, - сказал с улыбкой, поглядывая на меня. Выпил, сосал лимонную дольку. - И каково мнение о новом знакомом инженера человеческих душ?

- Чтобы человека узнать, надо с ним пуд соли съесть, говорят у нас, русских. А я только рюмку коньяка с ним выпил, - ответил я шуткой.

- И все-таки. Первое впечатление?

- Тогда по американской поговорке: "Если ты умный, почему не богатый". Джон Лепски, по-моему, не из бедных, - ушел я от прямого ответа.

- Философ, - усмехнулся Иона Георгиевич. - Ты прав, Джон Лепски очень не глупый

человек и играет в правительстве не последнюю скрипку. Кстати, давно хотел спросить у тебя, ты коммунист?

Ответ мой прервал телефонный звонок. Иона Георгиевич снял трубку, и после первых же нескольких фраз лицо его налилось кровью, голос зазвучал зло и категорично.

За два с лишним месяца пребывания в Молдавии я не научился говорить по-молдавски, но кое-какие слова запомнил и смысл телефонного разговора, который велся на молдавском, понял: речь шла о партии оружия, переправленного через румынскую границу и захваченного гагаузами. Иона Георгиевич был в гневе и приказал выяснить, в каком селе осело оружие и спалить его ко всем чертям, чтоб другим не было повадно...

Положив трубку, Иона Георгиевич бросил на меня короткий, но пронзительный взгляд - не понял ли я, о чем шла речь. И я сделал вид, что полностью занят его дочерью, чтобы успокоить его, шепнув Альбине:

- Не пора ли нам смыться?

- Так на чем мы остановились? - перестраиваясь на прежний доверительно-веселый лад, спросил Иона Георгиевич.

- Коммунист ли я. Да, коммунист, - ответил я.

- Разумеется, - улыбнулся Иона Георгиевич. - В прессу беспартийных не берут. К слову, я тоже был коммунистом. С полгода как вышел из партии. И знаешь, почему? Потому что наш партийный босс, Михась Кочур, ведающий партийной казной, умыкнул наши денежки, которые мы платили как взносы, на свой счет в швейцарский банк, ни много, ни мало - триста миллионов.

- Почему не пятьсот? - усомнился я в достоверности сказанного.

- Не веришь? - сменил улыбку на грусть Иона Георгиевич.

- Не верю. Насколько мне известно, швейцарские банки хранят тайну вкладов за семью печатями.

- А не известно тебе, что для разведчиков не существуют никакие печати и запоры? Я тебе даю возможность убедиться завтра в правдивости моих слов. Завтра ты снова становишься корреспондентом "Красной звезды", только не Семиречиным, а Свиридовым Иваном Михайловичем. Есть у вас такой специальный корреспондент?

- Есть. Но...

- Никаких "но". Удостоверение твое уже подготовлено. Вместе с нашим корреспондентом отправитесь к Михасю Кочуру и возьмете у него интервью для газет "Цара" и "Красная звезда" о политической обстановке в нашей республике и о положении компартии, её перспективах, а потом зададите вопрос, сколько и для чего переведены деньги в швейцарский банк вот по этому счету, - Иона Георгиевич протянул мне бумажку с отпечатанными на ней цифрами. - В общем, сам подумай, какие вопросы задать казначею, не мне тебя учить. В одиннадцать ноль-ноль Кочур примет вас.

- А если он узнает меня?

- Тоже мне знаменитая личность. Он о тебе не только не читал, а и не слышал. - Глянул на часы. - Переночуешь у нас. Альбина, постели ему на диване в холле. И дай ему отдохнуть, собраться с мыслями. Бумага, ручка на журнальном столику. - И ушел в спальню жены.

Альбина убрала со стола, постелила мне на диване и, поцеловав на прощание, сказала многообещающе:

- До завтра, милый. Все будет хорошо.

Успокоила!

Вот оно новое испытание! А я-то губы раскатал, заманю в капкан своих истязателей, отомщу... Рассчитывал на одно, а получилось другое. Мирча, по моей логике, должен был доложить Герпинеску о моем плане. Тот воспользуется им. А с партийными руководителями шутки плохи, они прихлопнут эту проклятую школу террористов... Наживка моя сработала - Мирча все доложил как я и предполагал. Но слишком крупной и хитрой оказалась рыба, чтобы клонуть на мою наживку, и я сам оказался на крючке...

Трудно поверить, что Иону Георгиевича заинтересовала партийная касса не собирается

же он выставлять свою кандидатуру на выборах в правительство. Тогда зачем это разоблачение или шантаж? Допустим, Кочур не узнает меня, примет за специального корреспондента газеты Министерства Обороны, ответит, что деньги действительно переведены по такому-то счету в швейцарский банк в помощь компартии какой-то страны, как делалось это во все времена советской власти. Чем я могу доказать, что он присвоил их? Ничем. И он вправе будет выставить нас за дверь, а ещё хуже - позвонить в "Красную звезду" и отправить меня из своего кабинета в более крепкие и тесные стены с зарешеченными маленькими оконцами. Возможен и другой более простой вариант: Кочур даст исчерпывающие ответы на все наши вопросы. Интервью опубликуют в газете. Что последует за этим? Кочуру от него будет ни жарко, ни холодно. А мне? В какой-то степени интервью сделает меня ещё более зависимым от Петрунеску. Но не настолько, чтобы я не рискнул вернуться в Москву, боясь расплаты за предательство. Значит, за всем этим кроется что-то более хитрое, коварное, после чего я окончательно потеряю свободу.

Но любые планы, как бы хитро они не были продуманы, в процессе реализации требуют корректировки, уточнения, изменения. А поскольку мне известно, что где-то припрятана ловушка, постараюсь не попасть в нее. "На всякого мудреца довольно простоты", - говорят у нас, на Руси. Поиграю и я роль простачка, в коей успел утвердиться по воле моих новоявленных начальников.

Сон не шел. Я включил настольную лампу и, взяв чистый лист бумаги, стал набрасывать вопросы партийному казначею. Единственно, о чем пожалел, что не увижусь с Доничем. Надо бы предупредить Кочура и полностью перехватить инициативу в свои руки.

Утром Иона Георгиевич просмотрел мои вопросы и остался доволен.

- Вот ещё самое главное, что я вчера не сказал тебе. Когда возьмешь интервью, предложишь Кочуру такой вариант: перевести семьсот тысяч вот на этот счет, - Иона Георгиевич протянул мне бумажку с другими цифрами, тогда, мол, публикации не будет.

Не ошибся я, что интервью - лишь начальный этап продуманной и хитрой комбинации, и Петрунеску не просто президент спортивной ассоциации, а и президент ассоциации хитрецов, которым позавидовали бы самые искусные интриганы и шантажисты всех времен.

- А если он не согласится?

- Согласится, - заверил Иона Георгиевич.

... В 10 часов за мной заехал на "Волге" высокий, спортивного вида мужчина лет сорока с фотоаппаратом и диктофоном. Иона Георгиевич представил его:

- Анвар Друце, специальный корреспондент "Цары". Он поможет тебе, если возникнут какие-то затруднения.

За рулем сидел тоже немолодой мужчина с шеей боксера и волосатыми ручищами гориллы. Вел машину он как профессиональный гонщик, обгоняя попутные, мастерски лавируя между ними и не обращая внимания на шарахающихся в стороны частников и на сигналы некоторых слабонервных.

Я молчал: если он испытывает мои нервы, пусть знает - не из робкого десятка. А возможно хочет, чтобы нес задержала автоинспекция и сорвала интервью?

Нет, никто нас не остановил, не задержал, и мы подкатили к светлому многоэтажному зданию с массивными колоннами, у главного подъезда которого стояло немало припаркованных иномарок, наших "Волг" и "Жигулей". Супер-водитель, обладатель волосатых рук, лихо въехал между двумя "Мерседесами", резко затормозил и встал точно по линии машин; видно, не раз бывал здесь.

В нашем распоряжении имелось ещё пятнадцать минут, в кабине становилось нестерпимо жарко, но мой напарник из "Цары" не торопился выходить.

- Еще раз прокрутим наше интервью, - сказал он, доставая сигареты и закуривая. - Что б все в темпе, быстро и ясно.

- У нас время ограничено?

- Разве у партаппаратчиков бывает по другому? Да и нам задерживаться ни к чему, не в нашу пользу.

Опасения мои не напрасны, коль и молдавский лжежурналист (физиономия у него явно гангстерская) торопится повернуть дельце: после того, как мы потребуем перевести партийные деньги на другой счет, Кочур вряд ли станет церемониться с нами. Возможно только пуля или просто угроза пистолетом может удержать его от вызова охраны...

Мы выждали до назначенного времени, оставив в запасе лишь три минуты, и зашагали к центральному подъезду.

В приемной у партийного босса, к нашему счастью, кроме секретарши, никого не было. Она тут же доложила о нашем прибытии, и Михась Кочур пригласил нас за массивный стол с тяжелыми полированными креслами.

Мы представились и сразу же приступили к делу.

- Уважаемый товарищ Кочур, - начал я. - В последнее время политическая и экономическая обстановка в стране, я имею в виду Советский Союз, резко обострилась, особенно в западных республиках, в том числе и в Молдове. Вновь созданные партии, такие как Национальный фронт, требуют самоопределения. Военным людям и читателям "Красной звезды" небезынтересно знать точку зрения руководства Компартией Молдовы.

Кочур откинулся на спинку кресла. Его симпатичное, тонущее у глаз морщинами лицо омрачилось. Он глубоко вздохнул. Ему было за пятьдесят. Крупный, представительный мужчина с умными, пронзительными глазами, неторопливый, уверенный в себе, вызывающий уважение. У меня снова мелькнула мысль, что Петрунеску безосновательно заставил нас шантажировать его.

- Вы правы, положение очень серьезное, - спокойно заговорил партийный казначей. - Падение производства товаров массового спроса ведет к снижению жизненного уровня народа. А это, соответственно, вызывает недовольство, заставляет правительство искать новые пути, чтобы поправить положение. И самоопределение - один из них.

- Как, в таком случае, вы относитесь к стремлению гагаузов и жителей Приднестровья тоже стать самостоятельными? Вы считаете это улучшит их положение?

- Не думаю. Но люди хотят жить свободнее. Многолетняя эксплуатация одних наций другими вызывает недоверие.

- Разве при советской власти какие-то нации пользовались преимуществом? К примеру, мы, русские, разве жили лучше молдаван? И разве молдаване не сами управляли своей республикой?

- Непростой вопрос, и объяснить ныне народу, кто куда тянет, невозможно - авторитет компартии упал. Нам не верят.

- В чем вы видите причину утраты авторитета компартии?

Кочур нервно побарабанил пальцами по столу, усмехнулся.

- Авторитет, как и платье, требует безукоризненной чистоты и прочности.

- Особенно у наших вождей, - вставил я.

- Совершенно верно, - согласно кивнул Кочур.

- Для вас, товарищ Кочур, не ново, что в средствах массовой информации усиленно муссируются слухи, что партийная казна уплывает за границу, что некоторые партийные деятели прикарманивают денежки и готовятся отправиться за ними. Вы ведаете партийной казной. Как обстоят дела у вас?

Я смотрел в лицо партийного босса и видел как оно мрачнеет, становится суровым и жестким, словно прежнюю теплоту сдувает кондиционером, бесшумно нагнетающим прохладный воздух. Глаза чуть прищурились, прожигали меня негодованием и злостью. Прежнее мое мнение относительно его честности стало таять.

- Это тоже интересует читателей "Красной звезды" или только специального корреспондента, надеящегося завоевать популярность жареными фактами? - Кочур не скрывал сарказма.

- Популярность ныне нужна тем, кто борется за власть. Задача журналистов - правильно освещать события и факты, чтобы народ верно ориентировался и не ошибся в выборе своих лидеров. Вы затрудняетесь ответить на мой вопрос или не желаете?

- Вы коммунист?

- Да. И выходить из партии не собираюсь.

Тогда должны понимать, что есть такие вопросы, которые не подлежат обсуждению.

- И все-таки. Вы отправили в швейцарский банк триста миллионов вот по этому счету?

- Я положил перед ним листок с номером.

Кочур взял бумажку и долго вертел в руках. Молчал, стараясь скрыть удивление, но пауза говорила о том, что он ошарашен. Наконец, справился с замешательством и раздраженно спросил:

- Почему вы решили, что это мой счет и я использую деньги на собственные нужды?

- Я ничего не решил. Меня интересуют только факты.

- Вы намерены их опубликовать?

- Если вы не опровергните их, - я сделал паузу, давая ему время на раздумье. Он молчал. - Или примите наши условия, - заключил я.

Снова наши взгляды скрестились, взгляды ярых противников, решивших биться до последнего; выжидающих, кто первый сделает ошибку, чтобы нанести смертельный удар.

- Я слушаю ваши условия, - не выдержал первым Кочур.

Я положил перед ним другую бумажку с другими цифрами.

- Перевести в тот же банк на этот счет семьсот тысяч.

Кочур повертел бумажку в руках.

- Это счет "Красной звезды"?

- Нет. И не мой, разумеется.

- Я так и думал. - Кочур встал и в задумчивости прошелся у стола. Остановился напротив меня. - Вот что, молодой человек. Передайте тому, кто вас послал, что ни копейки он не получит, даже если вы опубликуете свою стряпню в "Правде" или в "Ньюйорк-Таймс". - Он решительно прихлопнул сильной рукой по столу, ставя точку в нашем интервью и давая понять, что аудиенция закончена.

Анвар выключил диктофон, и я, поблагодарив партийного босса, поднялся. Еще раз окинул взглядом его крепкую фигуру, волевое лицо и снова проникся к нему симпатией и уважением...

Вышло по моему. Хотя так оно зачастую и бывает: любые гениальные планы осуществляются далеко не так, как бы хотелось. Потерпела фиаско хитрейшего президента спортивной ассоциации господина Петрунеску. Какой очередной ход сделает он?..

- Хреново, - сказал Анвар, садясь в машину. - Шеф будет недоволен.

Еще бы! Хотя Компартия Молдовы по существу прекратила свою деятельность, сил у неё осталось предостаточно, чтобы нажать на правительство и справиться с шантажистами. Надо ждать ответных действий. По поведению Кочура я понял, что он догадывается, откуда подул ветер, а как бы там ни было, нынешний президент - вчерашний секретарь Компартии, и деньги в партийной казне - это и его деньги...

Мы отъехали недалеко от здания бывшего ЦК Компартии Молдовы, и Анвар приказал шоферу остановиться у будки телефон-автомата. Вышел, позвонил кому-то, вероятнее всего Петрунеску. Вернулся с непроницаемой физиономией.

- В школу, - махнул он рукой вперед.

- И что мы будем там делать? - не сдержал любопытства я.

- В первую очередь, пообедаем, - вдруг повеселел он. - Потом ты будешь писать свое интервью, а я готовиться к его продолжению. - Непонятно чему он рассмеялся.

Уже в школе, когда мы вылезли из машины и подошли к столовой, он продолжил чуть ли не приказным тоном:

- Ты долго и много не расписывай. Изложи саму суть. Надо продумать, где, когда и как проучить этого коммуняка.

- Именно? - не поверилось мне, что Петрунеску пошел ва-банк.

- Приказано отправить господина Кочура в царство теней, - блеснул познаниями античной литературы мой напарник.

- В киллеры я не нанимался, - вспыхнул я. - Тебе приказали, ты и выполняй.

Анвар пожал плечами.

- У тебя нет другого выхода. У меня - есть: я возьму другого напарника. А тебя куда? Подумай. Тем более, полдела мы уже сделали и обратной дороги нет...

Это он так считал. А я думал по другому. Есть ещё время, есть Дониц, который сможет кое-что сделать...

После обеда я сел в своей комнате за интервью. Писал, не торопясь, пообещав к вечеру предоставить "сочинение" Анвару. Черкнул короткую записку Доницу на случай если не удастся с ним поговорить.

Вечером Анвар повез интервью в редакцию газеты, меня неотлучно опекал Мирча, но обвести этого увальня с недюжинной силой и птичьим умом не представляло большого труда. Я пригласил его после ужина в бильярдную, куда пошел и Дониц, и, воспользовавшись тем, что Мирча увлекся игрой, передал своему союзнику записку.

Анвар вернулся довольно быстро, когда мы были ещё в бильярдной, позвал меня.

- Говорят, ты капитан. Хочу посмотреть как учат в советской армии стрелять.

Он повел меня в тир, в котором я не раз бывал. Это капитальное подвальное помещение с кирпичными стенами и железобетонным потолком, с движущимися и внезапно появляющимися мишенями. В руках Анвара, кроме средних размеров кейса, ничего не было. Я решил, что тренироваться будем из пистолета, но Анвар открыл кейс и достал из него три черные вороненые трубки и треугольный, похожий на музыкальный инструмент предмет, тоже состоящий из трубок. Все трубки имели резьбу, и Анвар быстро их соединил. Получился небольшой автомат с оптическим прицелом и глушителем. Включил мишенный экран, и цели, человеческие фигуры, побежали, запрыгали, поползли. Неожиданно некоторые то падали, то исчезали, то появлялись в другом месте. Анвар вскинул автомат и, почти не целясь, произвел три выстрела. Загорелись две красные лампочки - два попадания.

- Плохо, - скривил Анвар губы, и снова приложил приклад к плечу. Прозвучали ещё семь выстрелов, фиксируясь огоньками попадания. Из семи шесть. - Вот это уже лучше.

Он сменил магазин и протянул автомат мне.

Я преднамеренно долго прилаживал его к плечу и не торопился с выбором цели, переводя ствол с одной на другую. Наконец произвел выстрел. Их трех пуль ни одна не зафиксировала попадание.

- Ты придириваешься или в самом деле жалеешь своего партийного босса?

- Арбалет мне твой не нравится, - с неприязнью я повертел автомат в руках. - Уродина какая-то. Что же касается партийного босса, сам сказал, что у меня нет другого выхода.

- Тогда не строй из себя дурочка. Я знаю как ты стреляешь.

Симулировать дальше не имело смысла, и я, подражая ему, на вскидку, дал очередь. Из семи пять попаданий.

Анвар отобрал у меня автомат, развинтил его и уложил в кейс.

- А теперь спать. Подъем в три. Могу дать снотворное.

- Спасибо. Пока обхожусь. Может, лучше обсудить, что и как?

- Нечего обсуждать. Птичка сама сядет на ветку, тебе останется только прицелиться и нажать на спуск.

На том мы и расстались.

Я пожалел, что не взял снотворное: прошлую ночь промучился в раздумьях, днем нервы были натянуты, как струны, и эта ночь не сулила ничего хорошего. Голова шла кругом, меня уже не волновал вопрос, что будет со мной, какая поджидает опасность; меня мучила совесть: как поднять руку на ни в чем неповинного, симпатичного мне человека? У него есть, наверное, жена, дети; и оставить их сиротами... Отнять жизнь за то, что он оказался честным и принципиальным человеком, верным долгу. Это ли не предательство с моей стороны! Вот тогда-то Иона Георгиевич будет делать со мной, что угодно. Одна надежда на Доница - он успеет предупредить наших и они не допустят убийства. А если не успеет... тогда, тогда умрет либо Анвар, либо я...

Я, кажется, только задремал, как раздался стук в дверь, и Анвар вошел в комнату. На сборы ушло не более пяти минут. В термосе у меня был кипяток, в холодильнике лежали сыр и колбаса. Мы заварили крепкий кофе, выпили по чашке и отправились к машине, где нас поджидал вчерашний водила.

Уже светало, погасла последняя звезда "Зарница, и на западе, у самого горизонта, обозначились белесые, разбросанные по кромке облака, похожие на слежавшиеся клочья шерсти. Перисто-кучевые, как говорил в училище преподаватель по метеорологии, - предвестники грозы. Днем при прогреве они быстро вырастут в мощно-кучевые и засверкают молнии. Если бы они могли поражать наших врагов!

"Волга" остановилась недалеко от здания бывшего ЦК Компартии Молдовы, где мы были вчера. Улицы ещё пустовали, мы вышли из машины, и Анвар повел меня по противоположной стороне к дому напротив. Зашли в один из подъездов, дверь которого оказалась открытой, и поднялись по лестнице на шестой этаж.

Анвар ориентировался как у себя дома, видимо, не раз бывал здесь; завел меня в однокомнатную квартиру тоже с незапертой дверью, и я, глянув в окно, все понял: напротив нас располагался кабинет Михася Кочура. Невооруженным взглядом хорошо просматривались тюлевые занавески, цветок на подоконнике и даже часть стола, за который сядет ничего не подозревающий партийный казначей.

Анвар раскрыл кейс и собрал автомат. Окинул взглядом комнату. Обстановка её была нищенская: односпальная кровать, накрытая простым серо-голубым покрывалом, одно-тумбовый обшарпанный стол, два стула. На окне висели выгоревшие на солнце, пропахшие пылью и табачным дымом шторы, цвет которых было трудно разобрать - то ли голубые, то ли серые. Стены и потолок побелены, тоже давно - местами потрескались; в углах висит паутина. Жилье, видно, принадлежит одинокому престарелому человеку, довольствующемуся малым.

- Давай-ка стол к окну, - распорядился Анвар.

Мы передвинули его, и Анвар, поставив на него стул, прикрутил к спинке штатив, а к штативу автомат, о чем я сразу пожалел: стрелять с упора, конечно же, надежнее, но перенацелить автомат молниеносно, как я рассчитывал, не удастся. И другого оружия Анвар мне не доверил. А силенкой, судя по крутым плечам и налитым, бугристым бицепсам, Бог его не обидел...

- И как мы сматываться будем? - поинтересовался я.

- Через чердак и запасной выход четвертого подъезда. Он открыт. Анвар запоздало закусил губу - проговорился. - В общем, держись за мной и все будет, как в кино.

"Где же этот чертов подъезд? - попытался я мысленно восстановить в памяти, в какой мы вошли. - Кажется, в третий. Или в пятый, смотря откуда ведется нумерация... Плохой из меня детектив, хотя во скольких переделках уже побывал. Пора бы уже кое-чему научиться".

В кейсе оказался ещё и бинокль. Анвар внимательно осмотрел в него кабинет Кочура, протянул мне.

- Посмотри. Все как на ладони. Целиться будешь в голову.

В бинокль просматривался почти весь кабинет, за исключением углов около стола. Тот же большой стол буквой "Т", накрытый зеленым сукном, телефоны на нем, массивные кресла рядом...

- А если он придет не один?

- Подождем, нам торопиться некуда. Кстати, можешь поспать партаппаратчики рано на службу не приходят, - он кивнул на кровать.

Дельное предложение. Голова у меня была тяжелой, да и видеть перед собой этого хладнокровного убийцу с самодовольной физиономией, ничего не выражающей, кроме своей значительности в этом омерзительном, бесчеловечном деле, становилось невмоготу. Лучше, конечно, если бы он уснул... Но свою-то жизнь он очень ценит...

Я лег на чужую кровать с давно несменяемой постелью, пропахшей потом больного или старого человека - именно так пахнут немощные и утомленные тяжелыми годами жизни

люди, опустившиеся и безразличные ко всему, безропотно доживающие свой век, - закрыл глаза, но образ одинокого, брошенного всеми старика стоял передо мною, и запах его тленного, уже полуживого тела, душил меня и не давал уснуть. Снова вспомнилась мать той ночью, когда мы с Диной сбили машиной человека и сами едва остались живы; больная, напуганная моим долгим отсутствием, обрадованная, что я наконец-то остепенился, приехал к ней с невестой, умолявшая меня беречь себя, не прожигать попусту жизнь. Как ей не хотелось умирать! А я за эти два с половиной месяца заточения, постоянной опасности будто закаменел сердцем, очерствел, учу убийц изощренным приемам насилия над себе подобными и сам готовлюсь стать убийцей, не заботясь о своей жизни...

Нет, неправда! Я тоже хочу жить, и потому готов убить человека, чтобы спастись... Да и разве это человек?!.. Нет, жалость не шевельнется в моей груди и рука моя не дрогнет... Анвар будет стоять рядом, следить за моими действиями, и удачный удар ребром по шее изменит мою судьбу...

За последние двое суток нервотрепки и бессонницы я здорово устал и уснул так крепко, что не слышал как в комнату вошел шофер, как Анвар разбирал и укладывал в кейс автомат, о чем они разговаривали. Вскочил тогда, когда Анвар с силой тряхнул меня за плечо. В первые секунды я не мог даже сообразить, где мы находимся и зачем сюда приехали.

- Ну и здоров ты спать. Железные нервы, - с восторгом сказал Анвар. Вставай, все кончено. - Достал портсигар с сигаретами и стал прикуривать.

"Неужели он все сделал сам? - на мгновение обрадовался я и тут же вспомнил приписанный мне наезд на девочку, садистское убийство семьи капитана Савина. - Значит, и смерть Кочура на моем счету? Но почему они не торопятся смыться, покуривают как ни в чем не бывало?"

- Дай-ка бинокль, - решил я удостовериться в свершившемся.

- Зачем? Твое перо оказалось страшнее пистолета, - весело перефразировал Анвар русскую поговорку. Грамотный, гад. Протянул мне газету. - Прочитай сообщение.

Я развернул "Днестровскую правду" и на второй полосе внизу в колонке "Хроника" прочитал сообщение: "Бывший член политбюро Компартии Молдовы, хранитель партийной кассы Михась Кочур, готовясь скрыться за границу, перевел крупную сумму денег на свое имя в швейцарский банк. Дотошные журналисты докопались до истины и попросили Кочура дать интервью, в котором он по существу отказал. Делом заинтересовалась прокуратура. Чтобы уйти от ответственности, сегодня ночью Кочур покончил жизнь самоубийством выбросился с балкона 9 этажа".

Так это заслуга прокуратуры, а не моя, - возразил я, возвращая газету.

- Не скромничай, - усмехнулся Анвар. - Откуда нашей прокуратуре узнать было про швейцарский банк.

"Действительно, откуда? - мысленно согласился я. - Шантаж это был или Ионе Георгиевичу в самом деле удалось проникнуть в святые святых? Вспомнился американец Джон Лепски. - Вот откуда номерок счета в банке. Я подал идею, чтобы столкнуть своего "опекуна" с властями, а вышло совсем не так. А может, сработала информация Доница и смерть Кочура - липа?"

Уточнять что-то у Анвара не имело смысла. Я взглянул на часы - начало первого. Вот так вздремнул! Почти семь часов. А на улице потемнело, сверкнула молния. Начиналась гроза. И хотя теперь она была нам не помощница, она радовала: гроза, говорят на Руси, к хорошему урожаю, Возможно и в моей жизни наступят перемены к лучшему.

13

Еще два дня прожиты за каменными стенами школы террористов. Отработка до седьмого пота приемов каратэ и самбо, стрельба в тире, изучение нового оружия и взрывных устройств - все это надоело мне до чертиков. И никакого просвета. Радио и газеты сообщают, что обстановка в Молдавии накаляется: правительство Снегура и Косташа все больше склоняется к насильственным методам правления, особенно в отношении гагаузов и жителей Приднестровья, которые стремятся вырваться из-под гнета диктаторского режима. Идет

открытая борьба молдавских националистов с просоветски настроенным населением. Продолжаются нападения на оружейные склады, на наших военнослужащих; на депутатов, выступающих против объединения с Румынией, арестовывают, убивают.

Донич уговаривает меня потерпеть ещё немного, сообщил, что Токарев доволен мною и просит поближе держаться к Петрунеску, не потерять его доверия. Легко сказать "поближе держаться, не потерять доверия", а вот как? Какой ценой? И не поеду же я к нему домой без приглашения. А радиоприемник в электробритве, привезенный Доничем, к сожалению, кишиневские разговоры "будущего тестя" не берет - то ли расстояние далековато, то ли микрофон в авторучке не срабатывает. А мог и обнаружить подлог Иона Георгиевич.

В общем, хочешь не хочешь, а приходится терпеть.

На третий день после гибели Кочура меня утром вызвал Комрад Герпинеску. Настроение у него было хорошее, и начал он с анекдота:

- Звонила твоя кобыла, просила передать, что скачки состоятся.

Я понял, кого он имеет в виду и о чем идет речь. Приезд Альбины обрадовал меня и насторожил - что за этим?

- Ну, коли вы разрешаете, - польстил я ему.

- А как я могу отказать дочке президента? Я тоже люблю весело пожить, и сам не отказался бы подцепить такую красотку. В общем, собирай свои пожитки и перебирайся в мягкую постель нареченной. Станешь большим начальником, не припоминай обид, авось дорожки наши ещё сойдутся.

А вот этого намека я не понял. Неужто меня насовсем выпускают из клетки? Не насмехается ли Герпинеску, не приготовили ли мне новую каверзу? Причин вполне достаточно, да и оплошность я мог допустить - тягаться с такими мастерами провокаций не так-то просто. Больше всего меня беспокоила сунутая в карман пиджака Ионы Георгиевича авторучка. Не дай Бог упадет она и сломается или просто перестанет писать: разбери он её и сразу станет ясно, что это предмет и кто его подсунул... Буду надеяться на лучшее и держать уши на макушке.

Надо как-то предупредить Донича. Он на занятиях. Вызывать нельзя... Придется сообщить через Мирчу.

Собрать свои пожитки было делом пяти минут: уложил в кейс свое капитанское обмундирование, туалетные принадлежности, блокнот с некоторыми безобидными записями - расписанием занятий, техникой выполнения приемов самбо и джиу-джитсу, которые отрабатывали, набросками будущей статьи, сделанными ещё в гарнизоне. Сложил в стопку библиотечные книги - все здесь как в настоящей школе, есть даже учебники по психологии, по анатомии, труды Маркса и Ленина, - отнес в библиотеку. Оставалось пообщаться с Мирчей. Теперь у меня было две электробритвы и безопасная с плавающими лезвиями. Я оставил себе ту, в которой спрятан радиоприемник. Безопаску решил подарить Мирче, а "Эру" - Доничу. Он поймет что к чему. Да и скрывать от Мирчи, что за мной приедет Альбина не имеет смысла, а мой топтун несомненно похвастается своей осведомленностью...

14

Альбина приехала в двенадцатом часу, на том же рубиновом "жигуленке", чистеньком, ослепительно поблескивающим эмалью. И сама - в кремовой гипюровой кофточке с короткими рукавами и большим вырезом на шее. Сквозь прозрачную ткань соблазнительно проглядывал кружевной лифчик, загорелое до шоколадного цвета кожа чуть впалого живота. Аккуратность Альбины, умение следить за собой, стерильная чистота одежды и тела импонировали мне, заставляя забывать все её пороки и недостатки. Даже её тяжелый папин подбородок нравился мне и казался симпатичным. А возможно однообразная жизнь в застенках, примелькавшиеся мужские физиономии так опостытели, что любая мало-мальски смазливая бабенка показалась бы красавицей.

Она поцеловала меня в губы, как долгожданного и желанного возлюбленного, открыла дверцу с левой стороны и указала на водительское кресло.

- Прошу.

Я отрицательно помотал головой.

- Ты забыла - я боюсь красного цвета, как раненый бык на корриде.

- Не набивай себе цену, знаю я, какой ты трусливый. И придется привыкать: теперь это твоя машина. Ты не раз выручал меня и заслужил её вместе со свободой. - Она протянула мне технический паспорт. Я раскрыл и увидел свою фотокарточку. А фамилия написана другая - Джабира-Казаров.

- Ты ошиблась адресом, - я попытался вернуть документ.

- Не ошиблась. Это тебе на всякий случай, чтобы не спутали с Семиречиным, задавившим какую-то девочку. Советую отпустить усы, тогда станешь настоящим молдаванином. А вот и паспорт. - Она достала его из вещевого ящика машины. Отныне ты вольная пташка, лети куда хочешь и когда захочешь. Я обещание свое выполнила.

Я смотрел на нее, стараясь по глазам и лицу заметить фальшь, уловить в голосе неискренность. Но на её улыбающемся лице читалось только одно: "Что, обалдел от радости?" И все-таки я не верил ей.

- Ты переоцениваешь мои заслуги.

- Что тебя не устраивает? Может, хочешь остаться здесь тренером?

Она насмеялась надо мной, зная, как мне все осточертело здесь. А я знал, кто такие Альбина и её папочка и что просто так они меня не отпустят. Надеются, что после интервью с Кочуром я не рискну вернуться в Москву. Что ж, продолжим игру.

- Значит, с сегодняшнего дня я - Джабира-Казаров, Дмитрий. Хотелось бы узнать свою родословную, кто мои предки и ближайшие родственники. - Я напрягал память, стараясь вспомнить, где слышал или вычитал эту фамилию.

- В свое время узнаешь. А теперь поехали. Не укажишь же ты сразу в Москву, не простившись с папой?

- Разумеется. Не знаю как и чем вас отблагодарить.

- Перестань строить из себя джентльмена. Поехали. - Она открыла заднюю дверцу и села в машину.

Я занял водительское место и включил зажигание. Дежурный на проходной открыл ворота и пропустил нас без проверки документов - видимо, Комрад предупредил его.

"Жигуленок" послушно среагировал на педаль газа и стремительно рванулся по шоссе, набирая скорость, словно обрадовавшись вместе со мною долгожданной свободе.

Почти всю дорогу мы молчали. Не знаю, о чем думала Альбина, а я о своей новой фамилии. И вспомнил! Слышал по радио и читал в газетах: Федор Джабира-Казаров - военный комиссар Молдовы!

- Хорошего вы подбросили мне родственничка, - похвалил я Альбину. - И кем же я ему довожусь - сыном, братом, племянником?

- Племянником. Устраивает?

- Сыном бы лучше. Но и племянником сойдет.

Через час мы были в квартире Альбины.

День, начавшийся с неожиданного сообщения Комрада, продолжал подкидывать мне новые сюрпризы: Иона Георгиевич встретил меня с перевязанной головой и ссадиной на своем массивном подбородке.

- Что с вами? - невольно вырвалось у меня.

- Пустяки. Царапина, - беспечно махнул рукой Петрунеску. - Хорошо, что ты приехал. Хотелось бы поговорить с тобой, прежде чем ты примешь решение. Или ты уже принял? Альбина, оставь нас минут на пять.

Дочь тут же скрылась в своей комнате.

А мне было о чем подумать. Так просто президент спортивной ассоциации меня не отпустит...

- В моем положении... куда не кинь - все клин.

- Да, - сочувственно произнес Иона Георгиевич и задумался. - Москва тебя не пожалует - знаю, какую проверку устраивают ваши органы КГБ. И у нас неспокойно. Может, вам и

вправду махнуть пока в гости к Джону Лепски? А хотите, поезжайте в Италию. У меня там друг на Сицилии, примет как родных. Поживете, кое-чему поучитесь. Обстановка ныне быстро меняется: Союз разваливается, к власти приходят новые правители. Кстати, и Горбачеву вашему скоро, видимо, придется распрощаться с президентским креслом. Неумный он человек, не вырос из комсомольских штанишек, чтоб таким государством управлять...

Его политический монолог прервал телефонный звонок. Он взял трубку, послушал. Ответил коротко на молдавском, положил трубку и пошел в спальню. Немного спустя, оттуда, будто вытолкнутая, вылетела Софья Михайловна с красным лицом и сверкающими гневом глазами; шепнула мне, кивнув на дверь комнаты Альбины: "У неё уже другой кобель. Тоже летчик. Скородумов", - и исчезла за дверью туалетной комнаты.

Тут же появилась и падчерица.

- Что она тут прошипела? - спросила со злостью.

Я пожал плечами.

- Наверное выругалась на своем языке. Что у вас происходит? Чего вы не поделили?

- Меня не поделили. Слишком многого хочет...

"И здесь идет борьбы за власть", - невольно мелькнуло у меня в голове. А поначалу показалась такая милая, дружная семейка. Нет, не хотел бы я иметь таких тестя и тещу. А Альбина-то какова! Это когда же они успели снюхаться? Видимо ещё до знакомства с Андреем: на похоронах отставной второй пилот очень рвался поговорить с Альбиной, но она сердитым взглядом шугнула его от себя. Почему они делали тайну из своего знакомства?..

Иона Георгиевич вышел из спальни (видимо оттуда продолжал конфиденциальный разговор по телефону, попросив и жену удалиться), а Софья Михайловна - из туалетной комнаты, и прошмыгнула в спальню.

- Так на чем мы остановились? - спросил Иона Георгиевич, потирая затылок через повязку. Уж не благоверная так треснула его?..

- На Горбачеве, - подсказал я.

Так вот, и Горбачев ваш, и Снегур наш - дерьмо собачье. Считают, что они правят нами. Правит тот, у кого деньги. Они упиваются властью, а мы наслаждаемся жизнью и диктуем им свою волю. Все у нас в руках. - С затылка перенес руку на свой квадратный подбородок, помассировал его. - Или хочешь в Москву? - круто изменил он тему.

- Вы же сами сказали, что Москва меня не пожалует...

"Послушаю, что он будет петь дальше, чего хочет"...

- Это уж точно. Коль за миллион не захотели тебя выкупить, на наших задержанных поменять, значит, не очень ты им нужен. Да и что тебе Москва? Родителей нет, холост. А работа... С твоей головой и способностями всюду найдется: хочешь журналистом, хочешь тренером, хочешь летчиком. Кстати, у нас скоро будет своя авиация: ваша армия уйдет и оставит всю технику и вооружение, уже есть договоренность на этот счет...

"Не с Михаилом ли Михайловичем?.. Неужто так далеко зашло, что армию нашу и вооружение растащат по собственным княжествам"?

- ... И поверь мне, должностью тебя не обидим. Многие ваши летчики уже сейчас дали согласие остаться у нас. Решай.

- А что скажет Альбина? - глянул я на внимательно наблюдавшую за мной "невесту".

Она насмешливо скривила губы.

- По мне хоть завтра за бугор. Хочется на мир посмотреть.

- Да, что касается ваших отношений, - спохватился Иона Георгиевич, это ваше дело. Не маленькие. В общем, думай. А завтра я приглашаю тебя на авиационную прогулку. Слетаем в заповедный уголок. Жить будешь пока напротив с двумя моими телохранителями - нынче без них нельзя, - о с усмешкой потрогал свою повязку на голове. Пояснил: - Вчера вечером на меня было совершено покушение. Анвар, к сожалению, погиб. - Ушел в спальню и вернулся с пистолетом в руках. - Это тебе на всякий случай. Если, конечно, не возражаешь и готов защищать, - глянул мне в глаза, - себя и меня.

Я взял пистолет. Новенький "Макаров" 1990 года производства, с номером. Наверное, с того склада, на который напала наша группа из школы террористов месяц назад. Нажал на кнопку. Обойма выскочила из рукоятки. Патроны свеженькие, без налета окиси. Боевые ли, с порохом? Неужели Петрунеску так уверен во мне, что доверяет свою жизнь? Вряд ли. Скорее всего, это новая проверка или он действительно уверовал, что так меня затравил, что другого выхода, как служить ему, нет. Хотя бы до поры до времени, пока я ему нужен... Что ж, будем играть по крупному...

- Спасибо за доверие, Иона Георгиевич, - поблагодарил я как можно прочувственнее. - Постараюсь его оправдать.

- Надеюсь. Ты умный парень, Игорь, и на горьком опыте убедился, что за жизнь надо бороться. А теперь можешь отдыхать. Альбина, проводи его.

Комната, в которой предстояло жить, располагалась через лестничную площадку напротив. В ней уже находились два обитателя. Одного я узнал дежурный по подъезду, встретивший меня три дня назад недружелюбным взглядом. Не обрадовался он и теперь, отрываясь от шахматной доски, за которой коротал свободное время с напарником.

Альбина представила меня:

- Ваш новый коллега, Дмитрий Джабира-Казаров. Прошу любить и жаловать. Вот твоя кровать, - указала она на одну из трех, стоявших в комнате, аккуратно заправленных, с тумбочками у изголовья - как в солдатской казарме.

Я подошел к крутоплечим "коллегам" и протянул старшему, с недобрым взглядом, руку, давая понять, что явился к ним не на положении бедного родственника.

Телохранители Петрунеску переглянулись, и старший, переборов внутреннюю неприязнь, сквозившую в глазах, неохотно пожал мою руку.

- Руссу.

Младший, ему было лет восемнадцать, представился повеселее:

- Саракуца.

- Меня можете называть просто Дмитрием, - закончил я знакомство с новыми сожителями, и чтобы окончательно дать им понять, с кем они имеют дело, повернулся к Альбине.

- Мы обедаем вместе?

У неё дрогнули губы от моей бестактности. Но нашлась быстро:

- Нет, я ухожу в школу. И вернусь поздно.

- Хорошо, я всегда к твоим услугам, - сделал я ей одолжение.

Она повернулась и ушла. Меня несколько не огорчила её отставка. Я даже обрадовался, что избавился от этой ненасытной, звереющей в экстазе нимфоманкой. Но беспокоило другое: если мне нашлась замена, нужен ли я Петрунеску? В том, что он доверяет мне безоглядно, рассчитывать не приходится, и держит возле себя, скорее всего, благодаря моей профессии: не случайно все возлюбленные Альбины - летчики: Скородумов, Болтунов, я... Первенство я отдавал отставному пилоту. За его прокол с коммерцией она, видимо, и отшила его - чтобы не поставить под удар более серьезный бизнес папаши с оружием. Если это все так, не трудно догадаться и о причине гибели Андрея: он узнал, чем занимается тесть, по своей наивной доверчивости хотел вразумить его, за что и поплатился жизнью. А я знаю намного больше, чем Андрей... Не потому ли поселили меня к этим костоломам?...

Возможно и другие цели преследует Петрунеску. Разгадать его хитроумные планы не сможет самая изощренная гадалка...

- Не плохо бы ради знакомства по рюмочке пропустить, - предложил я напарникам. - Найдется у вас?

Они опять переглянулись, и Руссу уставился на меня изучающим взглядом: ты сам дурак или нас дураками считаешь?

- А ты разрешения у шефа не спросил? - наконец прервал он затянувшуюся паузу.

- Вы и за разрешением сходить в туалет бегаєте к шефу? - подколот я, давая понять, что я из тех боевиков, которым и Хозяин нипочем.

Молодой Саракуца, смотревший на меня вначале с удивлением и страхом, Руссу шею мне свернет за наглость, восторженно улыбнулся: Руссу сменил гнев на милость, подмигнул напарнику:

- Доставай, Коста. За знакомство и шеф не будет против.

Шефа они боялись, видно, пуще огня. А я, как никак, то ли его приближенный, то ли любовник его дочери...

Через десять минут мы сидели за столом и потягивали холодную "Фетяску", слабенькое вино, хорошо утоляющее жажду в жару: Руссу знал службу и, по его признанию, употреблял крепкие напитки только во время отпуска да по праздникам, а на дежурстве даже сухим не злоупотреблял и разрешил нам выпить лишь по стакану.

Мы поболтали о всяких пустяках: о знойном лете, о видах на урожай, и я, сославшись на усталость, лег спать.

Но такая у меня беспокойная натура: когда над жизнью нависает угроза, как бы я ни устал, заставить себя уснуть не могу. Вот и теперь. Зачем Петрунеску сунул меня к этим двум костоломам? Чтобы придушили и отвезли ночью куда-нибудь в лес, закопали там?.. Не спокойнее и безопасней было ухлопать меня в школе?.. Пожалуй... Нет, для чего-то я ещё нужен Петрунеску. А вот для чего?.. На душе было беспокойно...

Два последующих дня прошли без каких-либо изменений в моей жизни, если не считать того, что президент ассоциации сделал меня своим личным шофером: прежний убит, а нового пока не подобрал, пояснил он свое решение.

Шеф, босс, он же будущий тесть со мной по-прежнему корректен, снисходителен и делает вид, что полностью мне доверяет, хотя рядом с ним на заднем сиденье и впереди всегда находятся два телохранителя. Я тоже при оружии: при нападении и мне придется отстреливаться, если успею...

Иона Георгиевич снял с головы повязку. Царапина, след от пули, и ссадина на подбородке подсохли, он смазывает их какой-то мазью и припудривает так, что почти незаметно. Покушение словно подстегнуло его, придало энергии: он стал более целеустремленным, решительным, целыми днями мотается по городу из одного учреждения в другое, по спортивным клубам, встречается с разными людьми от представителей власти до бродяг, по его утверждению, бывших спортсменов, которых он поддерживает материально и морально. Возможно и так. А вот какие поручения выполняют они?..

Связь моя с Доничем, к сожалению, пока не восстановлена. Я жду его, надеюсь, что он придумает повод повстречаться. Но пока тщетно...

Авиационная прогулка на другой день, как обещал Иона Георгиевич, по каким-то причинам не состоялась, а я ждал её с нетерпением, словно в небе открывалась мне дорога возвращения домой...

Отношения мои с Альбиной стали непонятными и неопределенными: то она одаривала меня улыбками и ласками, приглашала в свою комнату и читала стихи, кокетничая со мной и соблазняя сексуальными позами, то будто не замечала меня, разговаривала холодно и сдержанно. Я стараюсь подлаживаться под нее, не подавать виду, что все знаю и что она опостылела мне до чертиков, не хочется не только переспать с нею, но и видеть её. Мы играем в кошки-мышки, только трудно понять, кто из нас кошка, а кто мышка. Ясно одно: мы пока оба во власти страшного хищника, её папаши...

Суббота. Иона Георгиевич после очередного собрания в клубе футболистов, которое длилось более двух часов и прошло, по его словам, бурно, чувствовал себя усталым. Вернувшись домой, выпил рюмку коньяка и пошел отдыхать, велел мне никуда не отлучаться.

Было около часа, Альбина крутилась в гостиной около зеркала, наводя макияж.

Я знал, что она продолжает встречаться с капитаном Скородумовым: сама как-то проговорила мне, что видела его в городе, поболтали, де, немного; он восстановлен на летную работу, летает теперь вторым пилотом на "Пчелке". И мое подозрение, что они с папой ищут знакомства только с летчиками, укрепилось...

- Тебя не интересует, куда я собралась? - спросила она, лукаво глядя на мое отражение в зеркале.

- Нисколько. Но я знаю, - уверенно ответил я.

- Куда же? - насторожилась она, поворачиваясь.

- К подруге, - солгал я преднамеренно.

- А если на свидание?

- Желаю удачи.

- И тебя нисколько не задевает? Значит, тебе все равно?

- Одна подружка уверяла меня, что если мне хорошо, то и ей приятно. Вот и я придерживаюсь такого принципа.

Альбина недоверчиво глянула мне в глаза. Я взял газету и чуть не крикнул, прочитав заголовок: "Гибель депутатов Приднестровья". Быстро пробежал текст: "В ночь на 14 августа в г. Бендерах совершено злодейское убийство двух народных депутатов, П.С.Рыжова и Г.Н.Матуша, ярых сторонников отделения Приднестровья от Молдовы, ведущих активную пропагандистскую работу среди населения. На недавней встрече депутатов со своими избирателями произошло серьезное столкновение сторонников отделения с представителями "Неделимой Молдовы". Лишь вмешательство полиции предотвратило кровопролитие. Но видимо такой исход не удовлетворил конфликтующих. И вот результат - двое убитых. Прокуратура Молдовы ведет поиск преступников".

Я вспомнил, что накануне Иона Георгиевич, разговаривая с кем-то по телефону, называл эти фамилии. У меня теперь не вызывало сомнения, чьих рук это дело...

- Значит, если мне хорошо, то и тебе приятно, так я тебя поняла? оторвала меня от газеты Альбина. - Спасибо. У цивилизованных людей так и должно быть: никакой ревности. И все-таки мне обидно, что ты не ревнуешь. И вообще, за последнее время ты заметно охладил ко мне.

- Ты же знаешь обстановку.

- Знаю. Папа найдет их всех до одного... Может, хочешь прогуляться? Махнем на Днестр, искупаемся.

- Отец не разрешил отлучаться.

- Папа! - позвала Альбина.

- Чего тебе?

- Отпусти Игоря на пару часиков.

- Нет, - категорично отрезал отец. - Мы сейчас на аэродром поедем.

- Жаль, - Альбина поджала губы, потом решительно взяла меня за руку и увлекла в свою комнату. - Я тут кое-что сочинила, хочу чтоб ты послушал и оценил. - Взяла со стола тетрадь и стала читать с выражением:

Два дня тянулись без тебя.

Ждала, кляня, боясь, любя...

И снова вечер.

Сдавило сердце не шутя

Несовременное дитя!

Дышать мне нечем.

Вошел - знаком и незнаком,

Пригладил волосы рывком,

Подсел несмело.

И валидол под языком

Я запивала коньяком

И что-то пела.

И тихо плакала потом,

Скрипел нелепо старый дом,

Качалась ива,

Махала пестрой бахромой.

И ты решил, хороший мой,
Что я слезлива.
А дело просто было в том,
Что это был случайный дом,
Как оказалось.
И виноват был не коньяк,
А счастье, что никак, никак
Нам не давалось.

Я был удивлен. Эта жестокая нимфоманка способна на высокие чувства?! На возвышенную любовь?! Интересно, кому она посвятила эти стихи? О каком "случайном доме" идет речь, с кем она пила там коньяк, даже запивала им валидол?..

- Ну и как? - Альбина напряженно ждала приговора.

- Я не большой знаток и ценитель поэзии, но мне кажется, хорошо. Во всяком случае, искренне, с чувством. Впервые встречаю поэтессу-молдаванку. И давно ты пишешь?

- Со школьной скамьи. Так, для себя. И тебе первому прочла...

- Джабира, по коням, - крикнул мне из холла Иона Георгиевич, и я, поблагодарив новоиспеченную поэтессу за оказанную честь, поспешил к Хозяину.

- В аэропорт, - сказал Иона Георгиевич, садясь в комфортабельный "Мерседес", сверкающий серебристой эмалью и никелированными молдингами.

Следом за нами на заднее сиденье сел Руссу, рядом со мной - Саракуца. Оба настороженные, серьезные, зыркают по сторонам, пронзая подозрительным взглядом каждого прохожего. "Пуганая ворона куста боится". Покушения, как учили нас в школе, удобнее всего совершать при выходе из квартиры или из рабочего кабинета. Правда, итальянцы чаще практикуют убийства на ходу из засад или с мотоциклов - легче скрыться на узких улочках и в подворотнях. В Кишиневе, к счастью, улицы не такие тесные.

Новенький лимузин, как застоявшаяся лошадь, стал споро набирать скорость. При выезде на проспект Ленина, не давно переименованный и получивший чисто молдавское название, которое и выговорить-то трудно, я заметил маячившую черную "Волгу", а позади - не отстававшую от нас "Тойету". Случайные попутчики? Нажимаю на газ. "Волга тоже увеличивает скорость, не давая себя обогнать. Не отстает и "Тойета".

Ловлю в зеркале заднего обзора лицо Хозяина. Оно ничем не выдает беспокойства, хотя такой профессионал, как он, не мог не заметить "конвоя". Значит, свои. На троих телохранителей не надеется. Серьезные, видно, у него враги. Из его разговоров по телефону с неизвестным абонентом я уловил, что Иона Георгиевич подозревает в покушении коммунистов-депутатов Приднестровья: на другой день после убийства в Бендерах Рыжова и Матуша в Кишиневе были застрелены два сотрудника управления полиции и помощник президента спортивной ассоциации, тренер по легкой атлетике. А вчера, как сообщило радио, Приднестровцы не досчитались ещё семи руководителей движения за отделения от Молдовы.

Разборки идут не на шутку...

У аэропорта "Волга" и "Тойета" исчезли из виду. Мы остановились недалеко от административного здания, где Иону Георгиевича поджидал мужчина лет сорока пяти в форменной фуражке и белой безрукавке служащего гражданской авиации. Они отошли от машины, о чем-то поговорили минут пять и, вернувшись, оба сели в салон, потеснив Руссу.

- Поехали, - сказал встретивший на и казал направление.

Мы обогнули здание. У ворот, ведущих на аэродромное поле, мужчина вышел из машины, сказал что-то охраннику и тот пропустил нас на самолетную стоянку.

- Вон к той "Пчелке", - указал взглядом Иона Георгиевич на приютившийся около Ту-154-го маленький двухкилевой самолет со звездами на хвостовом оперении.

Было непонятным и странным, как и почему военный самолет приземлился на гражданском аэродроме, но, находясь рядом с Хозяином, так называемым президентом спортивной ассоциации, я перестал удивляться чему бы то ни было. Не зря он говорил, что

государством управляют не те, кто стоит у власти, а кто имеет деньги и силу. Мужчина в форменной фуражке - не иначе сам начальник аэропорта или один из его заместителей. Меня не удивит, если и сам Министр Обороны Косташ будет так встречать Перунеску.

Хозяин вышел из машины и, приказав отогнать её к забору, подозвал меня и Руссу.

Экипаж был уже в кабине. Мы поднялись по трапу за Ионой Георгиевичем. Он прошел к летчикам, а мы остались недалеко от двери в ожидании указаний. Вернулся он довольно быстро и уселся впереди у столика. Заработали двигатели.

Бортмеханик поднял трап, закрыл дверь, и "Пчелка" покатила на взлетно-посадочную полосу.

Все происходило так быстро и отлажено, что я не успевал анализировать обстановку и предугадывать дальнейшее поведение Хозяина. Куда мы летим? И зачем я, его шофер, потребовался в этом полете? Какую новую каверзу он приготовил мне?..

"Пчелка" оторвалась от земли и скоро начала набирать высоту. Я посмотрел в иллюминатор. Позади осталась взлетно-посадочная полоса, аэродромные постройки, а впереди виднелись ровные поля виноградников.

- Красота! - восторженно воскликнул Иона Георгиевич. - Люблю авиацию: все перед тобой как на ладони, и все земные проблемы на земле остались.

"Если бы!" - с грустью подумал я.

- Так ты тоже был летчиком? - обратился ко мне Хозяин.

- Был, - кивнул я.

- А хочешь попилотировать? - И не ожидая ответа, поднялся и пошел к пилотам, что-то сунул одному, другому (наверное, деньги) и, вернувшись, кивнул на кресло второго пилота. - Иди, покажи, на что ты способен.

Второй пилот уже освобождал место. Его лицо показалось мне знакомым не в Воркулештах ли я его видел? - но полной уверенности не было, за свою летную и журналистскую работу довелось со многими встречаться. Да и какая разница, где я его видел: коль он куплен Петрунеской, но помощь его рассчитывать не приходится.

Я занял место второго пилота, пристегнулся ремнями, поставил ноги на педали и взялся за штурвал. Командир, усатый капитан (в отличии от второго пилота, парившегося в кожанке, он был в легкой форменной рубашке с капитанскими погонами), с любопытством наблюдал за мной. Когда я кончил приготовление - осмотрел приборную доску и легким покачиванием штурвала дал понять, что взял управление на себя, - он убрал с управления руки и ноги.

- Курс двести тридцать два, - сказал командир.

"Значит, летим на запад", - отметил я.

Шустрая "Пчелка", словно почувствовав чужие руки, начала выкидывать кренделя, гулять влево и вправо, вверх и вниз. Сказывался двухлетний перерыв. Лишь минуты через три мне удалось подчинить себе своенравную легкокрылую "птичку", загнать стрелки пилотажных приборов на место, и самолет пошел ровно, по заданному курсу.

Командир экипажа одобрительно кивнул. Его лицо тоже знакомо, запоминающееся: крупный нос с горбинкой, тонкие колючие усики. Но в полетах за гуманитарной помощью он не участвовал, это я хорошо помнил...

- Курс триста сорок, - прервал мои разгадки капитан.

Я подворачиваю вправо. Теперь мы летим на север. Я мысленно восстанавливаю полетную карту, города, какие должны встретиться на пути: Страшены, Калараш, Лазовск, Флешты... Параллельно границы с Румынией. Не туда ли нацелился босс? Но там гористая местность и нет аэродромов... Хотя на этой "Пчелке" можно сесть на любом пятачке. Но зачем? Здесь Петрунеску президент, Хозяин... Многие начальнику гнут перед ним спину, военный самолет предоставили в его распоряжение. Тут что-то не то...

- Хорошая машина, - говорю я командиру, чтобы завязать разговор. Давно на ней летаете?

- Года ещё нет, - ответил капитан. - Мне по душе тяжелые. А это стрекоза - ради

баловства.

- Полетаете ещё и на тяжелых, какие ваши годы.

Капитан отрицательно помотал головой.

- И на этой долго не продержимся, - и пояснил: - Разве это военная авиация, если коммерцией занялась. Времена - сами себе должны деньги зарабатывать!

- И кому вы теперь служите? - преднамеренно заострил я вопрос, заметив, что Хозяин разговаривает с Руссу. Да и слышать наши переговоры из-за шума двигателей он не мог.

Но капитан счел за благоразумие промолчать. Возможно, тут не только коммерцией пахло.

Летели мы минут сорок и приземлились по моим грубым расчетам недалеко от Калараша то ли на полевом аэродроме, то ли на непонятно для чего незасеянном кусочке виноградного поля. Возможно здесь садятся Ан-2 и вертолеты, совершающие полеты по местным линиям, связывающим с отдаленными населенными пунктами, где не проложены ни железные дороги, ни шоссе.

В углу площадки стоял белый "Москвич" и около него пятеро крепких молодых парней, одетых в легкие футболки и джинсы с широкими ремнями, украшенные медными бляхами, надраенными до блеска. Четверо сразу же отделились от машины и направились к нам. Петрунеску пошел им навстречу. Поздоровался с каждым за руку, о чем-то посоветовался. Вместе с ними вернулся к самолету и дал команду летчикам готовиться к взлету.

Я обратил внимание на руки наших новых пассажиров: у всех четверых были наколки. Такие "украшения" - предмет гордости бывших заключенных... Этим было лет по восемнадцать. Когда же они успели отсидеть?

Мы забрались в салон. Я устроился было на прежнем месте, у стола, но босс кивнул на кабину пилотов.

- Туда. Учись, сынок, пока есть возможность. Может, ещё пригодится, сказал он весело.

Может, и пригодится, мысленно согласился я, занимая кресло второго пилота. Невольно вспомнилась мальчишеская мечта: как я хотел летать! Хотя и не верил в Бога, но молил его ночью, чтобы меня приняли в летное училище. А какое испытал счастье, когда впервые поднялся в небо! И когда меня выпустили в самостоятельный полет! Я тогда запел во все горло: "Небо, небо, небо!".. Какое это было чудесное время!.. А теперь? Ни малейшей радости, кроме грустных воспоминаний и огорчений. А ведь мог я летать, не подневольно, а водить самолеты по заданию, во имя безопасности родины...

Капитан уловил мое скисшее настроение, похоже, и он не обрадовался пассажирам с наколками; помог мне на взлете, и вот мы летим обратно. Несмотря на вентиляцию в самолете, на двухтысячную высоту, в кабине душно. Облегченно вздохнули лишь когда приземлились в Кишиневском аэропорту.

- Ну как он? - поинтересовался Петрунеску у капитана, кивнув на меня. - Может летать?

- Вполне. Беру его в свое звено, если отдадите.

Петрунеску погрозил пальцем.

- Я кадрами не разбрасываюсь. Он мне самому нужен. - И начальнически протянул руку.

- Спасибо, Иона Георгиевич, - поблагодарил командир экипажа. Приезжайте еще. Всегда рады вам помочь.

- Приеду, - пообещал Петрунеску.

Летчики подняли трап, закрыли дверь и, запустив двигатели, порулили на взлетную полосу. Интересно, откуда они?

Петрунеску объяснил парням с наколками, куда им идти и где их будет ждать машина, а мы сели в "Мерседес" и покатали от аэродрома не в сторону Кишинева, как я ожидал, а в обратную, туда, куда однажды возила меня Альбина: на виллу с бассейном и сауной, где собираются важные гости президента ассоциации, где проводятся секретные консилиумы и

где, как в лучших публичных домах, самые красивые и самые услужливые путаны.

Хотя я привык ничему не удивляться в "хозяйстве" Петрунеску, встреча на вилле с Мирчей Хадырکو поразила меня: что делает здесь гиббоноподобный верзила, хладнокровно убивший жену и друга, ничем не показавший себя, кроме обжорства, в школе террористов?

Мы встретились с ним в холле первого этажа, где он помогал нести чемодан другому моему знакомому, земляку, генералу КГБ из Москвы, Михаилу Михайловичу.

А этот зачем сюда прикатил? За убийцами, которых обещал подбросить ему Иона Георгиевич? Интересно, кто в правительстве уже зачислен в смертники? Что идет грызня между нашими самозванными вождями, не трудно понять из газетных публикаций и радиосообщений. А вот кто собирается прибегнуть к силовым методам устранения своих конкурентов?..

Мирча, увидев меня, тоже удивился и не обрадовался. Но поприветствовал, подняв руку.

- Вот и снова я под вашим началом, - бросил на ходу, поднимаясь на второй этаж за генералом. Я пошел следом за ними в свой прежний номер. Жаль, что нет Альбины - нет повода снова забраться на балкон, если "электробритва" по каким-то причинам не сработает - кейс с туалетными принадлежностями я предусмотрительно прихватил с собой.

Ключ номера шефа, вылезшего у проходной, чтобы дать указание караулу, торчал в двери. Я открыл замок и вошел в дорогие апартаменты, словно в рай: кондиционер нагнетал приятный прохладный воздух; затененные гардинами окна создавали уют и успокоение. Но иллюзия исчезла мгновенно, стоило мне ступить на мягкий ворсистый ковер, в котором нога утонула, как в пуховике. Взгляд упал на картину в дорогой раме, где безвестный художник изобразил сцену нападения стаи волков на стадо овец, вызвавшую у меня воспоминания о семье капитана Савина, растерзанную в собственной квартире. Сколько же ещё эти бандиты будут ходить по земле, вершить свои черные дела под руководством таких нелюдей, как Иона Георгиевич, Михаил Михайлович? Не ради прогулки прилетел генерал КГБ из Москвы, не за тем, чтобы поплавать в бассейне, попариться в сауне, поразвлечься с годившимися ему в дочери девицами. Не для него ли привезли мальчиков с наколками?

Заглянул на всякий случай в спальню. Широченная кровать в пору для четверых, два бра у изголовья, тумбочки из красного дерева с одеколонами, лосьонами, кремами. Прямо-таки косметический салон... Никого. Служебный разговор здесь вести вряд ли будут...

Возвращаюсь в зал, где сквозь стекло серванта видны рюмки, графины, бутылки. В центре зала - круглый стол. За ним в прошлый раз шла игра в преферанс и велся разговор и киллерах...

Открываю кейс, и из коробки с электробритвой достаю запасной портативный радиопередатчик, похожий на обыкновенную анодированную булавку. Втыкаю её в гардину с обратной стороны. За складками её и при желании найти непросто.

Из окна видна проходная. Хозяин все ещё там, жестикулирует руками, выражая чем-то недовольство. Надо осмотреть его хозяйство: возможно и у него припрятаны какие-то штучки для прослушивания наших номеров. Заглядываю в тумбочку, в шифоньер, под кровать. Найти чужую захоронку а чужом доме, в который в любую секунду могут войти, не так-то просто. Да и Хозяин уже шагает по дорожке к вилле.

Свой номер тоже следует внимательно осмотреть, здесь временем я не ограничен, и я шарю по всем углам и закоулкам, проверяю все предметы, где можно спрятать микрофон. И не напрасно: под кроватью у изголовья обнаруживаю прикрепленную липучкой небольшую коробочку, похожую на обыкновенный деревянный брусочек, в который вмонтировано подслушивающее устройство. Не сомневаюсь, что и номере Мирчи установлена такая штукавина. А скорее всего, во всех номерах...

Иона Георгиевич и Михаил Михайлович обнялись, расцеловались. Родные братья да и только! Я, оставив дверь своего номера приоткрытой, слышал как они ворковали, приветствуя друг друга, будто век не виделись и вернулись с жестокой войны...

- ...Как долетел? Очень устал? - участливо спрашивал Иона Георгиевич, похлопывая

гостя по широкой спине. - Приводи себя в порядок и пойдём расслабляться. Я тоже только что прилетел. В самолете жарче, чем в сауне, вспотел, как мышонок...

Генерал разместился в номере Альбины, рядом со мной. Это хорошо: открытая балконная дверь позволяет слышать его густой баритон, напевающий веселую мелодию: "Пан поручик, вашу дочку капитан обидел..."

Вышел он в коридор минут через пятнадцать в легких спортивных брюках, в белоснежной футболке, довольный и улыбающийся, всем своим видом показывая готовность на любовь и подвиг.

Я стоял в коридоре, поджидая Хозяина, чтобы выяснить его планы на дальнейшее. Генерал подошел ко мне игривой походкой двадцатилетнего удальца и изрек многозначительно:

- Вот теперь можно отдохнуть и покуражиться. Как наша прекрасная сауна ещё функционирует? - Его плутовато поблескивающие глаза будто уже видели обнаженные девичьи тела, красивые руки, ласкающие нежными пальцами его начинающие дрябнуть члены.

- У нас все функционирует, - опередил меня появившийся из своего номера Иона Георгиевич. - Если не проголодался, можно начать и с сауны.

- Для аппетита и для стимула, - захохотал генерал, довольный своей остротой.

У входа в "стимулятор" нас поджидал Мирча, подобострастно вытянувшийся, как солдат-первогодок перед грозным начальником.

Как и в прошлый раз сауна была с девицами, выполнявшими вначале массаж веником и пальцами. "Врачевания" перемежались с купаньем в бассейне, поцелуи запивались шампанским.

После омовения все отправились в ресторан. Михаил Михайлович, не очень-то воздерживавшийся от коньяка и шампанского в сауне, изрядно захмелел и раскис совсем. Его пассия длинноногая крашенная блондинка подтрунивала над ним и настойчиво напрашивалась в номер, желая остаться ночевать. Я серьезно обеспокоился, что она сорвет мои планы и не даст поговорить президенту с кагэбешником о деле. А завтра у них могут быть другие планы, и они обсудят все проблемы не в номере, а где-нибудь на природе, и я ничего не узнаю.

Но на то Петрунеску и был президентом, чтобы держать ситуацию под контролем и вовремя сказать: "Стоп!". Около двенадцати ночи он скомандовал по военному: "Отбой!", и Мирча повел девиц к машине, ожидавшей их у подъезда.

Иона Георгиевич пригласил гостя к себе в номер. Я проводил их и, пожелав спокойной ночи, спустился в холл, чтобы перекинуться парой слов с Мирчей и выяснить, кто его прислал сюда и зачем. Не за мной ли его снова приставили следить?..

Он прощально помахал визжавшим в машине девицам и стал торопливо подниматься по ступенькам на второй этаж.

- Надо было оставить хоть одну на двоих, - пошутил я. - Все равно нам с тобой до утра здесь бодрствовать.

- Я и так еле отвязался от этих кобылиц. - Мирча открыл дверь своего номера.

Я хотел пойти за ним.

- Давай чайку хлебнем вместе.

- Какой там чай! - не согласился Мирча. - Босс в любую минуту может вызвать.

- При чем здесь ты? Тебя прислали следить за порядком на вилле, а у босса свои помощники, - намеренно я зацепил самолюбие нового верноподданного.

- Ничего подобного. Конрад приказал мне охранять босса, а не виллу. Мирча захлопнул за собой дверь.

То, что мне нужно было, я выяснил. А вот почему Мирча торопился?.. Правда, мне это очень кстати: каждая фраза босса и генерала могут иметь неопределимое значение.

Быстро захожу в свой номер, закрываюсь и достаю электробритву. Вставляю вилку в розетку, нажимаю на рычажок и перевожу его в крайнее положение. Ножи взвизгнули и

затихли, а изнутри послышалось слабое бульканье, словно кто-то наливал в корпус бритвы воду.

- ... За хорошую весть, - узнал я несколько измененный то ли акустикой, то ли прибором голос Ионы Георгиевича, - и за тебя, друга нашей Молдовы.

Звон стекла, сопенье и чавканье. Отличную подслушивающую технику придумали наши конструкторы. Обыкновенная электробритва, а в ней и телефон, и записывающее устройство. Только как передать пленку? Донич так и не вышел на связь со мной, мне тоже отлучится никак нельзя.

- Только зря вы торопитесь с Приднестровьем и Гагаузией. Пуго может опередить нас.

- А ты уверен, что Горбачев не рискнет без них на введение чрезвычайного положения?

- У Горбуна не хватит ни смелости, ни решительности пойти на это. Военных министров он боится больше демократов и без них станет сговорчивым.

Снова забулькало. Сколько они уже выпили? И генерал, казалось, лыка не вяжет, а рассуждает яснее иного трезвого...

- Если надо, могу ещё пяток, десяток подкинуть ребят. Для надежности, - предложил Иона Георгиевич. - Оторви да брось хлопцы. Лучшие самбисты и каратисты, не говоря уже о владении оружием. Когда им надо убить?

- В понедельник. Следующим за мной рейсом. Там их встретят и разместят где надо. А о количестве завтра после встречи с Косташем решим... Хватит, давай лучше чайку сообрази.

- Можно и чайку. - Из крана зажурчала вода. - Не нравится мне эта мышьяная возня. И Горбачев ваш не нравится. Какой из него политик, если он в своем доме порядок не может навести... А не получится так, что устранение Крючкова и Пуго явится поводом для прихода к власти нового Сталина?

- Не получится. Все продумано и предусмотрено. Только дай надежных ребят...

- Когда ваши генералы планируют ввести чрезвычайное положение?

- Думаю, не раньше сентября. Во всяком случае, до подписания договора с союзными республиками, которое, конечно же не состоится, повода для этого нет.

- Вот и чаек закипел. Тебе с жасмином или мятой?

- Сделай чистый индийский.

- Зря. Жасмин и мята способствуют быстрейшему очищению крови от спиртного.

- Зачем же тогда пить? - рассмеялся генерал. - Кстати, налей ещё по капле. К чаю...

Они пили и повели разговор на чисто семейные темы. У генерала, узнал я, двое детей: сын - старший лейтенант, дочь заканчивает университет и уже успела выскочить за сокурсника замуж; приходится обоим помогать. Иона Георгиевич сожалел, что Альбина никак не может сделать выбор, и он беспокоится за её будущее.

Закончив чаепитие, они тепло распрощались, и Михаил Михайлович ушел в свой номер. В комнате Ионы Георгиевича погас свет. Я выключил радиоприемник. Новости, привезенные генералом из Москвы, взбудоражили меня и призывали к немедленному действию: надо предупредить о готовящемся покушении, которое может привести к непредвиденным последствиям. Но что я мог предпринять в моем положении? Даже если удастся благополучно выбраться с виллы, на что мало надежды, до населенных пунктов отсюда не менее двадцати километров. На попутный транспорт в такое время рассчитывать не приходится, а пешком, даже марафонским бегом, я доберусь только к утру. И удастся ли связаться с Токаревым, тоже гарантии нет. Придется ждать утра утро вечера мудренее.

Я ещё долго лежал с открытыми глазами, думая о предательской роли кагэбешного генерала, сумевшего пробраться в святая святых нашего государства, можно сказать в самое сердце, и ставшего на путь измены. Что его заставило пойти на это? И кому он продался?! Гангстеру и террористу Петрунеску, торгующему оружием, или другим убийцам в Москве, для которых чужды понятия родина, благородство, честь и жалость? По поведению Петрунеску и из обрывков его разговоров я понял, что он в любой момент готов оставить свою "прекрасную Молдову" и скрыться с награбленным за границей. И дочь вырастил себе подобную... А генерал куда намеревается бежать? Кому и где он нужен?.. Угораздило же

меня попасть в эту стаю двуногих хищников...

Утром Петрунеску кому-то позвонил и сказал всего лишь два слова: "Мы ждем".

В одиннадцатом часу на вилле появился длинный черный лимузин - на таких в Москве разъезжают правительственные чиновники, - в сопровождении двух "Мерседесов", тоже черных, служебных, и Иона Георгиевич с Михаилом Михайловичем сели в лимузин без своих телохранителей и укатили в неизвестном направлении. Судя по вчерашнему разговору, к самому Косташу, Министру Обороны Молдовы.

Я побродил по территории виллы, убедившись ещё раз, что выбраться отсюда так же сложно, как из школы террористов. Высокий каменный забор с натянутой поверху колючей проволокой просматривался хорошо с постов охраны. Я вернулся в номер и почти целый день отсыпался, ожидая появления Донича. Он должен узнать, где я, и найти повод, чтобы выйти на связь. Петрунеску и генерал КГБ вернулись на виллу поздно вечером, изрядно нагружившиеся коньяком, пропотевшие, и сразу отправились по своим номерам отдыхать, приказав мне разбудить их в три утра - генерал улетал в Москву.

Ко мне подошел Мирча, появившийся в холле как только лимузин и "Мерседесы" въехали в ворота, ожидая, что босс даст ему какое-то задание. Но тот прошел мимо, не обратив на него внимания.

- Ты повезешь генерала в аэропорт? - спросил у меня Мирча полупшепотом, словно боясь что его услышал.

Я пожал плечами.

- Возможно.

- Если повезешь, возьми меня сопровождающим.

- Зачем? Тебе же Комрад поручил охранять Иону Георгиевича.

- Ну,.. - замялся Мирча. - У босса свои телохранители бездельничают, целый день в карты режутся. А мне очень надо позвонить.

- Жене? - съязвил я, испытывая к этому увальню неприязнь за раболепское преклонение перед начальниками, за тупость и трусость, за неумелую слежку за мной. Но обострять отношения в данной ситуации было не в моих интересах, и я пообещал замолвить за него словечко, если шеф прикажет мне сопровождать генерала в аэропорт.

Днем я хорошо отдохнул, и теперь у меня было достаточно времени, чтобы ещё раз обдумать возможные варианты связи с Доничем или самим Токаревым на случай побега, если возникнет прямая угроза моей жизни. А она могла возникнуть в любую минуту...

Поразмыслив, я пришел к выводу, что наши органы контрразведки не торопятся разделаться со школой террористов и самим Петрунеску, желая выяснить все связи, цели и задачи и кто стоит во главе этой организации. Я все больше приходил к убеждению, что каждый шаг босса под контролем, и моя информация о готовящемся в Москве перевороте дополнит их сведения и, возможно, поможет предотвратить кровопролитие.

Все ещё неясной была причина благоволения ко мне босса. А ведь по-прежнему он полностью не доверяет мне. Зачем я ему нужен?..

Озадачила меня и просьба Мирчи прихватить его в аэропорт. Зачем? Только ли, чтобы не спускать с меня глаз? Возможно. Если позвонить, то кому? У него для этого раньше имелись возможности... Стоп! А если и у него имеется подслушивающее устройство? Не зря же Комрад послал его сюда... Вероятнее всего. На кого, в таком случае, они работают? Уверен - здесь, как и всюду, налажена многоступенчатая слежка друг за другом. В том числе и за Петрунеску. Возможно Мирча тоже подслушал и записал на пленку разговор босса с генералом и теперь хочет кому-то её передать...

Ровно в три я разбудил Иону Георгиевича и генерала. Включил подслушивающее устройство. Пока шеф плескался в ванной, я постучал Мирче. Он хотя и изобразил сонную рожу, глаза были не заспаны. В номер он явно не желал меня впустить, загородив своей могучей фигурой дверной проем.

- Одевайся, - сказал я и вернулся к себе - мне тоже нужно было слушать.

Генерал собрался быстро: через пять минут его голос уже слышался в номере

Петрунеску. Но никаких интересных тем они на этот раз не касались, пили кофе и говорили о семейных проблемах...

Мы с Мирчей почти одновременно вышли в коридор, когда Иона Георгиевич пошел провожать своего московского гостя.

- Разрешите? - подсуетился Мирча, беря из рук генерала чемодан.

Я спустился за ним в холл и увидел у подъезда поджидавший генерала черный "Мерседес". Riskнет ли Мирча напрашиваться в сопровождающие. Мне так хотелось побыстрее вернуться на второй этаж.

- Разрешите остаться? Спросил я у Ионы Георгиевича.

Он махнул рукой - оставайся.

Я почти бегом поднялся по лестнице, подошел к номеру Мирчи. Ключ торчал в двери. Я открыл её, и в свете голубого только что зарождающегося утра увидел скомканную постель на кровати, телевизор на тумбочке, стол, на нем кофеварка и чашка. Ничего заслуживающего внимания.

Открываю ящик стола. Чистые листы бумаги, красочные альбомы с обнаженными женщинами. Может, Мирча не только филер, а и сексуальный маньяк?.. В шифоньере - костюмы Мирчи с пустыми карманами.

Заглядываю в тумбочку и натываюсь взглядом точно на такую же электробритву, как и у меня. Достаяю её и иду к столу, где больше света, испытывая неимоверное волнение - неужто то самое?..

Снимаю головку вместе с колпачком, и под тонкой пластмассовой пластинкой вижу еле различимую крохотную катушку с намотанной волосяной толщины микропленкой. Мысленно хвалю себя за прозорливость и радуюсь тому, что бандиты пользуются одинаковой подслушивающей аппаратурой. Тут же мелькает мысль, что неплохо бы лишить наших противников столь ценной информации. Мирча с Комрадом работают не на друзей: упертые националисты, не желающие ничего видеть и слышать, кроме самостийности.

Забрать бритву? Мирча хватится и сразу поймет, чья это работа. А вот если вытащить микропленку и заменить чистой...

Возвращаюсь к тумбочке, где видел пачку сигарет. Беру её и открываю. Прощупываю каждую. И вот та с твердым наконечником. Вытаскиваю из сигареты пленку, иду к столу и плохо повинующимися от волнения и торопливости пальцами пытаюсь извлечь из бритвы пластинку и катушку. С трудом удается сделать это. Кладу катушку в карман, вставляю в бритву чистую микропленку и поворачиваюсь, чтобы положить прибор на прежнее место. Передо мной Мирча! Он тоже ошарашен, смотри на меня, как на приведение, широко распахнутыми водянистыми глазами.

С огорчением спохватываюсь: я так увлекся делом, что не услышал шума отъезжающей машины.

- Вы... ты? - наконец выдавливает глухо и с ненавистью Мирча.

- Да, я, - говорю как можно спокойнее и беспечнее, чтобы окончательно сбить его с толку, не дать опомниться. - Как видишь, Иона Георгиевич не зря не доверяет подосланным охранникам. Кто тебя послал? На кого ты променял благодетеля, который спас тебя от тюрьмы, платит тебе больше чем министру? Кто поручил тебе шпионить за Хозяином?

Мирча беззвучно шевелит губами, на лбу появляется испарина, но ответа он не находит.

- Не хочешь мне говорить, идем к шефу, - назираю я, занимая на всякий случай более удобную позицию в случае нападения.

- Не надо... Я все вам объясню. _ Мирча отступает в прихожую, загораживая мне выход. - Ничего хорошего это не даст ни мне, ни вам. - Он помялся и выдавил: - Это большой начальник. С самого верха... Мне приказали...

На этот раз я ему верил: не раз Петрунеску в разговорах упоминал имя Снегура, называя его прохвостом и лицемером, готовым ради престижа предать лучших друзей...

- Наверху много начальников. Кто конкретно?

- Не знаю. Так сказал Конрад... Если хочешь, будем работать вместе. Платить будут в три раза больше. А Петрунеску не верь, он коварный человек и не надейся, что он возьмет тебя в зятя.

- Спасибо. Но быть слугою двух господ не менее опасно, чем зятем нашего шефа. - Из намека Мирчи я понял, что он знает что-то о гибели Андрея. - Скажи, кто убил жениха Альбины и за что?

Мирча опустил голову, пряча глаза, и мне подумалось, что он принимал участие в той инсценированной автокатастрофе.

- Он узнал кто на самом деле его тесть и где хранится оружие... А кто убивал... кто-то из нашей школы. Я слышал от Сакирко.

- Врешь, ты был там.

Мирча напрягся и в его уставившихся на меня глазах я прочитал гнев и решительность.

- Ты тоже приговорен, - сказал он глухо. - Отдай пленку и спасайся пока не поздно.

- Ты через проходную меня проведешь?

- Я выпущу тебя из номера. А дальше - твои проблемы. - Он метнул взгляд на пистолет, висевший в кобуре под мышкой, и повторил категорично, протянув ко мне руку. - Давай.

Я сделал вид, что повинуюсь, неторопливо полез в карман за пленкой и, отбив левой рукой протянутую руку, правой нанес удар по сонной артерии. Но не зря я учил Мирчу, кое-какими приемами он все-таки овладел: успел прикрыть шею подбородком, и удар пришелся по скуле. Мирча, похоже, даже его не почувствовал, бросился на меня. Я отпрянул в сторону и со всей силы ударил ногой ему в пах. Он взвыл от боли и, падая, схватился за пистолет. Я прыгнул ему на голову. Каблук одного ботинка попал в висок, второго - в глазницу. На какое-то мгновение Мирча потерял сознание. Этого мгновения мне хватило, чтобы оценить ситуацию, оставлять его живым или нет. Выбор был однозначен, и я сдавил горло незадачливого филера.

Это было второе убийство, от которого нельзя было уйти...

Машинально вытираю руки о футболку, будто стараясь стереть следы преступления, смахиваю с лица холодный пот. Смотрю на выпученные глаза Мирчи, на вывалившийся язык, и по коже пробегает озноб.

Что делать с трупом? Сообщение Мирчи, что я приговорен к смерти, не явилось для меня новостью: и без того было ясно, что шайка бандитов просто так меня не отпустит; Петрунеску держит меня до поры до времени, преследуя какую-то цель. После этого убийства он вряд ли рискнет оставить меня...

Бежать! Но как? Охрана у Петрунеску поставлена не хуже чем к настоящего президента: днем и ночью территория под бдительным оком караульных; где-то бодрствуют телохранители Руссу и Саракуца... И не только они. Даже если удастся выбраться за ворота, за мной бросятся по следу, как борзые... Объяснениям и доказательствам, что Мирча шпионил за ним, Петрунеску вряд ли поверит. А если и поверит, то трудно будет объяснить, зачем я пошел в номер Мирчи, как догадался о подслушивающем устройстве...

Единственное, на что можно рассчитывать, это если Петрунеску утром уедет и Мирча ему не потребуется. А когда выберемся за ворота виллы, тогда проще найти выход...

Я вытащил из кобуры пистолет Мирчи и поменял обоймы: на всякий случай если мои без пороха. Вышел в коридор. Шум борьбы в номере, к счастью, никого не потревожил.

Сердце учащенно колотилось, и все мое тело было как сжатая пружина, напряженное и готовое к взрывным действиям, не управляемым рассудком; мысли металась из одной крайности в другую, то толкая на решительность, то призывая к сдержанности.

Прежде всего надо было успокоиться, и я достал из серванта бутылку коньяка, налил рюмку и осушил её одним глотком. С жадностью стал пить минералку, словно после многочасового марш-броска по жаркой пустыне. Потом лег на кровать и расслабился, отгоняя всякие мысли, продолжавшиеся помимо моей воли роиться в голове. Но постепенно они успокоились, затихли.

Не знаю, сколько я пролежал недвижимо, отрешенный от всего земного, но когда за

окном раздался шум машины, подскочил, как от выстрела, прогремевшего у самого уха.

Выглянул в окно. К подъезду подкатил желтый "жигуленок" с синей полосой и крупными синими буквами ГАИ. Остановился у самого подъезда, и из кабины вышел... я глазам своим не поверил - Дониц! А говорят, Бога нет! Или я родился под счастливой звездой?!

Дониц захлопнул дверцы служебной машины и быстрым шагом направился в здание. Я чуть не бросился ему навстречу. Мысль о том, что он прибыл с важным поручением к Петрунеску и без дежурного не поднимется к нему, охладила мой пыл.

Достаю электробритву и достаю подслушивающее устройство. Раздается трель телефонного аппарата. Иона Георгиевич снимает трубку, отвечает по-молдавски. Дежурный говорит что-то торопливо, и в его голосе не трудно уловить тревогу. С трудом удастся понять: прибыл посыльный от Комрада по очень срочному и важному делу.

Что-то случилось в школе. Возможно, наши начали действовать.

Иона Георгиевич приказывает пропустить к нему Доница.

Через минуты слышны шаги в коридоре. Двоих. Нахлебники бдительно берегут своего кормильца.

Щелкает замок открытой двери, и Дониц с ходу докладывает по-русски, чтобы и я был в курсе дела:

- Беда, Иона Георгиевич. В аэропорту арестован генерал. Школа наша оцеплена солдатами. Мне с Комрадом еле удалось уйти: мы как раз возвращались из Кишинева.

- Подкрепление вызвали?

- Связь оборвана. Радио заглушают.

- Напали русские?

- Я видел и наших полицейских.

- Сволочи.

Петрунеску крутнул диск телефона и снова выругался.

- И тут отрубили... Подними шофера и телохранителей. Через десять минут выезжаем. На "Волге".

Когда дежурный постучал в мой номер, я уже убрал бритву и был готов к отъезду. Опасность обнаружения трупа Мирчи подхлестывала меня, и я, спустившись на первый этаж, заскочил к Руссу и Саракуце, поторопив их со сборами.

Гараж располагался под домом и закрывался кодовым замком, секрет которого, кроме меня и Петрунеску, вряд ли кто знал. Набираю номер, и ворота, как по волшебному велению, распахиваются.

Сажусь в "Волгу", включаю зажигание и, не ожидая прогрева двигателя, выезжаю. Выскакиваю, закрываю ворота. Останавливаюсь у подъезда и чуть ли не молю Бога, чтобы Петрунеску быстрее вышел и не вспомнил о Мирче.

Первыми появились Руссу и Саракуца, а за ними и Иона Георгиевич в светлом костюме и при галстукке, но с черной щетиной на скуластом лице с раздвоенным подбородком, подчеркивающим его суровую волевою натуру и жестокий характер. Окидывает нас беглым взглядом и спрашивает:

- А где Хадырке? Почему не разбудили?

- Я стучал ему, - выскакивает из двери дежурный. - Думал, он уже вышел.

- Разыщите его. Быстро! - Широкие черные брови Петрунеску то сходятся, то расходятся у переносицы, выражая злость и нетерпение. У меня замирает сердце: сейчас обнаружат... Что делать? Выйти из машины и объяснить или выхватить пистолет и попытаться пробиться?.. Нет, слишком неравны силы, и отсюда так просто не вырваться. Мы и с Доничем не справимся.

Надеюсь, что Петрунеску не станет дожидаться, когда найдут нерасторопного увальня, но Хозяин не из тех, кто не доводит свои распоряжения до конца.

Выбегает дежурный, бледный, перепуганный.

- Он мертв, - докладывает, заикаясь.

- Как, мертв? - круто поворачивается Петрунеску. - Убит, умер?

Дежурный пожимает плечами.

- Лежит на полу. Крови нет. То ли сердце, то ли задушен.

- Такого буйвола? - Петрунеску подозрительно-пронзающе смотрит на меня. Я выдерживаю взгляд, и босс снова поворачивается к дежурному. Оружие при нем?

- Все на месте.

- Разберитесь. Найдите обрыв телефонных проводов. Мы скоро вернемся. И сел в машину на заднее сиденье.

- Разрешите мне с вами? - Дониц по-военному прикладывает руку к голубому берету, лихо надетому набекрень, придающему ему бравый вид.

- Поезжай в аэропорт, - Иона Георгиевич достает из кармана две карточки, похожие на визитки. - Эту отдашь начальнику аэропорта или его заместителю. По этому номеру позвонишь через час и доложишь обстановку. Тогда же получишь дополнительные указания. В Кишинев, - командует он мне.

"Пронесло?" - с сомнением и надеждой спрашиваю сам себя и включаю скорость. "Волга" срывается с места, будто старается быстрее увезти из опасного особняка, где меня преследует не только труп со страшным оскалом, но и тень собственной смерти.

Лишь за воротами, спустя минут десять, начинаю успокаиваться: опасность на некоторое время дает мне передышку.

С узкой гравийной дорожки съезжаем на шоссе. Солнце уже оторвалось от горизонта и лучи, пробиваясь сквозь кроны деревьев, растущих по обочине, образуют на асфальте зеркальные блики, слепящие глаза. День снова обещает быть знойным. Дорога ещё пустынна, но я не увеличиваю скорость, обдумывая ситуацию и стараюсь предугадать, что ждет нас впереди. То, что Петрунеску заподозрил меня в убийстве Мирчи и порчи телефонных проводов, вероятнее всего - очень уж пронзительным взглядом он окинул меня, когда дежурный сообщил о трупе. И теперь я чувствую на затылке его сверлящий взгляд, стремящийся проникнуть в тайну моих мыслей. Надо быть очень осторожным и начеку. У любой обочины Петрунеску может приказать остановиться и выйти из машины, а Руссу или Саракуца, тоже притихшие в напряженном ожидании, выполнят любой его приказ. Но теперь патроны в моем пистолете не холостые и просто так я не дам им убить себя.

Проезжая мимо одного селения, я увидел в нем три бронетранспортера, две грузовые машины и группу наших солдат около них. Зачем они сюда прибыли? Учения или разборка между приднестровцами и националистами?..

В соседнем селе такая же картина: бронетранспортеры и солдаты.

Иона Георгиевич заерзал на сиденье, стал вертеть головой. В взглянул на часы. Начало седьмого. В Москве начало девятого. Включаю приемник, и голос диктора, твердый, решительный словно читающий приговор, звучит в напряженной тишине: "... идя навстречу требованиям широких слоев населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечении законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок шесть месяцев с четырех часов по московскому времени девятнадцатого августа тысяча девятьсот девяносто первого года.

Второе. Установить, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеет Конституция СССР и законы Союза ССР.

Третье. Для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР) в следующем составе"...

"Наконец-то! - чуть ли не крикнул я. - Наконец-то в стране будет наведен порядок, покончат с бандформированиями, заставят удельных князьков-президентов жить по общим законам. Наконец-то я вырвусь на свободу!"

Смотрю в зеркало заднего вида. Хозяин сидит, низко опустив голову. Стиснутые челюсти выдают рвущееся наружу негодование, безысходное отчаяние и напряженную

работу мысли...

- Ты что, уснул за рулем? - вдруг рычит он, толкая меня в спину: я так заслушался, что сбавил скорость чуть ли не до пешеходной.

Даю газ, и машина, поперхнувшись большой дозой бензина, рывком устремляется вперед...

Четвертое, - продолжает диктор. - Установить, что решения ГКЧП СССР обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза ССР. Янаев, Павлов, Бакланов."

- Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, - говорит Перунеску. - Ошибся со своим прогнозом Михаил Михалыч. - И после небольшой паузы обращается ко мне: - А где же ваш Горбачев?

- Горбачеву давно надо было дать пинка под зад, - откровенно высказываю я свое мнение. - Демагог и пустозвон.

- Думаешь, Крючков с Пуго будут лучше?

- Почему Крючков с Пуго? Им своей власти достаточно.

- Как сказать. Тебе, как журналисту, должно быть известно, что рижское кровопролитие - их рук дело... - Глубоко вздохнул. - Сколько теперь полетит голов...

"Да уж, - мысленно и одобряюще соглашаюсь я. - И с тебя первого надо начинать".

Впереди показался Кишинев. Дорога стала более оживленной, и все чаще нам попадались бронетранспортеры, легкие танкетки, машины связи. В городе у административных зданий стояли солдаты в бронежилетах и касках с автоматами на шее.

- Останови вон у той будочки, указал босс на пост ГАИ.

Сквозь стекло я видел как он здоровался с обитателями будки, тремя полицейскими, потом кому-то звонил. Вернулся минут через пять, как мне показалось, успокоенным и более решительным. Махнул вперед рукой.

- Ко мне домой..

Но приказал остановиться, не доезжая чуть ли не целый квартал. И послал меня одного, велел переодеться в свою военную форму.

"Значит, наша взяла, с радостью подумал я. - Хочет прикрыться моей капитанской формой".

Улицы были ещё малолюдны, горожане только просыпались, и у дома, где жил Петрунеску, совсем пустынно.

В подъезде, как и прежде, бодрствовали двое дежурных, которых я уже встречал, и они пропустили меня без вопросов.

Здесь все было спокойно, словно ничего не произошло, и это меня удивило: почему Токарев оставил без внимания главное гнездо? Или без босса оно не представляет интереса?... Или не до него?.. Молдова, наспигованная националистами, бандформированиями во главе с некоторыми представителями власти, серьезный дремлющий вулкан...

Альбина, вопреки моему ожиданию, не выглядела сонной и растрепанной она просыпалась обычно не раньше десяти, - встретила меня причесанная, надушенная и успевшая подкраситься. Словно ждала меня. Подставила щеку для поцелуя и обеспокоено спросила:

- А где папа?

- Здесь, в городе. Скоро будет. Я заскочил на минутку, чтобы снова стать капитаном Семиречиним.

- Понятно, - не удивилась она. - Я слышала по радио. Объясни мне, что там, в вашей Москве, происходит? Горбачев действительно болен?

- Он давно болен инфальтильностью. Только поначалу не разглядели. Теперь, по-моему, его песенка спета.

- А наш Снегур?

- Не знаю. Смотри, какую позицию он займет.

- Этот подонок к любому пристроится, лишь бы у власти удержаться.

- Отцу никто не звонил? - поинтересовался я по собственной инициативе.

- Звонили. Просили, как появится, перезвонить.

Я не стал спрашивать кому, чтобы не показаться слишком любопытным, сейчас особенно надо держать ухо востро, развязка близка, но всякое может случиться.

- Софья Михайловна дома? - решил я выяснить одни ли мы в квартире.

- Ей здесь больше нечего делать, - со злостью ответила Альбина. - Ты соскучился по ней? - прищурила она свои большущие цыганские глазища.

- А как же. За тебя переживаю: как ты теперь без мамочки? Хотя она и не родная, но кормила тебя, ухаживала...

- Да пошел ты!.. - вскипела Альбина.

- И вправду, пошел. - Но едва я сделал шаг, как в прихожей раздалась соловьиная трель - кто-то ещё явился.

Альбина чуть ли не отталкивает меня и устремляется к двери. Щелкает замок, и слышу её радостный голос:

- Ты что, с неба свалился?

- Почти, - отвечает знакомый мужской голос. Но чей, никак не могу вспомнить. Слышу объятия, поцелуи. Выхожу в прихожую. Ну, конечно же, Скородумов, собственной персоной.

- Привет, молочный брат, - протягиваю ему руку.

Он шокирован, ревниво смотрит на Альбину, требуя объяснения. Но она молчит, насмешливо покачивая своей красивой ножкой. И сопернику ничего не остается, как ответить на приветствие.

- ... Я думал, вы уже в Москве, - растерянно говорит он.

- Да вот Альбина не отпускает, - подначиваю я его, кивая на общую возлюбленную. - Бойтесь, что ты один не справишься.

- Ах, какая самореклама! - не остается в долгу Альбина. - За него-то я как раз и не боюсь. А вот за тебя... - Она сочувственно усмехается. - Тебе действительно пора в Москву.

- Я ещё задание редакции не выполнил. Никак не могу найти автора одного письма.

- Вы ещё занимаетесь этим? - удивляется Скородумов.

- А как же. Я - человек военный, привык выполнять приказы. Непонятно, как ты оказался здесь, когда объявлено чрезвычайное положение, а у вас в полку, наверное, повышенная боеготовность.

- Меня это уже не касается: я более не летчик ВВС и даже не военнослужащий Вооруженных Сил СССР. Я теперь - военный пилот Молдовы, суверенной свободной страны.

Я даже присвистнул.

- Быстро ты сориентировался. Не поспешил?

- В самый раз. У меня и квартира здесь, и родные.

- И невеста из крепко обеспеченной семьи, - дополнил я.

- И невеста, - соглашается Скородумов. - А хотите, я продам вам секрет, кто написал письмо в редакцию?

- Интересно... И сколько же будет это стоить?

- Сущий пустяк. Ко всему, я избавлю вас от хлопот при выезде из Молдовы.

- Совсем подходяще. Я слушаю.

- Отдайте мне красного "жигуленка".

- Губа не дура. Но дареного не дарят. А это подарок Альбины. Я не хочу терять память о ней. - Смотрю на Альбину. Глаза её сверкают молниями, ноздри раздуваются, как у взнузданной дикой лошади. Скородумов делает вид, что не замечает её гнева, и мне вспоминается беседа с ним, его признание: "Жадность фраера сгубила". Видно, урок не пошел ему впрок. - Ко всему, я узнал, кто написал письмо. Раньше сомневался, а теперь - нет. - И смотрю обличительно ему в глаза.

- Да, я написал, - признается со злостью Скородумов. - Потому что Вайкулевич -

сволочь, за чепуху отстранил меня от полетов. Да черт с ним, он свое ещё получит... Так как насчет "жигуленка"?

- Прекрати! - взвизгивает Альбина. - Как базарная торговка!

- Вот видишь, - констатирую я. - Тебе мало, что уступил Альбину? Разве она дешевле стоит? - поворачиваюсь и иду к двери.

В комнате телохранителей быстро переодеваюсь в свою родную форму...

Иона Георгиевич сидел на прежнем месте, вжавшись в угол и опустив на грудь голову. Видно, невеселые думы обуяли его, неожиданно, нежданно, негаданно свалились известия о событиях в Москве, которые перевернут всю его жизнь.

Я открыл дверцу и коротко доложил:

- Все в порядке, Иона Георгиевич.

- Поехали к дому, - приказал он.

Останавливаю машину у самого подъезда. Он и Руссу вылезают.

- В случае чего, просигналишь: два коротких и один длинный, предупреждает Петрунеску. - Мы скоро вернемся.

"Самый подходящий момент смываться, - мелькает сокровенная мысль, когда босс и Руссу скрываются в подъезде. - Прихлопнуть Саракуцу труда не составит... А как с Доничем? Вдруг он ничего не передал нашим?.. Не пора ли самому начинать действовать?"

- О, черт, забыл Альбину предупредить, - говорю вслух и открываю дверцу. - Пойду, звякну ей.

Телефонная будка через дорогу. Иду туда и набираю "аварийный" номер, который дал Дониц на самый крайний случай. Сразу же отвечает мужской голос:

- Фирма "Каштан". Вас слушают.

- Говорит Семиречин. Я от шефа. Он, по-моему, собирается в командировку. Какие будут указания.

- Ему никаких. А вам - ждать. - И в трубке раздаются короткие гудки.

Что ж, подождем ещё немного...

Иона Георгиевич и Руссу вернулись минут через пятнадцать. Телохранитель принес большой увесистый чемодан. Я открыл багажник.

- Сходи к Альбине, возьми бутылку "Камю" и чего-нибудь перекусить, обедать теперь нескоро придется, - приказал мне Петрунеску.

Скородумов все ещё был у Альбины.

- Ты вернулся сказать, что передумал? - наконец-то осмелился он меня "тыкнуть" и остричь.

- Угадал. Только если ответишь на второй вопрос: кто и за что убил Андрея?

- Это не по моей части, - посерьезнел Скородумов. - Могу поклясться, что я к этому никакого отношения не имею.

- Может, вдова его что-нибудь узнала? - глянул я в глаза Альбине, тут же вспыхнувшие негодованием.

- Убирайся, - прошипела она. - Меньше будешь знать, дольше проживешь.

- Я пришел по поручению отца, он просил дать ему бутылку "Камю" и закуску.

Альбина ушла на кухню, быстро вернулась с полным полиэтиленовым пакетом.

- Я ж предлагала ему.

- При виде твоего нового возлюбленного у него пропал аппетит и память, - позлил я напоследок свою недавнюю любовницу и захлопнул за собой дверь. Но сообщение Альбины, что она предлагала папаше провизию, натолкнуло меня на мысль о преднамеренном удалении меня из машины. Видимо Ионе Георгиевичу надо было дать телохранителям какие-то секретные указания, вероятнее всего касающиеся меня...

- На Центральную и по Котовского, - скомандовал Хозяин, доставая из пакета пузатую бутылку.

Похоже, мы возвращаемся на виллу. Около поста ГАИ снова остановились. Теперь в будке находилось человек пять. Один капитан, в котором я признал того самого, кто

допрашивал меня после аварии, вышел к нам и Иона Георгиевич, поздоровавшись с ним за руку, повел в сторону от машины. Что-то внушительно стал ему втолковывать, размашисто жестикулируя. Тот виновато кивал.

"Да, на Петрунеску работает не только школа террористов, - убеждался я. - Медлительность наших органов дала ему возможность многих поднять на ноги, и теперь просто так его не возьмешь"...

Когда мы тронулись от поста ГАИ, за нами покатила "Мерседес" с мигалкой и желтый "жигуленок", в которых сидели по трое полицейских. "Мерседес" тут же обогнал нас и пошел впереди.

- Держись за ним, - приказал Петрунеску.

Дорога была уже запружена автобусами, грузовыми и легковыми машинами. По-прежнему на перекрестках стояли бронетранспортеры, а около них небольшими группами - солдаты. Все было тихо и спокойно, и это радовало: значит, народ правильно воспринял введение чрезвычайного положения. Но народ, как утверждают некоторые политики, это стадо. А вот как поведут себя пастухи?..

Иона Георгиевич по-прежнему молчалив и задумчив. Его телохранители Руссу и Саракуца, как часовые на посту, не перебросятся и словом, пристально осматривают каждую встречную и обгоняющую машину, готовые в любую секунду открыть огонь из лежащих на коленях автоматов.

Чем дальше отъезжаем от Кишинева, тем свободнее становится дорога. И в пронесившихся мимо селах людей не видно, словно они попрятались и затаились в ожидании опасности. Тишина настораживала и давила. Так было в Афганистане, когда, пробираясь по горам, мы за каждым камнем ждали засады. А здесь без засады справа и сзади сидят мои враги, готовые по первому знаку пустить мне пулю в затылок... Я загнан в угол, но почему-то пока меня не трогали, для какой-то цели держали. Петрунеску даже не спрашивал о Мирче, в убийстве которого, несомненно, подозревал меня. Правда, торопиться им некуда, расправиться со мной они успеют в любую минуту...

Мы мчались на юг, по автостраде на Болград. Но у Чимишлия "Мерседес" свернул направо, и мое предположение, что едем на виллу, оказалось ошибочным. Уж не надеется ли Петрунеску днем пересечь румынскую границу?... Все возможно...

Минут через сорок мы свернули налево на малоезженую грунтовую дорогу, засыпанную лишь в низинах гравием. Виноградники и сады по обочинам сменились лесом, поначалу молодым и редким, но по мере продвижения вперед деревья крупнели, сплетались наверху кронами, образуя своеобразный тоннель, прохладный, манящий к отдыху.

К лесу у меня было особое, благоговейное отношение; я любил его больше, чем море и предпочитал проводить отпуск в Подмосковье, а не на Черноморском побережье, куда многие москвичи устремлялись летом. Но то было другое время и другие обстоятельства...

Еще минут двадцать ехали по узкой лесной просеке и, наконец, перед нами открылась небольшая поляна, на которой слева возвышался двухэтажный деревянный терем, какие мне доводилось видеть лишь на картинках: резное крыльцо с витыми колоннами, резные наличники окон, резные карнизы. Все однотонное, чистое, словно выточенное из янтаря; и солнце, отражаясь от стены, слепило огненным бликом.

Терем построен совсем недавно: нет ещё ограды, в обозначенном столбами палисаднике видны молодые саженцы яблонь, черешни, виноградника.

Я припарковал "Волгу" рядом с "Мерседесом", остановившемся под кроной могучего дуба, подождал, пока выйдет патрон, и пошел за ним к терему. Навстречу Петрунеске уже спешил мужчина в белой сорочке, вышитой у ворота и на рукавах национальным орнаментом, в синих просторных шароварах и легких чуваках. Ему было лет пятьдесят, лицо с запорожскими вислыми усами, и серые глаза выдавали в нем скорее украинца, чем молдаванина. На крыльце стояла женщина тоже в национальном одеянии: белой вышитой блузке и широкой черной юбке. Она была моложе мужчины лет на пятнадцать, симпатичная, кареокая, хотя и рано располневшая.

Петрунеску поздоровался с мужчиной и женщиной, по-холопски склонившими перед ним головы, и вошел в терем. Мужчина и женщина засеменили за ним.

Внутри терема оказалось гораздо просторнее, чем виделось снаружи: пять комнат только на первом этаже пока ещё с самой необходимой мебелью: диванами, столами, креслами, без роскошных ковров, которые любил Хозяин и устилал ими все, где ступала его нога, и без портьер.

Управляющий - такова, видно, должность встретившего нас мужчины, повел Петрунеску на второй этаж, рассказывая на украинском, что сделано за последние дни, женщина заторопилась на кухню, а я остался в гостиной, наблюдая из окна за пассажирами "Мерседеса", улегшимся на траве под дубом и весело о чем-то болтающих. Шофер "Жигулей" из кабины не вышел, а его пассажиры, гаишники, лейтенант и сержант, в форменных рубашках с короткими рукавами, из-под которых выглядывали бугристые бицепсы, направились в дом. Вошли в гостиную и бесцеремонно уселись на диван. За ними явился И Руссу. Саракуца присоединился к компании из "Мерседеса".

Из разговора гаишников, обсуждавших события в Москве, я уловил, что в Молдове вместе с советскими воинами за порядком наблюдают и полицейские, что якобы Снегур высказал одобрение введению чрезвычайного положения и поддерживает ГКЧПистов. Правда, говорили стражи порядка о своем президенте с насмешкой, явно выражая неодобрение его политики.

Управляющий спустился со второго этажа и передал, что Хозяин просит меня и Руссу подняться к нему.

Комната на втором этаже, где в мягком кресле восседал наш босс, была обставлена в стиле Петрунеску - с коврами на стенах и на полу, с дорогой, сверкающей полировкой мебелью. Но я сразу забыл о роскоши, глянув в холодные, не сулящие ничего хорошего глаза шефа.

- Садитесь, - указал он кивком на диван напротив. - Итак, мой любезный подопечный, скажи как на духу, кому ты звонил из телефона автомата? уставился он на меня своим пронзающим взглядом.

- Пытался позвонить, - поправил я шефа, беря себя в руки, стараясь ничем не выдать волнения. - У вас в квартире у меня со Скородумовым состоялся неприятный разговор о подарке Альбины - красных "Жигулях". Он просил отдать их. Я отказал, а потом передумал. Вот и решил позвонить. Но телефон был занят.

- Ты интеллигентный человек и знаешь, что подарки не передариваются, отрубил Петрунеску. - И знаешь - подарок не только Альбины, но и мой. Допустим, ты говоришь правду. Допустим, - повторил он, давая понять, что не верит моему объяснению. - А за что ты убил Хадырке?

- Он напал первым, - этот вопрос я ждал давно и приготовил ответ. - Я застал его за подслушиванием вашего разговора с Михаилом Михайловичем. Вот он и решил не оставлять свидетеля. Он давно хотел разделаться со мной, когда я догадался, что это он убил жену и Петрю Супруне и намекнул ему об этом.

- Почему же ты сразу не доложил мне?

- У вас были свои серьезные проблемы, и я не хотел отвлекать вас...

- Пожалел! - прервал мое оправдание Петрунеску. - Встал и прошелся в задумчивости по комнате.

- Разрешите, шеф? - вмешался в разговор Руссу.

- Давай, - снисходительно кивнул босс.

- Этот москаль сразу мне не понравился. Все он врет. Дайте мне его, и через десять минут я вытрясу из него все вместе с говном.

- Подожди. Он ещё не на все вопросы ответил. - Петрунеску остановился напротив меня. - На кого работал Хадырке?

- Не знаю. Говорил, что на большое начальство. И мне предлагал перемертнуться. - Для подтверждения я достал из кармана пленку и протянул ему. - Можете удостовериться.

Он взял, повертел в руках. Спросил, не скрывая сарказма:

- И чем же я заслужил такой твоей преданности?

- Вы сами говорили, что у меня другого выхода нет. И действительно, встаньте на мое место...

- Положение незавидное. Но ты прекрасно понимаешь, кто его создал.

- Понимаю. Понимаю и то, что кроме вас, меня никто не вытащит из этой ситуации. Уж коли наши отказались обменять... Потому и служу вам верой и правдой. Разве вы не убедились? Прикажите еще...

- Что я могу тебе приказать, - глубоко и грустно вздохнул Петрунеску. - Нас обложили со всех сторон. И ваши генералы церемониться не станут... Куда хочешь: в Италию, в Америку, в Ирак? Временно, разумеется. Думаю, у власти эти новоиспеченные президенты долго не удержатся. Шторм одной волной не кончается. - Помолчал. - Можно и в Москву, если считаешь, что сможешь оправдаться. Потом мы тебя найдем.

- Куда прикажете или посоветуете, - лицемерно заявил я, подавляя радость при одном слове "Москва". Напрасно бос надеется, что ему удастся вырваться за границу. Я не сомневался, что все пути туда перекрыты. Уж коли самого Амина с его войском нашим спецназовцам удалось обезвредить, то этого спортивного президентушку они прихлопнут, как муху. Но надо не расслабляться, наступает самый ответственный момент. Руссу вон как агрессивно настроен. Лучше всего, конечно, смыться; такие возможности уже предоставлялись и ещё будут, но очень уж хотелось посмотреть, как арестуют моих истязателей и торжествовать над ними победу.

Лицо Ионы Георгиевича смягчилось, и он опустил в кресло.

- Хорошо. Ответь ещё вот на такой вопрос: может ли небольшой пассажирский самолет уйти ночью от перехватчиков и вообще от средств ПВО?

"Вот зачем я ему нужен, - окончательно убедился я, - и зачем он катал меня "Пчелке".

- Трудная задачка. Много зависит от того, кто будет сидеть за штурвалом пассажирского самолета, от его смекалки и военной подготовки, какой он выберет маршрут для пересечения границы, - решил я не лишать надежды Петрунеску. - А здесь Румыния - рукой подать.

Глаза Ионы Георгиевича лукаво заблестели.

- А ты рискнул бы на такой эксперимент?

- Кто же мне доверит самолет? - прикинулся я простачком.

- А вдруг... К примеру?

- Если к примеру... Почему бы не попробовать. Тактику наших истребителей я хорошо изучал. На летно-тактических учениях умел от них уходить. Да и в конце концов, двум смертям не бывать, как говорят у нас.

- И у нас так говорят, - улыбнулся Петрунеску. И встал. - Что-то хозяйка долго возится. - Он направился к лестнице. Мы спустились за ним на первый этаж.

Хозяйка уже накрывала стол. В гостиной, кроме нее, никого не было.

- Зовите хлопцев, все готово, - пропела она, почтительно и игриво глянув на Хозяина.

- Крикни, - кивком велел мне Петрунеску.

Под дубом желтых "Жигулей" уже не было, троица из "Мерседеса" и Саракуца играли в карты. Я позвал их, и они не заставили себя ждать.

Петрунеску с нами не обедал, ушел на второй этаж с управляющим и там, видимо, они ели и пили, вели конфиденциальный разговор. Нам не подали даже пива, и обед прошел быстро и скучно, все чувствовали друг к другу недоверие и старались меньше говорить, боясь как бы не сболтнуть чего-нибудь лишнего.

После обеда Петрунеску разрешил всем, кроме старшего из "Мерседеса" и Саракце, отдыхать. Молодцы из ГАИ предпочли холодок под дубом, а я отправился в отведенную нам комнату. Но какой мог быть сон, когда над нами всеми, особенно надо мной, висела опасность? По мере того, как время шло, а никого из моих освободителей не появлялось даже в поле зрения, во мне росло чувство неуверенности и страха. Малейшее осложнение

обстановки или нарушения плана босса, со мной церемониться не станут. И помощи ждать неоткуда... Не плохо бы послушать радио, узнать, что происходит в стране, но идти в машину без разрешения шефа, значит, вызвать у него новые подозрения. А он хотя и старается держаться молодцем, все равно заметно напряжен до предела. И лучше его не трогать...

Я лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок, думая о том, как будут развиваться события. Вопрос о способностях наших ночных перехватчиков не случаен: он рассчитывает на легком пассажирском самолете улететь либо в Румынию, либо в другую близлежащую страну. Начальство аэропорта у него куплено. На военный самолет он не надеется: воинские части приведены в повышенную боевую готовность, и тем наемникам, прокатившим нас до Калараша, вырваться не удастся. Аэропорт, по логике, тоже должен быть взят военными под контроль. Но вдруг наше командование не решится "осложнять" отношения с местными властями? На что-то Петрунеску рассчитывает. Он умеет это делать. В случае чего, может пойти и на крайнюю меру: захватить самолет силой. Боевиков у него, кроме школы террористов, предостаточно. И Скородумова Альбина завлекла в сети не ради любовных утех - он тоже пилот и нужен как запасной вариант. А возможно и главный.

Скородумову простительно: "жадность фраера сгубила", а меня-то, уже побывавшего однажды на крючке у Альбины, как снова удалось обвести вокруг пальца?..

Я злился на себя за собственную глупость и доверчивость, за пристрастие к прекрасному полу, не раз ставившее меня в безвыходное положение, на грань жизни и смерти. И как тут не вспомнить простую, но мудрую житейскую заповедь: избегайте трех зол: женщин, вино и карты. Одного только не было в моем досье - карт.

Мысли мои кружились по кругу, не находя выхода. Разболелась голова сказывались бессонница и напряжение. А она должна быть ясной как никогда самое трудное впереди. Постепенно я сумел взять себя в руки, отбросить панику - мною вдруг овладело безразличие: чему быть, того не миновать; мысли исчезли, и я, продолжая смотреть в потолок, стал вслушиваться в тишину приютившегося на опушке леса дома, ещё пахнущего свежей хвоей, навевающей воспоминания о далеком безмятежном детстве, когда я уезжал на каникулы в деревню к дедушке...

Я не заметил как уснул зыбким, беспокойным сном издерганного нервотрепками человека. И мне приснился Афганистан. Я с группой перехвата душманского каравана с оружием, следующего из Пакистана, на узкой тропе в горах. С обеих сторон нас обложили душманы. Ночь темная и трудно разобрать, где товарищи, а где моджахеды. Мы схлестнулись в рукопашной. Я отбиваюсь автоматом, сбиваю с ног бросившегося на меня косматого детину, ребром ладони бью по хрящеватой шее. На меня нападают новые. Мне ужасно тяжело, сердце бешено колотится, трудно дышать. Меня теснят к пропасти. Еще шаг и я полечу в бездну... И вдруг издали доносится знакомый стрекот. Вертолет! Я чуть не кричу от радости, вижу как разбегаются душманы, бросая оружие.

Гул все ближе и ближе, я слышу его все отчетливее, и страх отступает. Вертолет пролетает над самой головой, но я его не вижу. С трудом разлепляю глаза. Надо мной потолок. Но гул вертолета не пропадает, он лишь удаляется, потом снова нарастает. Я вспоминаю, где нахожусь, и начинаю соображать: вертолет здесь не случайно.

Слышу как хлопает дверь и негромкую скороговорку на первом этаже. Люди чем-то встревожены. Спустя немного раздается ругань, грохот упавшего стула. Кто-то вскрикивает.

Быстро встаю и спускаюсь вниз. Передо мной предстает довольно странная картина: на полу с окровавленным лицом лежит гостеприимный управляющий, а по бокам его два дюжих молодца из "Мерседеса" в форменных сорочках с укороченными рукавами. Иона Георгиевич восседает в кресле, как судья перед пойманным на месте преступления вором.

Руки у распростертого на полу связаны, он сквозь стон пытается что-то объяснить.

- Поднимите его! - приказывает Петрунеску.

Молодцы хватают управляющего и сажают на стул. Один бьет его кулаком снизу вверх, под скулу, заставляя поднять голову и смотреть на Хозяина.

- Чей вертолет, кому ты продался? - сурово спрашивает Петрунеску, видимо, не в первый раз.

- Ни знаю... Воны прийшли на другой день, як начали тут строить, хрипло, с перерывами заговорил управляющий. - Предъявили удостоверения работников внутренних дел Молдовы. Сказали, что все знают обо мне и о вас, и что если не хочу снова за решетку, должен информировать их обо всем, что туточки происходит. С кем вы устричаетесь, о чем балакаете, что робите. Пояснили: вы, мабуть, робите на КГБ русских.

- Как часто ты с ними встречался?

- По пятницам, колы у Кишинев издыл.

- И что ты докладывал?

- Та чого я о вас знал?.. Хто бывал тут, чого привезли, о чем балакали...

- Кто они? Фамилии, имена?

- Та хибя ж мини це нужно... Одного, кажись, Мыкола Семенович. Хвамилия - Дарануце... А нидилю назад вон ту бандуру привезли. Наказали, як появитеь туточки, зараз сообщить.

- И что ты им передал?

- Сколько вас... Что приихали отдохнуть денька на три... Они и улетели.

Желваки на крупных челюстях Петрунеску негодующе заходили, губы стиснулись в нитку.

- Забыл, собачий сын, кто тебя из тюрьмы вытащил, сколько за тебя заплатил?..

- Не забыл, Иона Георгиевич, - заскулил управляющий. - Я слова плохого о вас не сказал им... Я ж... шо я мог робить..

- Что с ним разговаривать. Дайте сне его, - попросил стоявший у двери Руссу.

Петрунеску подумал.

В это время к дому подкатил желтый "жигуленок". Из него выскочил лейтенант и торопливо направился к крыльцу. Все повернулись к двери. Лейтенант вошел без стука, козырнул по военному.

- Иона Георгиевич, русские совместно с нашей полицией блокировали эту дорогу. Бронетранспортер и два грузовика с солдатами стоят на перекрестке.

Петрунеску встал.

- Пес поганый, - глянул с презрением на управляющего. - Повесьте его вниз головой на чердаке, откуда он вел передачу.

Молодцы подхватили его под руки и поволокли к выходу. Не успела закрыться за ними дверь, как в комнату влетела жена управляющего, упала в ноги Хозяину. Размазывая по щекам слезы, стала молить о пощаде.

Иона Георгиевич кивнул Руссу.

- Убери.

- Я её успокою, - с усмешкой пообещал тот и потащил упирающуюся женщину на улицу.

Нас в комнате осталось трое. Петрунеску попросил лейтенанта уточнить, где остановился бронетранспортер, сколько солдат и полицейских прибыло на машинах. Тот достал карту и указал на ней на точку.

- Вот здесь. Солдат и полицейских человек тридцать. И по шоссе курсируют бронемашины.

- Как они вас пропустили?

- С трудом. Час держали. Все в машине перетряхнули. Потом связались с нашим управлением по рации и отпустили.

Иона Георгиевич помассировал свой наполеоновский подбородок. Долго изучал карту.

- Зови всех, - сказал решительно. - Надо уходить.

15

В лесу, несмотря на густые кроны над головой, куда и днем не заглядывает солнце, было парко и душно. Настоянный на терпких запахах хвои и липы воздух кружил голову и

перехватывал дыхание. Местами путь преграждал валежник, вековые сосны и липы, осины и вязы, отжившие свой век, и через которые надо было либо перелезть, либо обходить их. А с грузом это было нелегко. Через час пути мы взмокли, как загнанные лошади, нещадно подгоняемые жестоким, охваченным паникой наездником, спасающимся от опасных преследователей.

Собрались хотя и без спешки, но энергично и основательно: проверили пистолеты, захватили по две запасных обоймы, Петрунеску принес из тайника два автомата Калашникова. Один автомат отдал Руссу, второй оставил себе.

Идем впятером: Хозяин впереди, держа курс по компасу, за ним управляющий - его пришлось снять с чердака, чтобы нести тяжелый чемодан, Руссу, я и Саракуца, замыкающим.

Желтый "жигуленок" с гаишниками должен вечером пробиться на трассу и ожидать нас в условленном месте, известном только боссу. "Мерседес" и "Волга" остались у дома для дезинформации: пусть наблюдатели считают, что все на месте.

До трассы напрямую через лес километров десять, если верить карте. По дороге или полю - это семечки, а вот по такому лесу, где приходится постоянно петлять, набегит и поболее двадцати.

Петрунеску частенько поглядывает на часы, торопится пробиться к трассе засветло: ночью тут и сам черт ногу сломит. Да ещё доносчик управляющий с нами. Он понимает, что босс вытащил его из петли не из жалости, а надо нести этот проклятый чемодан, в котором килограммов тридцать. А как только дойдем до места встречи... Потому управляющий не торопится, старается подольше перелезть через валежины, несмотря на окрики и пинки Руссу, спотыкается чаще других и сопит, как мулл в непосильной упряжке. Однако глаза его частенько косят по сторонам.

Если ночь застанет нас в пути, уверен, он пойдет на риск. И я стрелять в него не стану...

Мы в пути третий час. Лес становится все гуще и идти все труднее. Спортивная куртка из плащевки на плечах Петрунеску промокла до нитки. Его жировой запасец не менее тяжек, чем чемодан управляющему. И давненько президент спортивной ассоциации не совершал такие марш-броски, все на машине да на машине. Ежедневная утренняя гимнастика маловата для таких перегрузок.

А управляющего уже на самом деле водит из стороны в сторону. Руссу грозит пристрелить его, как собаку, но это помогает мало: украинец понимает, что никому из нас не хочется тащить тяжелый чемодан. По его багровому лицу ручьями льется пот, вены на шее вздулись веревками.

Первым не выдерживает наш предводитель. Останавливается у преградившего путь разлапистого дерева, опускается на ствол, давая рукой знак на привал. Сдергивает с шеи автомат, ставит около ноги. Достает из внутреннего кармана плоскую фляжку, то ли с коньяком, то ли с чаем, делает два глотка и сует обратно. Предусмотрительный и экономный. А мы не позаботились о себе и с завистью облизнули пересохшие губы.

Особенно тяжело управляющему. У него, кажется, и слюна не осталось, чтобы смочить разбитые и потрескавшиеся губы. Он бросил чемодан, положил на него голову, растянувшись на прохладной земле.

Я прислонился спиной к комлю толстеного клена, источающего дурманый аромат, кружащий голову сильнее хмельного. Глаза слипаются от усталости и пота. Вот так бы и сидеть до ночи, а тогда...

Странно устроен наш организм: тело устало так, что ему на все наплевать: на опасность, на коварный замысел Петрунеску, и не хочется двигаться, а мысли продолжают бешеный бег, мечутся по кругу, отыскивая спасательную лазейку, без конца напоминая: не расслабляйся, смотри в оба и будь готов в любую секунду постоять за свою жизнь.

Сквозь прикрытые веки кошу глаза на Петрунеску. Он расстегнул ворот куртки и сорочки, вытянул расслабленно ноги, не спешит продолжить путь. Похоже, изменил решение, и темнота перестала его беспокоить.

Управляющий делает вид, что отдыхает, но лохматые брови напряженно шевелятся, и

узкие, едва заметные щели меж ресницами выдают рыскающий взгляд, в котором ненависть и решительность.

Руссу и Саракуца тоже делают вид, что ничего не замечают, а возможно и в самом деле не напрягают мозги, им все ясно: охранять хозяина, и в случае чего, стрелять без предупреждения.

- Надо бы поискать воду, - вдруг предлагает Руссу, нюхая, как овчарка, воздух. - Кажется, недалеко. Здесь низина.

- Потерпи, - не глядя на него, советует босс. - Немного осталось.

- А если топтать да топтать? У меня уже в мочевом пузыре сухо.

Петрунеску достает фляжку, отвинчивает пробку. Наливает в неё и протягивает Руссу.

- Мочевой пузырь выдержит, а вот губы смочи.

Руссу выливает в рот содержимое, облизывает языком губы.

- Всего тринадцать капель. И обыкновенная водичка. Но все равно, прошу повторить.

Босс наполняет пробку снова, но отдает Саракуце. Потом "причащает" меня. Вода теплая и то ли от заварки, то ли от сухости во рту кажется горьковатой. Но и такой я выпил бы сейчас литра два.

Управляющему достается два наперстка - Хозяин поддерживает его силы и хочет, чтобы он донес чемодан до машины.

Мы отдохали с час. В лесу начало темнеть. Но Петрунеску не торопился: видно, до шоссе осталось немного.

Мне показалось, что в медвяном запахе листвы, усилившемся с заходом солнца, я уловил едва различимую гарь выхлопных газов. Правда, напряженный мозг часто выдает желаемое за действительное, поэтому я не особенно доверился обонянию, и лишь когда новая волна почувствовалась более остро, я догадался, что Хозяин раньше меня уловил её и понял, что до дороги близко.

В лесу быстро темнело. Зной спал и лесные запахи ощущались теперь особенно сильно. В воздухе зазвенели комары, с лету впиваясь в лицо, шею, руки. Руссу и Саракуца закурили. Хозяин поднялся и, отойдя за куст, стал справлять малую нужду. Тут-то и случилось то, чего следовало ожидать: управляющий толкнул чемодан на Руссу и, вскочив, прыгнул за дерево.

Саракуца и я выхвалили пистолеты, открыли стрельбу вслед. Я стрелял в толстенный ствол вяза, повыше головы убежавшего.

- Не стрелять! - рявкнул Руссу, поднимаясь с земли и вытирая лицо, куда угодил чемодан. - Не уйдет. - И рванулся в ту сторону, откуда доносился хруст веток и топот ног.

Петрунеску вернулся и сел на старое место, не проронив ни слова, будто ничего не произошло.

Минут через пять вернулся Руссу, смачно выругался по-русски и сообщил, что прикончил беглеца. Петрунеску поднялся.

- Коль проворонил, неси теперь сам, - взглядом указал ему на чемодан.

Руссу сунул автомат Саракуце, подхватил ношу.

Через полчаса мы были на опушке и наблюдали за мчавшимися по шоссе машинами. Справа метрах в двухстах от нас фары высвечивали небольшой мосток через речку-переплывку. Петрунеску смотрел туда, время от времени сверяясь по часам. Видимо здесь должна была состояться встреча с желтым "жигуленком". Но он не появлялся, а машин на дороге становилось все меньше.

Подождали ещё с полчаса, и Петрунеску высказал предположение, что с гаишниками что-то приключилось; приказал Руссу и Саракуце ловить попутку.

Боевики, повесив автоматы на шею, пошли к дороге.

Ждать пришлось недолго: со стороны Чимишиля показалась машина. Что происходило дальше, нам видно не было. Вскоре подошел Саракуца и сказал, что все в порядке. Мы направились к дороге.

Это был военный газик. Куда подевался водитель и пассажиры и сколько их было, спрашивать не имело смысла. Да и кровавый след на обочине, тянувшийся к мосту,

красноречиво свидетельствовал, куда сброшены трупы.

- Быстро! - поторопил Петрунеску, указывая мне взглядом на шоферское сиденье. Рядом, как и прежде, уселся Руссу.

К аэропорту мы подъехали в начале двенадцатого. Еще издали увидели на стоянке множество машин с буквами "Т", обозначавшими принадлежность к воинским частям. Я преднамеренно "притерся" к ним, чтобы Петрунеску был как на ладони - пора было кончать с ним, - и он, не поняв моей задумки, не возразил. А вероятнее всего решил, что под прикрытием военных безопаснее.

Обстановка, судя по тишине на аэродроме, по беспечно расхаживающим около здания аэровокзала людей, военных и штатских, была спокойная. К нам никто не подходил, и мы сидели в машине несколько минут, ожидая указаний Хозяина, притаившегося в углу и кого-то высматривающего. Наконец он не выдержал и послал Руссу к начальнику аэропорта.

- Пусть придет он или заместитель. - И повернулся к Саракуце. - А ты поищи машину Альбины. Она где-то здесь.

Я внимательно всматривался в каждый силуэт, мелькавший в темноте и в свете аэровокзальных огней. Где-то здесь должен быть и Дониц, а с ним люди Токарева... Пора, давно пора надеть наручники на моего "бесценного благодетеля" и освободить меня от его опеки. То, что он ждет дочь, ещё раз подтверждало его намерение удрать за границу...

Но ни Доница, ни Токарева...

Первым вернулся руссу. Один. Встревоженный, без прежней самонадеянности. Заговорил торопливо, сбивчиво на своем родном языке. Но смысл я понял: "Пчелка" в аэропорту не приземлялась, каждый самолет усиленно охраняется военными и полицейскими; начальник аэропорта сказал, что органы безопасности ищут Петрунеску и что им лучше пока не встречаться. Советовал переждать где-нибудь...

Потом пришел Саракуца. Развел руками: нигде "жигуленка" с Альбиной не нашел.

Петрунеску никак не отреагировал на сообщение подчиненных, лишь нервно помассировал свой наполеоновский подбородок. Подождали ещё минут десять, и он принял решение.

- Поехали.

- Куда?

Он указал в сторону города.

И в это время невдалеке мелькнула фигура Доница.

- Виктор! - крикнул я, приоткрыв дверцу.

Он подбежал сразу.

- Я ищу вас уже минут пятнадцать... А вы на газике...

- Садись, - приказал Петрунеску и, открыв дверцу, подвинулся на середину. Дониц поначалу замешкался, оглянулся и нехотя полез в машину. Я включил скорость.

- Докладывай, - потребовал Хозяин.

Дониц помялся и заговорил опечаленно:

- Плохие дела, Иона Георгиевич. Не знаю, с чего и начать. Снегур, слышал я, поддержал ГкаЧеПистов, солдаты Косташа вместе с советскими частями арестовали нескольких наших боевиков. Ищут вас. И с дочкой вашей, Альбиной, несчастье... - И замолчал.

- Что с ней? - схватил его за плечо Петрунеску.

- Она ехала на машине с капитаном Скородумовым... Видимо, сюда, в аэропорт. Машина взорвалась.

- Какая машина?

- Красный "жигуленок".

- Я ж предупреждал! - в отчаянии воскликнул Петрунеску.

- Видимо, кто-то подложил мину, - продолжил Дониц.

Я наверняка знал кто. Хороший подарок приготовил мне "тестюшка". Альбину же либо забыл предупредить, либо не счел нужным. А Скородумов уговорил поехать на моем

подарке.

- А что со Скородумовым? - поинтересовался я.

- Тоже насмерть.

Вот теперь уж точно: "Жадность фраера сгубила". Насовсем...

- Куда едем? - спросил я, сбавляя скорость.

Петрунеску будто не слышал, нагнув голову, сидел отрешенно и подавленно. Похоже, даже всхлипнул. И мне, перенесшему столько мук, стало его жаль: Альбина - его любовь, радость, надежда - так нелепо погибла. От его же рук. Мину он заложил видимо вчера утром, когда мы заезжали к нему домой. Хотел в последний раз продемонстрировать передо мной свое благородство: отпустить со своим подарком, чтобы навеки похоронить тайну своих преступлений...

- Босс, возьми себя в руки, - напомнил Руссу. - Потом отомстим, а сейчас надо думать, что делать дальше.

Петрунеску поднял голову. Молча вылез из машины и пошел в сторону аэропорта. Мы ждали его минут десять. Наконец вернулся.

- В Варкулешты! - приказал властно и решительно прежним командирским голосом.

Мне показалось, что я ослышался, и переспросил:

- В военный гарнизон?

- Да. Прямо на аэродром.

Что он задумал?.. Выходит, я не ошибся, что видел капитана, летчика с "Пчелки", в Варкулештах... Но если в аэропорту все самолеты под охраной, то на военном... Хотя как сказать... Некоторые наши командиры как раз в такое напряженное время проявляют беспечность... И спросить у Доница ничего нельзя... А Петрунеску и впрямь президент хитрости: на всякий непредвиденный случай у него всегда находится непредвиденный вариант...

В гарнизоне было тихо и спокойно. Лишь в немногих окнах горел свет. Петрунеску ориентировался здесь, как в собственной вотчине: приказал ехать на аэродром со стороны штаба, откуда всегда въезжали служебные машины.

Въезд, как говорится, открытый всем ветрам: даже без шлагбаума, и не охранялся и на этот раз. Лишь у самолетов и командно-диспетчерского пункта маячили тени часовых - начинало светать.

Стоянка обтянута колючей проволокой, и мы покатали по дороге вдоль этого "непреступного" забора.

По тому, как смело действовал Петрунеску, я догадался, что босс звонил из аэропорта в гарнизон и договорился с кем-то, возможно с самим Вайкулевичем, о чем-то. Возможно теперь я и получу ответ, брал ли командир взятки.

У поворота к КДП дорогу перекрывал шлагбаум. У него не было даже запора - просто предупреждение для порядочных и дисциплинированных водителей, чтобы сбавили скорость, а посторонние не заезжали.

Петрунеску приказал Саракуце выйти из машины и поднять шлагбаум. Мы подъехали почти вплотную к часовому у КДП. Тот, увидев военный газик, принял нас за высокое начальство и нажал кнопку вызова дежурного.

- Мотор не выключай, - приказал Петрунеску и вместе с Саракуцей вылезли из машины.

К нам из КДП вышел подполковник Вайкулевич и дежурный, молоденький лейтенант с красной повязкой на рукаве.

Вайкулевич протянул руку Петрунеску, сказал с улыбкой:

- Чего не спится вам, Иона Георгиевич, в такую чудесную, тихую ночь?

- А потому и не спится, дорогой Василий Петрович, что ты не выполняешь своих обязательств. Где самолет, за который я тебе заплатил аванс в три раза больше, чем сама "Пчелка" стоит?

- Вы же знаете обстановку - все полеты запрещены.

- Это не моя проблемы. Мы договорились - по первому требованию. Скажи, Петрунеску тебя подводил?

- Не подводил, Иона Георгиевич. И спасибо, что всегда выручал.

- Из спасибо мешка не сошьешь, как говорят у нас. - Петрунеску нервничал и говорил с сильным акцентом. - Я тоже пошел против закона, доставая тебе деньги, чтобы ты вовремя платил летчикам. Почему государство вас не обеспечивает, не спрашивал. А ты... Где летчики с "Пчелки"?

- Их полчаса назад арестовали.

- За что?

- За то, что хотели улететь самовольно.

- Вот видишь! Летчики хотели, а ты... Кто их арестовал?

- Я, - твердо ответил Вайкулевич.

- Ты? - удивился Петрунеску, и глаза его сверкнули злобой. - Тогда сам повезешь нас туда, куда я прикажу.

- Не повезу, Иона Георгиевич, - Вайкулевич предусмотрительно положил руку на кобуру пистолета. В ту же секунду Саракуца так ловко и сильно ударил подполковника по голове, что Вайкулевич пошатнулся и... оказался в машине. Его тут же обезоружили. Лейтенант бросился было в здание КДП, но Саракуца подставил ему ножку и уже лежащего проткнул ножом.

- Гони к самолету! - крикнул Петрунеску, вскакивая с Саракуцей в кабину.

"Пчелку" я увидел недалеко слева, когда выехал на рулежную дорожку. Она стояла расчехленная, видимо и в самом деле подготовленная к полету. Около неё ходил часовой. Мчавшийся прямо на него газик не обеспокоил солдата - тоже решил, что едет начальство.

Не успел я затормозить, как Руссу выпрыгнул из кабины и с ходу ударил часового прикладом автомата по голове. Тот, охнув, повалился на землю.

- Быстро в самолет! - приказал мне и Доницу Петрунеску, вытаскивая за шиворот Вайкулевича. - Помоги! - крикнул Саракуце. - Его тоже в самолет.

Но дверь "Пчелки" оказалась закрытой. Руссу ударил по замку прикладом, но дверь не подалась.

Я всегда восхищался прозорливостью и отменной реакцией Петрунеску. И на этот раз он догадался, где искать ключ: стал обшаривать карманы подполковника. И нашел. Кабина была открыта.

А на аэродроме уже подняли тревогу. Часовые подняли стрельбу, к самолету бежали люди.

- Прикройте! - приказал Руссу и Саракуце Петрунеску - у них были автоматы.

Вайкулевич все ещё был в шоке. Я с Доницем помогал боссу втаскивать командира в салон самолета. Петрунеску вдруг прыгнул вниз, к газику, и притащил оттуда свой драгоценный чемодан.

Внизу трещали автоматные очереди. Петрунеску ударил по лицу Вайкулевича, приставил пистолет к его виску.

- Или ты полетишь, или...

- Не надо, - остановил я босса. - Я полечу.

Вайкулевич открыл глаза. Глянул на меня. Сколько в его взгляде было презрения! И я ничего не мог ему объяснить...

- Присмотри за ним! - крикнул я Доницу.

Босс пошел за мной в кабину. А я в страхе думал о том, что если с самолета снят бортовой аккумулятор, нам не взлететь, и всем будет крышка: в такой неразберихе трудно разобрать, где свой, где чужой.

К счастью, аккумулятор оказался на месте. Я запустил один двигатель, второй. Крикнул боссу:

- Прикажите убрать из-под колес колодки!

Он кивнул и послушно пошел выполнять команду.

По кабине хлестнула автоматная очередь. Я видел, как Дониц повалил Вайкулевича на пол. Упал и Петрунеску, ползком двинулся к люку. На его призыв видимо никто не откликнулся, и он сам спустился вниз, убрал колодки. Как только он вновь появился в салоне, я дал газ. "Пчелка" рванулась с места.

Петрунеску прибежал ко мне.

- А Руссу и Саракуцу?

- Без их прикрытия нам не взлететь.

Он понимающе кивнул.

- Закройте люк, я приторможу.

Он оказался послушным и толковым "бортмехаником".

- Курс на запад, на Бухарест, - сказал он.

Я двинул рычаги управления двигателями вперед до упора, "Пчелка" стремительно стала набирать скорость. На востоке уже алела заря. Прекрасная, радующая глаз заря!

Когда аэродром и опасность остались позади, в кабину пришел Петрунеску, тоже возбужденный и радостный. За ним - Дониц. Я выглянул в салон и увидел сидящего в кресле со связанными руками Вайкулевича.

- Так ему будет спокойнее, - с усмешкой пояснил Петрунеску, перехватив мой взгляд. Вдруг глянул на компас и схватился за пистолет. - Ты почему курс на восток держишь?

Грамотный, и в штурманском деле разбирается!

- Тихо, Барон, - приставил ему к виску пистолет Дониц. - Курс туда, куда надо...

Через час я приземлил "Пчелку" в Одесском аэропорту.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)